Кронштадт - Таллин - Ленинград (Война на Балтике в июле 1941 -

Владимир Иванович Трифонов

SHOUT
SHARE
IT

- Трифонов Владимир Иванович

Трифонов Владимир Иванович Кронштадт - Таллин - Ленинград (Война на Балтике в июле 1941 - августе 1942 годов)

Трифонов Владимир Иванович
Кронштадт - Таллин - Ленинград
Война на Балтике в июле 1941 - августе 1942 гг.
(Из дневников сигнальщика с ледокола "Суур-Тылл")

Аннотация издательства: О первых месяцах 1941 г. войны на Балтике опубликованы десятки книг. Авторы их и адмиралы, командовавшие флотам, его соединениями, и офицеры, командовавшие кораблями или боевыми частями кораблей. Описание и анализ описываемых им событий, конечно, излагается на основе их теперешних должностей, званий и многолетнего служебного и жизненного опыта. Данная книга отличается от всех предыдущих тем, что написана бывшим краснофлотцем, который 16-летним мальчишкой за неделю до начала войны убежал из дома в Ленинград, где застала его война. Благодаря тому, что он учился в 9 классе Военно-морской специальной средней школы в г. Москве и носил форму, мало чем отличающуюся от краснофлотской, он прибился к группе отпускников-краснофлотцев и, прибавив себе 3 года и назвавшись сигнальщиком, был направлен сигнальщиком на ледокол с эстонской командой. Особенность книги - ее документальность, т.к. основа ее - дневниковые записи, которые автор вел с 5-6 класса и почти всю войну. Другая особенность - описание не масштабных событий, а будничной жизни, работы, службы, окружающих его товарищей-краснофлотцев, старшин и некоторых командиров в различных ситуациях, в которых попадал корабль со своим экипажем. Все виденное, совершенное или пережитое не лакируется, а излагается так, как оно случилось в то время, и приведенная оценка этих событий была дана автором 60 лег назад. Интерес представляет и то, что показана деятельность не боевого корабля, а ледокола, который сам по себе теперь является исторической ценностью и музейным экспонатом, а о его деятельности в первые месяцы войны очень мало известно. Несомненный интерес для историков, изучающих жизнь в блокадном Ленинграде, представляют скрупулезные описания блокадного питания матросов этого корабля, отнесенного к тыловым частям. Автор приводит не количество граммов

продуктов на человека в сутки, а какое количество пищи он получал с камбуза в натуральном виде количество столовых ложек первого и второго блюда, их качественное описание. Данная книга будет хорошим подарком к 60-летию начала Великой Отечественной войны как ветеранам, так и более молодым матросам и офицерам, интересующимся историей войны на Балтике.

Содержание

Знакомство с автором "Таллинского перехода"

Знакомство с "Суур-Тыллом". Первый переход 5 июля, суббота. Кронштадт, флотский экипаж

Мечты о море

ОСВОД - первый шаг к флоту

В 1-ой Военно-морской специальной средней школе

5 мая 1941 г.

Вот и война пришла

Кронштадт - Таллин - Ленинград

Осень 1941 года. В Ленинградском торговом порту

На Гогланд за ханковцами

Ледовые рейсы "Минокола"

Ремонт в блокадную зиму

Уничтожить флот в Ленинграде до вскрытия Невы

Летние хлопоты

Обеспечим выполнение приказа "Ни шагу назад!"

Эпилог

Знакомство с автором "Таллинского перехода"

Первым, по-моему, об этом переходе написал в 1958 г. Н. М. Михайловский в своей книге "Таллинский дневник". В последующие годы в ряде газет были опубликованы несколько его статей с описанием некоторых эпизодов из этого перехода. Будучи военным корреспондентом в Таллине, он участвовал в этом переходе, тонул и вообще хлебнул лиха. Но все же в те годы о всем трагизме Таллинского перехода было не принято писать. В книгах и мемуарах бывшего командующего Краснознаменным Балтийским Флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца, начальника штаба флота контр-адмирала Ю. А. Пантелеева и других офицеров участников перехода этот переход показывался как очень, очень тяжелый, но спасший флот и тысячи защитников Таллина. Истинные размеры потерь, их причины скупо показывались и анализировались.

В книге И. Л. Бунича "Таллинский переход", а также в его последующих двух книгах ("Агония" и "Катастрофа") с документальной точностью и правдивостью были показаны трагизм последних дней обороны Таллина, безуспешные попытки

командования Балтийского флота сохранить жизнь защитников Таллина и спасти флот, оказавшийся в Таллинской бухте, как в мышеловке, а также полная картина героически-трагического Таллинского перехода.

Книги были прочитаны, как говорится, на одном дыхании, благо больше месяца лежал в клинике и время для этого было. Но где-то в памяти постоянно возникали цветные картинки того, что я лично видел в те часы и минуты, которые описывал автор. И многие из этих "картинок" были настолько четкими, будто я их видел вчера, а не 55 лет назад.

Память также невольно отмечала некоторые неточности автора в изложении тех или иных событий, отсутствие некоторых интересных, на мой взгляд, эпизодов и даже редакционные и типографские ошибки. Гиперболизация некоторых эпизодов казалась ненужной для этой книги.

И возникло большое желание поблагодарить автора за эту книгу, за память о всех погибших, в большинстве оставшихся неизвестными, и за тех, кто остался в живых в этом переходе. Захотелось также передать автору свои замечания, пожелания, которые он мог бы учесть при переиздании книги. Написал письмо в С-Петербург в издательство НПП "Облик", в котором представился участником Таллинского перехода и просил сообщить - как установить контакт с И. Л. Буничем. Через несколько дней звонок на работу. Сотрудник издательства любезно сообщил телефон Бунича.

Через неделю я приехал в С-Петербург на встречу однокурсников по случаю 40-летия окончания Военно-морской Медицинский Академии. Звоню Игорю Львовичу Бунину, представляюсь: "Бывший сигнальщик и комендор с "Суур-Тылла", участник Таллинского перехода. Могу ли я с Вами встретиться?" "Добро" получено. На следующий день я в скромной двухкомнатной квартире у автора "Балтийской трагедии".

Усадив меня лицом к окну, он внимательно выслушал как мою "хвалебную" речь, так и замечания, предложения. Расспросил о моей службе на "Суур-Тылле" и обо всей последующей службе. Бегло просмотрев мои замечания и предложения, изложенные на 16 страницах, он достал один из толстых справочников по торговым флотам и, найдя нужную страницу, показал ее мне, сказав, что я не прав, указав, что ледокол "Волынец" в Финляндии был переименован в "Jaakarhu", а не в "Вяйнемяйнен". На представленном мною снимке из финского учебника географии, найденного мною в июне 1944 г. на освобожденном нами острове Бьерке, действительно изображен ледокол, очень похожий на "Волынец". Но это другой корабль такого же типа и он, после

войны с финнами в 1939-40 гг., был передан нам и плавал на северных морях, переименованный в "Литке".

Три часа пролетели незаметно. На мою просьбу-пожелание дополнить "Балтийскую трагедию" некоторыми фактами и эпизодами, свидетелем которых я был, рассказать о некоторых интересных людях, которых я знал, он неожиданно сказал мне: "А вот возьмите и напишите все это сами. О том, что сами видели, где участвовали в первые месяцы войны. Напишите о своем "Суур-Тылле", о котором я действительно мало написал. Может быть потому, что он уцелел в этом переходе. Напишите о своих товарищах по службе, о капитане, о командирах. Ведь вас, ветеранов, с каждым годом остается все меньше и меньше. И все, что вы видели-знали, уносите с собой".

Предложение было настолько неожиданным, что я долго не мог ничего определенного ответить и обещал подумать.

На прощание Игорь Львович подарил мне с дарственной надписью "Балтийскую трагедию", вышедшую в одном томе с несколько измененным названием: "Трагедия на Балтике. Август 1941 г." и несколько небольших книжек - воспоминаний балтийцев, которые должны были вдохновить меня на "творческий подвиг": "Повесть о "Сильном". (Б. Лебединский), "Морские дороги" (В. В. Правдюк), "Записки офицера флота". (А. Керенский). Но авторы этих книг в 1941 г. были молодыми моряками - командирами БЧ, старпомами, командирами кораблей. А я? К началу войны мне было только 16 лет и 5 месяцев. В какие планы командования я мог быть посвящен? Правда, с мостика корабля, где было мое рабочее место - боевой пост, видно было вокруг на многие мили. И все команды и решения командования судном слышал из первых уст.

Теперь, как только оставался один в дороге, в транспорте, в памяти невольно возникали картины далекого прошлого. Как в кино повторного фильма проплывали различные эпизоды, свидетелем или участником которых я был, возникали фигуры и лица командиров и товарищей - живых, хотя большинство из них уже ушли из жизни. Эти картины прошлого дороги и интересны мне. А будут ли они интересны еще кому-нибудь? Конечно, они могли всколыхнуть память тех, кто тоже был в то время где-то рядом, был в переходах в одном караване, служил в то же время на другом корабле, который стоял где-то рядом у стенки и т. д. Но много ли таких однополчан осталось в живых? Тем, кто прошел войну, уже под восемьдесят, а то и больше.

Но другой голос говорит, что у этих ветеранов, может быть, остались дети и внуки, которым, наверное, интересно и приятно будет увидеть в книжке фамилии своих отцов или дедов, узнать,

где они воевали, чему были свидетелями. Ведь нередко, когда дети и внуки почти ничего не знают о прошлых годах, в том числе и о военных, своих родителей и других "предков". А когда возникает интерес, бывает уже поздно.

В 70-80-х годах я неоднократно участвовал в дни празднования Дня Победы во встречах со школьниками в ряде школ Подмосковья, Калининградской области, с молодыми моряками и офицерами в г. Балтийске (бывшем Пиллау), и всегда оставалась неудовлетворенность этими "мероприятиями". Парадные речи, официальные встречи, а для душевных разговоров с ребятами времени обычно не оставалось...

Фамилии некоторых друзей и товарищей, сослуживцев удивительно крепко врезались в память и за 55 лет не стерлись. Но многие, увы, забылись. Обращаться в Центральный военно-морской архив хлопотно. Дадут ли списки личного состава? Сколько на это уйдет времени? Но ведь кое-что могут напомнить мои личные дневниковые записи тех лет. Не очень регулярные, часто очень краткие и неизвестно где находящиеся. Ведь уже после войны было десятка три переездов с места на место, из одного города в другой, с квартиры на квартиру. Только за 6 лет учебы в Ленинграде в Военно-морской медицинской Академии сменил 9 хозяев, у которых снимал комнату или угол.

Но вот тщательные "археологические раскопки" в своих более поздних архивных материалах дали неплохой результат: найдены 15 блокнотов и тетрадей. Некоторые с подробными дневниковыми записями с июня 1941 по 29 апреля 1945 г. 4 дневника - тетради с подробными записями отсутствовали (с 7.07 по 27.08.41 г., с 12.11.41 по 10.01.42 г., с 9.02 по 25.03.42 г. и с 21.04 по 7.07.42 г.). Может быть, в августе 42 г, когда большая часть команды была направлена в создаваемые заградительные батальоны, наш старшина батареи изъял некоторые дневники за 42 год, т.к. в них я несколько раз очень нелестно о нем там писал. А он дневники мои читал, и по его докладу старпому я был как-то арестован, а затем дважды доставлялся к следователю Особого отдела. Но там мне дневники вернули.

А может быть, часть дневников затерялась у тетки в блокадном Ленинграде, которой я в августе 42 г. отнес их, уходя с корабля.

Так или иначе, но теперь их уже не найдешь.

В моем военном билете начало военной службы указано с 5 июля 1941 г. Первые две недели войны, точнее с 25 июня, в мой послужной список не вошли, т.к. ничьими письменными приказами меня никуда не назначали, и до 29 июня были только устные приказания незнакомых мне командиров, коим я попадал

на глаза. И лишь с 30 июня, когда я с группой краснофлотцев с Либавы прибыл из Пскова в Ленинградский флотский полуэкипаж, меня впервые стали включать в списки прибывших и убывших, записывая со слов фамилию, имя, отчество, год рождения (к своему я прибавлял три года), специальность (назывался сигнальщиком), с какой части (указывал Военморспецшколу). Все со слов, не спрашивая даже документы. Да, похоже, их тогда почти ни у кого и не было.

В 1961 г., когда я вставал на учет в военкомате Мытищинского района Московской области, на вопрос полковника-военкома: "Каким военкоматом Вы были призваны?" я ответил: "Никаким, я ушел добровольцем на флот". На что выслушал четкое разъяснение-возражение: "У нас в стране на военную службу приходят, в том числе и добровольцы во время войны, только через военкоматы". "Ну, пишите Пушкинским", - сказал я.

Теперь, спустя 40 лет, могу покаяться перед этим полковником-военкомом, что сказал ему неправду. Пушкинский военкомат к моему появлению в рядах военно-морского флота не имел никакого отношения.

Память, конечно, не могла сохранить во всех деталях события первого официального дня моей морской военной службы, но в моем дневнике они, оказалось, изложены довольно подробно. Очень любопытно было самому прочитать записи 55-летней давности. И стало стыдно за себя - каким же нахальным самонадеянным мальчишкой показал я себя в первый же день! И удивительно, как это командир не списал меня сразу же обратно на берег?

Конечно, теперь можно было бы "причесать" записи, исправить ошибки, стиль. Ведь писал-то ученик 9 класса, и по русскому языку была не пятерка", это точно, но я решил оставить все дословно. Только маленькое пояснение: 5 июля начались для меня в Кронштадте, в Балтийском Флотском экипаже, в который меня с группой краснофлотцев доставили накануне из военного городка в Ораниенбауме. И еще деталь: после дневниковой записи за 2 июля приписка: "Много воды утекло. Сегодня 1 сентября, а я так и не докончил дневник. Постараюсь восстановить кое-что в памяти по кратким записям в блокнотиках". И далее следует на 13 страницах мелким, довольно разборчивым почерком, перьевой ручкой записи событий, виденных мною 3, 4, 5 и 6 июля. Начну с первого официально зафиксированного дня начала моей военно-морской службы с 5 июля. Сокращенные в дневнике названия кораблей, пунктов раскрыты в скобках.

Знакомство с "Суур-Тыллом". Первый переход 5 июля, суббота. Кронштадт, флотский экипаж.

"Как новоприбывших разбудили в 7 ч. Позавтракали и на комсомольское собрание в ленкомнату. Нас, комсомольцев и партийных, человек 30. Какой-то политрук у каждого осматривает, проверяет комсомольские и партийные документы. До меня еще не скоро. Я боюсь, что ему мой год рождения покажется подозрительным, но тот лишь немного удивился, но ничего не сказал.

Только кончил политрук просмотр документов, заходит посыльный и спрашивает разрешения вызвать двух человек.

- Радист, старшина 2 старший Кожин, есть? - Молчание.
- Сигнальщик, краснофлотец Трифонов, есть?
- Есть! - отвечаю.
- Владимир Иванович?
- Так точно!
- Идемте за мной!

Я спрашиваю у политрука разрешения выйти и выхожу. Спрашиваю у посыльного, куда это меня. Говорит, что не знает, велит взять вещи и обождать во дворе.

Выхожу во двор и сажусь на скамейку, а посыльный пошел искать радиста Кожина. Наконец нашел его и подвел ко мне. Невысокого роста, коренастый, с суровым лицом, светлыми короткими волосами, в запыленных ботинках и брюках, в измазанной суконке с двумя полосками на рукаве и без головного убора он сел рядом и начал спрашивать меня, с какого я года, специальность, где служил и по какому году.

Ответил, что с 23 г., сигнальщик, служу по второму, сам с Ладоги, а сюда попал из-под Риги.

"Тикали?" - спрашивает. "Нет, отвозили раненых в госпиталь".

Он сам уже "рубает" пятый год, служил на эсминце "Ленин", радистом. До 26-го июня держали Либаву, куда ушли с кораблей. "Ленин" был в ремонте, и его сами взорвали.

Пришел посыльный, сказан, что придет сейчас главстаршина и мы пойдем с ним.

- Куда?
- На какой-то ледокол, название какое-то чудное.
- На "Ермак"? - спросил я.
- Нет.

Подошел какой-то краснофлотец, товарищ Кожина, и, узнав, куда нас отправляют, сказал, что там нам будет неплохо. Он сам сигнальщик, но его никуда не отправляют.

Наконец вышел главный старшина, и мы пошли с ним. Вышли на улицу, солнце уже начало припекать. В рюкзаке нож

колет спину, и его неудобно нести. Из разговоров с главным старшиной узнал, что идем в порт на ледокол "Суртыл".

Вышли в большой парк. Сплошь клены, вековые липы. Здесь кругом тень. Это Петровский парк.

На пристани сказали, что ледокола в гавани нет, он на Восточном рейде. Сейчас пойдет в Ленинград буксир и может нас захватить по пути. Главный старшина отдал пакет с направлением и документами Кожину, проводил нас на буксир и ушел.

В 9 ч. буксир отошел и с полчаса вертелся в гавани около "Октябрины" (линкор "Октябрьская Революция"). Я "пожирал" глазами гавань. Кругом суда, о которых я лишь читал и видел на снимках. В середине гавани стоит флагман красавица "О. Р." ("Октябрьская Революция"). Перед самыми воротами на бочках стоит красавец "Марат". На баке черно от флотских брюк и суконок, но на полубаке никого - лишь часовой у гюйса.

Буксир идет вдоль стенки на Ост. Впереди на якоре какой-то порядочный корабль. Корпус и две толстые трубы черные, все надстройки желтые. Вспоминаю, что такая же окраска была у "Ермака", и решаю, что это тоже ледокол. Я не ошибся. Подошли к правому борту. Кожин быстро перелез на палубу, но мне с шинелью и рюкзаком не так-то легко, тем более, что его палуба слишком высока. Наконец влез. Прошли на другой борт - никого нет. Повернули в корму и увидели у спардека краснофлотца и девушку.

Поздоровались, спросили у краснофлотца: где командир. Ответил, что командир в городе. Просим провести к себе. Прошли по правому борту в нос, спустились по трапу вниз и по коридору снова в корму.

Коридор устлан плитками, которые кое-где звенят.

Зашли в кубрик. Он как раз в центре, по правому борту над котельным отделением, и потому там жарища. Кубрик большой: слева 4 койки и справа 6, из них 2 вдоль борта. Конечно, все двухъярусные. Посередине от борта стол и две банки, покрытые линолеумом. Слева в углу шкаф, под каждой койкой 2 рундука, в борту 3 иллюминатора, на подволоке одна лампочка, палуба цементная.

Вот и все оборудование кубрика. В нем расположились 3 краснофлотца: Кошель, Жентычко и Ломко. Расспросили их. Они на корабле с 30 июня. Пришли из "Т". (Таллина). Как комендантская команда. Комендантом на корабле капитан-лейтенант Линич. Прибыл за день до них. Взяли их в Т. флотском экипаже, привели в порт, дали прямо из ящиков по винтовке, 60 патрон и на корабль. Продуктов - сухим пайком на 3 дня: хлеб,

консервы, масло, сахар. Теперь уже почти все поели, а на довольствие с командой все не ставят, и продуктов не получает комендант. Команда же вся эстонская.

Обязанности комендантской команды: у стенки стоять у трапа и никого не впускать и не выпускать, а на рейде нести вахту на мостике и смотреть за "погодой".

В общем, служба еще та.

Часов в 12 поднялись все на мостик, ищем, где стоит крейсер "Максим Горький". Я вижу что-то похожее на его рубку и мачту, но он ли это - не знаю, т.к. никогда не видел его.

Кожин рассказывает о своих похождениях, я же больше слушаю. У ребят мнение таково, будто мы с Кожиным с одной "коробки".

Пошел знакомиться с верхней палубой, влез на спардек. Там 3 шлюпки. 2 больших спасательных белых. Надпись "Cuur Toll", по-русски "Суур Тылл" "Большой Тылл".

На мачты лазить не решился и снова поднялся на мостик.

Часов в 16 к борту подошел катер, он привез из города капитан-лейтенанта. Мы спустились ему навстречу. Кожин отдал ему пакет. Прочитав его, спросил сколько мне лет. Очевидно, ему не совсем понравилось, что мне 19, но Кожин поддержал меня, сказав, что я "старый сигнальщик". Капитан-лейтенант сказал, что теперь мы будем питаться с командой.

Поужинали в 20 ч. и стали готовиться сниматься с якоря. Капитан-лейтенант и мы, человек трое, поднялись на мостик. Капитан-лейтенант велел мне спросить разрешение у оперативного дежурного получить 50 т угля для следования в Т. Сердце у меня забилось сильнее. Первый раз такое важное поручение. Ведь очень давно не занимался по семафору, а тут надо писать в штаб базы. Однако я не растерялся и даже виду не подал, что забыл или не знаю. Беру в рулевой рубке пару паршивеньких флажков и влезаю на крышу будки левого крыла мостика. Даю вызов на "Марат", т.к. до самого штаба далеко и он меня не увидит. Капитан-лейтенант, видя, что я только махаю флажками, подсказывает, что бы я писал полностью имя "М", но чувствую, что вместо "М" пишу "Л". Мне никакого ответа. Поднялся на мостик капитан ледокола. Капитан-лейтенант, решает, что надо подойти поближе. Выбрали якорь и задним ходом подошли к "М" метров на 700 и застопорили машины. Я снова пишу. Наконец на "М" взвился сигнал: "Ясно вижу".

Я приступаю писать теперь сам, но "ясно вижу" несколько раз опускается до половины - "не понимаю!" Пишу снова и тот же ответ. Тогда я пишу от себя: "У нас нет сигнальщика, постарайтесь понять".

Смотрю, мне пишет один из сигнальщиков ответ: "Что вы пишете? Мы не можем разобрать". Не знаю, как это я сумел прочесть, и снова пишу объяснение на счет сигнальщика. Капитан-лейтенант, спрашивает, что мне ответили, а я ему говорю, что это мы между собой разговариваем!

Не знаю, чем бы все это кончилось, но тут подошел катер со штаба, и нам приказали перейти на Большой рейд и ждать выхода каравана. Мы должны идти непосредственно за БТЩ. Угля взять не разрешили, велели идти с тем запасом, что есть.

Мы развернулись и вышли мимо Кронштадта на Большой рейд и застопорили машины.

Итак, начало у меня неважное. Ну, если решил остаться на корабле, то нужно срочно все вспомнить и обучаться новому, а то спишут куда-нибудь. Капитан-лейтенант остался на мостике поджидать БТЩ, остался и я. Солнце уже зашло, и я пошел спустить флаг. Под спардеком сидели двое пожилых мужчин. Один маленький, худой, другой высокий и полный.

Первый, как оказалось потом, старпом, второй - стармех.

- Тэрэ! - обратился ко мне стармех.

- Что? - спросил я.

- Ну, здравствуйте, по-вашему, - повторил он.

- Здравствуйте!

- Вы что, сигналист?

- Да, сигнальщик.

- Ага, а то у нас не было сигнальщика.

Я пошел дальше, ругая себя, как мог забыть, что значит "тэрэ". Ведь это слово я запомнил первым делом по словарю. Просто растерялся.

Примерно около 22.30 мимо нас прошел на выход БТЩ и поморгал ратьером. Не поняв ничего, я все же сказал, что он передал: "Следовать за мной!" Мы дали ход. Быстро темнеет. Очевидно, сегодня новолуние. На мостике капитан-лейтенант, капитан, старпом, я, Жентычко с винтовкой и рулевой в будке. Меня немного клонит ко сну, но я решил притвориться здорово уставшим.

Впереди левее нас какой-то бурун идет параллельно нам, а по бортам видны силуэты катеров охраны "МО".

- Сигнальщик, что это за бурун? - спрашивает капитан-лейтенант.

- Наверно перископ подводной лодки, - отвечаю.

- Сам ты перископ. Это буй от трала!

Откуда же я мог это знать, если первый раз взял на себя такую большую обязанность, и ни где-нибудь, а на большом корабле, да еще в войну и первый раз выходя в большой поход.

БТЩ что-то часто пишет морзянкой ратьером, и капитан-лейтенант требует моего ответа. Я делаю вид, что читаю, не разбираю, даю в ответ какие-то знаки и наконец соображаю, что мы немного вылезли вправо от кильватерного следа БТЩ.

"Держать левее кильватера", - пишет БТЩ - докладываю я. Капитан приказывает держать левее. Через некоторое время снова мелькает красный ратьер: "...". Я не разберу, что это такое, но вижу, что головной берет лево руля, и я докладываю: "Головной повернул влево".

Наконец, чтобы от меня отвязались, делаю вид, что почти сплю и начинаю "клевать носом", и, когда меня Жентычко будит, я будто бы во сне бормочу: "Справа обходят, справа. Огонь по ним!". Это подействовало. Они решили, что я действительно недавно из боя, очень устал и мне надо дать отдохнуть.

На мостике беспрестанно находится старпом и 2-й штурман. Из наших капитан-лейтенант и 2-е ребят. Я улегся тут же на мостике на банку.

Так начался первый день моей военно - морской службы и первый переход на настоящем, да еще на таком экзотическом по назначению и по составу команды судне.

До сих пор не перестаю удивляться: почему наш комендант капитан-лейтенант Линич не списал меня в Таллине за явную непригодность к работе сигнальщиком? А, может быть, он и обращался в штаб базы, но ему отказали, т.к. моряков с кораблей требовала сухопутная оборона Таллина. Стало быть, Судьбе было угодно, чтобы именно 5 июля 1941 г. сбылась моя детская и юношеская мечта - я стал моряком-краснофлотцем. И, конечно, я был очень благодарен капитан-лейтенанту Линичу Владимиру Яковлевичу - душевному, справедливому командиру флота, моему первому командиру.

Мечты о море

Как и когда возникло желание стать военным моряком и появилась любовь к морю, которого в детстве я еще и не видел?

Вспоминаю, чем занимались соседние по нашей Школьной улице мальчишки моего возраста после уроков, в выходные дни и в каникулы?

В 4-5 классах - периодические стычки с ребятами другого конца улицы, главным образом на некотором расстоянии - обстрел друг друга из рогаток мелкими камнями. Иногда я с двумя - тремя товарищами, почти одногодками, Шуркой Пульниковым, Димкой Рождественским и Вовкой Финогеновым, оказывался в осаде на крыше нашего дома за дымовыми трубами, а "противник" обстреливал нас из рогаток или просто бросал в нас камни, куски кирпича, от которых железная крыша гремела и

стонала. Обычно выскакивала наша соседка по дому Тупицына Анна Игнатьевна, заслуженная учительница Звягинской школы. Наш "противник" немедленно снимал осаду дома, а мы быстро скатывались с крыши и скрывались у нас дома. До рукопашной дело доходило редко.

Позже мастерили "самопалы" из куска медной или латунной трубки с диаметром отверстия 5-8 мм, сплющивали и заворачивали один конец, пропиливали у загнутого конца небольшое запальное отверстие, укрепляли этот ствол проволокой к деревянной ручке - "пистолет" готов. В ствол обычно наскабливали серу со спичек, редко засыпали порох. Туго забивали бумажный пыж, затем засыпали дробь или 2-3 картечины по диаметру ствола и снова пыж. Над пропиленным отверстием укрепляли серную спичечную головку на обломке спички. Для выстрела по головке спички чиркали боком коробки с серой и грохот выстрела. Из некоторых "самопалов" картечь с 2-3 метров пробивала досчатое ограждение террасы - доски толщиной 12 мм. Конечно, эта пальба не нравилась жильцам нашего дома, и приходилось уходить в лес.

Однажды там у моего "самопала", очевидно, в результате очень тугого "запыживания", при выстреле разогнуло заднюю часть трубки - ствола, и часть не полностью сгоревшего порохового заряда ударила мне в лицо. Хорошо, что при выстреле глаза автоматически закрывались. Но часть порошинок впилась в кожу щек, носа, лба, причинив мелкие ожоги. Мать в то время занималась на курсах немецкого языка, а отцу сказал, что упал лицом в колючий кустарник.

В классе 6-ом, по моей просьбе, отец моего двоюродного брата Жени Зверева купил мне на Кузнецком мосту в магазине "Охотник" однозарядное ружье 16-го калибра с винтовочным затвором. Теперь мы двое-четверо уходили на речку или в лес и стреляли в какие-нибудь мишени не только дробью, но и свинцовыми пломбами, которые после выстрела издавали такой воющий звук, что людям, находившимся метрах в пятистах в стороне, казалось, что стреляли в них, и нам приходилось срочно удирать...

Но вот проснулся интерес к морю и флоту.

Стимулов для этого у мальчишек Москвы и ближнего Подмосковья было довольно много. Это, в первую очередь, кинофильмы о героизме русских моряков: "Восстание на броненосце "Потемкин", "Мы из Кронштадта", "Четвертый перископ" и др. Во-вторых, художественно-историческая литература на морскую тематику: "Морские рассказы" Станюковича, "Цусима", "Порт-Артур", "Севастопольская страда" и

др.

В-третьих, живые советские моряки-краснофлотцы, старшины и командиры, которые часто бывали проездом в отпусках в Москве или служили в системе Наркомата Военно-морского флота в Москве.

На меня еще оказал влияние мой двоюродный брат Женя, который был старше меня всего на полгода. У него еще в раннем детстве проявился интерес к рисованию. Лет пяти он нарисовал на куске картона масляными красками нечто похожее на парусно-моторное судно, и эта его первая картина несколько лет висела над кроватью его родителей в маленькой комнатке барака в Тихвинском переулке, пока барак в середине 30-х не снесли, и он с родителями переехал в полуподвальную комнату коммунальной квартиры в Скатертном переулке, 10. В классе седьмом он был принят в школу с художественном уклоном и рисовал уже вполне прилично для его возраста.

В 1941 г., когда он закончил 9-й класс, школу эвакуировали куда-то в Среднюю Азию, но он не закончил ее и ушел в марте 42 года добровольцем в армию. Окончил под Тулой минометно-пулеметные курсы и в должности командира минометно - пулеметного взвода направлен в конце 42 года на Южный фронт. В июле 1944 г. погиб под Яссами в Румынии. Командир его роты сообщил родителям, что пуля попала прямо в лоб.

Женя мечтал быть художником-пейзажистом, но часто рисовал различные парусные суда и боевые корабли, срисовывая их с различных справочников (помню справочник контр-адмирала Шведе "Флоты мира") и обсуждая потом со мной их ТТД и преимущества перед другими кораблями такого же класса других государств. Многие десятки его рисунков, выполнены акварелью, тушью и карандашом, хранятся у меня до сих пор. Корабли России, Германии, США, Англии, Японии разных классов и типов - торпедные катера, подводные лодки, сторожевые корабли, эсминцы, крейсеры, линкоры, броненосцы береговой обороны от начала XX века до 40-х годов - все это тоже было одним из стимулов, приведших меня на флот. Среди этих "эскадр" я обнаружил несколько и своих слабых рисунков - попытка подражать брату.

Но, в отличие от брата, у меня было еще одно увлечение, связанное с флотом, - строительство моделей кораблей от десятисантиметровых торпедных катеров до почти метровых линкоров типа "Марат", благо его снимки и рисунки широко публиковались в открытой печати.

Имея плохонькую ножовку, стамеску, хороший молоток и перочинный ножик, и доски, в качестве строительного материала,

хорошие модели, конечно, не сделаешь, поэтому они были примитивны, но держались на воде, а большие, у которых под днищем был винт, вращаемый раскручивающейся резиной, даже двигались в пруду. В низине, на окраине старинного села Звягино, что в 5 км не доезжая г. Пушкино, был круглый искусственный пруд метров 150 в диаметре, в котором мы с моим младшим товарищем Димкой Рождественским устраивали соревнования и парады своих моделей. У Димки отец был инженер, в доме был солидный набор инструментов, поэтому Димкины корабли выглядели более нарядными. Но он почему-то осенью их ломал и начинал строить новые. Мне же жалко было выбрасывать свои устаревшие "творения", и они подолгу обитали сначала где-нибудь в углу комнаты, затем перебирались в какую-нибудь подсобку, а потом куда-то исчезали. Но все же до сих пор на чердаке дачи пылится одна из моделей - линкор "Марат".

Летом 1939 г. младший брат моего отца, Трифонов Павел Иванович, мой дядя, которому было тогда около 35 лет, живший в Ленинграде и работавший инженером на заводе "Красный Выборжец", пригласил меня на недельку в гости. Я с радостью согласился.

Мне было уже 14 лет, и я без страха отправился числа 20 июля в Ленинград. Вся ручная кладь уместилась в маленьком фанерном чемоданчике в форме бочонка с приплюснутыми боками. Такой формы чемоданов я больше не встречал. Встретить меня было некому, но как найти - в письме дяди было четко расписано: справа от Московского вокзала на углу Лиговской улицы и площади Восстания трамвайная остановка. Трамвай № 19 в сторону Финляндского вокзала и по Кондратьевскому проспекту почти до конца. Там у площади, которую называли Пять углов (ныне площадь Калинина), жил мои дядя с женой. Оба работали.

Первые впечатления о Ленинграде я обнаружил в своем первом ребячьем дневнике, в котором изложены памятные для меня события за 1936-39 гг. Последние 5 страниц - о поездке в Ленинград. Вот они:

21 июля 1939 г. Четверг. Ленинград.

Подошел № 19, ехать долго. Ужасно бросает и в стороны, и вниз, и вверх. Дома прыгают, переулки, деревянная мостовая из шестигранных брусков, установленных вертикально. Таких в Москве не видел. Вот выехали на Литейный мост. Нева. Широкая быстрая река. Опять скачки, толчки. Народу уже много. Вот Финляндский вокзал, фигура Ленина на броневике, тюрьма, завод "Красный Выборжец", где работает дядя. Вот и кинотеатр "Гигант". Мне на следующей остановке выходить, но разве выйдешь.

Пришлось проехать на две остановки дальше.

Обратно иду пешком, редкие высокие, этажей в 4-6 дома новой постройки, между ними огороды, картофельные участки. Ищу дом № 51. Вижу № 86. Иду дальше. Прошел километр. Длинный этот Кондратьевский проспект, черт возьми. Вот дом из кирпича, обсаженный огромными тополями и ивами. Номер 51. Оглядываю его - откуда входить. Вдруг крик из окна "Володя!". Это тетя Маруся. Она выходит, и мы поднимаемся наверх. Они живут на 2-ом этаже в однокомнатной квартире. Есть балкон.

Весь день отдыхаю, изучаю план города, хотя он издания 33 года, но все же сойдет.

23 июля. Суббота. Ленинград

Днем после обеда проехали с тетей к мосту лейтенанта Шмидта.

Первый раз увидел боевой корабль. Против моста стоял красавец крейсер "Киров". Величавая картина. Серая броня башен и рубок грозно поблескивает на солнце, которое ярко сверкает сегодня. Хорошо бы завтра была такая погода. На траверзе "Кирова" стоят еще 2 корабля. Это красавцы лидеры: "Минск" и "Ленинград". Все три судна стоят почти против Высшего военно-морского Краснознаменного училища имени Фрунзе.

Пошли за мост, к Зимнему. Там подводные лодки: "М-80", "П-2", "Б-2", "L-55", "С-1". L-55" и"Б-2", (бывшая "Пантера") стоят на швартовах у набережной. На берег скинуты сходни, у которых стоят вахтенные. На лодках готовятся к празднику: натягивают иллюминацию, флаги.

Между мостами Равенства и Республиканским стоят четыре новых миноносца: "Сметливый", "Стремительный", Гордый", "Гневный". Весь корпус каждого выражает отвагу, смелость, быстроту в движении: нос срезан, рубка, мостик, трубы скошены назад и тщательно зализаны. До Литейного стоят два сторожевых корабля "Снег" и "Буран" и сторожевые противолодочные катера, их сносит течением, и они вынуждены курсировать.

Я вернулся к подлодкам.

За "L-55" на середине реки стоит ее бывший враг эсминец "Азард", ныне "Артем". Кажется, что он не больше "L-55" по длине.

Постепенно смеркается. Тетя уходит, и я остаюсь один. Зажигается иллюминация на судах. На "Кирове" бьют 6 прожекторов, с лидеров по два. Они красивыми голубоватыми полосами режут небо.

Народу масса. Я собираюсь домой. Уже 12-й час. Почти у дома меня встретил дядя и отругал.

Если бы ни эти дневниковые записи, я ни за что бы сейчас не вспомнил какие корабли были на Неве в 1939 г. Сейчас зрительно

не вспоминаю ни одного из перечисленных в дневнике кораблей, ни их праздничную иллюминацию, ни шести прожекторных лучей с "Кирова ".

Но я очень четко вижу в наступающих на залив сумерках силуэт идущего впереди нас БТЩ, светлый кильватерный след, тянущийся от его кормы, бурун от буя трала слева по носу нашего судна. Так же четко вижу силуэты финских торпедных катеров в белых усах бурунов, мчащихся на наш караван, и расширяющиеся белые дорожки тысяч пузырей от бегущих на нас торпед. Вижу момент взрыва на корме "Кирова" немецкого снаряда на Таллинском рейде, момент взрыва и быструю гибель эсминца "Яков Свердлов" в Таллинском переходе, холодные, слепящие глаза лучи немецких прожекторов с берега в районе Стрельны, каждую ночь ловящие нас на фарватере из Кронштадта в Ленинград и обратно. И много других ярких эпизодов и печальных картин. Они произошли всего два года спустя в июле-ноябре 1941 года. Но это 56 лет назад, а в Ленинграде я был 58 лет назад. На таком временном расстоянии разница очень незначительная.

Очевидно, виденные события в необычайной обстановке, стрессовой ситуации запоминаются и фиксируются зрительной памятью намного прочнее, чем произошедшие в повседневной жизни, пусть даже в праздничной обстановке.

Следующая запись в дневнике:

24 июля - День Военно-Морского Флота. Ленинград

У нас есть билеты на Неву. Иначе не пускают. Весь день и вечер я был на Неве. Видел парад. Проносились торпедные катера. Шли шлюпки с десантом, который высаживался у Петропавловки при поддержке артиллерийского огня с 4 миноносцев. Были шлюпочные гонки. Я успел переписать все суда и их данные.

Числа 30 поехали с дядей и тетей в Петергоф на небольшом пароходе "Кремль". Ехали мимо Балтийского завода. Какой-то флотец объяснял девушке. Ну и я слушал. Видел "Максим Горький" - крейсер типа "Киров", который достраивается. Старый линкор "Полтава" стоял у причала. Новые подлодки стояли на воде у причала, эсминцы, и где-то, но я не заметил, стоял строящийся линкор: Невелика штучка, ну и не заметил. До Петергофа плыли час сорок минут.

Петергоф очень понравился. В порту стояли десятки, штук 45 катеров МУ (Морское Училище), а курсанты с пристани удили рыбу.

Петергофские фонтаны меня поразили. Вообще все, что я тут видел, было впервые. Погуляв, мы пошли пешком до жел. дорож.

станции. Шли километров 5-6. Там ходят электрички. Приехали домой поздно.

Фраза в дневнике: "Я успел переписали, все суда и их данные" объясняла мне, спустя 58 лет, сделанные в моем маленьком довоенном блокнотике с адресами и телефонами родственников в Москве, непонятные зашписи чернильным карандашом: "С-1,1-105, 1-47, Щ-323, 2-47, М-80, 1-47, П-2 (Звезда). 2-105. 1-47, Б-2. 2-76, 1-47, 321 и 311. 2-47, 2 зен. пул. и 8 глуб. бомб" и т.д. Теперь ясно, что эти данные об арт. вооружении я записывал во время празднования первого Дня военно-морского флота на Неве. Правда, калибр орудий дан на глазок. Я тогда не знал, что калибров ни 105, ни 47 мм не было на наших кораблях.

Но откуда взялись подобные лее записи о вооружении кр. "Коминтерн", "Красный Кавказ", эсм. "Незаможник", "Сталин", которых не было на Балтике, я еще не знаю.

Интересно, что на алфавитных, страничках, где были записаны адреса и телефоны моих родственников, записаны фамилии, должности и звания военно морских руководителей того времени, например: "Гончаров Л. Г. - начальник кафедры Тактических свойств оружия артиллерийского факультета Военно-морской Академии военно-морского флота имени К. Е. Ворошилова. Флагман 1 ранга", "Дрозд В. П. - командующий Северным флотом. Флагман 2 ранга", "Захаров С. Е. - член Военного Совета Тихоокеанского флота. Дивизионный комиссар", "Кузнецов Н. Г. - Народный Комиссар военно-морского флота. Флагман флота 2 ранга", "Левченко Г. И. - заместитель Наркома военно-морского флота. Флагман 1 ранга" и т.д. По-видимому, эту информацию я списывал из газет или из каких-то публикаций, подписанных этими товарищами. На мое счастье, этого блокнота не было со мной в первые месяцы войны, иначе мне было бы трудно доказать и в Большом Сером Доме на Литейном в июле 41-го и в Особом отделе в Адмиралтействе весной 42-го, что я не шпион.

После поездки в Ленинград решение стать военным моряком-командиром стало окончательным. Но до окончания школы еще 2 года. И какие оценки будут в аттестате? Может быть, такие, что к училищу лучше и не подходить.

В зиму 1939-40 гг. меня, как и других мальчишек, волновали успехи наших войск на Карельском перешейке в войне с Финляндией. Кроме официальной информации в печати, хотелось знать мнения военных, хотя и не участвовавших непосредственно в тех боях, в надежде, что они имеют более широкую и объективную информацию из районов боевых действий.

Муж моей двоюродной сестры Леонид Григорьевич Шмелев

был преподавателям в Военно-инженерной академии. Его семья жила в новом 8-этажном ведомственном доме на углу Подколокольного переулка и Яузского бульвара в кв. 38. Из окон квартиры был виден большой двор - место бывшего Хитрово рынка. Когда я заставая Леонида дома, он с готовностью доставал карту Финляндии, рассказывал и показывал мне - где сейчас проходит линия фронта, какие населенные пункты нами взяты. Я чувствовал, что он рад видеть во мне внимательного слушателя, хотя и мальчишку, т.к. остальные взрослые члены семьи - жена и теща, таковыми не являлись.

Одно из его объяснений затянувшейся войны, которое тогда показалось мне любопытным, оказалось в записи моего дневника от 12.01.40 г:

"Финские укрепления из каучука и небольшие снаряды от них отскакивают, но когда наши стали бить из 14-дюймовых орудий, то финнам пришлось туго. Но беда в том, что у 14-дюймовых орудий быстро изнашиваются стволы. Приходится менять "лейнер" (так у меня записано) после 9 выстрелов". В скобках мое мнение об этом ("Я думаю, что это слишком мало, и не верю этому"), "а еще он думает, что с Финляндией покончат до весны".

Судьбе было угодно, чтобы через 4 года, в июне 1944 г. я тоже воевал на Карельском перешейке, своими глазами видел остатки укреплений бывшей, как считали западные специалисты, неприступной линии Маннергейма и участвовал в десантах на острова Бьёркского архипелага.

В 8 классе у нас уже определился более-менее круг близких по интересам и взаимным симпатиям мальчишек и девчонок. Поэтому в выходные дни в большей или меньшей компании выбирались в Москву или на каток в Парк культуры и отдыха им. Горького, или в кино, реже в театры. Причем билеты, оказывается, на 6-10 человек добывал я. Если в кассе такое количество не давали, шел к директору и получал разрешение.

Иногда одна из наших одноклассниц Валя Масленникова, которой я симпатизировал еще с 5 класса, собирала у себя дома небольшие вечеринки с участием 6-10 одноклассников с чаем, ребячьими играми и танцами. Чаще всего там бывали Ира Друндина, Ира Осипова, Женя Преображенская, Стелла Бубнова, Тамара Падерина, Рита Школина, староста класса Люба Клейнер, Юра Зубрицкий (Баранцев), Коля Калгушкин, Андрей Айдаров, Миша Вестицкий, Юра Трутнев, Шура Калачев, Леня Поливанов и другие.

Спустя лет 30 после окончания войны, когда нам всем было уже за 50, оставшиеся к тому времени в живых решили встречаться ежегодно в первую субботу февраля у кого - нибудь

на Клязьме. И вот уже более 25 лет мы встречаемся в эту дату, чаще у Риты Школиной. Постепенно к группе из нашего класса присоединились бывшие ученики из двух других параллельных классов, окончивших школу в 1942 году. Старшая нашей группы, которой мы единодушно избрали бывшую старосту нашего класса Любу Клейнер, объявляет, сколько человек собралось на этот раз, и оглашает их фамилии. Обычно собираются 20-30 человек. Хозяйка дома зажигает в металлической чаше спирт, символ вечного огня, и мы поминаем наших погибших и ушедших из жизни товарищей.

Когда морозы спадали, вечерами собирались на окраине поселка, на так называемой Пушкинской горке, где гурьбой катались на лыжах нередко внизу в овраге валились в кучу-малу.

Спустя 25 лет с этой горки я катался уже со своими детьми - сыном и дочкой. А вот с внучкой уже не успел. Горку разрыли экскаваторы, добывая песок для строек, часть склона заняли теплицы совхоза "Лесные поляны", а часть - коттеджи "новых русских".

Однажды мой близкий друг Андрей Айдаров пригласил меня вечером домой к другой нашей однокласснице Жене Преображенской, которая лет через 6-7 стала его женой, таинственно предупредив меня, чтобы я никому не рассказывал об увиденном у нее. Кроме нас троих были еще две девочки, но кто - не вспомню до сих пор. В небольшой комнате все сели вокруг круглого стола, в центре которого лежало вверх дном блюдце. Погасили свет. Полная темнота. Все положили кончики пальцев на край блюдца. В полной тишине Андрей шепотом пытался острить, но на него зашикали, и он притих. Описание этого единственного в моей жизни спиритического сеанса в мой дневник не попало, поэтому большинство деталей его проведения в памяти не сохранилось. Помню, что вызывали духов каких-то святых или императоров, задавали им какие-то вопросы, получали какие-то ответы. Но два вопроса и ответа запомнил на всю жизнь.

Андрей спросил: сколько он будет жить. И получив ответ - 60, воскликнул: "Вот здорово"! Я не нашел ничего более умного и задал такой же вопрос. Ответ - 86 лет. "И куда тебе столько!" - среагировал Андрей. Как приходил и доходил до нас ответ - совершенно не помню. Блюдце под пальцами двигалось. Само или его крутил Андрей - не знаю.

Сбудутся ли все предсказания для участников этого сеанса - не знаю. Я, пройдя всю войну в действующих частях, еще жив, а Андрей, не попав на фронт, окончил два военно-морских училища, в звании капитана 3 ранга в 1974 году уволен в запас,

жил с семьей в Клайпеде, служил в торговом флоте, а в 1984 г. (в 60 лет!) его на улице сшиб пьяный водитель грузовика. Насмерть.

Но это потом, а пока мы учимся, влюбляемся, отдыхаем.

Как-то посетили выставку в Доме Советской Армии, где было несколько моделей кораблей, в том числе крейсер "Память Азова", броненосец "Потемкин". Там же была выставка трофейного оружия из Польши, с Халкин-Гола. В эту зиму я купил в магазине "Военная книга", что на Арбате, несколько исторических книг о войне на море: "Речные военные флотилии", "Операции Владивостокских крейсеров в войне 1904-05 гг.", "Потери торгового флота в войне 1914-18 гг.", "Германские подводные лодки в войне 1914-18 гг.", "Линейные корабли в бою в 1914-18 гг.". Конечно, такие книги расширяли мои познания в военно-морском деле.

ОСВОД - первый шаг к флоту

Однажды, в начале января 1940 г., когда я учился в 8 классе в Клязьминской средней школе, нашему классу был представлен подтянутый мужчина лет 25-27 в черной флотской шинели и в черной флотской фуражке с гербом торгового флота. Он оказался представителем организации ОСВОД в Пушкинском районе. Его рассказ о работе ОСВОДа в масштабе страны и задачи ОСВОДа в нашем районе закончился призывом, в основном к ребятам, вступать в эту организацию.

Его сообщение о предстоящей летом работе заинтересовало многих из нас. Хотя по окраине села Чвягино и поселка Клязьма протекает речка Клязьма, в которой мы купались с мая по сентябрь, но она была неширокой - от 10 до 20 м, и только местами глубже 2 метров. Поэтому несчастные случаи на этой реке в наших местах были крайне редкие.

А по соседству со Звягиным и Клязьмой, рядом с одноименным поселком и железнодорожной станцией Мамонтовская протекает речка Уча, которая и пошире, и поглубже, чем Клязьма, и вода в ней холодная. А главное - рядом с железнодорожной станцией на берегу Учи была сооружена большая лодочная станция, лодок на 50-70. В купальный сезон на р. Учу приезжали не только из соседних городков Пушкино и Мытищи, но и из Москвы. По берегам реки были небольшие чистые луга, где молодежь гоняла мяч, играла в волейбол, и купаться можно было практически в любом месте на 2-3 км выше и ниже по течению. Бывало, что молодежь на лодках затевала абордажные бои, лодки переворачивались, или кто-нибудь валился за борт. Бывали несчастные случаи в связи с распитием спиртных напитков и купанием в нетрезвом виде.

Так вот, для наведения порядка на этом участке реки, для

охраны здоровья и жизни отдыхающих на воде, метрах в 200 от лодочной станции, выше ее по течению, был построен маленький досчатый домик. Рядом с ним сооружена металлическая вышка высотой метров 10 с огороженной площадкой наверху. На берегу рядом с домиком была маленькая пристань, около которой стояли 8-10 спасательных лодок (шлюпок).

У этих лодок нос и корма не различались - были одинаково заострены, чтобы, в случае необходимости, срочно плыть в противоположную сторону, не разворачивать лодку, а просто гребцу пересесть лицом в другую сторону на противоположную банку и, не вынимая весел из уключин, перевернуть лопасти. Назывались эти шлюпки "флит".

В случае нашего согласия вступить в ОСВОД нам предстояло все лето проработать на спасательной станции, на реке Уче в качестве спасателей, а для этого необходимо будет до купального сезона пройти определенную теоретическую и практическую подготовку. Занятия в феврале -апреле проходили в нашей же школе после уроков по 2-3 раза в неделю. Изучали способы спасения утопающих: захваты, освобождение от захватов потерпевших, буксировка к берегу, способы удаления воды из легких спасенного, способы искусственного дыхания и пр.

Учили азбуку ручного флажного семафора, как этим семафором писать (передавать) текст, как читать передаваемый текст. Учили и азбуку Морзе, и передачу текстов ключом, прием на слух и световыми сигналами. Изучали основы легководолазного дела: устройство легководолазного снаряжения, правила спуска под воду и поиск в воде утонувших.

Занималось нас человек 20, в основном из 8 и 9-х классов, большинство с большой охотой и удовольствием. Из нашего 8-го особенно активны были Юра Баранцев, которого мы избрали начальником нашей осводовской школы, Иван Петров, Андрей Айдаров, Вася Куклин, Шура Калачев. Некоторые полученные знания сразу стали использовать в школьной жизни: записки в классе друг другу (к досаде девчонок) стали писать или с применением азбуки Морзе или вместо букв - знаками флажного семафора. Кроме занятий в школе и в ОСВОДе, у меня было много обязанностей по дому. Так как мой отец был инвалидом 1 группы, то тяжелую физическую работу он выполнять не мог, но, хорошо зная немецкий и французский языки, помогал матери, которая преподавала немецкий в нашей Клязьминской школе и по совместительству в школе на станции Строитель, т.к. жили мы, впятером, фактически только на ее зарплату.

В мои обязанности входило пилить и колоть дрова, ходить за водой на незамерзающий родник у моста через речку-ручей

Метелка, метрах в трехстах от дома, ездить за керосином и продуктами в Москву. О подробностях жизни тех лет в памяти мало осталось, но найденный недавно мой дневник свидетельствует, что зима 1939-40 годов была очень суровой. Морозы стояли серьезные - ниже 40 градусов. Я по несколько раз отмораживал уши и нос, пока добегал к Андрею Айдарову, жившему на Центральной улице всего в полукилометре от меня. Мы с ним по очереди помогали друг другу пилить дрова. А дрова дома кончались, вода в комнатах замерзала, окна и углы в доме изнутри покрывались толстым слоем инея. Заниматься вечерами приходилось в пальто и в перчатках. За дровами приходилось неоднократно с утра, до школы ехать на лыжах в лес к леснику и договариваться, когда лесорубы напилят деревьев на дрова, чтобы потом вывезти.

Дневник напоминает, что в Москве керосин (для примусов и для ламп при выключении электрического освещения) продавали только по 2 литра в одни руки, и приходилось или по несколько раз вставать в очередь, или ехать в другую керосиновую лавку. За продуктами тоже надо было выстоять большие очереди. А жизнь в школе шла своим чередом. 5 марта 1940 г. я, Андрей Айдаров и Шура Калачев на комсомольском собрании класса были приняты в комсомол. Большинство одноклассников старше нас на год и уже в комсомоле. 15 мая к 10 утра нас вызвали в Пушкинский райком комсомола, который находился слева от железнодорожных путей перед станцией. Ждали до 8 вечера решения по своим заявлениям. 5-минутная беседа разочаровала своей формальностью вопросы только об учебе, отметках и дисциплине. И ради этого ждали 10 часов! 17 мая получили комсомольские билеты. Номер моего билета 11754376.

Когда сошел снег и вскрылась река Уча, занятия стали проходить у спасательной станции. Учились правильно грести и управлять шлюпкой, писать и читать флажным семафором на расстоянии, учебные погружения в легководолазном костюме под воду и т.д. К купальному сезону мы, в основном, были подготовлены к предстоящей работе.

На берегах реки на расстоянии метров 500 друг от друга были установлены металлические вышки, на верхних площадках которых дежурили сигнальщики с биноклями. Они следили за своими участками реки, и в случае какого-нибудь ЧП (кто-то тонул, опрокидывалась прогулочная лодка, возникал конфликт между экипажами лодок и пр.) на небольшом флагштоке поднимался флаг - сигнал тревоги, чтобы обратить внимание сигнальщика около спасательной станции и ближайшей спасательной шлюпки. Как только сигнальщик видел, что его

сигнал замечен, он семафором кратко сообщал, что и где случилось, куда следовало гнать дежурную шлюпку или направлять дежурный спасательный катер с водолазом.

Дежурные шлюпки-флиты с двумя спасателями, один на веслах, второй наблюдал за рекой и береговыми сигнальщиками, дежурили в две смены - с 9 до 14 и с 14 до 19 часов на отведенных участках реки. Наблюдали за купающимися, за соблюдением правил движения прогулочных лодок - держаться правой стороны, расходиться со встречными лодками левыми бортами. При необходимости подсказывали и показывали, как правильно держать весла, как правильно ими грести.

В штате спасательной станции было человек 7: начальник, его заместитель, обычно дежуривший на станции, два сигнальщика, моторист, водолаз, два спасателя на шлюпках. Конечно, на 5-6 км извилистой реки этого было явно недостаточно. Поэтому даже в будни им была нужна наша помощь, и мы по графику человек по 6-7 дежурили в будни. Ну а в выходные дни выходили все, кто мог, захватывая из дома что-нибудь съестное и бутылку лимонада.

Однажды в августе руководство спасательной станции организовало однодневный шлюпочный поход вниз по реке на 5 или 6 шлюпках, по 4 человека в шлюпке. Вниз по реке идти было, конечно, легко и весело. Правда, местах в 3-х реку перегораживали небольшие плотины, и приходилось вытаскивать шлюпки на берег, тащить их волоком метров 100-150 и снова спускать на воду. Прошли мимо г. Ивантеевки, каких-то дачных поселков, но до места впадения реки Учи в Клязьму немного не дошли. В конце маршрута развели на берегу костер, вскипятили воду для чая, перекусили, передохнули, искупались и в обратный путь. Против течения на веслах каждому пришлось поработать часа по два. На свою базу вернулись часам к 20, крепко уставшими, но довольными.

Лето, проведенное на спасательной станции ОСВОДа, общение с бывшими военными моряками - нашими учителями некоторых азов морского дела, укрепили мое желание поступить после окончания школы в Военно-морское училище им. Фрунзе.

В начале лета произошло еще одно важное в моей жизни событие. В нашем поселке был небольшой деревянный кинотеатр, находившийся всего метрах в 150 от железнодорожной платформы. В наш кинотеатр приходили и приезжали взрослые и ребята со всех ближайших сел и поселков: Звягино, Мамонтовка, Листвяны, Кудринка, Тарасовка, Любимовка и др. Ежедневно шло не менее 4 сеансов. После войны кинотеатр значительно расширили и удлинили кинозал. К кинотеатру примыкал

большой зеленый сад, где можно было и посидеть и погулять до начала сеанса. И ребята, и взрослые любили этот уголок культуры. Но в начале 60-х, после того как на станции Пушкино рухнул пролет пешеходного моста над железнодорожными путями, наш кинотеатр разобрали - вдруг тоже рухнет. Деньги, которые были выделены на строительство нового кинотеатра, районные власти использовали на строительство в Пушкино громадного кинотеатра с несколькими кинозалами - гигантомания проникала и в районные центры. Фактически жители перечисленных выше поселков были лишены кино. Но это случилось много позже, а тогда, в конце мая 1940 г. в нашем Клязьминском кинотеатре мы увидели фильм "Юность командиров" - о жизни и учебе ребят в военно-артиллерийских спецшколах, пять из которых в 1939 г. было открыто в Москве.

Было принято решение: чем ждать еще два года до окончания школы, лучше поступить в артиллерийскую спецшколу и после ее окончания поступать в училище береговой бороны - это все же рядом с морем. А там можно будет как-нибудь и на корабль перевестись артиллеристом.

Ближайшей к Северному (Ярославскому) вокзалу оказалась 3-я артиллерийская спецшкола. Она находилась около Курского вокзала в Яковлевском переулке, 8. Других ребят из нашего класса переход в спецшколу почему-то не заинтересовал. А я 28 мая подал заявление о приеме в эту школу. 11 июня прошел медкомиссию (рост был всего, оказывается, 161 см, но вес 65 кг. Значит, за последующие два-три года, я вытянулся на 15 см.). На комиссии, где рассматривались мои документы: свидетельство об окончании 8 класса, характеристику из школы, результаты медкомиссии, - выяснилось, что принять меня могут только снова в 8 класс, т.к. годовые оценки были неважные: 2 "посредственно" (по анатомии и немецкому языку - родная мамочка не щадила), 5 "хорошо" и 6 "отлично". Я дал согласие и получил такую справку:

3-я Спецшкола г. Москвы

Яковлевский пер. 8, тел К - 7-66-63

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее тов. Трифонову В. И. в том, что он зачислен в 3-ю Специальную артиллерийскую школу. 28-го августа к 10 часам утра должен явиться в школу.

Директор школы

Итак, два с половиной месяца я свободен!

Продолжал дежурить на шлюпке на р. Уче, получил зачеты по занятиям "буксировка", "ныряние в глубину", сдал нормы на водолаза-спасателя, на значок "моряк". В день ОСВОДа участвовал в заплыве по реке Уче на 500 м. После всех этих успехов купил

себе "мичманку" за 30 рублей и за 5 руб. "краб" к ней. На какую-то курточку нашил медные пуговицы с якорями - чем не морская форма!

Занятия и работа в ОСВОДе требовали много времени, но приносили большое моральное удовлетворение и новыми знаниями, полезными в жизни навыками и общественно-полезной деятельностью.

В дневнике тех лет я с удивлением нашел запись, в которой сам себе признавался, что звание "осводовца" обязывало нас быть дисциплинированнее, воздерживаться от глупых ребячьих поступков и что, я сам за собой стал замечать, стал более по взрослому относиться к жизни, к выполнению своих обязанностей по дому, на учебе и работе в ОСВОДе. К сожалению, жизнь показала, что глупых ребячьих поступков у меня было еще не мало.

С теплотой вспоминаю нашего инструктора-учителя, начальника спасательного поста Максима Петровича, который очень душевно, но без панибратства относился к нам и передавал свой богатый опыт морской службы. Много интересного и полезного из работы водолазов рассказывал нам во время занятий водолаз-инструктор Федоров С. С.

В начале июля я уговорил Андрея Айдарова тоже поступить в артиллерийскую спецшколу с последующим поступлением в Севастопольское училище береговой обороны, а оттуда - на корабли.

Пошли в "мою" 3-ю спецшколу, но там прием заявлений уже закончен. В 5-й и 4-й отказали, узнав, что у Андрея есть посредственные оценки. Во 2-й спецшколе, которая находилась в то время на Кропоткинской улице 12, Андрей представился семиклассником без посредственных оценок. Разрешили принести справку об окончании 7 класса и характеристику. Справку за 7 класс нам "сделали" - выдали пустой подписанный бланк с печатью, и мы сами внесли в нее оценки, соблюдая чувство меры, но главное без "посредственно". В середине июля Андрея приняли во 2-ю артиллерийскую спецшколу в 8-й класс.

В 1-ой Военно-морской специальной средней школе

27 июля 1940 г., когда я вернулся домой с дежурства на реке Уче, отец сказал, что слушал по радио (у нас был маленький детекторный приемник) выступление Наркома военно-морского флота Кузнецова, который сказал об открывающихся в ряде городов, в том числе и в Москве, военно-морских спецшколах. Более подробно ничего сказано не было.

А на следующий день, 28 июля - День Военно-морского Флота.

Начальник районного отделения ОСВОДа т. Антипов дал нам с Андреем Айдаровым, как самым активным членам ОСВОДа, два билета в Зеленый театр Парка Культуры и Отдыха им. Горького, где в этот день было праздничное гуляние. Подходили мы к нескольким морским командирам, спрашивали их о военно-морской спецшколе, но никто не имел о ней понятия. Пошли в Наркомат ВМФ, что на Гоголевском бульваре. На проходной нам посоветовали прийти завтра, в рабочий день. Пришли 29-го, обратились в бюро пропусков. Но там тоже никто ничего не мог сказать по этому вопросу, и посоветовали ждать сообщений в газетах.

День за днем внимательно просматривали получаемые центральные газеты. И вот, в середине августа, в одной из газет появилась долгожданная статья под заголовком:

"Военно-морская школа".

"К началу предстоящего учебного года в Москве будет организована специальная военно-морская школа. Открыт прием заявлений от учеников старших классов, желающих поступить в эту школу. Уже поступило около 700 заявлений. В три класса военно-морской школы - 8-й, 9-й и 10-й будет принято 500 отличников учебы. В ближайшее время начнет работать медицинская отборочная комиссия. Для учащихся вводится особая форма. Летние месяцы они будут проводить в лагерях и на кораблях".

В тот же день мы с Андреем помчались в Москву в Наркомат ВМФ. В комендатуре наркомата нам сказали, что по этому вопросу нам следует обратиться в Наркомпрос к т. Палехину, ведовавшему всеми спецшколами, и дали нам телефон его секретаря. По телефону мы узнали, что прием заявлений в военно-морскую спецюколу происходит в здании 2-й артиллерийской спецшколы, в которую месяц назад поступил Андрей. Если бы мы знали, что в ней уже давно идет прием в Военно-морскую спецшколу! Секретарь, узнав, что мы уже поступили в артиллерийские спецшколы, сообщила нам, что из артспецшкол в военморспецшколу не принимают. Мы, естественно, начали возмущаться, и секретарь предложила нам самим прийти к т. Палехину в Мосгороно.

Три дня мы не могли к нему попасть. Приходили утром и ждали, пока не уходили все сотрудники. На четвертый день, видя нашу настойчивость, секретарь пустила нас к нему. Разговор был не более минуты. Нам было отказано. Вернее, рекомендовано подождать до 25 августа, и, если будут места, то... и т.д. и т. п. Короче - отказ, т.к. заявлений каждый день подают около сотни, и уже подано свыше 6000 заявлений.

Мы решили действовать самостоятельно. Я пересдал в своей школе немецкий язык и анатомию и получил справку за 8-й класс без посредственных оценок. Андрей сумел вымолить свидетельство об окончании 7-го класса у директора 2-й артспецшколы ввиду "отъезда" в другой город. Мне же, в моей артспецшколе, документы не вернули. Заявления о приеме в военно-морскую спецшколу подали не говоря ни слова об артспецшколах. Андрея направили на медкомиссию на 23 августа, меня - на 26-е. Я был при его осмотре, он - при моем. Невропатологу, при проверке рефлексов на моих ногах, что-то не понравился рефлекс на моих коленках, и он в карточке написал мне: "Годен"? Этот знак вопроса был мне совершенно ни к чему, и я старательно затер его пальцем. Пронесло!

28 августа 1940 года мы с Андреем были зачислены учащимися 1-й военно-морской специальной средней школы. Я - в 9-й класс, Андрей - в 8-й. Из нашей школы там оказался Юра Кабановский, учившийся в параллельном 8-м классе, который собирался поступать в авиационную спецшколу.

Военморспецшкола находилась на Верхней Красносельской улице, дом № 7а, в четырехэтажном здании бывшей 655 школы. С проезжей части улицы школа была не видна, т.к. была расположена метрах в ста от нее за каким-то старым особняком, да еще метров на пять ниже уровня проезжей части улицы. Перед школой была ровная земляная площадка во всю длину здания и шириной метров сорок. В правом углу площадки была широкая каменная лестница, от которой дорожка мимо особняка выходила на Верхнюю Красносельскую. Слева от главного входа, вдоль стены стояло 102-мм орудие, ствол которого под углом градусов 30-40 был направлен влево. А справа от входа на подставках лежала торпеда и стояли морские мины.

От Северного вокзала до школы можно было дойти пешком за 20 минут, что было очень удобно для нас. От вокзала по Краснопрудной до метро Красносельская минут за восемь, и налево по Верхней Красносельской до школы минут за двенадцать. А еще короче был путь, если из последнего вагона электрички пройти направо через железнодорожные пути, мимо привокзальных складов и зданий, дворами жилых домов, то можно было выйти на В. Красносельскую почти к школе.

Весной 1999 г. я оказался около метро Красносельская. Потянуло посмотреть: как там бывшая наша школа? Нашел ее без особого труда. Немного смутил старый особняк своим отреставрированным видом и свежей зеленоватой покраской. 59 лет назад мы на него и внимания не обращали. Подход к широкой каменной лестнице, по которой мы спускались на площадку

перед школой, был закрыт забором. А спуститься на площадку можно было с другой стороны. На самой площадке высятся штук 15 уже взрослых берез и тополей.

У главного входа вывеска: "Детско-юношеская спортивная школа № 27 "Сокол" Центрального округа г. Москвы". А на левой половине здания, на небольшой белой мраморной доске памятная надпись: "В этом здании в 1940 г. была основана 1-ая военно-морская специальная средняя школа г. Москвы". Приятно видеть такой мемориальный знак. С противоположной стороны здания у правого угла небольшой вход с вывеской: "Детская музыкальная школа". К сожалению, главный вход в школу был закрыт.

31 августа нас построили по ранжиру в просторном дворе перед зданием школы и разбили по ротам и взводам: 1-я рота - 10-й класс, 2-я - 9-й, 3-я 8 класс. В каждой роте по 5-6 взводов. Взводы комплектовали с учетом роста учеников и изучаемого ими иностранного языка. Я попал во 2-й взвод 2-й роты. Помощником командира взвода назначили одного из нас - Киселева Николая, командиром нашего отделения - Эмика. После этого нас 2,5 часа муштровали: ходьба на месте, повороты направо, налево, кругом. 1 сентября мы должны были прийти к 8 часам на открытие школы.

Директора школы совсем не помню. По-видимому, никакого общения с ним не было. Зато каждый день видели и часто общались с военно-морским руководителем старшим лейтенантом Эндзелином - довольно молодым, худощавым, белокурым, редко улыбающимся латышом. Не помню, чтобы он повышал на кого нибудь из разгильдяев голос. Был требователен, но справедлив. Иногда мы встречали его на улице на подходе к школе и, пройдя мимо него строевым шагом и отдав честь, знали, что он смотрит нам вслед. Командирами рот были бывшие командиры флота, они носили военную форму, но без знаков различия. Ежедневно один из командиров рот дежурил по школе и по утрам встречал нас перед входом в школу, зорко оглядывая нашу выправку, и, в случае нечетко отданной чести, приходилось повторно, иногда и не раз, проходить мимо него. Командиром нашей роты был Меньшиков, 1-й роты - Похвалла.

Нашим политвоспитанием занимался старший политрук Дубровский, лекции и политзанятия которого нам очень нравились. Очень запомнился пожилой боцман Цисевич, который учил нас такелажным и другим боцманским премудростям, относясь к нам по-отцовски внимательно и требовательно, как во время занятий, так и при приемке выполненной работы-наряда, назначенной кому-либо в наказание за какую-либо провинность.

Первые дни учебы в спецшколе в моем дневнике

представлены так: "Наша рота учится на третьем этаже, 1-я - на четвертом, 3-я - на втором. Внизу расположен физзал, буфет, канцелярия, кают-компания, библиотека, баталерская, командирская раздевалка, кабинеты военрука, политрука, директора, физрука и т.д. В нашей роте около 160 человек, в нашем взводе 31 человек, в отделении - 15.

В школу приходим к 8.30. До 9.00 проверка, очень тщательный осмотр дежурным по взводу: смотрят руки, носовые платки, обувь, брюки, пуговицы и пр., затем - зарядка. Конечно, всех остригли... В 9 ч. занятия до 14.50. Из дома приходится выезжать на поезде 7.29.

В школе иногда делал лекции политрук, очень хорошие (я вообще очень редко отзывался хорошо о лекциях в школе), но лекции во взводе - дрянь. Узнали, что у нас вводятся танцы - интересно. Все с нетерпением ждут формы, больше всего беспокоятся за бескозырки: ленточки или "бантики"? В неделю у нас 2 урока военного дела. На них мы учимся "ходить". Постепенно это надоедает.

Жизнь в школе становилась все напряженней: с середины сентября ежедневно после уроков часа по два усиленно занимались строевой подготовкой, обычно рядом, в Сокольниках, готовились к участию в параде на Красной площади. Поэтому из Москвы я уезжал часов в 18 и домой добирался к 19.30. После ужина и выполнения своих домашних обязанностей брался за выполнение домашних заданий. Обычно ложился в 12 ночи, не всегда успевая выполнить все задания и выучить все уроки. А вставать надо в 6 утра.

Ежедневно делать записи в дневнике, очевидно, не было возможности, поэтому далее итоговые записи основных событий за месяц:

Октябрь 1940 г.

Вот уже месяц, а о форме ни слуху. Усиленно занимаемся строевой подготовкой к параду. Образована парадная рота в количестве 200 человек, которая каждый день ходит после уроков на стороевую в Сокольники. Выдали часть формы: ботинки кожаные, парадная суконка, фланелевая, две форменки, две тельняшки, брюки и парусиновый ремень. Числа 25-го выдали бескозырки (с бантиком!!!), шинели (без галстуков), ремни. 26-го пришли в форме. Форма ничего - обыкновенная краснофлотская, только звезды с рукавов спороты и "бантики"!!!. На ленточке надпись: "Воен.мор. спецшкола".

Вначале строевая подготовка была интересной, особенно когда выдали форму и по дороге в Сокольники ловили на себе восторженные взгляды девчат и завистливые - ребят в штатском.

Но к концу октября некоторые наши ребята из-за усталости или из-за однообразия занятий стали отлынивать от строевых занятий. Однажды но дороге в Парк Культуры на строевую и я сбежал в метро. Последствия - отчислен из парадной роты и переведен в роту демонстрантов, численностью 300 человек. Она тоже занималась строевой подготовкой, однако менее напряженно, но еще оставались после занятий для разучивания строевых песен.

Со строевых занятий из роты демонстрантов увиливали уже многие под разными предлогами. Среди них был и я. А так как я был назначен помкомвзвода, то мое отсутствие было сразу замечено, а оправдаться не удалось. "Схлопотал" 3 наряда - после занятий протирать и проворачивать механизмы орудий: стоявшего слева от входа в школу одного 102-мм и двух 45-мм в вестибюле школы.

Эти наряды были для меня не наказанием, а подарком не только от нашего командира роты, но и подарком Судьбы.

В учебное время, да и после занятий, нам не разрешали крутить поворотные механизмы орудий или открывать замки. А ведь мальчишек тянет к таким механизмам как магнитом! А тут совершенно на законном основании, три вечера по целому часу, когда никто не мешает, можно крутить механизмы горизонтальной и вертикальной наводки, воображая, что ты наводчик и наводишь орудие то по плывущей цели, то по летящей. Затем уже в качестве замкового и заряжающего открываешь замок, имитируешь подачу снаряда в ствол и выстрел, подав самому себе шепотом команду "огонь!"

Разве мог я тогда знать, что не пройдет и 9 месяцев, как мне придется наводить такое же 45-мм орудие по настоящим немецким самолетам и, когда самолет попадал а перекрестие прицела, давать замковому команду: "ноль!" и следить за трассирующим следом своего снаряда.

Итак, понеся заслуженное наказание, я продолжал после занятий заниматься строевой подготовкой, чтобы достойно промаршировать в рядах демонстрантов по Красной площади.

Так и не удалось мне быть участником парада на Красной площади. Правда, пришлось три года участвовать в парадах Одесского гарнизона, причем один год парад принимал находившийся в опале маршал Г. К. Жуков. На осеннем параде он был в шинели. И запомнился казус: Жуков на коне скачет вдоль выстроившихся парадных батальонов. Одна пуговица у хлястика на шинели оторвалась, и хлястик похлестывает маршала в такт скачкам коня.

А потом 6 лет парады на Дворцовой площади в Ленинграде.

А тогда, в 1940 году 7 ноября, мы строем пошли на Красную площадь на демонстрацию. Шли хорошо, но далеко от мавзолея. На демонстрации я уже ходил несколько лет с организацией отца двоюродного брата Жени. И хотя почему-то всегда наша колонна проходила ближе к ГУМу, чем к мавзолею, по для нас каждая демонстрация была праздником.

Итоги учебы за первую четверть, как я сейчас понимаю, были плачевные: 7 "псов" ("посредственно"), хотя в моем дневнике оценены как "не особенно хорошие" и как бы в оправдание: "Вообще учеба здорово дает знать. Ложишься в 12 ночи, встаешь в 6. Трудновато".

Зима 1940-41 гг. была в Москве менее суровая, чем прошлогодняя, но все же давала о себе знать. У нас дома и у моих знакомых по Клязьминской школе нередко даже днем в домах было 5-10 градусов, поэтому дома было очень неуютно, и для занятий вечерами холод никак не способствовал. А тут еще несчастье с отцом: числа 15 декабря слег - воспаление легких. Опасались за его жизнь. Старый опытный доктор Буров сказал, что спасти отца может только новый препарат сульфидин. Мы с Андреем два дня искали его в Москве. Были и на фармзаводе и "у черта на куличках". Нашли. Сульфидин помог, но отец был очень слаб и лежал дома еще почти месяц.

У электричек еще не было автоматически закрывающихся дверей, а так как утром мы ехали в Москву в час "пик", то нередко висели в дверях, продуваемые насквозь через тонкие шинели. В кожаных хромовых ботинках без калош мерзли ноги. Однажды, когда на улице было минус 30, а мне надо было поехать на станцию Мамонтовка, отец посоветовал мне насыпать в носки сухую горчицу. Результат был неожиданный: в тонких хромовых ботинках ноги не чувствовали холода. Но почему-то повторные попытки спастись от холода таким способом не давали такого эффекта.

В дневнике у меня есть запись о том, что днем 31 декабря в нашей спецшколе около 100 человек отморозили уши, в нашем взводе - 7 человек. Я немного отморозил правое ухо, которое дважды морозил в прошлую зиму. Морозили свои уши, конечно, по своей глупости. У всех были зимние шапки, но опускать уши, да еще их завязывать под подбородком, считали ниже своего достоинства. Как же, моряки!

31 декабря в спецшколе был новогодний бал, на который мы могли пригласить знакомых девушек. Я пригласил свою бывшую одноклассницу и давнюю симпатию Валю Масленникову, Андрей - Женю Преображенскую.

Каюсь, стыдно перед Валей, но бала этого совершенно не

помню. В дневнике же очень скупые строки, что бал был ничего, но я почти не танцевал. Много возились, дурачились в кают-компании, во взводе. Уехали в 5 утра. Андрей отказался провожать Женю, т.к. она жила недалеко от станции, а я проводил Валю и сидел час у нее, отогреваясь, но у них было только 7 градусов тепла. Идя от Вали домой, а это 3 км, боялся отморозить ноги, т.к. они совсем окоченели.

С 4 по 10 января мы с двоюродным братом Женей поехали в деревню Кипрево Ярославской области к моему деду с бабушкой на зимние каникулы. Взяли с собой по сумке продуктов, лыжи, я взял еще свою берданку с патронами, а Женя - этюдник с красками. Женя в основном рисовал деревенские виды, моих стариков и местных двоюродных братьев, а я часами бродил с ружьем по лесу, пытаясь расшифровать узоры следов зайцев и лисиц. Следов было много, уводили они за 10-15 км от дома, но их хозяев так и не удалось встретить. Может и к лучшему. Однажды лисий след вывел меня к небольшому холмику, у подножия которого были видны отверстия нор. Но, очевидно, мое приближение было услышано, т.к. от норы с противоположной стороны холма я увидел свежие следы - скачки удравшей хозяйки этого жилища. После неудачных походов в лес доставалось воробьям, возившимся около сараев с сеном за домами...

"13 января 1941 г. Было общее собрание школы. Докладывали результаты учебы и успеваемости, сопоставляли их с аналогичными показателями Ленинградской военморспецшколы, с которой мы, оказывается, соревнуемся. У Ленинградской успеваемость 97%, у нас - 96,6%. В нашей школе на первом месте по успеваемости наша 2-я рота. Наш взвод на 3-м месте по школе. И на этом весьма благоприятном фоне я чувствовал себя не очень уютно, неуверенно, стал бояться вызовов преподавателей по предметам, которые не успевал подготовить, стал или сбегать с этих уроков, или прогуливал весь день, уходя в какую-нибудь библиотеку-читальню, и читал там литературу, которую "проходили", например, "Что делать?" Чернышевского".

Из моего дневника видно, что "способствовал" моим прогулам занятий мой товарищ Андрей Айдаров, с которым мы ходили днем в кино или занимались у него дома пустой болтовней. Но у него с учебой было все в порядке, ведь он был принят в 8-й класс и для него все занятия - повторение пройденного. В дневнике попадаются такие записи:

"18 января. В школе не был. Ходил в читальню на Арбате по абонементу Жени. 20 января. В школу идти без выученных уроков не охота. Сказал это Андрею. Он согласен. Сходили в кино, в читалку, поехали к Андрею и сидели у него до 21 часа. Дурак"!

(Какая самокритика!).

Дома, конечно, о моих прогулах долго не знали.

"21 января. Опять вместо школы в читальню... После читальни опять засиделся у Андрея. Какие у нас разговоры! Куда пойти, если выгонят из спецшколы? Решили в училище штурманов дальнего плавания. Туда принимают с 7-летки, но с 16 лет. Но где оно - не знаем".

"24 января. Сегодня получил по алгебре "плохо"... Ком. взвода поговорил со мной и сказал, что приедет ко мне домой. Да! Дела!"

"30 января. В школу не пошел...".

"31 января. Андрей тоже не пошел в школу".

7 февраля в дневнике попытка разобраться в самом себе и в сложившейся ситуации:

"Вчера поговорил с отцом и сказал, что не тянет меня в школу и что, если бы был интернат, то время бы даром не расходовалось, а учить приходилось бы. А это можно будет сделать, если учиться в другой школе, т.е. надо переходить из Москвы. Он разъяснил, среди 3-й четверти это делать бессмысленно, что надо дотянуть до весны, до осени, а там уже думать об этом. Я и сам понимаю, что нужно дотянуть. Осталось каких-то полтора, полтора! года учебы, вернее 13 месяцев, и буду уже в училище, но никак не могу. Черт знает, что такое! Чувствую, что хватило бы силы сидеть над дельной, практической работой, относящейся ближе к делу. Частенько хочется взяться за морскую литературу и изучать, изучать, делать конспекты, записи, выводы, чертить чертежи и многое другое. Но времени нет. Надо учить уроки, а я не могу. Не могу сесть за них! Видимо, не хватает воли. Это плохо, но на что другое ведь хватает, а на уроки нет.

Думаешь в школе: "Приду, сяду, часов на 7, позанимаюсь, выучу!" Приду, часов в 7 сяду, посижу часа 3-4, и то невнимательно, и все.

Иногда, правда, нападает. Сяду за физику и готов ее всю проконспектировать, прочесть, изучить. Лишь бы не отрывали меня, и сделал бы. Но и отрывают, и неуютно (холодно, пальцы замерзают), да и, главное, времени нет. Черт его знает, куда время летит, совсем его нет.

Или еще: взялся штопать перчатки и готов штопать все носки, какие есть, хоть весь день. Чего-то мне не хватает сейчас, что бы приняться за учебу. Найду ли я средство избавить себя от этой апатии к учебе (а это апатия?). Не знаю. По-моему, оно найдется. Не могу же все время так пропускать уроки. Если приедет ко мне ком. взвода, то все сразу выяснится. Я чувствую, что сейчас очень

запустил нем. язык, тригонометрию, историю и еще кое-что. Знаю, что надо делать первым нем. язык, но откладываю его на последнее место, ибо знаю, что я с ним не покончу и другие уроки не выучу."

Запись 7 марта:

"Давно не писал. А нового много.

Во-первых: пропустил еще несколько дней...

В школе дела дрянь. Особенно ругается физик, т.к. я на его уроки хожу через день, и он никак не может меня спросить. Вот сейчас 7 марта, до каникул 2 недели, а у меня только 6 отметок (!) Это вместе с контрольными. Из них 2 "плохо", 3 "посредственно", 1 "отлично". А ведь четверть самая большая" ..." Сдал нормы на ПВХО 1-й ступени. Сдача происходила ужасно. Сдавали своим ребятам, в частности, Лебедеву. Он успевал за 0,5 часа принять нормы с целого взвода. Вернее, ничего не принимал, а договаривался со сдающим, какие отметки ему ставить.

Вот сдача на ВС 1 ст. (Ворошиловский стрелок 1 ступени) сложнее. Хотя нужно было сдавать материальную часть винтовки, мелкокалиберки, пулемета, гранат и стрельбу, принимали только материальную часть винтовки и ТОЗ. Мне поставили 5, т.к. я почти единственный сдавал пулемет. Со стрельбой дело хуже.

Я понял, что мне теперь не хватает в школе - это серьезной практической работы. Хотя у нас сейчас есть военно-морское дело, но оно только 2 часа в неделю и не может затмить остальные уроки.

6 марта была контрольная работа по физике. Я готовился, но все не успел (с 4-х до 7 утра) и едва написал, а на втором уроке засыпался на законе Гука. Но настроение у меня было, удивительно, на редкость спокойное. Физик направил к старшему лейтенанту. Я даже с какой-то радостью искал его после уроков, уйдя с проверки, т.к. не хотел видеться с ком. взвода. Со старшим лейтенантом тоже разговаривал спокойно, хотя поджилки дрожали...

На комсомольском взводном собрании меня крыли больше всех. Кое с кем согласен, а с некоторыми - не со всем.

Ком. отделения Эмик был у нас дома. Нашел все-таки. "Побеседовали" Уперся как бык: "будет он ходить в школу!" Ну и еще многое...

Сегодня не пошел в школу, не выучил нем. язык. У меня сейчас в голове мысль: уйти из школы и поступить в штурманский техникум. Туда принимают после 7-летки с 16 лет. Там учиться 4 года. Хотя жалко терять 2 года, но там, кажется, больше практической работы. Но предстоит ряд трудных задач решить. Как уйти из школы. Сейчас, выходит, что зря поступил и

учился полгода, что я там получил, кроме формы, это дисциплину и строевую подготовку. Да, о форме. А если ее отберут, я останусь ни с чем. Пальто у Жени, брюк нет, пиджака нет. Сегодня решил узнать у Львова все подробности, а затем действовать."

5 мая 1941 г.

"Два месяца не писал. Буду писать самое главное, окончательные взгляды и известия, не считая, когда они произошли. Во-первых: штурманское училище не подходит. 2 года там ходят без формы, а мне не в чем. Львов хочет идти туда только, если засыпется на испытаниях.

Новый план - идти в Роту юнг. Написал туда письмо 29 апреля по адресу: Ленинград, Васильевский о-в, 12 линия, дом 5 (кажется), 5 отд. ВМУЗов.

Митряй (Дима Рождественский) хочет идти: 1) во Владивостокскую спец. школу, 2) в штурманское училище, 3) в Роту юнг. Я хочу перетянуть его в Роту юнг, а дома у него не хотят этого.

В третьей четверти прогулял очень много, схватил по физике и математике "плохо". В конце-концов дома все узнали. Все полностью, а также и в школе. Грозят отчислением. Настроение паршивое".

К майским праздникам весь апрель снова усиленно занимались строевой подготовкой и "парадники" и "демонстранты". Но, по сравнению с октябрем прошлого года, отношение к этому мероприятию выражалось более активно и способы увиливания от строевых занятий все более изобретательны. Свидетельствует запись:

"24 апреля была репетиция к параду. Все "непарадники" тоже должны прийти в школу. Их 180 чел. Пришло человек 130, а осталось человек 90. У нас в роте было 23 чел. Я тоже смылся и на следующий день получил наряд к боцману. Чистили 102-мм орудие. Вынули (вернее уронили) замок и втроем едва его подняли и вставили. Из этого орудия и из 45-мм стрелять могу. Оказалось, что 24-го после 4-х уроков оставшихся "непарадников" разбили на шестерки для демонстрации, а тех, кто сбежал, разобьют сегодня. Выстроили, стали разбивать, я потихоньку назад, к торпеде, которую чистили "нарядники", и сел, будто делом занят, ботинки мазать маслом. Вообще смываемся мы интересно. Однажды, когда выстроили парадные роты, одну в вестибюле, одну в зале, а демонстрантам нужно было идти в 3-ю роту, мы сумели одеться и к выходу. Заперто. Мы по командирскому трапу и к командирскому выходу заперто. Одна дверь закручена проволокой. Я пытался раскрутить руками никак.

Достал плоскогубцы, вертел, вертел и сломал их. Решили спуститься с балкона по якорь-цепи и, нахально, на глазах всей 1-й роты бежать таким способом. Наконец, решили пойти парадным выходом на глазах всей роты. Идем по 3-й роте. Боцман ругается: "Вас должно быть 180 чел. (это демонстрантов), а здесь только 20!. Где остальные?" А остальные - кто вылез на крышу, кто в гальюне, кто смылся, кто в котельной, кто у сапожника. Мы спокойно, уверенно идем по вестибюлю к парадному выходу, козыряем вахтенному и... за дверь свободны!"

Последний ребячий дневник мирных месяцев 1941 г. обрывается описанием того, что мы с Андреем видели на улицах и площадях на подступах к Кремлю и Красной площади 1 мая, - сколько танков, сколько автомашин с пехотой, как выглядела новая форма на бойцах и командирах, у кого какого цвета были пуговицы на мундирах и пр.

А последующие события развивались так, как и должны были развиваться в конце мая, начале июня на экзаменах получил по математике "неудовлетворительно", т. к. не решил какую-то задачку.

Уже после войны отец рассказывал, что видел мою контрольную, и в решении мною была допущена механическая ошибка, которая не позволила получить нужный ответ. А ход решения был правильный...

Вскоре после завершения экзаменов я получил из школы извещение, в котором сообщалось, что из-за низкой успеваемости я отчислен из спецшколы и что должен до такого-то числа сдать полученную форму в школу. Если к первому я морально был готов, то со вторым, хотя оно вытекало из первого, никак не мог смириться. Расстаться с формой было выше моих сил. И не только потому, что я за год вытянулся более, чем на 10 см и все старое было мне мало и мне просто не в чем было ходить, а потому, что я просто не мог расстаться с морской формой. Я врос в нее и не представлял уже себя без формы. К сожалению, за прошедший год мы с Андреем только раз сфотографировались в Москве в январе 1941 г., где-то не доходя до метро Красносельская, да и то не в самой красивой зимней форме.

Встал извечный вопрос: Что делать?

Все варианты, которые обсуждались с Андреем и Димкой в течение последних месяцев, - штурманский техникум, переход в другую спецшколу, в Роту юнг - отпали. Родители ничего посоветовать не могли, Андрей куда-то уехал, и из близких друзей остался только Дима Рождественский, который в этом году окончил 8 класс и, хотя теперь жил в поселке Мамонтовка, километрах в 3-х от меня, часто приходил ко мне. Его-то, одного,

я и посвятил в свой тайный план: бежать из дома и, конечно, без ведома родителей.

Но куда? И чем я буду ТАМ заниматься? Общее направление было выбрано быстро - на северо-запад. Место - западный (эстонский) берег Чудского озера. Почему северо-запад - понятно. Это направление к ближайшему морю и флоту Балтийскому. Почему Чудское озеро? Это большой водоем, по которому плавают не только лодки, но и небольшие суда. Я уже знал, что побережье наших морей и заливов (кроме внутренних) являются пограничной зоной, и новый человек, тем более в морской форме, будет сразу замечен.

Почему эстонский берег, а не восточный (русский)? В этом выборе сыграли роль наши средства массовой информации, которые, после "добровольного" вхождения стран Прибалтики в братскую семью наших народов, расписывали, с каким гостеприимством и радушием относились жители этих республик к приезжавшим посланцам из других Советских республик.

Ну, если не на особое радушие, то уж на элементарное гостеприимство простых эстонцев, в частности, рыбаков на побережье озера я и рассчитывал. Надо только придумать трогательную историю, почему я выбрал именно это место и зачем. Или объяснить, что приехал на летние каникулы на несколько месяцев испытать самостоятельную жизнь и работу, что я сирота, а жить нахлебником у родственников совестно.

Окончательный вариант "легенды" решил отработать в дороге.

На Кузнецком мосту в магазине "Карты" купил карту Ленинградской области. По-моему, тогда в нее входила и теперешняя Псковская область. Чудское озеро с эстонским берегом на карте были, точно помню, т.к. я даже выбрал на нем несколько населенных пунктов, которые планировал осчастливить своим появлением.

Позже, уже на корабле, с августа, когда немцы вступили в Ленинградскую область через Псков и Нарву, я в кубрике отмечал по радиосводкам оставляемые нашими войсками города и другие населенные пункты области, продвижение немцев к Ленинграду и обсуждал с товарищами по кубрику положение на Ленинградском фронте. В конце августа, находясь в Таллине, в глубоком тылу у немцев, никаких панических разговоров среди нас о возможной сдаче Ленинграда немцам не было. Пытаюсь вспомнить хоть что-то похожее и не. могу. Была уверенность, что остановим немца. На чем основывалась такая уверенность - не знаю. Конечно, не на нашей гениальности, а скорее на той уверенности в нашей силе, нашей правоте в этой войне, которую успешно внедряли в наши

головы радио, газеты, всевозможного ранга агитаторы и пропагандисты.

В ноябре, когда на корабле вся команда стала военной, кто-то из комсостава, кажется, старший лейтенант старпом увидел у меня эту карту и забрал себе. С концами. Не скажешь же ему: "Отдайте!"

Окончательная подготовка к побегу была не очень долгой и хлопотной. В рюкзак (который в дневнике почему-то упорно называл "рюдзаком") собрал весь свой небогатый "вещевой аттестат": шинель, зимнюю шапку, суконку, фланелевую, форменку, тельняшку. Положил и учебник немецкого языка, физики, по математике, т.к. думал летом позаниматься и осенью куда-нибудь поступить, может быть, в Ленинградскую военно-морскую спецшколу. Купил и русско-эстонский разговорник для общения с местными жителями. Не забыл и несколько чистых тетрадей для занятий и ведения дневника. Конечно, взял с собой паспорт, комсомольский билет и справку старую о том, что я являюсь учащимся 9-го класса Московской военно-морской специальной средней школы. Деньги на дорогу и на первые дни самостоятельной жизни собирались несколько месяцев. (Какая предусмотрительность!)

Я знал, что наша и 3-я рота уедут на остров Валаам через Ленинград 14 июня, и решил приехать в Ленинград немного позже их. Числа 12 июня купил билет на 16 июня до Ленинграда, т.к. решил по пути в Эстонию остановиться на несколько дней у дяди, выдав ему какую-нибудь простенькую "легенду", вроде догоняю свою спецшколу, которая выехала в летние лагеря на о-в Валаам, а я приболел и отстал.

В день отъезда написал записку родителям, которую Димка Рождественский должен был передать матери поздно вечером 16-го, когда я буду уже далеко от Москвы. Мать эту записку сохранила и вернула мне году в 1984, незадолго до своей смерти. Привожу ее дословно, т.к. она - объективный свидетель моего тогдашнего мальчишеского поступка, но все-таки свидетельствует и о моих благих намерениях.

"Кузнецовой Валентине Александровне.

Здравствуйте дорогие родители!

Прошу не особенно меня ругать за исчезновение. Я подготавливал отъезд давно, но его не нужно было применять. Сейчас я вынужден уехать, по чьей вине, Вам известно, по своей. Теперь это не поправить.

Прошу не искать меня, это зря, я не шпион, враг, вор и т.д.

Найти, конечно, меня смогут, а что толку? Вам от этого легче не станет, а для меня очень будет печально, и снова убегу, уже

подальше, тем более, что война скоро. Сейчас я уехал не искать приключений, быть Робинзоном, а учиться и работать. Может Вам придется взять мои справки в Арт. школе. Пригодятся. Я напишу куда писать.

Еще раз - не беспокойтесь! Я буду писать регулярно 2 раза в неделю, если нужно и чаще. Адрес я вам пришлю, но не думайте давать его в школу. Я могу все это узнать и тогда уеду подальше, где меня никакой черт не достанет скоро.

Ругать вы меня будете порядком, знаю! Могу даже сказать - как, но места не хватит. Частью будет верно, согласен, но ничего не поделаешь. Со временем пройдет. Очень нескладно (непонятно) отъезд, но медлить не мог. Билет был куплен 4 дня назад и с большим трудом. Не знаю, как мне его дали, всем давали по пропускам из городской милиции и по командировкам, а я ничего не давал.

Очень прошу не волноваться.

Маму прошу дать свой школьный адрес. Как писать и куда - я напишу в письме.

Крепко целую.

16/VI - 41 г. Володя"

На отдельном клочке бумаги:

"Приписка. Я взял с собой все необходимое: белье, принадлежности, книги: немецкие, учебники и др. Если будем с Вами жить "мирно", то дававайте мне задания по немецкому языку, а я буду присылать готовые.

Володя".

Чтобы мой отъезд не был быстро замечен, я специально последние несколько дней приходил домой поздно, задерживаясь у Димки, зная, что за 3 километра никто не пойдет меня искать. Понемногу, по частям, перенес к нему все, что должен был взять с собой. В день отъезда Димка перенес полный рюкзак на станцию к условленному времени, проводил меня до Москвы, дождался отхода моего поезда и вернулся на Клязьму отдать мою записку моей матери и сказать, что получил ее от меня на станции. При этом я якобы сказал ему, что еду в спецшколу.

17 июня. Вторник. Ленинград.

И вот я снова в Ленинграде. Поскольку 17 июня был рабочий день, а меня никто не ждал, пришлось до вечера погулять по городу. Конечно, в первую очередь потянуло к Неве. От вокзала по проспекту 25 Октября дошел до Литейного проспекта и, повернув направо, пошел к Литейному мосту, разглядывая дома, заходя в книжные магазины. Пройдя примерно половину пути, на одном из домов на правой стороне проспекта заметил мемориальную доску: в этом доме жил и умер НА. Некрасов.

Рядом с домом стояла небольшая группа ребят, и молодая женщина (экскурсовод или учительница) рассказывала о жизни и работе Некрасова в этом доме. Я задержался и, сделав вид, что кого-то жду, с интересом слушал. Оказывается в поэме "Размышление у парадного подъезда" описана картина, которую Некрасов неоднократно видел из окна своей квартиры: через улицу, чуть ближе к Литейному мосту стоит дом с солидным подъездом, в котором жил какой-то сановник. И вот к нему приходили мужики и подолгу безрезультатно ждали этого барина.

Не дойдя немного до Литейного моста, я вдруг увидел, что все пешеходы переходят с тротуара правой стороны улицы на левую. Смотрю: в этом месте на проспект выходит большой серый дом этажей в 10, современной постройки, который занимает небольшой квартал между двух неширокх улиц, выходящих на Литейный проспект. И вот по тротуарам перед этим домом, со стороны проспекта и по боковым улицам, ходят бойцы с винтовками наперевес, и тем пешеходам, которые по незнанию продолжают идти по тротуару, приближаясь к этому большому серому дому (оказалось, что ленинградцы так и называют неофициально этот дом), часовые требовательно и строго предлагают перейти на другую сторону проспекта или улицы.

Не зная еще, что это за дом (узнал буквально через месяц, будучи под винтовкой доставлен в этот дом, проведя там ночь), решил, что на военнослужащих запрет прохода мимо этого дома не распространяется, и пошел на часового. Но не тут-то было. Строгий голос: "Перейдите на другую сторону!" адресован был явно ко мне. Перешел. Дела! Что может случиться с домом, если люди будут проходить вдоль его стен? Нижние окна так высоко, что с тротуара в них не заглянешь, да и на них зеленые занавески.

Вот и Нева. У Литейного моста ширина ее метров 300, а левее, чуть ниже по течению не менее полукилометра.

Медленно иду вниз по набережной, рассматривая особняки и читая названия набережных: "Набережная Жореса", "5-го января", "Красного флота". До последнего моста "Лейтенанта Шмидта" километра 4, но я добрался до него только часа через три. Ведь рядом с набережными столько интересных мест, куда невозможно было не заглянуть. За красивейшей решеткой Летний сад, а в конце его за неширокой речкой или каналом проглядывает какой-то дворец или замок. Рядом Площадь жертв революции с мемориалом в центре и большой сад с белым дворцом в глубине. Мимо какой-то старой красивой казармы с вывеской "Ленэнерго" вернулся снова к набережной, на которую выходил в этом месте мост Равенства. А перед мостом на небольшой площадке стоял

какой-то памятник в форме римского воина с мечом и щитом. В честь кого он здесь?

Подошел к нему поближе - ба! Да это памятник А. В. Суворову! Никогда бы не догадался. А вот и знакомый по открыткам и по позапрошлогоднему посещению Ленинграда знаменитый Зимний Дворец. Если в прошлое посещение Ленинграда меня тянула к себе Нева, т.к. на ней, в ожидании Дня военно-морского флота стояли боевые корабли, то сейчас Нева была пустынна. Поэтому мне хотелось обойти со всех сторон архитектурные ансамбли, посмотреть - а что интересного за ними?

Зашел за Зимний Дворец - большая площадь Урицкого, а в центре ее красивейшая высоченная колонна "Александрийский столп", как отозвался о ней Пушкин, а за ней гигантским овалом, охватывая часть площади, длинное здание внушительно строгого вида с десятком дверей и громадной аркой с колесницей. До революции - место пребывания Главного штаба.

В 1955 г., когда я учился в ВММА, ко мне заехал отпускник - мой младший брат Алексей, старший лейтенант флота, командир тральщика "стотонника", базировавшегося в Поркалаудде. Через три дня он исчез, не предупредив меня ни о чем. Через дна дня я обратился в Управление милиции, находившееся в левом крыле бывшего Главного штаба, с заявлением о пропаже братца и необходимости его розыска. Внутренние апартаменты, в которых я был, не произвели впечатления и не остались в памяти.

А что за Аркой? Короткая, не очень широкая часть улицы Герцена, пересекающая ул. 25 октября.

На этом отрезке улицы в первые дни ноября ежегодно, в течение 6 лет мы, слушатели ВММА, подолгу ожидали своей очереди выхода через Арку на Дворцовую площадь для репетиции парада.

А поскольку время было раннее - 6 утра, а на улице холодно, то мы забивались в подъезды домов, выходивших на эту улицу. Помню, нас поразило, что в доме на правой четной стороне улицы лестничные площадки на втором этаже и выше были очень большие и в стены площадок были вделаны большие зеркала. Неужели уцелели с дореволюционных времен? В домах, где мы, офицеры-слушатели, снимали комнаты, такого никто не видел.

Выйдя к проспекту 25 Октября и повернув направо, увидел между первыми домами проспекта над зеленью какого-то сада-сквера верхнюю часть желтой квадратной легкой башни с высоким шпилем. Догадался - Адмиралтейство! С Невы я его видел прошлый раз, но поразили два флигеля-павильона с арками, между которыми невзрачные жилые дома полностью

загородили основное здание Адмиралтейства. А теперь я увидел тыльную, вернее фасадную часть, которая протянулась вдоль сада Трудящихся на полкилометра. Но правильнее - сад протянулся вдоль фасада Адмиралтейства, т.к. оно старше по возрасту.

На втором этаже в самой крайней части правого крыла здания мне пришлось побывать не по своей воле в декабре 1941 и в январе 1942 г., в самый разгар блокады. Дважды под винтовкой отводили сюда к следователю, а потом в Политотдел Ленинградской ВМБ.

Пройдя по саду Трудящихся вдоль Адмиралтейства, вышел к коричневой громаде Исаакиевского собора, обошел его вокруг и мимо Манежа, с двумя конными фигурами перед фасадом, по бульвару Профсоюзов вышел к площади Труда, где на трамвайной остановке стояли несколько краснофлотцев. Обратил внимание на внушительное красно-кирпичное трехэтажное здание казарменного типа, торцом выходящее на площадь слева.

Спросил у встречного краснофлотца - что за здание? "Флотский полуэкипаж". Флотский - это понятно. Но почему "полу-"? Одной стороной здание протянулось от площади вдоль одноименной улицы почти до Мойки, а от торцевых концов здания - высокие заборы упираются в ограждения какого-то канала, образуя большой, как бы внутренний двор между зданием и набережной канала.

Не думал я, что не пройдет и двух недель, как я окажусь в этом полуэкипаже, отмою с себя грязь первых дней войны, отдохну дня три и вперед на запад. А в феврале 1944 г., когда немцев отбросили немного от Ленинграда, в этом полуэкипаже я жил неделю в составе сборной лыжной команды от Кронштадта, прибывшей для участия во флотских лыжных соревнованиях.

Однажды, очень поздно вернувшись из "самоволки", никак не мог попасть в казарму на проходной не пропускали. На мое счастье, около полуночи на территорию заезжала грузовая автомашина, и, пока дежурный открывал ворота, я успел забраться в кузов и укрыться каким-то брезентом. А во дворе, пока машина еще не встала, соскочил с нее, так что и водитель не заметил.

Вернулся на площадь Труда, перешел по мосту лейтенанта Шмидта на правый берег Невы и направился налево к Военно-морскому училищу им. М. В. Фрунзе. С какой завистью я смотрел на курсантов, входивших и выходивших из здания училища! Буду ли я когда-нибудь твоим курсантом? Ниже по течению реки на набережной ничего интересного не заметил, но на противоположном берегу реки явно был какой-то судостроительный завод. Видны были эллинги, выходившие к самой реке, а на воде около них стояли несколько недостроенных корпусов подводных лодок.

Вернулся к училищу, полюбовался памятником элегантному офицеру русского флота Крузенштерну.

Спустя 55 лет, 9 мая 1996 г.. после участия, в торжественном шествии ветеранов Великой Отечественной войны от площади Восстания, по запруженному радостными жителями и гостями города Невскому проспекту, до Дворцовой площади, я оказался у этого памятника. Молодые ребята в штатском, представившиеся курсантами морского факультета ВМОЛА им. С. М. Кирова, попросили сфотографироваться с ними (я был в парадной военно-морской форме) у Крузенштерна, который остался таким же молодым и элегантным офицером, как и 55 лет назад.

Но бывал я около этого памятника и раньше. В начале ноября 1941 г., когда Неву уже почти до середины сковал ранний, крепкий лед, наш "Суур-Тылл" двое суток стоял у набережной рядом с памятником Крузенштерну.

Несколько матросов, спущенных за борт на досках, красили высокие черные борта в белый цвет. Черные - они были очень заметны на белом фоне снега и льда не только днем, но и ночью. Я красил борт в районе бака, и моя "люлька" была метрах в двух ото льда, так что самостоятельно на палубу не выбраться. По распорядку дня у немцев, перед обедом, несколько их орудийных батарей беглым огнем бьют по выбранным на сегодня районам города минут 15-20, пока их не засекут наши корректировщики и наши батареи не заставят их замолчать. На сей раз немцы выбрали наш район - снаряды рвутся на набережных и в домах ниже моста лейтенанта Шмидта, некоторые рвутся на льду Невы. Ребята, которые меня спустили, куда-то скрылись от снарядов, и

мне оставалось только смотреть, где они рвутся, и молить бога, чтобы подальше от корабля.

И сейчас перед глазами четкая картинка: примерно на траверзе Горного института посередине Невы маленький буксирчик на коротком буксире тащит плавучий кран. Вдруг на кране сильный черный взрыв, в воздух летят какие-то осколки. А оседают они уже на бурлящую воду. Крана нет, а буксирчик беспокойно крутится у места его исчезновения..

А в феврале 1944 г., когда я был в Ленинграде на лыжных соревнованиях, я обнаружил стоящий на этом же месте бывший "Суур-Тылл", теперь "Волынец". По разрешению дежурного по кораблю поднялся на палубу, но никого из сослуживцев по 1941 году не застал - были на берегу.

Наконец решил, что можно направляться к дяде. На трамваях с несколькими пересадками через Петроградскую сторону добрался до Финляндского вокзала, а от него недалеко и до площади Калинина. Родственники, конечно, были очень удивлены моему появлению. Объяснил им, как и задумал, что приболел и не мог выехать со школой на Валаам. Но к прежней легенде добавил, что дня через 3-4 должен приехать мой одноклассник и мы с ним вместе поедем на Валаам. А пока я подожду его в Ленинграде. Ну что им оставалось делать? Но, чтобы их не очень обременять своим присутствием, т.к. жили они в однокомнатной квартире, я решил найти свою двоюродную сестру по материнской линии Анфию Петровну Фоуди, которая была старше меня на 14 лет и училась в экономическом институте. Разыскал ее в общежитии на Васильевском острове, где она жила с сыном лет четырех и матерью своего отца, расстрелянного белыми в 1919 г. в поселке Пудость под Гатчиной за то, что он, будучи директором местной школы, прятал у себя раненых красноармейцев.

Легенда пребывания в Ленинграде и здесь была принята за истину, и ночи на две они меня приютили. Много позже я понял, что для сестры, содержавшей на свою студенческую стипендию сына и сноху, мой даже короткий визит был очень некстати.

Четыре последующих дня я целыми днями бродил по городу. Побывал на Балтийском и Варшавском вокзалах, где узнал, что для проезда в Псков и Нарву, откуда я намеревался добраться до эстонского берега Чудского озера, требуется пропуск или командировочное удостоверение, как в пограничную зону. И как теперь мне туда добираться, я еще не придумал.

Вот и война пришла

В субботу 21 июня я ночевал у сестры, т.к. в воскресенье 22 июня она обещала свозить меня и сына в Гатчину, чтобы показать

Пудость, да и самой вспомнить свою родину. В Пудости ее мать (моя тетка по матери) году в 1910 начала работать учительницей в школе и вышла замуж за директора той же школы Фоуди Петра Ивановича, давно обрусевшего то ли шведа, то ли шотландца. После гражданской войны она работала в этой же школе до начала 30-х годов, а в 1920-23 гг. там же работала и моя мать. В 1927 г., когда мне было 2 года, мать со мной приезжала из г. Пушкино (в Подмосковье) в Пудость навестить сестру. Поэтому и мне интересно было посмотреть, что это за Пудость, от которой в памяти остался только внезапный колокольный звон, от которого я в страхе заплакал.

22 июня. Воскресенье. Ленинград.

Пока собирались в дорогу, подошла середина дня. В 12 часов важное сообщение по радио - выступление Молотова. Война! Помню испуганные лица сестры и тети Лизы - ее свекрови. Тетя Лиза, как наиболее опытный из нас человек, испытавший все, что сопровождало революцию и гражданскую войну 1918-20 гг., сразу же попросила у сестры все деньги, взяла несколько сумок и побежала в магазины, успев сказать сестре, что Володе, т.е. мне, надо срочно возвращаться домой.

Не знаю, что выражало мое лицо во время и после выступления Молотова, но ощущение было радостно-тревожное - наконец-то началось то, о чем давно поговаривали и ждали. Вот теперь-то мы им покажем! Теперь и мои планы резко меняются - надо добираться не на Чудское озеро, а скорее на фронт!

Попрощался с сестрой и поехал на Выборгскую сторону к дяде, у которого был мой рюкзак. Дядя тоже был очень озабочен, дал мне 25 рублей и велел уезжать в Москву ближайшим поездом.

Забрав рюкзак и попрощавшись, я поехал, но не на Московский вокзал, а на Варшавский, благо трамвай № 19 проходил и мимо этого вокзала. Ближайший к фронту приморский город - Либава. Решил добираться туда. Потолкавшись около касс, я понял, что билет до Либавы мне не дадут. У всех краснофлотцев и командиров, которые брали билеты в Ригу и Либаву, кассиры требовали командировочные предписания или отпускные билеты и еще какие-то документы.

Первый день войны уже подходил к концу, а я еще в Ленинграде и не могу из него выбраться туда, куда мне нужно, - на фронт.

Ночевать к сестре или к дяде я уже не могу поехать. Они считают, что я уже подъезжаю к Москве. Ночевать на вокзале почему-то не решился. Вышел на привокзальную площадь, сел на знакомый трамвай № 19, но поехал не на Выборгскую сторону, а в

противоположную - куда-нибудь. Но этот конец маршрута оказался очень коротким - только до Нарвских ворот. Там вышел, дождался другого трамвая с № 19 и проехал до конца - до площади Калинина. Чтобы не обращать на себя внимание контролеров, снова пересел, но на № 14, не зная его маршрута. Этот трамвай довез до главного входа в Ленинградский торговый порт. Там пересел на какой-то другой трамвай, но доехал только до центра, т. к. трамвай пошел в парк.

23 июня. Понедельник. Ленинград.

Время около двух ночи, но довольно светло. На улицах только молодежь, главным образом, парочки да военные патрули, которые несколько раз проверяли мои документы и отпускали.

До 6 утра бродил в районе центра, отдыхая иногда в скверах на лавочках. Но спать не хотелось. К 7 утра я был снова на Варшавском вокзале. Ночью созрел новый план - взять билет до г. Луга, а от нее пешком идти в Псков по шоссе. Судя по карте до Пскова от Луги не более 150 км. Пешком со скоростью 5 км/час за двое суток до Пскова доберусь. А там видно будет. Надеюсь, что война еще не кончится. Почему я не взял билет до какой-нибудь станции ближе к Пскову, чем Луга, не знаю. Наверное, ума не хватило или смутило то, что шоссе от Луги до Пскова проходило далеко от железной дороги.

Часов в 11 дня я был уже в Луге. Видя на карте, что шоссе на Псков проходит слева от железной дороги, быстро дошел до него по городу и повернул на юг. По жаре идти было все же утомительно, очень хотелось пить, а колодцы только в редких деревнях.

Часам к 11 вечера прошел, судя по карте, только километров 40. Перейдя небольшой ручей - исток реки Плюсса за селом Заплюсье, на краю оврага в кустах нашел месго для ночлега. Хотя было довольно тепло, но догадался одеть на себя фланелевку и суконку, завернулся в шинель и моментально уснул, т.к. прошлую ночь вообще не спал.

24 июня. Вторник. В 40 км южнее г. Луги.

Проснулся от тарахтения трактора, который ехал по обочине шоссе в сторону Луги. Все же и под шинелью было не очень тепло, и я пожалел, что не поддел на ночлег вторую тельняшку. Наверное, было уже часов 8, своих часов, конечно, не было.

В школе в 8-м классе часы были только у одной девочки. Так на каждом уроке, минут за 10-15 до звонка, каждые 2-3 минуты к ней обращались или знаками те, кто сидел впереди нее, или шепотом, те, кто сидел сзади или сбоку: Ир, сколько осталось? - И Ира числом поднятых пальцев отвечала: 10, 8, 5 и т.д. Для тех, кто не хотел быть вызванным сегодня к доске, это была важная

информация. При необходимости, отвечающему у доски разведением рук подавался сигнал: "Потяни время".

Умылся у ручья, дожевал оставшуюся половинку булки и вперед! Шоссе большей частью было пустынно. Изредка меня обгоняла какая-нибудь "полуторка", но я ни разу не "голосовал", т.к. и стеснялся и боялся вопросов. Ведь появление человека в военно-морской форме в глубинной сельской местности, да еще в первые дни войны, наверняка, вызвало бы интерес.

Один раз на шоссе с какой-то проселочной дороги выехал на телеге какой-то колхозник (ну кто еще может ездить в сельской местности на телеге?). До него было метров 600-700, но ехал он тоже в сторону Пскова. Я решил прибавить шаг, чтобы догнать его и попросить подвести. Дистанция постепенно сократилась метров до 200. Но вот шоссе стало спускаться в какую-то лощину, возчик подхлестнул лошадь, и она с неохотой, но все же затрусила под уклон. Дистанция стала заметно увеличиваться. На пологом подъеме я снова сократил дистанцию, но вскоре повозка свернула к какой-то деревне, видневшейся слева в километре от шоссе.

Вскоре я обратил внимание, что на всем пути от Луги я не видел ни одного указателя с названием населенного пункта, через которые проходило шоссе, ни названий пунктов, к которым от шоссе отходили даже крупные дороги.

В середине дня метрах в 300-400 впереди меня на шоссе вышел молодой мужчина в одежде, похожей на спортивную, - темно-синяя спортивная кофта и шаровары более темного цвета. Головного убора не было. Он только раз посмотрел в мою сторону, когда выходил на дорогу, и больше не оглянулся ни разу. Дойдя до того места, откуда он вышел на шоссе, я не увидел никакой дороги, подходившей к шоссе. Откуда он взялся? Судя по фигуре и упругой походке со спины ему было не более 25 лет. Догонять его у меня желания не возникло. Так мы и шагали минут 30-40 на первоначальном расстоянии друг от друга.

Вдруг он свернул влево и исчез в зелени придорожных зарослей кустов и мелких деревьев. Подойдя к тому месту, я увидел грунтовую дорогу, которая, выйдя из пришоссейных зарослей, уходила в поле и терялась вдали. Никакого селения не было видно. Свернувшего на эту дорогу - тоже. Значит он где-то тут в кустах и, может быть, наблюдает за мной. Искать его не входило в мои намерения, я вернулся на шоссе и пошел дальше, периодически оглядываясь.

Вскоре меня обогнала колонна из 8-10 военных грузовых машин. Видел, что водители-бойцы с любопытством оглядывались на меня.

Во второй половине дня у какого-то села справа увидел

небольшое озерко, заросшее по берегам. Жара, захотелось искупаться, но, когда подошел к берегу и разделся, желание купаться почему-то пропало. То ли потому, что берег был заросший, вязкий и затоптан копытами животных, то ли возникло опасение за сохранность своих вещей во время купания. В общем, зайдя в воду только чуть выше колен, поплескался и вылез из воды.

Желудок подсказывал, что пора что-нибудь перекусить. В начале села рядом с шоссе увидел небольшой магазин. Купил булку и бутылку какой-то воды. Недалеко от магазина, в стороне от шоссе, уселся перекусить на небольшом валуне. Подошел какой-то местный мужчина, присел рядом и поинтересовался: откуда и куда я путь держу. Сказал, что в Псков, к тетке. Был на Валааме в лагере со школой. Школа поехала в Москву, а я решил любимую тетку навестить, а то когда еще удастся. Мужчина отошел к магазину, около которого стояли несколько мужчин и женщин.

Минут через 10-15 со стороны Луги показалась колонна военных автомашин-бензовозов. Когда колонна въехала в село, мужчина, подходивший ко мне, вышел на шоссе и остановил головную машину. Встала и вся колонна. Вышедшему из машины старшему лейтенанту, очевидно, старшему колонны, этот мужчина стал что-то объяснять, показывая взглядом в мою сторону. Затем оба подошли ко мне. Я только что закончил свою трапезу. Снова вопросы и мой рассказ о тете в Пскове. Старший лейтенант, посмотрев мои документы (паспорт, комсомольский билет и справку из спецшколы), предложил ехать с ними, вызвал водителя, солдата со следующей машины, и велел мне забираться в кабину. А водителю, по-видимому, отдельно дал указание не спускать с меня глаз и на остановках не разрешать никуда отлучаться, что водитель четко выполнял всю дорогу.

Откуда и куда шла колонна я, конечно, не узнал, т.к. вопросов таких (хватило ума) не задавал, и содержание наших бесед во время двухчасового пути до Пскова не помню. Мое наблюдение об отсутствии указателей с названием населенных пунктов по дороге водитель подтвердил, заметив, что у старшего колонны есть карта. А указатели сняли, чтобы вражеские агенты и диверсанты не знали, где они находятся.

Под вечер въехали в Псков, переехали по мосту большую реку - Великую и всей колонной начали плутать по городу, следуя за головной машиной, которая часто останавливалась, и старший лейтенант спрашивал у встречных военных куда-то дорогу.

Наконец остановились около 2-х или 3-этажного небольшого дома, рядом с которым толпились десятка 2-3 военных армейцев

и несколько краснофлотцев. У входа часовой с винтовкой. Нашего старший лейтенанта он пропустил. Через несколько минут старший л-т вышел, подошел к нашей машине и позвал меня за собой в это здание. Внутри, в небольшой полутемной комнате, т.к. свет еще не зажигали, находилось человек 12-15 армейских командиров разных званий и 2 или 3 морских. Около другой двери за столом сидел старший лейтенант с повязкой дежурного на левой руке. Наш старший лейтенант подошел со мной к нему и сказал: "Вот он". Попросил разрешения быть свободным и вышел.

Дежурный взял со стола мои документы, очевидно, второй раз просмотрел их, вернул мне и спросил:

- Где живет Ваша тетя?

- Не знаю.

- А как собираетесь ее найти?

- В справочном бюро. Я же знаю ее фамилию, имя, отчество, год рождения.

Псков Вам не Москва, а время не то - война. Вряд ли Вам кто-нибудь даст теперь такую справку. Мой Вам совет - постарайтесь поездом вернуться в Ленинград, а оттуда домой в Москву.

Вдруг к столу дежурного подошел кто-то в штатском и взглянув на мою бескозырку спрашивает: "А Вы как сюда попали? Я сегодня с Валаама. Ваша школа в Москву поехала". "Да, долгая история", - ответил я, пробираясь к выходу. Теперь я уже понял, куда меня привезли в военную комендатуру Пскова. Все находившиеся в комнате ждали очереди к военному коменданту для получения какой-то бумажки для посадки в поезда. Я понял, что мне такой бумажки для поездки в Либаву не дадут - 16-летнему спецшкольнику из Москвы нечего там сейчас делать. Присоединился к группе старшин и краснофлотцев, что толпились у входа в комендатуру, прислушался: у кого какие проблемы, кому из них надо ехать в Либаву? Таких оказалось человек 5 - возвращались из разных областей из прерванных отпусков на корабли и в части, стоявшие в Либаве. В Пскове у них была пересадка, а на вокзале без разрешения коменданта города не дают посадочный талон. А к коменданту дежурный пускает только командный состав.

Совсем стемнело. Решили всей группой идти на вокзал, там переспать, а утром узнать, когда будет поезд на Либаву. До вокзала добрались в темноте. На улицах - ни зги. Маскировка всех огней. Несколько раз останавливали военные патрули и, проверив документы, отпускали.

В небольшом темном зале ожидания с трудом, сбившись в кучу улеглись кто на что мог. Я предложил одному краснофлотцу укрыться моей шинелью, а его бушлат постелить на пол. Спиной

друг к другу спать было теплее, чем одному.

25 июня. Среда, г. Псков.

Встали часов в 7, и пошли гурьбой завтракать в вокзальный буфет, но он открывается только в 8 часов. Пытались узнать, когда будет поезд на Ригу, но ни в кассе, ни дежурный по вокзалу не знали - расписание не соблюдается. Ленинградский должен прибыть во второй половине дня, но нужен литер из комендатуры. Краснофлотец, с которым мы спали вместе под моей шинелью, представился кратко "Санин". Сказал, что он с 10 ИАД под Либавой и рвется к своим ребятам. Ростом с меня, но, конечно, покрепче. Я высказал ему предложение на основе своего опыта: "Что, если попробовать добраться до Риги машинами с какой-нибудь военной колонной, которые проходят через Псков. И литера не надо, только согласие старшего колонны. Но надо, чтобы таких просителей, как мы, было немного".

Сначала все же пошли к комендатуре. Народу там больше, чем было вчера. Потолкались, послушали разговоры - никаких дельных предложений. Отошли в сторону, и Санин решил: "Пошли искать, где проходят колонны машин через Псков"? К сожалению, я не запомнил, каким путем мы въезжали в город и добирались до комендатуры. Наконец выбрались на улицу, по которой машины идут к мосту через реку Великую и на Ригу. Не доходя до моста, выбрали место рядом с каким-то сквером, где на улице был продовольственный магазин и водопроводная колонка на углу. Решили, что тут колонна может остановиться на короткий отдых. Но когда она подъедет? Расположились в скверике так, чтобы издалека увидеть подходящие машины.

До обеда в сторону Риги ни одной машины. А с той стороны реки Великой пришло штук 20 с какими-то пожилыми людьми, женщинами, детьми и с каким-то домашним скарбом и даже мебелью. "Откуда-то бегут", - заключил Санин.

Наконец показалась колонна из 8-10 машин. Санин вышел на середину улицы и поднял обе руки. Головная машина притормозила. Старший машины сказал, что едут в Эстонию, в сторону Таллина. Нам не по пути. С расстройства Санин пошел в магазин и вскоре вернулся с двумя булками и бутылками лимонада. Сидим, перекусываем. Прошло еще часа два. Снова колонна машин. Снова Санин с решительным видом выходит внезапно на середину улицы. Водитель резко тормозит. Высовывается старший колонны. Короткий разговор Санина с ним. И вот он машет мне рукой - подходи. Старший вылезает, подходит к водителям двух следующих машин и велит взять по одному из нас до Риги. Санин садится во вторую машину, я - в третью.

Поехали. Дорога, пожалуй, хуже, чем была до Пскова. Скорость 35-40 км/час. Все чаще попадаются встречные машины с людьми и каким-то скарбом. Через час-полтора останавливаемся у начала какого-то леса вблизи ручья. Команда: отдых 20 минут.

Санин пошел к старшему колонны узнать о расчетном времени прибытия в Ригу. Потом поделился со мной. Колонна пройдет через Ригу и дальше к югу. До Риги километров 250, но мы проедем еще часа два и остановимся на ночлег, т.к. дорога мало знакома, на машинах не установлены синие фары с козырьками, а ночью с фарами ехать запрещено.

Часов в 9 вечера нашли удобный выезд с дороги за зеленую полосу на сухой луг. Поставили машины покучнее. Старший лейтенант назначил в охрану по одному бойцу в голове и в хвосте колонны со сменой каждые два часа. У каждого водителя винтовка висит за спиной в кабине. Пока было еще светло, водители набрали в ручье воды, развели два костра, сварили из концентрата кашу-пшенку и заправили ее тушенкой. У нас с Саниным потекли слюнки. Дали поесть и нам. Потом чай. Я оказался более подготовленным к такой ситуации: у меня была своя эмалированная кружка, столовая и чайная ложки. А у Санина не было, но ему дал кто-то из заступивших на дежурство. Вскоре водители стали укладываться спать в кабинах своих машин, а я предложил Санину устроить из веток постель и укрыться шинелью. Увидев наши приготовления, старший лейтенант посоветовал укладываться на место, где горел костер. "Надо только тщательно затоптать все угли, положить на место костра ветки, попросить у водителей небольшой брезент, положить его поверх веток и тогда можно укладываться. А укрываться шинелью. Если хватит брезента, то и им можно накрыться поверх шинели". Сказал, что так во время Финской войны, на Карельском перешейке зимой 39-40 годов ночевали на улице.

У нас получилось отлично. Вначале даже жарко было спать.

Этот метод я и мои товарищи по службе в морской пехоте применяли неоднократно до конца войны, когда обстоятельства заставляли ночевать на улице и поздней осенью, и даже зимой. Разводили специально костер на площади примерно 1,5 х 1,0 м, прогревали землю, затаптывали тщательно угли и золу, застилали еловым лапником, ветками, соломой - что попадется. Поверх плащ-палатку. По двое на одно место, не снимая шипели, а поверх укрывались второй плащ-палаткой. Благодать! Главное - не лениться тщательно затоптать угли и золу. Был у нас случай, когда сено под спящими вспыхнуло...

Ночью, просыпаясь, каждый раз слышал гул проезжающих по дороге автомашин, и все в сторону Пскова. И шли с включенными

фарами.

26 июня. Четверг. В 200 км от г. Риги.

В 6 часов подъем. Снова костры, какая-то каша, чай и "По машинам!". Встречные машины с беженцами попадались все чаще. И это как-то угнетало и вызывало вопросы: "Почему бегут? И откуда?" На первый вопрос напрашивается ответ: "Бегут от немцев, которые наступают. Но где"?

Не доезжая километров 50 до Риги, сделали большой привал с обедом. Старший лейтенант считает, что к концу дня они будут на месте. Где, мы не спрашиваем. Часов в 15 въехали в Ригу. Архитектура большинства домов явно европейского стиля: высокие крыши под красной черепицей, высокие шпили церквей. Где-то в центре колонна остановилась, старший лейтенант подошел ко второй машине и, показывая рукой влево, говорит, что до вокзала отсюда минут 15-20 пешком.

Благодарим старлея и направляемся в указанную сторону. На улицах пешеходов немного. Некоторые с любопытством смотрят на нас, некоторые проходят не глядя, а то и отворачиваясь, особенно молодые мужчины и парни. А у меня ко всем им самое доброжелательное отношение. Наконец вышли на какую-то площадь, за ней - железнодорожный вокзал, на котором тьма народу. Много военных, большинство армейцев. Гражданские почти все с узлами, чемоданами, с ребятишками.

Вскоре ситуация для нас прояснилась: все гражданские и многие армейские ждут поезда на Псков и дальше, а флотским - главным образом надо в Либаву. Но если на Таллин, на Псков и дальше поезда еще будут, то на Либаву не было уже двое суток, и неизвестно будут ли. Кто-то пустил слух, что Либава то ли уже взята немцами, то ли только окружена. К коменданту вокзала не пробиться - пропускают только комсостав. А среди нас, флотских, только краснофлотцы да несколько старшин.

Обсуждаем разные предложения - как добраться до Либавы. Одни предлагают ждать поезда или официального сообщения - что с Либавой, другие - идти к мосту на левый берег реки Даугавы и ловить машины, идущие в сторону Либавы или Виндавы, может оттуда какие-нибудь корабли в Либаву ходят, да и поездом оттуда ближе, чем от Риги.

В общем, у всех стремление одно - любыми путями в Либаву. Там их корабли, части, друзья и товарищи, которые наверняка уже воюют с немцами, а мы топчемся, ничего не зная, в двухстах километрах.

Пришел почти пустой поезд из Таллина и почти полный часа через два ушел обратно. Многие уезжающие решили, что из Таллина будет проще уехать в Ленинград, чем через Псков. С

таллинским поездом приехали два флотских командира - старший лейтенант и лейтенант. Обоим надо в Либаву. Обступили их, ввели в курс дела - уже двое суток в Либаву поезда не ходят, и не знаем - что делать. Просим их сходить к коменданту.

Через полчаса оба вышли от коменданта и, отозвав нас (а "нас" было человек 10) в сторону от толпы, объявили: первое - об услышанном никому ни слова; второе - Либава или окружена или уже захвачена немцами, т.к. связи с вокзалом нет. Совет коменданта морякам - ехать в Таллин и обращаться в штаб флота, но сегодня поезда в Таллин уже не будет. Вечереет. Мы порядком устали и начали искать уголок для сна, решив, что утро вечера мудренее. Приткнуться в самом вокзале было совершенно невозможно. В одном конце перрона нашли небольшую свободную площадку и кое-как разместились плотной группой.

27 июня. Пятница, г. Рига.

Утром обсуждаем - что делать? Пятеро решили ехать в Таллин поездом, который днем должен прийти из Таллина и уйти обратно, как вчера. Санин говорит, что его вышестоящее командование находится в Ораниенбауме, поэтому ему надо ехать в Ленинград более коротким путем - через Псков. Мне хочется в Таллин, но я не знал никого из тех, кто гуда решил ехать. А к Санину я уже привык, и он, похоже, считает меня за своего, и, я чувствую, роль моего "опекуна" ему нравится.

Санин предложил, не дожидаясь поезда на Псков, попытаться вернуться снова автотранспортом. Должны же военные автоколонны возвращаться за грузом в сторону Ленинграда. Решили ловить эти автоколонны у моста через реку.

С левого берега довольно часто шли автомашины с какими-то гражданскими лицами и домашней утварью. Мы решили этими машинами не пользоваться. Мы же не беженцы. В середине дня на мосту показались несколько грузовых машин, которые казались пустыми. Переехав мост и заметив нас, машины остановились. Мы подошли к головной. В ней, рядом с водителем, сидел старший лейтенант в армейской форме со знаками медслужбы в петлицах. Водители тоже все армейцы. Спросил: как проехать в госпиталь. Оказывается, все семь машин везут раненых армейцев и флотских из Либавы, откуда они с войсками вырвались вчера. В каждой машине примерно по 10 тяжелораненых. Приказано сдать их в госпиталь и возвращаться на фронт в сторону Либавы. Санин предложил наши услуги спрашивать на ходу дорогу в госпиталь, помогать переносить раненых, а затем ехать пустыми машинами на фронт.

Санин встал на ступеньку машины рядом с водителем, я

забрался в кузов рядом с кабиной у правого борта и потихоньку поехали. В нашей машине было 9 раненых. Почти все лежат на спине, некоторые - полулежа, опираясь спинами в борта кузова. Лица бледные, у некоторых в грязи, с засохшими подтеками крови. У многих повязки на голове, лице, на груди, на ногах. Некоторые без гимнастерок и без сапог. Очевидно, после перевязки некогда или нельзя было одеть. Лежат кто на чем - на полу кузова какие-то одеяла, мешки, брезент, шинели, сырое еще сено. Человек у четырех рядом лежат винтовки. На меня почти никто не обратил внимания. Только двое попросили воды. Передал их просьбу старшему лейтенанту. Тот сказал, что как только я увижу водоразборную колонку, дал бы ему знать, затем собрать фляги и набрать воду. А вообще, сказал он, скоро будем в госпитале.

Но до госпиталя, плутая, добирались почти час. Заехали во двор, где уже стояли несколько машин с ранеными. Старший лейтенант пошел докладывать дежурному по госпиталю, а мы с Саниным собрали фляги в нашей, затем еще в четырех машинах, набрали в каком-то помещении воды и разнесли их по машинам.

Вышел наш старший лейтенант злой, лицо красное. Собрал водителей, троих мл. командиров, раненных в плечо и руки, которые ехали в кабинах с водителями, и одного санинструктора, который сопровождал колонну. Объявил, что раненых не принимают - все забито. Советуют ехать или в Псков, где большой госпиталь, или в Таллин, но в Таллине госпиталь флотский, небольшой. Решили ехать в Псков. Вышли двое в халатах. Наверное, врач и санитар. Бегло осмотрели раненых в каждой машине, у некоторых сменили повязки или добавили поверх старых, дали какие-то советы нашему старшему лейтенанту и пожелали счастливого пути.

А раненые просят пить и в туалет. С питьем то проще, а вот с туалетом сложнее. Выяснили, где поближе туалеты, открыли борта машин и стали помогать тем, кто мог сам ходить, спуститься с машины, довели до туалета и обратно. А для тех, кто не мог ходить, санитары принесли стеклянные посудины "утки" и помогли раненым с ними управиться. Нас с Саниным назначили на разные машины присматривать в дороге за ранеными, давать воды, смотреть за воздухом, т.к. возможны налеты немецких самолетов. Сегодня они уже несколько раз появлялись над городом, но их отгоняли наши "ястребки". Один из раненых флотских оказался из той же части, где служил Санин, и Санин попросился в ту машину.

Двое наших водителей со старшим л-том принесли по 2 буханки черного хлеба, по 2 батона и по 4 банки тушенки на

машину. Кое-что перепало и нам с Саниным. Мы тоже с утра ничего не ели. Затем притащили бачок с горячим чаем, десятка два кружек и по очереди напоили наших раненых.

Наконец команда: "По машинам!" Медленно пробираемся по узким улицам города. Нашему старшему лейтенанту в госпитале начертили приблизительную схему выезда из города на шоссе к Пскову, но все равно приходится останавливаться и уточнять направление. В одном месте вдруг откуда-то сверху сзади один за другим раздались два выстрела, и пули просвистели совсем рядом. Одна, как оказалось потом, пробила изнутри передний борт кузова слева от кабины, а вторая заднюю стенку кабины и вышла через левую дверь, не задев водителя. Повезло. Стрелял явно не снайпер и, по-видимому, очень спешил, чтобы не засекли патрули.

Наконец пристроившись за двумя машинами с каким-то домашним имуществом, явно выбиравшимися из города, выехали на нужную нам дорогу. Из разговоров раненых между собой, а также водителей и старший лейтенанта узнал, что большинство бойцов было ранено 25 июня, а некоторые 26-го во время прорыва из окруженной Либавы. Часть войск и моряков прикрывала прорыв и, наверное, сами не успели уйти за основными группами, которые прорывались на север и северо-восток от города по разным дорогам. Прорвавшиеся отряды остались с частями, которые сдерживали немцев, наступающих на север и на Ригу. Машин с ранеными было значительно больше, но после прорыва поехали разными дорогами. В нашей колонне на двух машинах было пятеро раненых моряков с каких-то кораблей. Многие говорили, что у немцев очень много минометов, и от мин могут спасти только глубокие окопы, но рыть их некому и некогда, поэтому и матросы, и солдаты используют, в основном, какие-нибудь естественные укрытия: пни, ямы, бугры и пр., которые от осколков мин не защищают. И у всех немцев легкие автоматы, из которых они в атаке бьют на ходу, фактически не целясь, "от живота", но голову поднять страшно.

Проехали часа три, но т.к. скорость наша была не более 40 км/час, то ясно, что не проехали и трети пути до Пскова. За это время нас обогнали колонна военных бензовозов и несколько грузовых машин с гражданским населением. Свернули к опушке леса. Водители постарались заехать под деревья, чтобы машин не было видно не только с воздуха, но и с дороги. Костры решили не разводить и поужинать с водой из фляг.

Снова процедура помощи раненым с туалетными делами, кормление тяжелораненых и организация им ночлега. Чтобы ночью они не мерзли, наломали охапки мелких веток, уложили

их на пол кузова машин, а шинели, одеяла и брезент - всё, на чем они лежали, теперь пошло вместо одеял.

Мы с Саниным устроили себе место для ночлега в кустах по такому же принципу.

На охрану старший лейтенант назначил по два человека со сменой через 2,5 часа. Я попросился тоже дежурить, старший лейтенант сказал, что и без меня хватает, а Санина включил в первую смену.

28 июня. Суббота. Между Ригой и Псковом.

Подъем в 6 часов. На одной из машин ночью умер раненный в голову. Одни предлагали похоронить его здесь же на опушке леса, а один из раненых попросил довести до Пскова, т.к. он его земляк и тогда сможет рассказать родным погибшего о месте его захоронения. Так и порешили. Подвинули умершего в угол кузова и накрыли брезентом.

Невдалеке оказался ручей, набрали воды в котелки и фляги, на кострах вскипятили воду, накормили и напоили раненых, доели все сами, в надежде, что к середине дня доедем до Пскова. Как ни спешили, но выехали только часов в 9, когда по шоссе уже во всю шли машины на восток, на Псков. Раза два видели одиночные немецкие самолеты, но они пролетали высоко и на нас не обращали внимания. Мы, похоже, едем медленнее всех, т.к. десятка три машин нас уже обогнали, а мы обгоняем только одиночные повозки.

Примерно в час сделали привал и отдых для водителей и раненых. Больше до Пскова решили не останавливаться. Часа в 3, когда дорога пошла через лес и впереди нас шло так же медленно машин пять с какими-то людьми, внезапно низко, впереди нас, справа налево пронеслись и скрылись над лесом два истребителя. Похоже, что немецкие. Может, не заметили. Но вдруг впереди послышался быстро нарастающий гул, какой-то треск, быстро переходящий в рев двигателей, пулеметный грохот, как шквал, пронесшийся над нами в доли секунды. Помню, что я инстинктивно присел на корточки, вцепившись руками в борт кузова. Испугаться, похоже, даже не успел. Значит, немцы нас заметили, развернулись и ударили по машинам вдоль дороги.

Провожая взглядом промчавшиеся самолеты, я увидел, что одна из наших машин съехала с шоссе в кювет, завалилась на правый борт, и из нее на землю попадали раненые. Стучу по крыше кабины и говорю об этом старшему л-ту. Тот приказывает водителю остановиться и постараться подъехать поближе к лесу. Вижу, что впереди горит одна из чужих машин. Бежим со старший л-том к опрокинувшейся машине. На бегу он говорит водителям машин сворачивать к лесу и бежать за нами на помощь нашим.

Подбежали. Раненые, кто может, выползают из образовавшейся кучи тел и ползут к лесу. Кто-то стонет, кто-то кроет матом, кто-то просто воет о боли. Водитель привалился к правой дверце кабины. Хотели помочь ему выбраться через левую, но он мертв. Голова, лицо, грудь - все в крови. Переднее стекло машины - вдребезги. Из 10 раненых, находившихся в кузове, двое убиты, двое повторно ранены - один в плечо, другой в ногу выше колена. Подбежавший наш санинструктор наложил им повязки прямо поверх одежды.

Подбежали водители остальных наших машин. В их машины попаданий не было. Решили перенести убитых в ту машину, в которой лежал умерший ночью, а остальных раненых разместить по остальным машинам. До Пскова, считают, всего два часа езды. Машину пришлось бросить, т.к. вести ее больше некому. Выбрались на дорогу. Решили, что поскольку в течение первых десяти минут после налета самолеты больше не вернулись, значит ушли дальше - на дороге и других машин много. А может быть, кончился боезапас.

С загоревшей впереди машины уже стащили какие-то узлы, тюки и перетаскивают их на другую машину. Недалеко от горящей машины на обочине дороги лежат двое убитых.

К вечеру без новых приключений добрались до Пскова. Снова поиски госпиталя в незнакомом городе. В госпитале сказали, что всех раненых возьмут и просили помочь выгрузить их из машин.

Мы с Саниным поблагодарили старший лейтенанта и пошли снова в знакомую комендатуру.

Санин представился дежурному по гарнизону как выполнивший задание командования - сопровождал раненых из Либавы и доставил их в госпиталь. Спросил о возможности выехать в Ленинград сегодня. Оказалось, что сегодня возможности нет. Санин спросил, где можно переночевать. Дежурный сказал, что переночевать можно в казармах, выписал какое-то направление или разрешение, рассказал, как добраться до казарм, и посоветовал прийти завтра.

Казармы были где-то на окраине города. Запомнилась картинка: перед воротами во двор казармы стоит легкий танк и его командир кричит дежурному по проходной: "Открывай ворота или я их разнесу вдребезги"! А тот спокойно: "Попробуй, попробуй! Давно на губе не сидел? Тебе сказано - без разрешения дежурного по гарнизону не пущу". Санин посоветовал танкисту скатать до комендатуры и рассказал, как ее найти. Танкист, матюгаясь, дал команду механику-водителю, и танк рванул в сторону комендатуры.

Дежурный на проходной, изучив нашу бумагу из

комендатуры, приказал одному из дежурных рядовых проводить нас в одну из казарм на второй этаж. В большом помещении было штук тридцать голых железных коек, на которых уже спали человек 15 - кто прямо в шинели, кто одетый, постелив шинель на койку. Мы с Саниным решили спать одетыми - он в бушлате, я - в шинели, положив под голову рюкзак, выделив и Санину что-то под голову.

29 июня. Воскресенье, г. Псков.

Проснулся я рано, часов в 5. Вспомнил - ровно неделю назад началась война. Сегодня воскресенье, 29 июня. Побродил по двору, в кузове одной из машин нашел несколько винтовочных патрон и сунул их в карман. Разбудил Санина, и решили идти сначала на вокзал. Туда, оказывается, можно доехать на трамвае.

Лет тридцать спустя был я и командировке в Псковской воздушно-десантной дивизии. В свободное время пытался найти в Пскове бывшую комендатуру, но не смог. И никто из военных не мог подсказать. Еще лет через 10, будучи на экскурсии по Псковскому краю, облачил всю центральную часть города, но бывшей комендатуры не нашел.

На вокзале встретили несколько краснофлотцев, возвращающихся из отпусков в свои части. Узнали, что поезд на Ленинград будет в 22.45 и что надо пропуск от коменданта. Пошли снова в комендатуру. Дежурный по гарнизону нас узнал и сказал, что надо идти к коменданту. В приемную к коменданту большая очередь. Большинство командиров. Нас, конечно, часовой не пустил. Санин сбегал к дежурному по гарнизону, и тот провел нас в приемную. Там тоже полно народу, а к коменданту пускают по одному. Подождали мы с полчаса, народу не убывает, даже, похоже, становится еще больше, хотя часовому было приказано: "Младше полковника не впускать!"

Потом мы заметили, что какой-то морской старший политрук разговаривает с секретарем об отправке восьми краснофлотцев в Ленинград. Санин поговорил с ним, и он прибавил в список нас двоих. Секретарь выписал литер. Все в порядке. Договорились с политруком встретиться у вокзала в 17 часов. Во дворе комендатуры встретили несколько краснофлотцев с фронта. Кто в чем, но у каждого винтовка, патронташ, гранаты, противогаз. А у нас вид отпускников. Не солидно.

Санин решил достать винтовку, патроны, гранаты и прочее снаряжение. Дежурный по гарнизону ему сказал, что, если он достанет винтовку, то патроны он ему выдаст Санин попросил у одного из вооруженных краснофлотцев винтовку, сходил к дежурному, получил у него два подсумка с патронами, а винтовку отдал хозяину.

Теперь пошли искать винтовку. Спрашивали на всех машинах, но лишней ни у кого не было, а может быть (и это, пожалуй, вернее), просто не хотели давать. Санин мог бы сходить в госпиталь и там у своих ребят попросить, но до госпиталя далеко идти.

Решили сходить на вокзал. По дороге - воздушная тревога! На углу милиционер велел остановиться. Там уже стояло человек 20. Санин заявил милиционеру, что собираться большими группами нельзя и пошел на другую сторону улицы. Я - за ним. Постояли минуты две и потихоньку улизнули. Немного прошли, и опять милиционер велел войти во двор. Осмотрели мы двор, нашли способ выбраться из него на соседнюю улицу и пошли дальше.

Над городом ясно слышен гул моторов и видны разрывы зенитных снарядов. "Юнкерс", резко меняя курс, уходит от города. Где-то за крышами домов взревели моторы наших ястребков. Вот две машины выскочили из-за крыш и ринулись за "юнкерсом". Вскоре они скрылись из виду.

Я здорово хочу есть, Санин не меньше. У меня еще есть 15 рублей. Санин предложил зайти в ресторан. Заказали лапшу с котлетой Санину, а мне почему-то курицу с картошкой. Пока ждали заказа, прошло больше часа. Санин даже несколько раз кричал: "На камбузе, полундра!" В кусочке курицы нашелся маленький кусочек мяса. Санин взял кружку пива, а я отказался. Купили Санину две пачки папирос и на выход. Проели все 15 рублей! А толку - чуть-чуть. Все равно есть хочется. В любой бакалее мы могли бы на 10 рублей насытиться. Чем мы тогда думали - не знаю.

Вышли из ресторана, смотрим - стоит легковая машина, пустая, а рядом другая, но с шофером. Разговорились с шофером. Спросили: не боится ли он нападения. Отвечает, что есть гранаты и винтовка. А потом спросил нас, как обращаться с гранатой, но, когда Санин попросил, чтобы он достал ее, сказал, что далеко лежит. Чувствовал, что дай нам в руки гранату, он ее лишится. Еще немного поговорили и пошли к вокзалу. По дороге Санин сетовал, что не будь шофера во второй машине, можно было бы на одной машине махнуть в Таллин или в Ораниенбаум. Я хотел спросить его: почему же тогда бросили вчера грузовик, в котором был убит шофер, - но промолчал.

До отхода поезда еще 8 часов. Как медленно тянется время. У вокзала полно народу. Много латышей, которые все с винтовками. Отходит какой-то эшелон, загруженный машинами, людьми. В ларьке купили с Саниным 400 г галет, 500 г конфет и пошли кипяток пить. Это оказалось куда сытнее, чем в ресторане, и истратили всего 5 рублей.

В 5 часов опять тревога. Самолетов штук 5. Один быстро сбили зенитным огнем, второй, пытавшийся подойти к вокзалу на небольшой высоте, сбил из винтовки какой-то краснофлотец. Было видно, как трассирующая пуля попала в правый мотор. Взрыв и конец. Два других самолета посадили истребители. Один сел в полукилометре от вокзала. Его оцепили военные и милиционеры, но мы все же увидели: на крыльях самолета красные звезды. 5 летчиков сдались. Второй самолет все старался подойти к железнодорожной линии. Только он направится к ней, ястребок по нему очередь. Он отойдет и снова подбирается к дороге. Ястребок снова отгоняет его. Наконец заставили сесть.

На вокзале встретили несколько краснофлотцев из Либавы. Все вооружены. Как они похожи на революционных матросов 17-20-х годов: запыленные распахнутые бушлаты, из карманов которых торчат ручки гранат, перетянуты патронташами и пулеметными лентами, заломленные на затылок бескозырки, пыльные ботинки и брюки. Только на бляхе ремня не орел, а якорь со звездой, на бескозырке не орел, а звездочка, винтовки нового образца, кое у кого и полуавтоматические. Подошли три машины с краснофлотцами. Хотели ехать с ними, но они едут в Таллин.

В 6 часов я встал в очередь у кассы. В 8 часов политрук передал мне литер. Передо мной человек 6, сзади - человек 15. Какой-то полный штатский, прочитав, что написано у меня на ленте бескозырки, спросил с удивлением: "А как сюда спецшкола попала?" - "Длинная история", ответил я. В 10 часов открыли кассу. Пришел Санин. Он ходил в госпиталь за винтовкой и гранатами. Я отдал ему литер, и он полез без очереди. И хорошо сделал, т.к. подошли откуда-то несколько майоров и тоже полезли без очереди. Ганин здорово разругался с каким-то старшим лейтенантом, который тоже лез без очереди. У Санина был грозный вид: бескозырка на затылке, бушлат перетянут патронташами и подсумками, из карманов торчат гранаты, прикладом винтовки стучит по полу...

Билеты достал. Вскоре пришел эшелон. Он полон мобилизованными. Начальник эшелона говорит, что эшелон идет не в Ленинград, а другие - в Ленинград. Мы все же решили сесть и кое-как влезли. Первым делом поругались из-за мест Наши говорят, что трое суток не спали, а мобилизованные, что двенадцать. Потом помирились.

Проехали с полчаса и встали. Из окон видно, как два наших "ястребка" гонятся за "юнкерсом". Тот, по-видимому, хочет разрушить перед нами путь или долбануть наш состав. Очевидно, он очень спешит и, не долетая до нас, бросает две бомбы, которые

упали у полотна железной дороги. Зазвенели порванные провода. Затем "юнкерс" резко разворачивается вправо, быстро снижается и уходит в сторону. Несколько раз мы видим его, когда он появляется на фоне неба над лесом. Наконец он исчез. Так как уже начало смеркаться, то "ястребки", на фоне темного леса, его не видели.

Проехала вперед дрезина исправлять связь. Наш паровоз почему-то отцепили, и он ушел вперед. Был отдан приказ: "При приближении самолета открывать огонь!" Стоим уже час. Я прохаживаюсь по шпалам вдоль вагона. Вдруг впереди выстрел. Кто-то крикнул: "Все вооруженные вперед!" Это возвращалась дрезина.

Я влез в вагон. Мобилизованным выдавали по 4 селедки и по полбуханки хлеба. Получили и мы немного. С селедкой, да еще в темноте и тесноте, я не привык возиться. Так что, поглодав ее и больше измазавшись, выкинул в окно. Половину хлеба съел, другую сунул в карман. Одно место оказалось свободным, и я поспешил его занять. Проспал часа три. Не знаю, то ли не нашелся хозяин этого места, то ли он смиловался надо мной, но проспал я спокойно.

30 июня. Понедельник. В эшелоне Псков - Ленинград.

Часов в 5 утра, недалеко от Луги, "немец" снова атаковал наш состав, но лишь разбил позади нас железнодорожный путь. В Луге все мобилизованные высадились, вагоны освободились, но спать уже не хотелось. Ребята начали приводить себя в порядок: покидали, у кого были, ранцы и подсумки для гранат, проверили гранаты и распихали их по карманам бушлатов, занялись чисткой винтовок и револьверов.

Я попросил у Санина его винтовку и сел отдельно у окна почистить ее. Только успел разобрать затвор, проходит мимо старшина из одной с Саниным части и увидел у меня в руках винтовку: "Ты где ее взял?" "Санин дал почистить", отвечаю. Забрал у меня винтовку и что-то начал объяснять ребятам. Все же они чуждаются меня и, похоже, не очень-то доверяют мне. Встретились только вчера вечером и даже не познакомились. Это с Саниным мы уже несколько суток вместе и несколько ночей под моей шинелью спали.

У самого Ленинграда милиция стала проверять в вагонах пропуска и документы. Все наши документы - литер - у политрука, а он в соседнем вагоне. А поскольку нас, флотских, в вагоне было человек десять, держались все кучно, на вопросы милиционеров отвечали дружно хором и все были солидно вооружены, то милиционеры с нами не связывались.

В 10 утра прибыли в Ленинград. Платформа с левой стороны,

а ребята почему-то все спустились на правую сторону, на пути. Когда же мы перелезли через вагон на платформу, то никак не могли найти политрука. Пришлось идти в отделение милиции и там объясняться, что потерялись. Вызвали начальника отделения, но, как только он увидел нашу вооруженную до зубов ораву, сейчас же заявил, что у нас есть свое начальство и пусть оно с нами и разбирается. Дежурный по отделению посоветовал подождать у них в красном уголке, пока о нас сообщат какому-нибудь нашему начальству. В красном уголке шло кино "Богдан Хмельницкий". Некоторые остались смотреть кино, другие взяли читать газеты, некоторые играть в бильярд, кто-то вышел на улицу. Но первым делом, как вошли в вокзал, купили все по бутылке лимонаду, пряников, печенье. Больше ничего подходящего для наших желудков и карманов не оказалось в этом буфете.

Когда кончилось кино, а я успел сыграть три партии в бильярд, все вышли на улицу и расположились под окнами отделения в скверике справа около вокзала. Некоторые начали чистить свое оружие, кто-то улегся спать. Я последовал примеру последних, ибо только это мне и оставалось. Положив под голову свой рюкзак и накрывшись шинелью, спокойно проспал часа два.

Подошел какой-то краснофлотец. На ленточке бескозырки "Уч. отряд Сев. флота". Сказал, что он направлен собирать таких, как мы в экипаж. Выпив еще по бутылке лимонаду и собрав свои монатки, мы гурьбой двинулись за ним к трамвайной остановке. Время уже 16 часов. На какой-то остановке вылезли из трамвая, построились по двое и двинулись дальше. Нас набралось человек 20, в том числе трое красноармейцев. Когда они пристали к нам, я и не заметил.

Пришли в полуэкипаж, сложили все свои вещи у входа в казарму и сейчас же в "Особый отдел". Зашли, расположились кто где мог: на стульях, на подоконниках. Сотрудник отдела - политрук угостил всех "звездочкой" и попросил рассказать все с самого начала, от Либавы. Начали хором, но потом определились ведущие рассказчики. Рассказывали все, что видели и слышали: про измену местных работников, отдельных командиров, про свои стычки с немцами, про скитания. Политрук слушал, не перебивая, потом объяснил нам международную обстановку, которая сложилась в это время, про наши первые неудачи и предупредил, чтобы мы ни в коем случае не говорили никому ни слова о том, что видели. "Слухи - самое большое зло", - сказал он.

Разобрав свои вещи, мы пошли в выделенное для нас помещение - изолятор, а затем - ужинать. В супе было столько мяса и жира, что я не съел и половины, но гречневую кашу с

маслом успешно осилил. Все наелись до отвала.

Немного передохнули, разобрали кровати и в баню. С наслаждением подставляли друг другу свои спины. Во время такой процедуры один из ребят вскрикнул. Оказалось напарник, натерая ему спину и пониже, задел за осколок, торчащий в ягодице, о котором его владелец успел забыть. Вытащили, промыли ранку горячей водой и залили йодом. До свадьбы заживет. Помылись на славу! Получили новые тельняшки, кальсоны, носки. Я свою тельняшку и носки оставил в бане. После бани - спать!

1 июля. Вторник. Ленинградский флотский полуэкипаж.

Утром нам приказано было сдать все оружие. Сдали почти все и почти все. Именно "почти", т.к. некоторые не захотели расставаться с пистолетами. За весь день ничего особенного не произошло. Отдыхали, ели до отвала.

В супе столько жирного мяса, что я стараюсь выбирать мясо без жира. Во дворе продают яблоки, конфеты и другие сладости. За всем этим большие очереди, но у меня карманы почти пустые. В изоляторе нашел какой-то потрепанный морской журнал, в котором встретил упоминания о нескольких новых для себя наших кораблях.

2 июля. Среда. ЛФЭ.

Сегодня написал первое письмо домой, которое передал через форточку проходившей девушке, с просьбой бросить в почтовый ящик. "Не бросить, а опустить", - поправила она, улыбаясь.

До 18 часов опять бездельничали, но потом - горячка. Сообщили, что мы отправляемся дальше. Старшина, тот же, из 10 ИАБ, который отобрал у меня в поезде винтовку Санина, не хочет вносить меня в список отъезжающих. Санин тоже советует остаться в полуэкипаже, отмечая, что здесь кормят до отвала, спи в волю и никаких забот. Но не для этого я неделю назад уезжал из Ленинграда на фронт, чтобы снова вернуться в Ленинград и бездельничать в уютном экипаже. А потом здесь у меня никого знакомых нет. Уговорил Санина, и он пошел со мной к начальнику строевого отдела. Поговорили с секретарем, тот с начальником. Начальник задал несколько вопросов: с какого я года, какая часть, где она находилась, какая у меня специальность.

Сказал, что с 23-го, из В-МСШ, сигнальщик. Школа находилась на Ладоге. В доказательство показал ленту с надписью "Воен. мор. спецшкола", которую я снял с бескозырки и заменил на "Краснознам. Балт. флот". Санин был рядом и поддакивал.

Меня внесли в список едущих в Ораниенбаум (в "Рамбов", как

его называют здесь моряки), указав, что я сообщил о себе в строевом отделе: возраст, специальность, часть. Быстро собрался. Наших в помещении уже никого нет. Побежал во двор искать машину, которая идет в "Рамбов". Едва нашел.

Поедем автобусом, который уже побывал в каком-то переплете - весь изрешечен и побит. Через некоторое время команда: "Всем выйти и построиться!"

Увидел наших. Они тоже едут в "Рамбов". Теперь и старшина внес меня в свой список. В 21 час погрузились в три полуторки и выехали из полуэкипажа. Ехали с песнями... минут 15. Объехали вокруг полуэкипажа и встали у Ленвоенпорта. Стояли довольно долго, я хотел что-нибудь купить поесть, но боялся отойти от машины. Наконец решился и помчался к гастроному напротив, но он закрыт. Досадно. Вдоль канала, окружающего Ленвоенпорт, ограждение с толстым деревянным брусом наверху. Вырезал на нем свои инициалы в память о столь надоевшем стоянии.

Простояв часа два, наконец поехали... в полуэкипаж. Оказывается, наша машина неисправна.

В полуэкипаже наш шофер разругался с лейтенантом, который сопровождает нашу колонну. Мы на стороне шофера. Когда стояли у Ленвоенпорта и была возможность заменить неисправную деталь, шоферу не дали это сделать, а теперь эту деталь хотят взять с другой машины. Конечно, шофер этой машины внятно выражает свое неудовольствие. Нам велели пересесть в другую полуторку, где уже спали два краснофлотца и красноармеец. Когда их начали будить, началась ругань. Мы, злые, что 6 часов околачиваемся без толку, а они - что не дали поспать. Начали обзывать друг друга "партизанами", "фронтовиками", "вояками" и т.д. Наконец поехали.

3 июля. Четверг. Ораниенбаум, военный городок.

Впереди две легковые машины, за ними две грузовые и сзади еще одна легковая. На улицах и на шоссе за городом никого. Газуем на полном. Раза два останавливались, поджидая отставшую легковушку. Кругом тишина. В небе смутно видны аэростаты воздушного заграждения. Петергоф. Тихая, уютная улица, красивые здания с садами. Церковь с высокой колокольней. (Сколько она нам бед принесла с октября 41 до февраля 44 года, будучи и наблюдательным, и корректировочным, и дальномерным постом для немецких артиллеристов). Но это все потом, а пока любуемся местами, которые проезжаем. Спать уже не хочется. Третий час ночи 3-го июля. Подъезжаем к "Рамбову". Санину эти места знакомы, и он дает краткие пояснения.

Дорога плавно снижается и круто поворачивает влево. Тут

особенно прохладно. Старые развесистые ивы обступают со всех сторон, совсем закрывая небо. Проскакиваем несколько мостиков и упираемся в какие-то ворота и изгородь с колючей проволокой. Некоторое время стоим, затем задним ходом выезжаем снова на дорогу и едем обратно. Подъехали к железнодорожному вокзалу и на площади около него "спешились". Часть пошла на вокзал попить чайку и устроиться там на ночлег, а часть осталась в машине. Мне не до чая. Страшно захотелось спать. Улегся у борта машины, положив, как обычно, под голову рюкзак и укрывшись шинелью.

Часов в 6 разбудили. Поехали дальше, вернее обратно. Снова подъехали к воротам и забору с колючей проволокой. Ворота на сей раз открыли и машины проехали внутрь ограды. Выбрались из машин, а их поставили под развесистые деревья. Провели нас в здание казарменного вида на второй этаж располагайтесь! Расположились на голых железных койках и уснули. Часов в 8 внизу в столовой позавтракали, и "Выходи строиться во двор!". Стали снова переписывать всех, разбили по взводам. Мы с Саниным оказались в разных взводах. Предупредили, что перед обедом снова будет построение и проверка. Кто будет отсутствовать, будет считаться дезертиром.

До обеда снова валялись на голых койках. После обеда вызвали охотников ехать за матрацами. Я, конечно, среди них. Поехали человек 7 на полуторке. Сначала мимо вокзала к пристани. Лейтенант пошел куда-то договариваться, ребята "затралили" девушек, а я пошел поближе к пристани поглядеть на Кронштадт. Правее Кронштадта разглядел несколько подводных лодок. Снова поехали немного обратно, затем по шоссе за город в какой-то склад. Наконец нашли и склад и его завхоза, но матрацев нет. Есть только наволочки. Вернулись ни с чем в свою казарму.

В этом военном городке бойцы живут, очевидно, постоянно. Зимой в зданиях казарм, где теперь мы, а летом в палатках, как сейчас. Вся поляна и казарма окружены липами, кленами, березами. Под ними стоят сейчас не меньше сотни тракторов. Около них возятся трактористы. Обедать их тоже водят строем.

К вечеру прибыло несколько машин из Пскова и Ленинграда с фронтовиками. Те, кто прибыл с нами, уже ругаются с вновь прибывшими. У них с собой в машинах сахар, шпик, хлеб, а у наших ничего, а кормят здесь значительно хуже, чем в полуэкипаже. Вновь прибывшие с нами не делятся. Говорят, что бежать не нужно было. Называют нас трусами и пр.

4 июля. Пятница. Ораниенбаум - Кронштадт.

Утром за завтраком получилась буза: кружек нет, сахара нет,

хлеб только черный. Масло дали, кусочек сахара дал Санин. Прибыло еще несколько машин с людьми. В нашем кубрике один краснофлотец здорово играет на баяне. Пошли просить баян у политрука, но он боится, что или упрем, или испортим. Незнакомым людям кто даст такую вещь?

Перед обедом воздушная тревога. На большой высоте на запад идет "юнкерс". По нему бьют зенитки. Мы все рассыпались под деревья и у стен казармы. Перед ужином снова выстроили всех с вещами, провели перекличку по спискам. Двух человек нет. Построили в колонну по четыре и пошли. Спустились под гору на дорогу и через город на пристань. Ждем буксира на Кронштадт. В 19 часов пришел буксир, погрузились и пошли. Я забрался на самый нос. Немного покачивает. Через час подошли к Ленинградской пристани, выгрузились, построились и пошагали. Справа высокий забор стадиона, из-за него виден ствол "максима", торчавший вверх. Идем по красивой липовой (пли вязовой) аллее, почти упирающейся в крепостную стену у Ленинградских ворот (без ворот).

В августе 42 года, справа перед этими воротами, в бывшей школе (двухэтажное, в плане Г-образное здание) формировался отдельный минометный батальон 260-й Отдельной бригады морской пехоты КБФ, в который я был назначен наводчиком вначале ротного, а затем батальонного миномета.

В середине сентября в этом здании бывшей школы меня приняли кандидатом в члены ВКП(б) по рекомендации командира роты и старшины 2-й статьи с подлодки, нашего парторга. Комиссаром батальона оказался майор Гашук, который был на нашем корабле военкомом, во время перехода на Гогланд в ноябре 41-го, который меня узнал и поддержал мое вступление в партию. Помню, как начальник политотдела Бригады подполковник Демидов, вручая мне кандидатскую карточку, сказал: "Сколько лет работаю в политотделах, первый раз вручаю кандидатскую карточку такому молодому краснофлотцу". Мне тогда было 17,5 лет.

В октябре мы прорыли вдоль крепостной стены траншеи полного профиля и перекрыли их местами. Ругались, что был не обычный земляной грунт, а сплошная свалка, на которую не одну сотню лет вывозили весь мусор и отходы из города. А в конце аллеи, перед воротами, врыли в землю две танковые башни с огнеметами, которые своим пламенем перекрывали подступы к Ленинградским воротам.

В декабре 42-го а этом здании стал формироваться Отдельный Истребительный противотанковый Дивизион этой же Бригады, в котором последовательно до конца войны я был

командиром отделения крупнокалиберных пулеметов, ком. отделения и помкомвзвода противотанковых ружей и командиром противотанкового орудия.

Из этого здания в зиму 42-43 годов мы выходили на ледовую оборону Кронштадта. Для этой обороны на морзаводе строили деревянные будки на полозьях-бревнах. Стенки и крыша снаружи и изнутри были из сырых досок, простенки засыпались сырыми опилками, которые при перевозки будок утрамбовывались на одну треть, и в верхней части будки всегда дуло из щелей. В будках были двухъярусные нары на 4-х человек и разборная чугунная печка под уголь. Днем мы, по 8-10 человек ухватившись за два каната, прикрепленные к полозьям, подтаскивали эти будки к зданию дивизиона, а ночами эти будки, 45-мм орудия и пулеметы ДШК на металлических санях вытаскивали на лед около Ленинградской пристани. Справа от современного входа на пристань, где сейчас стоит памятный камень изобретателю радио Попову, была установлена стационарная 4-х орудийная 45-мм батарея. Здесь был пологий спуск на лед, и бойцы охранения, разведя рогатки с колючей проволокой, выпускали нас на лед.

Основная сложность была в пересечении фарватера, если по нему успевал до нашего подхода пройти ледокольный буксир из Кронштадта в Ленинград. На этот случай мы везли с собой десяток длинных досок, из которых мостили переход и для людей и для своего груза. Насколько помню, мы не утопили ни одного орудия и ни одной будки. Правда, некоторым пришлось искупаться между льдин. Год назад, в ноябре 41-го, по этому фарватеру, тоже ночами наш корабль проводил из Кронштадта в Ленинград и обратно караваны кораблей, а в ноябре 42-го он стал нам преградой.

Южный участок ледовой обороны Кронштадта проходил вдоль южного берега от Ораниенбаума до Лигова в 1-1,5 км от берега. Оборона состояла из 3-х полос: ближе к берегу саперы устанавливали противопехотные мины, укладывая их в лунки, вырубленные во льду или в снегу; вторая полоса метров через 100 - глубинные бомбы и фугасы, соединенные электрокабелем, который выходил на берег Кронштадта; и третья линия - орудийно-пулеметные точки, расположенные на расстоянии 500-800 метров друг от друга. Моя точка оказалась на траверзе Петергофа.

Поначалу пробовали оставаться в будках на день. Но стоило затопить печку или кому-то выбраться из будки по нужде, немцы открывали орудийный и минометный огонь. Чтобы не быть накрытыми всем в будке, выскакивали из нее, разбегались в разные стороны и плюхались на лед. На выручку приходили наши

батареи на фортах, начиналась контрбатарейная пальба, и мы опять забивались в будки. Позже оставляли на точках только по одному - два дежурных., а остальные расчеты на день уходили на берег. С темнотой все расчеты занимали свои позиции: по одному у пулемета, по два - у орудия, остальные отдыхают в будках. Каждые четыре часа смена дежурных.

Однажды произошел любопытный случай: резко потеплело, на поверхность льда вышла вода. Ветер с залива стал нагонять воду в устье Невы, и лед под нами стал потрескивать, прогибаться под орудиями и будками. Чтобы спасти орудие, я решил оттащить его к борту эсминца, кажется. "Стерегущего", который, кажется, осенью 42-го при переходе в Ленинград был атакован на фарватере, поврежден и выбросился на северный край фарватера, завалившись на левый борт. Так он и вмерз в лед. Мы сняли ствол орудия и затащили его на палубу эсминца, сани со станиной привязали к его борту. Выставил на палубе пост. Через день-два разыгралась ночью метель. Повел я двоих ребят на смену. От будки до эсминца метров 800-1000), т.е. минут 15 ходу в метель. Прошли 20, 25, 30 минут. Эсминца нет. Еще через 25-30 мин. вышли к какой-то позиции. Окрик часовых: "Стой! Пароль"! (Пароль выдавался новый на каждую ночь). Оказалось, что это наша позиция, которая от будки была метрах в 50 ближе к берегу. И вышли мы к позиции почему-то со стороны берега. Снова пошли к эсминцу. Наши следы уже замело.

Минут через 40 метель чуть приутихла, и вдруг впереди нас взвились осветительные ракеты. Плюхнулись в снег. Оказывается, нас занесло под самый берег Петергофа. Значит, мы прошли линию противопехотных мин. Надо срочно по своим следам возвращаться назад и стараться не напороться на своих патрулей, которые проходят вдоль минных полос. И постараться, чтобы немцы не заметили, а то откроют пулеметный и минометный огонь.

Новые заряды метели скрыли нас от берега и патрулей, и вскоре мы опять оказались у своей позиции. Что за чертовщина! Решил так: я иду первым, второй за мной на пределе четкой видимости - метрах в 40-50, третий на таком же расстоянии за вторым. Все на одной линии. И если последний увидит, что первый, т.е. я отклоняюсь в сторону (мы, как я понял, делали круг, поворачивая все время влево), то должен был кричать мне: "Правей!". И эти замечания шли ко мне через каждые 40-50 шагов. Через полчаса мы вышли к корме эсминца, т.е. все же немного уйдя влево.

В дивизионе днем я рассказал об этом случае командиру роты старшему лейтенанту Дорошенко. "Значит, у тебя левая нога

короче правой ", - сказал он. И на мой недоуменный взгляд разъяснил, что у всех людей одна нога чуть короче другой, но в обычной жизни мы этого не замечаем. Но на ровном месте в поле, в степи ночью тебя обязательно будет заносить в сторону короткой ноги и ты оставишь след в виде дуги, а если место позволит, то и круга. Что у нас и получилось. Позже я неоднократно проверял и себя, и показывал товарищам, какая у них нога короче. Даже в поле на лыжах, идя с закрытыми глазами, лыжный след показывает дугу. Зимняя оборона Кронштадта на нашем участке, не считая ежедневных обстрелов города и иногда позиций на льду, прошла спокойно. Но на северном участке обороны, вдоль берега Карельского перешейка, занятого финнами, были случаи нападения финнов на посты. Один пост ночью был вырезан ими полностью. Часовые в метель или проспали, или поздно обнаружили противника.

Дважды приходилось мне сопровождать выход наших разведчиков в тыл немцам, проникая через парк Александрия, обходя Петергоф слева. С этого направления они меньше всего ожидали наших активных действий. Наша с товарищем задача была несложная: подстраховать, прикрыть, в случае необходимости, разведчиков при проходе их через заграждения и выходе на берег, затем, следом за разведчиками, углубиться метров на 200-300 и на перекрестке аллей на границе Александрии и нижнего парка следить, чтобы немцы, в случае обнаружения разведки, не отрезали бы им отход на лед через проход, проделанный нами для выхода разведки. Если в течение часа было все спокойно, мы потихоньку выбирались на лед и к себе. Второй раз, сидя в подобной засаде, я вырезал ножом (на мор. заводе делали хорошие ножи с ножнами, которые особенно нравились разведчикам) свои инициалы "Т. В." в коре дуба, за которым мы укрывались. В 50-х годах, когда я побывал в Петергофе, по схеме парков я нашел это место - на границе восточного парка с Александрией, на перекрестке аллеи, спускавшейся к заливу вдоль западной стороны каменного забора и аллеи, идущей от центра парка и упирающейся в стену. Дуб был цел и вырезанные мои инициалы были еще заметны.

Через Ленинградские ворота вступили в город Кронштадт - столицу русских моряков. В какой-то довоенной книжке о Кронштадте мне запомнилась такая образная фраза, подтверждающая, чья столица Кронштадт: "Бросишь палкой в собаку, попадешь в моряка". Но, наверное, такое можно было наблюдать в выходной день в мирное время. Сейчас мы шли по почти безлюдным улицам. Короткая узкая Ленинградская улица, мощенная булыжником. Я шел в колонне в левом ряду и с удивлением заметил, что тротуар покрыт серыми плитами с какими-то надписями. Оказалось, что это могильные плиты с какого-то кладбища. Может быть, оно было рядом с собором, остатки которого возвышались справа от Ленинградских ворот. Невзрачные жилые дома в 3 этажа кирпичные и двухэтажные деревянные, которые зимой 42-го мы будем разбирать на дрова, чтобы отапливать казармы.

Два поворота и вышли на длинную Советскую улицу. Дома только справа двух - и трехэтажные, но выглядят приличнее - покрашены в светлые цвета, некоторые с колоннами. А вдоль левой стороны улицы от ее начала и до конца тянется сквер с взрослыми деревьями, отделенный от улицы невысокой чугунной оградой, а другая сторона сквера отгорожена высокой оградой от канала, который мы увидели, только пройдя половину улицы. В этом месте слева открылась большая площадь с громадным красивым собором. Ребята, которые бывали в Кронштадте, объяснили, что это Морской собор на Якорной площади.

Осенью 41-го на соборе был оборудован наблюдательный и дальномерный пост для корректировки артиллерийского огня батареями Кронштадта и его фортов. Немцы, конечно, знали это и неоднократно били по собору. Несколько снарядов в собор попали, но они для такой громады были, что слону дробинка. Этот собор долгие годы использовался как кинотеатр, в котором я бывал неоднократно в 43-44 годах, т.к. в это время наш дивизион размещался недалеко, в 3-й северной казарме. А осенью 42-го года мы вырыли и оборудовали позиции для своих батальонных минометов рядом с маленьким кладбищем - захоронением революционных матросов на Якорной площади, погибших во время революций 1905 и 1917 годов и во время штурма Кронштадта в 1920 г. (В 1994 году при посещении Кронштадта я не нашел уже этого маленького захоронения с небольшими братскими и несколькими персональными могилами. Чуть в стороне от этого места на земле лежала большая черная мраморная звезда с вечным огнем, не вызывая никакого чувства почтения, которое ощущаешь при посещении мест захоронении погибших за нашу Родину.) Такие же позиции для минометов мы

вырыли на склоне Петровского бассейна, что за собором. С этих позиций мы пристреляли различные места побережья острова на случай его штурма зимой немцами...

В конце Советской улицы справа красивое здание - Гостиный двор, миниатюра ленинградского Гостиного двора. Пересекли улицу Ленина - главную улицу города, идущую с юга на север, уперлись в улицу Зосимова и повернули по ней налево. Это последняя, западная улица города. На ней, говорят, три длинные, "западные" казармы и крепостная стена между ними и от казарм до северного и южного берега. Вскоре справа за высоким деревянным забором показалась длинная двухэтажная казарма из красного кирпича в плане тупого угла, раскрытого за город - Балтийский флотский экипаж. Прошли вдоль забора до конца экипажа, повернули направо. Здесь проходная и ворота во двор экипажа. А у торца экипажа проезд за город - южные ворота в крепостной стене. Сами ворота, конечно, не сохранились. Войдя через ворота во двор экипажа мы попали как бы совсем в другой мир - длинный земляной двор чисто подметен. Ни травинки, ни кустика. Лишь несколько чахлых деревцев стоят у забора. Несколько деревянных скамеек у врытых в землю металлических бочек с водой - мест для курения. Двор полон краснофлотцев в самой разнообразной форме.

Нашу колонну останавливают, перестраивают в две шеренги. Какой-то мичман снова велит сдать имеющееся оружие и боезапас. Оружие никто не сдает. Патроны кое у кого есть, есть и запалы к гранатам. У меня осталась пара патрон, и я втаптываю их в землю. Жаль, что не удалось мне увести из "Рамбова" мелкокалиберку, но затвор от нее у меня в рюкзаке. Может, подойдет к моей мелкокалиберке, что осталась дома без затвора. Отвели нас на второй этаж. Пол бетонный, блестит, койки с матрацами, но без одеял. Ну и го ладно. Ужинать пошли на первый этаж. Столовая с низкими сводчатыми потолками, но уютная и удобная. Порубали и спать".

5 июля. Суббота. Кронштадт, Балтийский флотский экипаж.

День 5 июля - первый день моей службы на ледоколе "Суур-Тылл" был подробно описан в моей дневниковой записи 1941 года в начале этой повести. Сохранилась довольно подробная запись и следующего дня. Но напомню - она была сделана не 6 июля, а в начале сентября, спустя 2 месяца, когда появилась возможность вечерами писать и я решил восполнить пробел в дневниковых записях. В июле и августе на корабле я мог вести дневниковые записи регулярно и подробно. А о событиях конца июня и начала июля в те дни писать было просто некогда и негде. Но, к сожалению, подробные, ежедневные записи событий с 7 июля по

28 августа не сохранились, и временную точность всех событий тех дней не гарантирую. Все-таки прошло 57 лет. Но записи в маленьких блокнотиках и записных книжках, в которых фиксировались только важнейшие события, виденные мною, позволили мне воскресить многие события тех дней.

Кронштадт - Таллин - Ленинград

6 июля. Воскресенье. Борт ледокола "Суур-Тылл".

Ночь прошла спокойно. Идем 10- узловым ходом на двух машинах. У нас 2 кормовые машины и одна носовая. Такое расположение я никогда раньше нигде не встречал и не верил, пока не увидел чертежи судна.

Теперь опишу, что мне удалось узнать о судьбе судна от команды и о некоторых членах команды.

"Суур-Тылл" - ледокол, построен в Германии в 1914 г. Говорят, что однотипный ледокол "Ленин" работает у нас на Севере. Вначале наш назывался "Царь Михаил Федорович", затем в 1917 году был переименован в "Волынец". Он работал всю империалистическую войну в районе Таллин-Хельсинки. Вместе с "Ермаком" участвовал в Ледовом переходе - выводил корабли Красного Балтфлота из Гельсингфорса в Кронштадт. В 1918 году, направляясь из Таллина в Хельсинки и имея на борту мнимых рабочих, направляющихся на маяк, он был захвачен ими и попал в руки белофиннов, где получил новое название, которое я не запомнил. После войны корабль был передан Эстонии и назван "Суур-Тыллом". Дальше Балтики он не выходил и лишь проводил зимой корабли в Таллин, а летом ремонтировался.

Длина его около 75 м, ширина - примерно 17,5 м, а осадка - 7,5 м. Полное водоизмещение около 4000 т.

Конечно, эта информация о корабле не очень точная и далеко не полная, но тогда и в таком виде вызывала у меня большой интерес.

Наименование "Суур-Тылл", по рассказам старых матросов, корабль получил в честь легендарного эстонского героя-великана Суур-Тылла (Большого Тылла). Этот великан мог бросать камни с эстонского берега на финский, а однажды даже перешел через Финский залив.

На "Суур-Тылле" есть матросы, которые плавают на нем с 16-го года, но о событиях 1918 года говорили с неохотой. Например, председатель судового комитета. Сам он машинист, а его сын у нас же мотористом.

Нашему капитану за 45 лет. Высокого роста, широкий в кости, плотный, но нетолстый, лицо добродушное, походка неторопливая, спокойная, уверенная. На этом корабле он второй год. До него был другой капитан, которого команда не любила.

Тот плавал на нем с 20-го года. Нашего же команда любит. Он спокойный, справедливый. Ругается, лишь когда кочегары слишком начнут шуровать и из труб валит или "дымозавеса", или огонь. Или же когда матросы долго копаются с выборкой якоря. Нам только смешно, когда он начинает сердиться и ругать своих по-своему. По-русски он говорит свободно. Вообще все пожилые им хорошо владеют. Но некоторые из молодых матросов знали только несколько слов.

Старший механик тоже высокий, толстый, добродушный пожилой человек, вечно курит тоже толстую самокрутку, или сигару, или папиросу. По-русски говорит слабо, но любит поболтать и пошутить с нами. Старпом - резкая противоположность им: маленький, сухонький быстрый старичок, уже седой и не очень говорливый. Больше молчит, слушает да ухмыляется. Вечно снует по кораблю с большой трубкой в зубах. Он успевает повсюду: и на мостике, и на корме; помогает выбирать трос, и якорь поможет выбирать боцману. Однажды якорь-цепью его сильно ударило и поцарапало, за что ему здорово от капитана влетело.

Боцман - старик лет 55-ти, молчаливый, но знающий свое дело. Он был с нами только один рейс и, заболев, остался в Таллине. Вместо него назначили боцманом здорового красивого матроса. Помню только его имя - Владимир. Он тоже был молчалив и усерден, но плохо говорил и понимал по-русски.

Еще из экипажа выделялись кок - девушка Мери, 1922 года рождения, официантка Иоханна, моя ровесница, с 1925 года, буфетчица в кают-компании Ева, полная светловолосая женщина лет 35-ти, плавающая на этом корабле уже лет 10, юнга, а затем помощник кока Николай, на два года старше меня, и еще один юнга, работавший на камбузе. Этот парень плохо понимал по-русски и вообще был слабенький физически, и мы часто над ним шутили за его "русскую" речь. Николай же хорошо говорил по-русски. Был еще один машинист, тоже Николай, хорошо говоривший по-русски, и мы с ним дружили.

Весь день шли нормально, волна балла 3, погода солнечная. С правого борта видны берега Финляндии, похожие на тучи над горизонтом, а с левого низкие берега Эстонии. Примерно в 12 часов прошли Гогланд, оставив его по правому борту далеко севернее. Капитан и наш комендант по очереди спускались отдохнуть часа на 3-4. Вместо капитана на мостике появлялся старпом, а вместо коменданта - старшина Кожин, как самый старший из нас по службе и по званию. Поскольку я часа три поспал под утро на мостике, спать не хотелось, и я до конца перехода не сходил с него. Ведь это теперь мое рабочее место.

На горизонте ни корабля, ни самолета. Ребята рассказывают, что, когда они 30-го июня шли в Кронштадт, над ними, почти над мачтами, пролетел Ю-88, но не сделал ни одного выстрела. Очевидно, пилот видел большой белый крест по диагонали на баке, означающий, что корабль не вооружен.

Мы решили перебраться из нашего слишком жаркого кубрика на правый борт под спардек, где было отгорожено небольшое помещение наподобие сарайчика. Там уже спали несколько матросов из команды. Мы тоже расположились на свежих тесовых досках - так приятнее.

7 июля. Понедельник. Таллин, Купеческая гавань.

В 1 час ночи вошли в Купеческую гавань Таллина и отшвартовались у северной стенки почти напротив длинных портовых складов, вдоль которых проходят железнодорожные рельсы. Стало быть, переход длился 26,5 часов. Что-то медленно мы шли.

Сразу после швартовки по распоряжению капитан-лейтенанта на борту у сходни встал на вахту с винтовкой Кошель. Его обязанности: никого без разрешения капитана, старпома и стармеха на стенку не пускать, а на борт без разрешения нашего коменданта - капитан-лейтенанта Линича. От команды тоже назначался дежурный матрос, который периодически обходил и верхнюю и жилую палубы судна. Он же сообщал нашему вахтенному, когда подходит время будить смену. Тогда вахтенный, попросив дежурного матроса постоять у сходни, бежал с винтовкой в кубрик, будил свою смену и возвращался на пост.

Утром, после завтрака, командование судна ушло каждый по своим делам, и мы были свободны. Я поднялся на мостик и весь день рассматривал все, что нас окружало в порту, и что было видно за пределами порта.

Купеческая гавань находится в южной части обширной Таллинской бухты. Протяженность гавани с северо-востока на юго-запад метров 700-800, а наибольшая ширина метров 400. Выход в бухту из восточной части гавани через северные и южные ворота, между которыми бетонно-каменный мол, который плавной дугой с севера на юг ограждает гавань от Таллинской бухты с восточной стороны. Широкая бетонная стенка с железнодорожными путями разделяет восточную часть гавани на большую северную и меньшую южную части. У южных ворот угадывается еще одна часть гавани, но ее почти не видно за складскими зданиями и кранами.

С севера гавань от бухты отделена широкой каменно-бегонной стенкой, длинной метров 300-350, на которой почти во

всю длину стоят склады. С обеих сторон вдоль складов - железнодорожные пути для подвоза или вывоза со складов товаров, грузов. К началу этой стенки мы и пришвартовались. Впереди нас у что и стенки стоят еще два транспорта, на которые что-то грузят из складов. Дальше гавань от бухты ограждает пологой дугой узкий, метров 10-15, мол из валунов, бетонных блоков и песка, длиной метров 350-400. Стенка соединена с молом узкой бетонной перемычкой, по которой на мол могут заезжать автомашины. Восточный конец мола является северной границей северных ворот в гавань, и на нем стоит небольшой огонь.

Рассматривая в бинокль город, особый интерес у меня вызвали высокие стрелы шпилей соборов, нескольких мощных башен крепости. Конечно, я ничего о них не знал, а мои товарищи смогли назвать лишь некоторые из соборов, чьи шпили возвышаются над городом. На южном берегу бухты виден большой массив зелени. Это, сказали, знаменитый парк Кадриорг. А вдали, на берегу бухты, километрах в 4-х к северо-востоку от нас, в бинокль видны развалины какого-то большого строения с двумя остроконечными торцевыми стенами без крыши. Пока узнал, что это развалины какого-то монастыря в устье реки Пирита.

В 1968 г., будучи на экскурсии в Таллине, я узнал много интересного об этом монастыре, облазил его сверху до низу, все сохранившиеся стены и подземные помещения рядом, осмотрел и сфотографировал все, что мог.

А к северу, километрах в 5-ти от нас, в начале Таллинской бухты, виднелся мой старый знакомый по военно-морскому параду на Неве в 1939 году, флагман Краснознаменного Балтийского флота крейсер "Киров". Невдалеке от него три эсминца, названия которых я не мог определить. Оказывается, с началом войны названия кораблей с бортов и с кормы были сняты. Узнать наименование корабля можно было только по маркировке на дымовых трубах: по количеству, цвету и комбинации широких и узких кольцевых полос. Один из дивизионов имел полосы красного цвета, другой - синего, третий - желтого. Количество кольцевых полос на трубах - от одной до трех в разных комбинациях. На БТЩ, по моему, были только номера на борту носовой части. Наличие маркировки на трубах у них не припомню.

После ужина позвал на стенку Кошеля и Жентычко и больше часу занимался с ними изучением семафора, учил "писать" и "читать", а главное - сам вспоминал семафорную азбуку и тренировался в передаче и чтении. Для них я специалист, и

слушаются беспрекословно. Правда, мне от общения с ними в этом плане пользы пока немного, но я сам себе сказал: "Если хочешь, чтобы тебя с корабля не выгнали, учись и тренируйся".

Поздно вечером вернулись и капитан, и комендант. Оказывается у них семьи в этом городе.

8 июля. Вторник. Таллин, Купеческая гавань.

Сразу после завтрака я написал второе письмо домой (первое отправил в Ленинграде из экипажа, передав его в форточку проходящей под окном девушке). С учетом необходимости соблюдения требований военной цензуры, сообщил, где я есть и, главное, что я при деле. Ну и, конечно, свой адрес. Теперь скрывать его было незачем. Спросив разрешения старшины сойти на берег, чтобы только отправить письмо, пошел искать почтовый ящик, который, как сказали матросы, должен быть на здании управления портом.

Вскоре к левому борту буксир подтащил баржу с углем. Весь уголь с нее надо перегрузить в наши угольные ямы. Вместимость наших ям - 800 тонн. На барже, говорят, 400 тонн. Загрузка углем (бункеровка) элементарно проста: в средней части судна, на палубе, по бортам два грузовых подъемных крана (или стрелы?), грузоподъемностью, наверное, в 1 тонну. У крана на тросе гак, к которому крепится душка большой бадьи, в которую помещается 0,5 тонны угля. В баржу спускаются 4 матроса, с совковыми лопатами, и они с четырех сторон накидывают в бадью уголь. Кран поднимает бадью, разворачивается к горловине угольной ямы, матрос у горловины отворачивает скобу, которая стопорит дугу бадьи, бадья переворачивается, и уголь ссыпается в бункерную яму. Стоящий у борта матрос-учетчик ставит в блокноте одну палочку. Через час первая четверка потная, с черными лицами и руками поднимается на палубу, ее сменяет вторая четверка и т.д. В бункеровке участвовали и мы, краснофлотцы, кроме старшины Кожина. Радистам такая работа вредна. Вдруг надо что-то передавать ключом, а у него руки еще трясутся. Правда, насколько я помню, нашему радисту до осени нечего было делать в радиорубке, т.к. шифров для радиопереговоров на военное время у нас не было.

После обеда немного передохнули и снова в баржу. Часов в 16 ослабили швартовы, оттолкнули судно от стенки и в образовавшийся проем затащили баржу. Теперь надо грузить уголь в правую угольную яму. Закончили бункеровку поздно вечером. На бункеровке работали 4 группы по 4 человека. Значит, каждому из нас пришлось перекидать примерно по 25 тонн. С непривычки у меня после этой работы мышцы рук, ног и поясница болели дня три.

Сразу после ужина свалился на койку.

9 июля. Среда. Таллин - Кронштадт.

Рано утром, наверное, в начале пятого, всех нас в кубрике разбудил наш вахтенный у трапа. Объяснил, что матросы команды таскают на борт какие-то ящики со стенки. Надо и нам присоединиться к ним. Быстро оделись и на палубу. Человек 6-7 матросов-эстонцев бегом таскали большие ящики из штабелей, которые находились от нас метрах в 50, прямо на палубу, а двое с палубы таскали вниз. Транспорт, который грузился вчера впереди нас, ушел. Оставшиеся штабели ящиков, очевидно, не вошли в его трюмы, а обратно в склады их или не успели убрать, или оставили для погрузки на другой транспорт. Кто разрешил или дал команду таскать их на наше судно неизвестно. Никого из командования судном на палубе не было. Что в ящиках мы не знали. Все ящики подписаны на эстонском языке, разбираться и выбирать нам было некогда. Мы тоже стали таскать ящики на палубу, а вахтенный, отставив винтовку, спускал наши ящики в кубрик. Только успели мы перетащить по два ящика, вдруг со стороны Управления портом бежит какой-то человек и на эстонском что-то кричит. Увидев нас в военной форме, перешел на русский: "Это государственное имущество! Почему вы таскаете! Я сейчас вызову охрану порта!" Мы все быстро на судно и шмыгнули на жилую палубу. На мостике быстро появились капитан и рулевой, команда: "Отдать носовой! Отдать кормовой! Право руля! Малый назад!" Судно медленно развернулось, вышло из гавани и встало на якорь примерно в километре севернее. Смылись. Начало шестого. Стали разбираться в своих "трофеях". У нас оказалось два ящика с печеньем и ящиков семь конфет, в основном с фруктовой начинкой. Один ящик запомнился по рисунку на конфетной обертке - человеческая мордашка, а на голове волосы дыбом. В нем оказались мятные конфеты, от вкуса которых действительно волосы на голове могли принять такое положение.

По-братски разделили эти "трофеи". Каждому досталось почти по ящику конфет, набранных из разных ящиков, и по четверть ящика печенья. Комендант от предложенной доли отказался. Конечно, от подчиненных брать такой подарок ему было неудобно. Эстонская команда своими "трофеями" с нами не делилась. Потом мы узнали, что они выбирали ящики не подряд, а с учетом маркировки на ящиках - конфеты только шоколадные, печенье - высшие сорта. В некоторых ящиках была какая-то мануфактура, обувь. Последнее содержимое нас вряд ли интересовало.

В бухте северный ветер развел волну балла в 3-4. Покачивает.

Я еще ни разу не испытывал морскую качку и не знал, как ее буду переносить. Пока нормально. После обеда комендант приказал доставить его на шлюпке на северную стенку Купеческой гавани, от которой мы удрали утром, и вернуться за ним в 18.00. Со спардека спустили небольшую шлюпку - четверку, четверо из нас сели на весла, старшина на руль и, подгоняемые попутным ветром, пошли. Вот тут я показал себя! Ломко, хотя и был торпедным электриком, но ни в учебном отряде в Кронштадте, ни на эсминце, на котором служил, на шлюпке, очевидно, не ходил. Кошель и Жентычко на кораблях не служили и все три года службы, в основном, прошли в экипажах на берегу, поэтому их весла команды не слушали, часто зарывались в воду ("ловили щук", как говорили наши инструкторы-осводовцы на реке Уче). Мое же весло по команде: "Раз!", с форсом скользя лопастью по воде, повернутой горизонтально, забрасывалось для гребка, а по протяжной команде: "Два-а-а!" четко входило на 2/3-3/4 в воду, рывком заканчивая гребок. Даже комендант поинтересовался: где это я так научился хорошо грести. Ответил, что до службы два сезона дежурил на спасательных шлюпках на реке.

Высадили коменданта на мол и обратно. Навстречу ветру и волне это оказалось, потруднее. Добирались не менее получаса, порядком устали и с непривычки мозоли на ладонях натерли.

В 17.30 снова сели на шлюпку в том же составе. У троих, в том числе и у меня, ладони были забинтованы. До мола дошли минут за 20. Коменданта еще не было. Старшина велел мне выбраться на мол и, как только увижу коменданта, просигналить ему семафором руками, что шлюпка здесь. Стеллажи ящиков на стенке еще стояли, только их накрыли брезентом. Минут через 15 заметил идущего по стенка коменданта и стал ему писать: "Шлюпка здесь".

Повторил раза три, пока он не заметил и не дал рукой отмашку, что понял. В шлюпке он сказал, что скоро к нам подведут плавучий док и два плавучих крана, которые мы должны отбуксировать в Кронштадт. Охраны, кроме ведущего БТЩ, никакой.

За прошедшие 5 часов ветер усилился, стал северо-западным, и нас постоянно сносило к середине бухты. На полпути правые гребцы, которым приходилась здорово налегать на весла, выбились из сил и последовательно поменялись с нами местами. Теперь пришлось выкладываться нам. Минут через 20 я почувствовал: силы на исходе. Комендант заметил мое состояние и попросил старшину подменить меня, а сам взял руль. Минут через 15 мы добрались до судна, зашли с подветренной стороны, приняли конец, шторм-трап и поднялись на палубу. Шлюпку

оставили на конце за бортом. На палубе человек 20 команды наблюдали за нашей борьбой с ветром и волной. Кто-то пошутил, что капитан уже хотел сняться с якоря и выручать нас.

Поздно вечером два буксира подтащили к нам большой плавучий док. К одному концу дока были вплотную пришвартованы два больших плавучих крана. Я представлял, что это такое, но вблизи не видел. И был поражен размерами дока - длина не меньше нашего "Суур-Тылла", шире раза в 1,5, высота боковых стенок на уровне нашего мостика. Размеры кранов тоже впечатляли и метров на 10-15 возвышались над боковыми стенками дока. Подали на док два буксирных троса на боковые кнехты и вытравили их на всю возможную длину, чтобы уменьшить давление воды от наших винтов на его широкую, так сказать, носовую часть корпуса. Нашему капитану еще не приходилось буксировать такие объекты и было видно, что его такой переход беспокоит. Он считает, что больше 5 узлов с таким грузом мы дать не сможем. Старшина спросил у коменданта, будет ли какая-нибудь противолодочная защита. Ведь док - хорошая цель для подводной лодки. Ответ: "В штабе сказали, что и так дойдем".

Часов в 17 двинулись в Кронштадт.

Не знаю, откуда такая уверенность была у штабных работников, но мы почти за двое суток дошли без каких-либо приключений. Ничего не могу вспомнить об этом переходе, кроме того, что все здорово устали. Капитан и комендант почти не спали. Кроме меня, на мостике на другом крыле постоянно находился по очереди кто-нибудь из наших. Я днем поспал немного на деревянном диванчике на правом крыле мостика.

11 июля. Пятница. Кронштадт - Ленинград, "Большой серый дом."

Часов в 12 встали на Восточном Рейде Кронштадта. Вскоре два буксира забрали у нас док и краны и потащили их в гавань, а нам часов в 8 вечера дали команду следовать в Ленинградский порт и ждать указаний.

В Ленинградской порт пришли почти в 21 час и встали к причалу юго-восточной лесной стенки, т.е. почти в самой глубине порта. Не знаю, нам ли отвели это место или его выбрал комендант, т.к. от этого места ближе всего было добраться через южную проходную порта к остановке трамвая № 8. Его концевая остановка была на углу улицы Калинина и Поварухина. Главные северные ворота в порт были значительно дальше. Комендант с капитаном ушли по каким-то делам в город до утра. Старшим остался старшина Кожин. После вечернего чая, т.е. после 21 часа, я поднялся на мостик, чтобы "обозреть окрестности". Вечер был

тихий, теплый. С той стороны стенки, где отшвартовались мы, не было больше ни одного судна. А на всей стенке, во всю ее почти километровую длину, были уложены в большие штабеля бревна из отборного хвойного леса. Между штабелями интервалы для проезда товарных платформ и подъезда погрузчиков. Этот лес, очевидно, предназначался для экспорта, может быть даже и для Германии. С мостика корабля было видно, что над громадами штабелей леса по другую сторону лесной стенки возвышаются надстройки, трубы и мачты какого-то корабля. Судя по окраске надстроек военного. Но какого - я не мог понять.

На стенке ни души. Решил сойти на берег и просто побродить по стенке, около штабелей. Бескозырка осталась в кубрике. Сейчас можно и без нее обойтись. Прошел немного вглубь стенки. Штабели, штабели, и больше ничего интересного. Вдруг недалеко от меня на один из штабелей села большая стая воробьев, весело чирикая. Не пришло умнее мысли, как желание запустить в них чем-нибудь. Поискал глазами на земле вокруг и увидел небольшой булыжник, чуть побольше куриного яйца. Но стоило мне поднять камень - вся стая сорвалась и отлетела метров на 50. Я, не спеша, двинулся к ней. И вдруг меня кто-то окликнул с акцентом: "Товарищ"! Смотрю, молодой матрос из нашей команды, но не эстонец, а латыш, который почти не понимал и не разговаривал на корабле по-русски. Подошел ко мне и, показывая рукой в направлении корабля, что стоит на противоположной стороне лесной стенки, говорит только два слова по-русски: "Корабль. Товарищ". Я понял его однозначно: на том корабле у него товарищ. И он предлагает пойти к этому кораблю. До корабля метров 200-250. Почему не дойти? Пошли. Лавируя между штабелями бревен, вышли на открытую причальную часть стенки вблизи от кормы корабля. Его борта, окрашенные в шаровый цвет, каким красят борта боевых кораблей, высоко возвышались над причальной стенкой. Три высокие элегантные трубы свидетельствовали о солидном возрасте корабля.

С верхней палубы корабля на стенку был подан трап, около которого на стенке стоял краснофлотец с винтовкой, а на палубе у трапа - вахтенный краснофлотец со "рцами" на левом рукаве фланелевой и, наверное, дежурный по кораблю старший лейтенант тоже со "рцами". Все трое с любопытством наблюдали за нами, пока мы шли вдоль борта, приближаясь к трапу. Вид у нас был не то, чтобы уж очень живописный, но в данном месте и в данное время немного необычный: молодой парень в какой-то рабочей куртке зарубежного фасона и мальчишка в краснофлотской форме без бескозырки, а носок левого ботинка перевязан бечевкой, чтобы подметка не болталась, идут, нахально

рассматривая военный корабль. Это в военное-то время. Пусть в торговом, но в порту, где посторонних не должно быть. Да еще в комендантский час! Когда по городу после 22 часов без специальных пропусков появляться было запрещено. Но мы-то не знали ни о комендантском часе, ни о том, что уже 22.30. Часов нет, а ночи-то в Ленинграде летом белые.

Как только мы поравнялись с трапом, с верху с палубы громкая команда: "Стой! Стоять на месте!" Это нам, а затем часовому у трапа: "Часовой, не разрешать задержанным отходить от трапа!". Часовой взял винтовку наперевес. Стоим, ждем. Дежурный по кораблю куда-то ушел. А я, наконец, вспомнил, что это за корабль. "Комсомолец"! Учебный корабль Балтийского флота, на котором проходят морскую практику курсанты военно-морских училищ. Наверное, они сейчас готовятся отходить ко сну.

Минут через 10 на палубе появился старший лейтенант уже без "рцов", но с пистолетом, болтающимся сзади под синим кителем. С ним краснофлотец с винтовкой. Оба спустились на стенку. "Вы арестованы!" - объявил он нам. "Кто вы и откуда, как сюда попали?" Отвечаю, что я краснофлотец-сигнальщик с "Суур-Тылла", который стоит по другую сторону стенки. Вон его мачты и трубы за штабелями торчат. А этот парень - матрос команды. Он по-русски почти не говорит, но, показывая в вашу сторону, все повторял: "корабль, товарищ". Я и подумал, что у него на этом корабле товарищ. Теперь я в этом сомневаюсь. И предложил старшему лейтенанту довести нас до нашего судна и убедиться, что мы с него. Но старлей сказал, что мы пойдем с ним. "Куда?" "Куда надо". Спросил: "Оружие есть?" Есть, отвечаю, винтовка на корабле. Похлопал по нашим карманам и скомандовал: "За мной, на расстоянии 5 шагов, не отставать. Часовой в 5 метрах сзади задержанных".

Зашагали к основанию лесной стенки в сторону города. В начале стенки перешли на железнодорожное полотно и зашагали по шпалам. А у меня в правой руке булыжник, который я так и не успел швырнуть в воробьев. Если старлей увидит его у меня, то можно догадаться, что он подумает о назначении этого камня. Надо как-то от него избавиться. Останавливаюсь, наклоняюсь и начинаю подтягивать бечевку на ботинке с оторванной подметкой и осторожно кладу камень рядом с ботинком. Охранник-краснофлотец сочувственно смотрит на мою обувку.

Минут 10 ходьбы по шпалам, и мы у закрытых ворот и проходной в порт. Старлей заходит в проходную, мы остаемся ждать. Латыш явно обеспокоен случившимся. Спрашивает у меня: "Товарищ, куда?" Я скрещиваю перед лицом четыре пальца, изображая тюремную решетку, затем руками изображаю, как

целятся из винтовки, правым указательным пальцем нажимаю невидимый курок и правой ладонью делаю отмашку и уточняю: "Капут!". На лице латыша кислая улыбка. Наш охранник смеется. А латышу, чувствую, не до шуток. Его можно понять. Минут через 5 появляется старший лейтенант и машет нам - проходите!

По другую сторону проходной стоит черная "эмка". Оперативно, подумал я, залезая в машину. В легковушках я еще не ездил. Старлей сел рядом с водителем, а остальные на заднее сиденье. Поехали.

Улицы пустынны. Изредка мелькают армейские патрули, но нас никто не останавливает. Минут 10-15 едем по совсем незнакомым улицам, но, когда по набережной какого-то канала проскочили мимо знакомого мне Варшавского вокзала, в скверике которого всего 10 дней назад я отсыпался после приезда из Луги, понял, что едем по набережной Обводного. Вскоре свернули налево через мост, затем направо. Дальше пошли уже знакомые места: Витебский вокзал, пересекли Невский и прямо по Литейному. Вот теперь-то я точно знал, куда нас везут - в большой Серый Дом на Литейном.

Если бы я знал тогда хотя бы сотую долю того, что происходило в этом Доме последние 6-7 лет, то, наверное, почувствовал бы себя не очень уютно, приближаясь к этому Дому в НКВДешной машине. Но я знал только то, что слышал по радио, читал в газетах: НКВД - это страж-, нашей страны от шпионов, диверсантов и врагов народа. Я таковым не являлся, поэтому никакого страха не испытывал. Одно мальчишечье любопытство - интересно, что будет с нами дальше? Чем интересны мы для такого солидного учреждения?

Перед самым Домом машина свернула направо и остановилась у первого от угла здания подъезда. А, может, он был единственный с этой стороны здания, не помню. Заходим в подъезд. Впереди старлей, за ним я, за мной латыш, и замыкает наш охранник с винтовкой. Обычной ширины лестница, но на площадке первого пролета стол, за которым сидит какой-то дежурный командир. Что меня удивило, это его первые слова, когда мы еще поднимались к нему по лестнице: "Это вы с Трифоновым?" "Так точно", - ответил старлей. "На следующей площадке лифтом на (дежурный назвал номер этажа. Кажется 8-й), кабинет ..." (номер которого я, конечно, не запомнил). На площадке еще какой-то дежурный спросил номер этажа и нажал одну из кнопок на стене. На нужном нам этаже еще один дежурный проводил нас к нужному кабинету. "Заходите, садитесь, ждите". Очень корректно, почти любезно.

Кабинет небольшой - метров 20, немного продолговатый,

примерно 5 на 4 метра. Большое окно непонятно в какую сторону выходит, т.к. с середины комнаты видно только серое ночное небо с десятками аэростатов заграждения. Думаю, что или через Литейный, на запад, или на юг, через улочку, в которой нас высадили из машины. Слева от входа - небольшой письменный стол со стулом, справа у стены - широкий кожаный черный диван, рядом 2-3 стула. Старший лейтенант пригласил нас с латышом сесть на диван, сам сел на стул рядом, а краснофлотец встал, как и положено часовому, у двери.

Сидим, ждем, молчим. Мне, как арестованному, первому задавать вопросы не положено. Это я знаю из кинофильмов. Старлею все же любопытно - кого он арестовал? Начинает расспрашивать. Могу отвечать только я. Латыш внимательно слушает, но что понимает из моих ответов не знаю. Кратко рассказал по той легенде, которую уже отработал на ряде слушателей, немного приврав о своем участии в обороне Либавы, украсив рассказ из услышанного от ребят, которые действительно прорывались из Либавы. Рассказал и о "Суур-Тылле", что успел узнать о нем и что сам увидел. Чувствую, что мое повествование и бечевка на носке ботинка вызвали уважение в обращении к обладателю этого ботинка человек уже побывал на фронте, а он сидит только на учебном корабле.

12 июля. Суббота.

Спросил у старлея, сколько сейчас время. Ноль пятнадцать. Значит уже 12-е июля. Потянуло ко сну. Открылась дверь, вошел в морской форме командир с четырьмя средними (то ли капитан 2-го ранга, то ли подполковник), лет под сорок. Надо думать - следователь. Мы вскочили и встали по стойке смирно. Поздоровался. Предложил старшему лейтенанту пройти с латышом в какой-то другой кабинет, краснофлотцу -часовому встать у двери в коридоре. Я стою перед диваном. "Подойдите к столу. Выложите на стол все, что есть в карманах и выверните их". Выложил: перочинный ножик с лезвием сантиметров 9-10, носовой платок не первой свежести и несколько оберток от съеденных на переходе "трофейных" конфет.

Следователь вышел из-за стола, подошел ко мне, проверил мои вывернутые карманы, провел ладонями от подмышек до пояса, по спине, по ногам от пояса до ладыжек и сел на свое место. И тут я, каюсь перед этим, может быть очень порядочным следователем, созорничал: "А почему вы обувь не осматриваете?" "А вы откуда знаете, что ее надо осматривать?" "В кино видел, в книжках читал". "Снимайте ботинок!" И я, не спеша, расшнуровываю и снимаю ботинок. Конечно левый, с перевязанной бечевкой оторванной подметкой и кладу его,

многострадальный, на чистый стол. И какое невыразимое удовольствие - еще раз прошу извинить меня за нахальство, хулиганство, неуважительный поступок по отношению к старшим по званию и по возрасту - испытывал я, наблюдая, как командир, с четырьмя средними на рукавах кителя, копается в грязном рваном ботинке 16-летнего мальчишки-спецшкольника. Ведь я же стал самозванцем краснофлотцем-сигнальщиком. Никакой воинской присяги я не принимал. Но следователь этого не узнал от меня до конца допроса. Окончив досмотр ботинка, протянул его мне и спросил, почему рваный. И я опять-таки с удовольствием доложил, что несколько раз докладывал об этом коменданту, да и он сам постоянно видит на мостике, в каком ботинке я хожу, и один раз, зацепившись на трапе оторванной подметкой, полетел на палубу. Ну что он мог мне ответить и тем более помочь? Велел взять стул и сесть у стола напротив его.

Из содержимого моих карманов, после их изучения, его внимание привлекли, в первую очередь, обертки от конфет. Не их художественным оформлением, а тем, что было на обороте обертки. А там была явно шпионская информация: нарисованы какие-то трубы с поперечными полосами и указанием их цвета. А внизу написаны наименования эсминцев, которые гордо несли эти трубы. "Что это такое?" Пришлось объяснять, что я сигнальщик, единственный на корабле, и всего буквально без году неделю. По одной маркировке на трубах определить имя корабля не могу, а комендант требует доклада. Вот и изобразил таким образом корабли, с которыми встречались в Таллине пли в Кронштадте. "А почему у вас такой большой перочинный ножик в кармане?" Объясняю, что он еще из дома. Им очень удобно и хлеб резать, и консервы вскрывать. А на корабле им, в основном, точу карандаш, которым на мостике приходится иногда что-то записывать. А почему не в тетрадке или в блокноте, так их надо купить в городе, а нас в Таллине еще в город не отпускали. Вот и приходится на обертках конфет писать.

Начался собственно допрос. Следователь попросил рассказать о себе все с самого рождения, о моих родителях, месте жительства, работе и пр. И как попал в этот Дом. Поскольку никаких документов у меня с собой не было, а все, что я ему здесь расскажу, проверить вряд ли будет возможно, да и вряд ли будет ему нужно, то я уже в который раз повторил свою историю, в которой вымыслом было только мое участие в обороне Либавы. Конечно, я постарался подробно рассказать о том бардаке, который был под Либавой, о чем я слышал от тех, кто там был, о нашем сопровождении раненых и о расстреле их "мессерами", что видел сам. О захвате "трофеев" в Таллине, конечно, скромно

умолчал. Задав мне еще несколько вопросов, в том числе о фамилиях руководства Московской военно-морской спецшколы, капитана судна, коменданта, товарищей по службе, следователь дал мне прочитать протокол допроса и попросил его подписать, что все изложено с моих слов и правильно. Забрал протокол допроса, сказал, что я могу сесть на диван и отдыхать, часовому встать у дверей в кабинете, и ушел. Больше я его не видел. Мне было искренне жаль его потерянного ночного времени на возню со мной. Уверен, что он быстро понял, что мы - результат чрезмерной бдительности товарищей с "Комсомольца".

Рассказав часовому, любопытствующему - что же здесь со мной делали, я незаметно для себя уснул, сидя на диване.

Разбудил меня старший лейтенант. Рядом с ним был латыш с улыбающейся физиономией. Значит, все страхи его прошли. За окном совсем светло. Аэростатов не видно. Спустились вниз. У подъезда стоит та же "эмка". Поехали. Спрашиваю старлея: "Куда теперь?" "Обратно". Сначала тем же путем, потом каким-то другим подъехали к главным воротам порта, к которым я в первый день войны, точнее, в первую ночь, подъезжал на 14-м трамвае. Старший лейтенант зашел в проходную, ворота окрылись, и мы въехали в порт. Старший лейтенант дорогу знал, и минут через 10 мы подкатили к борту нашего "Суур-Тылла". Физиономия стоявшего у трапа Кошеля вытянулась от удивления, когда он увидел меня, вылезающего из "эмки". Старлей спросил у него, кто старший на судне. "Старшина Кожин". "Вызовите его!"

Кошель побежал будить старшину. Минут через 5 сонный, но одетый по форме и в мичманке Кожин вышел и представился старлею. "А где командир?" "В городе". "Ваши люди"? - спросил, показывая на нас. "Наши". "Заберите и пусть больше не болтаются в комендантский час по порту, да еще не по форме одетыми". "Есть!", - буркнул Кожин и нам в сердцах: "Марш на корабль!" Старлей сел в машину и уехал, а мы чинно пошли по своим кубрикам досыпать, т.к. было только 5 утра.

После завтрака позвал на стенку Кошеля и Жентычко тренироваться в передаче и чтении флажным семафором. Алексей Жентычко - коренастый, немного ниже меня ростом, полная круглая физиономия его часто улыбается, а глаза прищуриваются и хитро смеются. Коротко постриженные густые черные волосы зачесаны назад. Его земляк и товарищ Макар Кошель, которого все мы для благозвучия зовем Михаилом, внешне - противоположность Алексею: худощав, на полголовы выше, лицо узковатое, вытянутое, короткие русые волосы спускаются на лоб. На одном из передних зубов стальная коронка. Движения и разговор медлительны. Нос у него или часто бывает заложен, или

им трудно дышать по какой-то другой причине, но Мишка часто стоит и ходит с приоткрытым ртом.

У Жентычко обучение идет легче, чем у Кошеля, и первый иногда начинает над вторым подшучивать. Пишет: "Кошель лопух". Тот дает отмашку, что принял. Жентычко голосом спрашивает: "Ты понял?" "Понял". "Тогда отвечай". "Сейчас, я подумаю". Но чувствуется, что он не прочитал семафора. "Повтори еще раз, а то я забыл, что ты написал". Советую Алексею писать медленно и чтобы Кошель повторял каждую прочитанную букву. Когда Кошель начинает читать по буквам и слогам и доходит до буквы "у" в слове "лопух", бросает обиженно: "Сам лопух!" и уходит в кубрик. Но они друзья, земляки и скоро мирятся. Мне необходимо научиться быстро читать семафор, и я стараюсь научить Жентычко быстрее писать, поэтому стараюсь тренироваться с ним почаще.

После обеда пошел по нашей стенке к ее окончанию, до которого метров 700. Справа штабеля бревен. Замечаю, что на многих фанерные бирки с указанием длины и диаметра бревен. Куда теперь они пойдут? Почти в конце стенки на воде небольшая шлюпка с веслами, привязанная к бревну стенки. Чья она - неизвестно. Решил походить на ней немного вдоль стенки. Отошел метров на 50 и пошел в сторону нашего судна. Вдруг по корме метрах в 300 откуда-то вышла шлюпка с двумя штатскими - один на веслах, другой на руле - и что-то кричат мне. Наверное, я взял их шлюпку. Не желая вступать с ними в объяснения, а затем объясняться со старшиной, я повернул к стенке и налег на весла. Привязал ее и бегом к судну. Вахтенного у трапа попросил, если спросят, сказать, что какой-то краснофлотец пробежал на ту сторону стенки, а сам бегом в кубрик.

Через несколько минут двое мужчин подошли к судну и действительно спросили у вахтенного: не ваш человек угнал шлюпку. На что тот ответил, что у нас своих шлюпок хватает, а какой-то парень пробегал вон туда, и указал в направлении "Комсомольца". Мужикам ничего не оставалось, как повернуть обратно. Иллюминаторы нашего кубрика находились как раз около сходни, и я четко слышал их разговор. Но, оказывается, этот разговор слышал и старшина, но не стал вмешиваться. Когда мужики ушли, он спросил у вахтенного, о чем сыр - бор. Тот вынужден был рассказать. Старшина чертыхнулся и в сердцах, но беззлобно бросил: "Ну, хоть не пускай этого салажонка на стенку. А то опять в какую-нибудь историю влипнет".

И что мне за последние сутки так не везет? А, впрочем, не везет ли?

Не знаю, доложил ли старшина о моих похождениях

коменданту, когда тот вернулся на судно, или нет, но никаких вопросов или разгонов от него мне не последовало.

После ужина вернулись на судно капитан с комендантом. Команда: приготовиться к отходу. Двое матросов с боцманской команды забросили швартовы на палубу, затащили сходню, и капитан дал команды: "Малый вперед. Лево руля". Последняя по-эстонски звучала примерно так: "Ваза куля порти". А "Право руля" звучало, примерно, как "Паля маля порти". Наверно, у эстонцев это написание вызовет улыбку. Но ведь прошло 57 лет с тех пор, когда я слышал эти команды. Часа через два стали на якорь на Восточном рейде Кронштадта. И спать.

13 июля. Воскресенье. Кронштадт - Таллии.

Весь день я на мостике. Слежу за постом СНИС на наружной стенке гавани. Рассматриваю, угадываю, какие корабли стоят на рейдах и в гавани. Рубки и трубы "Марата" возвышаются в западной части Купеческой гавани. Наверное, стоит у стенки Петровского канала. "Октябрина" видна восточнее - в Лесной гавани. На фоне морзавода видны рубки и трубы какого-то крупного корабля. Позже узнал, что это "Максим Горький" стоял в сухом доке, где ему приваривали новую носовую часть, вместо оторванной при подрыве на мине где-то в Рижском заливе. Никаких команд или вызовов не было. Из Ленинграда пришел и встал на якорь недалеко от нас какой-то большой транспорт. Судя по высоко расположенной ватерлинии, - не нагружен.

После ужина комендант на катере ушел к оперативному дежурному. Часа через полтора вернулся и сказал капитану, что в 22.00 выходим в Таллин. Поведет нас опять только один БТЩ, но теперь перед нами пойдет транспорт "Казахстан", который пришел недавно из Питера, а за нами пойдет небольшой ледокольный буксир "Октябрь". Так что идти будет веселее, пошутил комендант. Правда, заметил он, капитан "Казахстана" ругался и отказывался идти, узнав, что кроме БТЩ никакой охраны у нас не будет. Тем более 13-го да еще в ночь на понедельник! Но ему сказали, что это приказ и никаких обсуждений и тем более возражений быть не должно.

В 21.30 командование судна и команда были на своих местах. Поскольку мы должны были следовать за "Казахстаном", капитан-лейтенант приказал мне следить за его действиями и докладывать ему. Вскоре заметил движение на баке "Казахстана", донесся гул работающего шпиля или брашпиля, поползла в клюз якорь-цепь. Я обо всем этом докладываю, а капитан-лейтенант передает капитану: "Герман Яковлевич, давайте выбирать якорь". Смотрю, сигнальщик "Казахстана" с мостика семафором вызывает: "Суур-Тыыл", "Суур-Тылл". А я увлекся наблюдением в бинокль за

баком, а что на мостике делается - и не видел. Быстро вылез на крышу пристройки мостика и дал отмашку, что вижу. "Капитану "Суур-Тылла". Следуйте за мной в кильватер. Калитаев". Мне показалось, что капитан "Казахстана" намеренно игнорировал коменданта нашего судна. Может, у них комендант какой-нибудь молодой старший лейтенант, а у нас солидный моряк. Или они с нашим у оперативного дежурного что-то не поладили. В общем, я перевел принятый семафорный текст немного по-другому: "Коменданту и капитану "Суур-Тылла"...."

Малым ходом идем за "Казахстаном" на Большой рейд. Вижу впереди БТЩ, который поднял сигнал: "Следовать за мной" и пошел на запад. Не заметил, когда и откуда за нами пристроился "Октябрь". Солнце склонялось к горизонту и, хотя было правее нашего курса, мешало следить за впереди идущими кораблями, особенно за БТЩ, который еще заслонял "Казахстан".

Примерно через полчаса темно-красное, крупнее раза в полтора дневного, солнце коснулось на горизонте воды и через несколько минут погрузилось в воды залива. Постепенно наступала темнота, БТЩ почти не просматривался, но громада "Казахстана" четко проецировалась на еще светлом западном небе.

14 июля. Понедельник. Ушли от 4-х торпед.

Около часа ночи прямо по курсу заметили отдаленные вспышки, похожие на орудийные, затем докатился гул действительно орудийных выстрелов. Минут через 20-30 слева встречным курсом показались идущие в кильватер два силуэта каких-то кораблей. Заморгал на головном прожектор. Что-то ответили с БТЩ. Когда корабли подошли к нашему левому траверзу, я их разглядел довольно ясно, но не понял, что это за корабли. Подсказал капитан-лейтенант: канонерские лодки, перестроенные из землечерпалок, называемые небрежно "грязнухи", но имеющие сильное артиллерийское вооружение: по 5 орудий 130 мм. Похоже, что это они стреляли. Но в кого?

Поскольку наибольшую опасность представлял финский берег, я находился на правом крыле мостика и периодически осматривал в бинокль темный горизонт с нашего правого борта в зоне по 45˚ к носу и к корме. Пока море было чистое. Но вот в темноте на самом горизонте появились какие-то точки, которые постепенно увеличивались. Какие-то катера. Доложил капитан-лейтенанту. Их оказалось 6 штук. Стало ясно, что они следуют в кильватер друг другу параллельно нашему курсу на расстоянии от нас примерно 10 каб и с такой же скоростью.

На БТЩ их также заметили, что-то запросили прожектором, с одного из катеров что-то ответили. Я ничего не понял, решил, что

это шифр, а катера наши, прикрывают нас со стороны финского берега.

БТЩ продолжал спокойно идти, и нам никаких указаний не было. Наш комендант капитан-лейтенант Линич высказался после этого, что вот и охранение, о котором очень волновался капитан "Казахстана" Калитаев у оперативного дежурного в Кронштадте и даже отказывался идти с одним БТЩ.

Я попросил у коменданта разрешения вздремнуть на деревянном диванчике на правом крыле мостика. Тот разрешил. Наверное, через полчаса комендант будит меня: "Сигнальщик, смотрите!" и показывает в сторону катеров. Уже почти рассвело, но солнце еще не показалось. Был полный штиль. Море как стекло, ни единой морщинки. Только от форштевней кораблей отходили усы волн, но сглаживались где-то за кормой. А справа по борту четко видны 6 катеров, строем фронта на полном ходу идущие на наш маленький караван. Расстояние между катерами метров 100, до нас - не более 10 каб. Белые буруны медленно приближаются к нам. С БТЩ снова заморгал прожектор, но никакого ответа. Ясно, что катера чужие и идут в атаку. На БТЩ подняли сигнал: "Следовать прежним курсом", сам он повернул вправо, застопорил ход и открыл огонь из носовой "сотки".

Капитан-лейтенант велел капитану срочно вызвать всю свободную команду наверх и разобрать индивидуальные спасательные средства, а мне - дать корабельный гудок для оповещения других кораблей и вызвать на мостик всю комендантскую команду(4 человека без меня) с винтовками. Я быстро скатился с мостика, поднял краснофлотцев (Кошель, Жентычко, Ломко Анатолий и радист старшина 2 статьи Кожин Иван), схватил свою винтовку и бегом на мостик.

Катера были уже кабельтовых в 5-6. Снаряды с БТЩ рвались то с недолетом, то с перелетом. Вдруг катера сделали поворот "все вдруг" вправо и снова кильватерным строем пошли параллельно нашему курсу, снизив скорость. И тут, наверное, все находившиеся на палубе увидели, а с мостика это особенно четко было видно, что от места поворота катеров тянутся в нашу сторону 6 светлых узких, но постепенно расширяющихся и расходящихся узким веером полос. Ясно, что это следы торпед! Снова по команде капитан-лейтенанта даю ревун и чувствую противную дрожь в коленках, хотя страха еще нет. Мои товарищи уже ведут огонь из винтовок по катерам. Капитан, перекинувшись о чем-то с комендантом, ставит ручки телеграфа правой машине "полный вперед", левой - "полный назад".

Корабль начал медленно разворачиваться влево, стараясь встать между какой-нибудь парой торпед. Стоящие на полубаке с

тревогой смотрят то на приближающиеся "дорожки" от торпед, то на мостик. Патроны у нас уже кончились. Снова скатываюсь с мостика в кубрик, где хранится цинковая коробка с патронами. Выскочил на палубу, и вдруг справа сзади по корме взрыв с громадным столбом воды. Влетаю на мостик и вижу, что дорожки от торпед совсем близко, но корабль уже развернулся почти на 90 градусов, и торпеды подходят с кормы - с левого борта, похоже, пройдет метрах в 10-15, а с правого совсем близко - в полутора-двух метрах. Вот ее пузырящийся след быстро приближается к мостику, вода прозрачная, и всю торпеду видно, наверное, она идет на глубине метров 2-3-х. Кто-то из ребят, Кошель или Жентычко, перегнувшись через ограждение мостика, стреляет из винтовки в проходящую торпеду. Капитан-лейтенант хватает его за плечо с возгласом: "Куда!? Взорвется!" Действия обоих потом вызывали смех, но тогда было не до шуток.

Пронесло. Торпеды ушли к эстонскому берегу.

Капитан скомандовал лечь на прежний курс. Грешен, но я совершение! не помню, какие маневры выполняли остальные суда. Помню, что с "Октября" по катерам били из какого-то пулемета. С "Казахстана" могли бить только из винтовок такие же, как и мы, - комендантская команда.

А что катера? Увидев, что их торпеды не достигли целей, произвели красивый поворот "все вдруг" налево и снова тесным строем фронта бросились на нас. На дистанции в 3-4 каб. еще красивый поворот "все вдруг" направо, снова от места их поворота потянулись к нам светлые дорожки. Снова команда в машины на резкий поворот влево и опять томительное ожидание - успеем ли встать между приближающихся смертоносных дорожек.

Снова палим из винтовок и с тревогой смотрим на эти уже знакомые дорожки. Успели! Ближайшие к нам торпеды прошли метрах в 15-20. Снова команда капитана - лечь на прежний курс.

В памяти осталась и такая картинка: полная молодая буфетчица, надев на себя спасательный пояс и спасательный круг, держала левой рукой у груди маленькую болонку, а правой быстро крестилась, смотря с тревогой и надеждой на мостик.

Катера, убедившись, что и этот залп впустую, развернулись вправо и, поставив дымовую завесу, вскоре скрылись на севере. БТЩ, прекратив огонь, снова встал во главе каравана и довел нас до Таллина без приключений.

Через три дня в газете "Советская Эстония" появилась статья Л. Соболева "Ушли от 8 торпед", в которой сообщалось, что во время перехода в Таллин транспорт "К" был атакован 6-ю торпедными катерами противника, но, благодаря умелым действиям капитана Калитаева и четкости выполняемых его

команд рулевым, машинистами и др. членами экипажа, корабль 4 раза умело уходил от 10 выпущенных в него торпед, которые проходили в нескольких сантиметрах от бортов. Об остальных кораблях - участниках этого перехода - ни слова.

В Купеческой гавани мы стояли у стенки рядом с "Казахстаном", и наш товарищ Анатолий Ломко при встрече с моряками "Казахстана" говорил им: "Эй, герои, поделитесь с нами частицей вашей славы". Оказывается, как только мы пришли в порт, капитан Калитаев пошел в политотдел флота и поведал писателю, корреспонденту ряда флотских газет Леониду Соболеву о нашем переходе, рассказав только о "Казахстане".

Еще раз каюсь - был занят только наблюдением за торпедами, предназначенными нашему кораблю, и не видел: сколько торпед шло в "Казахстан", сколько в "Октябрь" и как они маневрировали. Конечно, "Казахстану" было труднее всех, т.к. хотя он и был почти раза в два меньше нас по водоизмещению, но выглядел крупнее нашего "Суур-Тылла" и был менее маневренным, но сумел увернуться от торпед. Но почему 10 торпед? Ведь 6 катеров атаковали дважды. Это точно. Первый залп был точно из 6 торпед. Они шли с большого расстояния, и было время их сосчитать. А вот число торпед во втором залпе, еще раз каюсь, не помню. Основное внимание было на тех двух, которые предназначались нашему судну и от которых надо было увернуться. Но возможно, что два катера без торпед вышли в атаку "за компанию", чтобы у комендоров БТЩ "глаза разбегались" - по кому наводить орудие. Возможно, также, что два катера безуспешно атаковали ночью две наши канонерские лодки: "Москву" и еще какую-то, которые встретились нам и что-то передали на БТЩ. Но ночного маневра "Казахстана" - ухода от двух торпед, не мог не видеть, т.к. он был постоянно перед глазами. Ни от кого он не увертывался ночью.

После завтрака отпросился у коменданта сходить в город, чтобы купить тетради, блокноты, конверты и посмотреть что-нибудь из книжек про Таллин. Разрешил на 2 часа, предупредив, чтобы запоминал дорогу и далеко не уходил. Бланков командировочных удостоверений и увольнительных на судне не было. Старшина сочинил справку, в которой значилось, что я такой-то с такого-то судна командирован в город для закупки канцелярских принадлежностей. Комендант подписал. Подпись заверили судовой печатью. Не знаю, как бы отнеслись патрули к этой справке, но они, слава богу, не обращали на меня внимания, хотя раза четыре сталкивался с ними нос к носу. Может быть, потому, что патрули были флотские, а я был по полной форме (по указанию старпома, мой ботинок починил судовой сапожник).

Пройдя вдоль железнодорожных путей к главным (западным) воротам порта, я вышел по небольшой улице Садама к большому скверу, тянувшемуся вдоль старинной крепостной стены на запад и на юг. А в глубине сквера, прямо передо мной выросла мощная широкая приземистая башня с воротами. Кошель и Жентычко говорили мне о ней - Толстая Маргарита. Через ее ворота по улице Пикк можно выйти на Ратушную площадь, а еще дальше - на площадь Вальяк, рядом с которой есть книжные магазины и магазины канцелярских товаров.

Хотел посмотреть, что сейчас в Толстой Маргарите, но маленькая на такой громаде дверь была заперта.

В 60-х годах, во время одной из командировок в Таллин, я узнал, что в Толстой Маргарите Морской музей, и зашел в него. На втором этаже в большом зале я буквально остолбенел - в центре зала стоял во всей своей красе наш "Суур-Тылл"! Модель в масштабе не менее 1:50, т.к. длина ее более метра. Я медленно несколько раз обошел вокруг нее, с нежностью рассматривая все, что было на палубах. Все, как было в первые дни моего прибытия на судно. С особым чувством рассматривал ходовой мостик - мое рабочее место во всех переходах, место, где было установлено первое орудие, из которого я выпустил ни одну сотню снарядов. Видя мою особенную заинтересованность этой моделью, подошла дежурная по залу и поинтересовалась, что мне в модели понравилось. И, когда узнала, что я служил на этом судне в 41-42 годах, что стоял сутками вот на этом мостике рядом с капитаном Тыниссоо, она только протянула уважительно-удивленное "Ооо!" Модель, оказывается, изготовил в 20-х годах сам Тыниссоо. Его в Таллине очень чтят. Здесь в зале его капитанская фуражка и орден Трудового Красного знамени. После войны он долго был командиром Таллинского порта.

Я медленно шел по Ратушной площади, с интересом рассматривая узкие островерхие дома, необычной для меня архитектуры, на узкой улице с булыжной мостовой. Справа открылась громадная кирха, высоченный шпиль которой мы видели с моря, входя в Таллинскую бухту.

Ратуша - массивное высокое здание в форме прямоугольника, похожее на старинный замок. По улице Харью вышел еще на какую-то большую площадь, где в небольшом сквере стояла еще одна большая кирха. В городе тихо, спокойно. Почти ничего не говорит о скорых боях за город. Удивило, что в скверике, прямо под ногами у проходящих или сидящих на скамейках людей, большими стаями преспокойно бродят дикие голуби. Ни в Москве, ни в Питере я такого не видел. Нашел нужные мне магазины, купил тетради и блокноты, в которых вел потом

дневниковые записи, открытки с видами Таллина и его окрестностей, которые сохранились до сих пор, конверты себе и ребятам. Но литературы на русском языке о достопримечательностях Таллина не нашел. Наверное, еще не успели издать.

Два часа пролетели быстро, и я заспешил на корабль. Доложил старшине, что прибыл без замечаний. Тот с нарочитым удивлением: "Неужели и без приключений?" "Без" - развел я руками и скорчил гримасу сожаления.

Последующие несколько дней прошли без запомнившихся событий. Участие в разгрузке хлеба и других продуктов, участие в очередной бункеровке - приняли тонн 400 угля. Занятия по семафору с ребятами и азбуке Морзе со старшиной, который изнывает от безделья.

26 июля. Суббота. Таллин, Купеческая гавань.

Вчера капитан-лейтенант объявил нам, что завтра после завтрака на корабле будет большая приборка, в которой будет участвовать весь экипаж судна, в том числе и мы. Что такие приборки на всех кораблях проводятся каждую субботу, я знал. Но у нас за весь июль таких приборок не было. Наверное, потому, что все субботы выпадали на переходы и было не до больших приборок. Мы обычно убирали ежедневно по очереди только свой кубрик.

В 9 часов в наш кубрик зашли старшина Кожин и боцман. Боцман определил каждому участок для уборки: кого на верхнюю палубу, кого в баню, а мне выпала честь убирать правый коридор на жилой палубе, от входа в баню до входа в кают-компанию. Основная работа: вымыть палубу, протереть все трубопроводы, которые проходят в коридоре, двери всех кают и помещений. Уборку закончить к 12 часам. Качество уборки на палубах, в жилых, служебных и хозяйственных помещениях, в трюмах будут проверять старпом, боцман и комендант, а в машинных и котельных отделениях - механик. Получив от боцмана необходимый для уборки инвентарь, я с большим энтузиазмом принялся за уборку. Я всегда любил делать любую уборку - и дома, и в ОСВОДе, и в спецшколе. Результаты твоей работы видны сразу и тебе, и товарищам, и посторонним. И эту работу делал очень добросовестно и тщательно. К 12 часам только-только успел закончить. К приходу проверяющих я еще не убрал ведро с водой и мокрую тряпку. Проверяющие, спустившись в коридор через носовой тамбур, медленно шли по нему в кормовую часть, где я только что завершил уборку, внимательно осматривая пол, переборки, двери кают и прочее. Вдруг капитан-лейтенант достает носовой платок, вытирает им

электровыключатель на переборке и, подозвав меня, показывает платок мне. На чистом белом платке грязь! Чувствую, что краснею от стыда и досады. Видел же я этот чёртов выключатель. Их всего-то два в коридоре. Один-то я протер, а про этот забыл. Решение коменданта - уборку не принимать и после обеда переделать! Старпом и боцман согласно закивали.

У всех наших ребят уборка была принята, а мне пришлось после обеда убираться снова. Конечно, былого энтузиазма не было. Но винить, кроме себя, тоже было некого. Конечно, повторную уборку сделал за полчаса: протер только пол и внимательно проверил все трубопроводы и закоулки, которые, вдруг, пропустил. Доложил боцману, тот прошел по коридору, внимательно просмотрел еще раз все места, где могла скопиться грязь, где-то даже потер пальцем, но придраться было не к чему. И он, сочувственно улыбнувшись, похлопал меня по плечу и сказал: "Теперь хорошо". Эта первая большая приборка на корабле запомнилась мне на всю жизнь.

28 июля. Понедельник. Таллин, в Кронштадт со "Страшным".

Днем в порт к нашему причалу прибыли пешком несколько сотен молодых парней-эстонцев. Оказывается, это призывники, которых предстоит доставить в Ленинград. На наше судно предстояло взять 800 человек, по сколько на другие транспорты - не знаю. Погрузка и размещение длились несколько часов. Комендант приказал все винтовки и патроны принести на мостик, кубрик запереть. Двоим нашим встать с винтовками на нижнем мостике и никому не разрешать подниматься на мостик.

Я сначала с интересом наблюдал с мостика посадку, потом спустился на стенку. На транспорте, стоявшем впереди нас, посадка уже закончилась. Никто из ребят не хотел спускаться сейчас в трюмы, и все расположились на верхней палубе, на пристройках. Вдруг раздалась песня, за ней другая. От незнакомых, но бодрых слов у меня на душе повеселело. Рядом со мной стоял пожилой матрос-эстонец из нашей команды. "А вы знаете, какие они песни поют? спросил он, обращаясь ко мне, - фашистские!" Веселости в моей душе как не бывало. Поднялся на мостик и рассказал об услышанном своим товарищам, а потом сообщил и коменданту. "Надо всю ночь быть начеку", - сказал он.

Капитан с мостика несколько раз объявлял правила поведения на корабле во время перехода. Спать разрешалось в жилой палубе в свободных местах, под спардеком и на спардеке, вокруг дымовых и вентиляционных труб, на юте. Запрещено подниматься на ходовой мостик, который охраняется. Думаю, что каждого из нас в душе беспокоил вопрос: что мы можем сделать, если вдруг эстонцы решат захватить судно и увести его к немцам.

История судна может повториться. Что могут сделать 5 краснофлотцев с винтовками и один командир с пистолетом против 800 молодых парней, плюс почти сто человек экипажа? Какую помощь может оказать нам единственный БТЩ? То, что этих ребят отправляют куда-то вглубь страны, а не привлекают к службе здесь, мы считали правильным решением. Тут они не вояки, а там их и подучить могут успеть и использовать не обязательно на фронте.

К вечеру вышли в бухту и стали на якорь в ожидании БТЩ и команды следовать за ним. Погода была солнечная, тихая, и от бухты веяло каким-то спокойствием. Часов в 9 вечера от Минной гавани показались два буксира, тащивших какое-то непонятное плавсредство. Когда они немного приблизились, я разобрался, что это за сооружение. Это был изуродованный эсминец "Страшный". Теперь он полностью оправдывал свое наименование: нос оторван по первое орудие и изуродованные помещения жилой палубы и погребов тоскливо смотрят в бухту. Кормовая палуба тоже разворочена, закопчена. Нам приказано отбуксировать его в Кронштадт. Поведет нас опять какой-то трудяга БТЩ.

Поскольку буксировать за остатки носовой части нельзя, т.к. переборки могут не выдержать давления воды, да и площадь сопротивления воде в носовой части сейчас больше, чем в кормовой, было решено буксировать эсминец за корму на максимальной длине буксиров, чтобы, в случае внезапной остановки нашего судна, "Страшный" не врезался нам в корму.

До сих пор авиация немцев почему-то нас не беспокоила, хотя о всех передвижениях по заливу они наверняка знали. В этом переходе мы все же считали себя более защищенными и от авиации и от торпедных катеров, т.к., по крайней мере, три стотридцатки эсминца действовали и смогли бы прикрыть нас. Но, помня о недавней атаке торпедных катеров, мы неотрывно следили за северным горизонтом, понимая, что, ведя на буксире "Страшный", мы не сможем так же удачно маневрировать и уклоняться от торпед. Я сбегал с мостика только по острой необходимости и перекусить. На это время обязательно на мостик поднимался Ломко или Жентычко, которым я передавал бинокль. Капитан-лейтенанта в таких случаях замещал Кожин. Ночью кто-нибудь из ребят посменно дежурили на правом крыле мостика, левое было за мной. С рассветом и до восхода солнца, когда напряженность немного спадала, глаза наливались свинцовой тяжестью, и сильно клонило ко сну. Начинаешь ходить по мостику. Капитану и капитан-лейтенанту, по-моему, было чуть легче - биноклем почти не пользуются, следят, в основном, чтобы

не выйти из протраленного фарватера, можно постоянно между собой вести беседы. К сожалению, эти беседы велись тихим голосом, и я, находясь почти постоянно на крыле мостика, не все мог разобрать. А в беседа старых моряков было много любопытного.

Весь переход мы, конечно, не спали и не сходили с мостика.

30 июля. Среда. Кронштадт, Ленинград.

И в этот переход бог нас миловал - через полтора суток, примерно в 21 час 30-го июля, мы добрались до Кронштадта и передали "Страшный" местным буксирам. От оперативного дежурного поступило указание следовать в Ленинградский порт, к стенке напротив Морского вокзала, где наших пассажиров ожидают соответствующие представители. Морской вокзал - небольшое одноэтажное деревянное здание расположено метрах в 400 от начала широкой (метров 150) причальной стенки, протянувшейся вдоль почти начального отрезка морского канала метров на 700-800. С другой стороны эта стенка выходит на широкую гавань, кажется хлебную, по другую сторону которой тянутся причалы злополучной лесной стенки. До нее метров 500. На причальной стенке, выходящей на хлебную гавань, нанесена нумерация причалов. При подходе к этой стенке кто-то с нее крикнул, что нам приказано швартоваться на 8-й причал. Это место оказалось почти напротив морского вокзала. По всей длине в средней части стенки тянутся железнодорожные пути, вдоль которых узкие деревянные платформы для выгрузки грузов. Недалеко от нас, в районе 10-го причала возвышаются большие штабеля из метровых кубов хлопка, накрытые брезентом. Куда и когда они теперь уплывут отсюда?

На 8-м причале нас уже ожидали человек 20 в армейской форме: пятеро комсостав, остальные младшие командиры. Причал в этом месте довольно просторный. Всех наших пассажиров построили в 4 шеренги, пересчитали. Команда: "На праааво!" Разбили еще на 5 колонн, во главе которых встали по командиру, а по бокам по два младших командира и: "Шагооом марш!"

А нам предстояла генеральная уборка всего судна. Хоть и объявляли ребятам, куда следует бросать мусор, остатки пищи, где места курения, но, похоже, все впустую. Хорошо, хоть качки не было.

Погода стояла отличная: тепло, солнечно, тихо. Дел никаких не было сплошное безделье. В город с увольнительной на эстонском бланке в Питере далеко не уйдешь. Один только раз трое наших ездили в военпорт за продуктами для нас, а на судне все шло в общий котел. Первый раз получили какое-то количество

водки из расчета по 100 г на человека. Мне-то это событие было безразлично, а все наши обсуждали его довольно живо, особенно когда первый раз перед обедом старшина принес в кубрик пол-литровую бутылку, потирали руки, похлопывали в ладоши, покряхтывали в предвкушении давно не испытываемого удовольствия. Кроме меня, Анатолий Ломко также без радости с критической усмешкой посматривал на приготовления по принятию "наркомовской дозы". А я вообще водку в рот не брал и не знал ее вкуса и после тоста "За нашу победу и за наше здоровье" смущенно сказал, что мне сейчас пить не хочется и я потом выпью. Слил свою порцию в пустую бутылку и убрал ее в рундук. Конечно, ребята сначала постарались уговорить выпить с ними, но старшина сказал, чтобы отстали и не насиловали - в этом нужна добровольность и чувство меры. Так продолжалось несколько дней. Бутылка была уже полная, но пока никто на нее не посягал, как и на мои папиросы "Звездочка" (я, к тому же, не курил и совсем не ругался матом. Чей-то мат мне было противно слышать. Кстати наши ребята им очень редко пользовались).

В общем, не матрос, а красна девица. Надо было хоть чем-то подтвердить, что мне скоро (по легенде) будет уже 20 и я не младенец. И вот как-то перед ужином, когда в кубрике еще никого не было, я взял свою бутылку водки, кружку, ломоть хлеба, пару конфет и, боясь, что меня застанут в кубрике, забрался в сушилку, что была почти напротив нашего кубрика. Сушилка - темное помещение примерно 1,5 на 1,5 метра, в котором постоянно горячие батареи поддерживают температуру градусов до 50-60 и где в сырую погоду команда сушит стираное белье, а вахтенные - свою мокрую робу. Сейчас сушилка была пустая, и я присел в уголке, налил половину кружки водки, выдохнул шумно воздух, как что делали мои товарищи по кубрику, и в 3-4 глотка вылил в себя противное содержимое кружки. Судорожно вздохнул и закашлялся, прикрывая рот ладонями. Затем так же судорожно стал запихивать в рот хлеб, конфеты и, не пережевывая, все это глотать, чтобы не было во рту этого противного вкуса. Если бы эту картину видели мои товарищи, катались бы со смеху.

Придя немного в себя, выбрался из сушилки, мокрый от той жары, в которой пробыл не менее 10 минут. Только успел убрать бутылку с кружкой и забраться на койку, как стали собираться на ужин ребята. Хорошо, что не я сегодня банковой. Слезая с койки, почувствовал, что элементарно-простые движения, отработанные за месяц до автоматизма, совершаются не очень-то четко. И посадка на свое место за стол обратила на меня внимание. А когда в кубрик зашел старшина и увидел расплывающуюся в

улыбке мою физиономию, он сразу же поставил все на место, строго спросив: "Кто это напоил нашего салажонка?" Сразу же посыпались вопросы: "С кем это ты? Когда это ты успел?" И я уже не очень внятно молвил, что вот, мол, захотелось перед ужином немного выпить, вот и тяпнул полкружки. "Ну, давай, закусывай, как следует, и на койку. До отбоя из кубрика не вылезай, пьянчужка", - доброжелательно, по-отечески проворчал старшина.

Несмотря на то, что я прибавил себе три года, я оставался самым младшим среди нашего военного коллектива. Троим - Жентычко, Кошелю и Ломко примерно по 20, т.к. они прослужили уже по два года, а старшине Кожину не менее 23-х. В 41 -м году он должен быть уволен после 5 лет службы. Но никто ни разу не посмеялся надо мной, не обозвал неуважительно "салагой" или "сачком". Во-первых, я для них был флотским специалистом - сигнальщиком, как старшина - радистом, а они, кроме Толи Ломко, все два года прослужили в экипажах и на море только месяц. Толя, из интеллигентной семьи, окончил десятилетку, кажется где-то под Минском, а на флоте школу специалистов в Кронштадте - торпедный электрик. Мы с ним были в дружеских отношениях. С какой обидой он рассказывал мне, как стыдно было ему в первые недели службы в экипаже, когда за малейшую провинность старшина роты направлял провинившихся подбирать руками вдоль забора со стороны улицы бумажки и окурки. И это приходилось делать на глазах проходивших девушек, которые еще отпускали в их адрес различные обидные шуточки или, что еще хуже, жалостливые высказывания. Только старшина Кожин иногда называл меня "салажонком", но тон был покровительственно - уважительный. Ну а капитан-лейтенант Линич ни на кого ни разу не повысил голоса и ко всем обращался уважительно ровно: "Товарищ такой-то", без какого-либо панибратства. А поводов называть меня "сачком" я ни разу не давал, т.к. ни от какой тяжелой работы не отказывался, наоборот, предлагал свои услуги, чтобы быть на равных с более старшими. И, когда в эту продолжительную стоянку в Ленинградском порту кто-то из ребят сказал старшине, стоило бы и Трифонова ставить на вахту к трапу во время стоянок, а то он только на переходах на вахте, старшина согласился, и я, конечно, не стал возражать. Вахта у трапа с винтовкой еще больше уравнивала меня с остальными краснофлотцами, а один круглосуточный пост на 4 человека совсем не в тягость.

Но вскоре на этой вахте со мной произошел позорный случай. Заступил я на "собаку" - с 0 до 4 утра. Тихая теплая ночь. Все на судне уже спят, только старшина ушел куда-то часов в 11 вечера и где-то болтается. Подозреваю, что закадрил какую-нибудь деву из

работников порта или девушек-милиционеров, несущих охрану на территории порта. Ходил я, ходил по причалу вдоль борта судна. Скукота. Стал накрапывать дождик. Поднялся на палубу, походил вдоль борта под спардеком, присел на банку, находящуюся почти против входа по сходне на борт судна. Наверное, надоело таскать в руке винтовку, и я поставил ее рядом, прислонив к стенке подспардековой постройки. И незаметно уснул. Разбудил меня старшина, который тряс за плечо и спрашивал, почему я сплю и где винтовка. Сна как не было. Я перепугался, т.к. винтовки действительно рядом не было, а сколько я спал - не знаю. Начал плести в свое оправдание какую-то чушь: подошел, мол, кто-то из матросов команды, который вышел якобы покурить и дал мне, чтобы на сон не тянуло, несколько раз затянуться. И, наверное, после этого я уснул. А куда делась винтовка - не знаю. Неужели этот матрос утащил? "А ты помнишь этого матроса?", - спросил старшина. "Да не очень, ведь было темно, и он был рядом недолго", - промямлил я, ломая голову - куда же делась винтовка? Старшина подошел к углу спардека, протянул руку, и вот в его руке моя винтовка. "На, возьми, и больше не спи на посту. А то тебя штыком твоей же винтовки могут заколоть. Тебе еще два часа стоять".

После этого случая и урока старшины я ни разу за всю службу на ответственном посту не уснул, А приходилось стоять на десятках разных постов многие сотни раз. И если заставал спящими на постах своих подчиненных, то поступал, каюсь, более жестоко, чем старшина со мной. Ударом сомкнутых рук сбивал спящего с пня или бревна на землю, наваливался сзади и молча душил, пока тот не прекращал трепыхаться. За это время и я успокаивался, злость проходила, и я уже спокойным тоном объяснял, что вот так немцы и финны снимают наших разинь-часовых, а потом быстро вырезают их спящих товарищей. Примеры тому у нас уже были. То, что с тобой сейчас случилось, будет между нами. И я действительно никогда вышестоящим командирам - взводному или ротному об этих случаях не докладывал. Считал, что моего урока было достаточно. Повторных случаев сна на посту у этих же товарищей я не встречал. Не было и попыток отомстить мне за это, хотя возможности просто пристрелить ночью, как не назвавшего пароль, было сколько угодно.

6 августа. Среда.

В три часа ночи перешли в Кронштадт, сутки простояли поочередно на всех рейдах. 31 июля к нам прибыло "пополнение" - краснофлотец Афонин Николай. Теперь нас в кубрике 5 человек.

7 августа. Четверг. Кронштадт - Таллин.

В час ночи за БТЩ пошли в Таллин. Этот переход запомнился штормовой погодой. Северо-западный ветер гнал волну баллов в 5-6, которая раскачивала судно и с борта на борт, и продольно. На мостике качка ощущалась значительно сильнее, чем на палубе. Сначала мне было интересно это качание, но постепенно тошнота все сильнее и сильнее подступала к горлу. И вдруг содержимое желудка вырвалось наружу. Успел перекинуться через ограждение мостика и направить остатки ужина за борт. Удачно, что судно в этот момент накренилось на правый борт, и я не запачкал палубу. Конечно, на мостике видели мои страдания и капитан-лейтенант участливо спросил: "Что сигнальщик, укачивает?" "Да, немного. Отвык от качки", - отвечаю. "Если остались мятные конфеты, то попробуйте сосать. Помогает", - советует он. Скатываюсь с мостика, бегу в кубрик, по дороге забегаю в гальюн, где еще раз освобождаю желудок. Взяв горсть конфет с мордашкой, у которой волосы дыбом, возвращаюсь на мостик с конфетой за щекой. Вроде бы полегчало.

8 августа. Пятница. Таллин. Мы вооружаемся.

При подходе к Таллину ветер стих, волны уменьшились, качка почти прекратилась. А за бонами, в бухте было совсем тихо. БТЩ пошел в Минную гавань, а мы, с часу ночи до 9 утра стояли на якоре, на рейде, а затем, как обычно, пошли в Купеческую.

Встали не у стенки напротив складов, где обычно, т.к. там стояли и грузились какие-то транспорты, а у северного защитного мола, т.е. ближе к северному выходу из гавани. Погрузили еще тонн 400 угля и пресную воду. Обычно пресную воду мы брали на ходу в морском канале между Кронштадтом и Ленинградом. Капитан внимательно смотрел на берег в районе Петергофа и в определенный момент махал рукой и кричал "Донка!" механику, который стоял на палубе и передавал команду куда-то в машинное отделение. На этом участке судно шло на малом ходу, и минут через 15-20 забор воды прекращался. Я не спрашивал, почему именно на этом участке производят забор пресной воды. По идее, чем ближе к Ленинграду, тем меньше примесей воды из залива к речной невской воде. Неужели небольшие речушки, впадающие в залив в районе Петергофа и Стрельны, значительно улучшают качество воды даже в 4-5 километрах от берега, где проходит морской канал?

Дня через 2-3 капитан-лейтенант велел мне, Жентычко и Афонину следовать с ним в город. Где-то в центральной части города, улицу и место совершенно не запомнил, зашли с ним в какой-то старинный дом на второй этаж и получили задание: вытащить на улицу кое-какую мебель. Оказывается, в этой

квартире жила семья нашего коменданта, но она недавно поездом переехала в Питер, и теперь надо перевезти туда кое-что из мебели. Вскоре подошла небольшая грузовая машина, в которую мы погрузили мебель, и поехали в порт. Сгрузили мебель на стенку, отпустили машину, а потом краном все опустили в носовой трюм.

Через несколько дней на стенке около судна с грузовых машин сгрузили несколько стальных листов толщиной миллиметров 10, размером примерно 2х3 метра, несколько десятков дюймовых досок и большую кучу песку. Оказывается, по приказанию штаба флота торговые и вспомогательные суда должны оборудовать защиту рулевых рубок и мостиков от пулевых обстрелов с самолетов. Мы решили попробовать: поставили вертикально один стальной лист и доску и с расстояния метров 50-60 сделали несколько выстрелов из винтовки. Доску, конечно, насквозь, а на листе только вмятины. Правда, на самолетах крупнокалиберные пулеметы, но и защита рубки должна быть более солидной. У нас решили защитить только рулевую рубку, где обычно находится также штурман и, в случае необходимости, могут заскочить все, кто находится на мостике. Вокруг рубки из досок соорудили короб и в образовавшееся пространство между досками и обшивкой рубки (сантиметров 10-15) засыпали песок. Снаружи доски обшили стальными листами. Также обшили и крышу рубки. Теперь в рубке стало как-то уютнее. А мостик решили не защищать. В теплое время все руководство осуществляется с верхнего мостика, на котором только легкая защита от ветра и дождя в застекленных будочках-беседках на крыльях мостика. В холодную и зимнюю погоду управление осуществляется с застекленного нижнего мостика. Но до зимы еще далеко. И может, к зиме война кончится.

Под Таллином пока все тихо. Ночью, правда, иногда слышны отдельные винтовочные и револьверные выстрелы. То ли патрули в кого-то стреляют, то ли в патрулей. У капитана семья где-то в районе Копли, и он попеременно со старпомом уходит на сутки домой. У него, кажется, только одна дочь лет 17-ти, т.е. мне ровесница.

Числа 12-го августа ночью вышли на рейд и встали на якорь. Наверное, наше место кому-нибудь понадобилось. На следующий день утром вернулись в Купеческую гавань и встали опять у северного мола, т.к. все причалы у стенок были заняты транспортами. Снова бункеровка. Взяли тонн 600, "под завязку".

Через несколько дней подошла грузовая машина, в кузове которой стояло 45-мм орудие. Его подняли на палубу, и

прибывшие с машиной рабочие спросили у капитан-лейтенанта, где устанавливать орудие?

Очевидно, капитан-лейтенант был в курсе нашего вооружения и место для установки первого орудия уже выбрал, т.к. сразу же указал: на левом борту метрах в четырех за краном. Рабочие быстро установили орудие и уехали. Очевидно, установка орудий для них привычное занятие. А где же снаряды и прицел", - спросил я у капитан-лейтенанта. "Будут и снаряды и прицел", ответил он.

Кроме вахтенного у трапа, вся наша комендантская команда и несколько матросов столпились около своего теперь орудия. Не все же так близко видели настоящее орудие. А теперь его можно было и "пощупать". Но никто не решался. Хотя оно и было небольших размеров, но будто бы с потопленной нашей подводной лодки, значит, побывало в бою и тем самым невольно вызывало к себе уважение. Комендоров среди нас, кроме капитан-лейтенанта, не было. Из его рассказов на мостике капитану о своей службе я слышал, что еще в двадцатых годах он кончал какие-то артиллерийские классы и курсы, был артиллеристом на "Авроре" и на каком-то эсминце. Но и он, похоже, с таким мелким калибром не имел дела. Не помню, кто первым решился подойти к орудию и показать свои познания в артиллерии - потянул на себя рукоять замка. Замок пошел вниз, открылся. А вот как его теперь закрыть - никто не знал. За какие только рукояти и ручки не дергали - ничего не получалось. Тогда я скромненько подошел, придерживая правой рукой рукоять замка, растопыренными средним и указательным пальцами левой руки утопил лапки экстрактора и мягко отпустил рукоять замка. Замок закрылся. Затем, уже "сверх программы", встал на место наводчика и, работая одновременно валиками горизонтальной и вертикальной наводки, лихо стал наводить ствол то на горизонтальные, то на воздушные цели. "Во, сигнальщик дает!", - вырвалось у Кожина. А я подумал, что честная отработка наказаний - нарядов в военно-морской спецшколе пошла на пользу. Увидев мои практические познания в артиллерии, капитан-лейтенант заявил, что теперь я буду ответственным за орудие и его наводчиком.

Дня через 2-3 на грузовой машине привезли снаряды - 57 ящиков. Поскольку я был назначен ответственным за орудие, то, естественно, ответственным и за боезапас. Поэтому в конце моего дневника-блокнота с записями за период с 28 августа по 24 сентября 1941 г. есть "бухгалтерия": сколько и каких снарядов было получено и расход снарядов.

Получено в Таллине: осколочных с красной трассой - 192;

с белой трассой - 132;

фугасных - 100;
бронебойных - 140.
Всего - 564

Есть запись, что на 19 сентября осталось 490 снарядов, т.е. израсходовано 74, в основном, конечно, осколочных по самолетам.

Поскольку никаких кранцев для хранения снарядов на палубе не было, то большинство снарядов было спущено в кормовой трюм, а по одному ящику с каждым видом снарядов были сложены на кожухах около первой трубы.

Теперь надо было апробировать орудие. Подходящего случая долго ждать не пришлось - немецкие самолеты-разведчики появлялись теперь ежедневно в первой и второй половине дня, но на довольно большой высоте. По ним начинали бить зенитные орудия с побережья, с береговых батарей и с кораблей, но калибр не менее 76 мм.

Попросив всех отойти метров на пять от орудия, я сам зарядил его, навел ствол в сторону летящего "юнкерса" и дернул за левую спусковую рукоять. Резкий звук выстрела больно ударил по ушам. Ствол примерно на полметра откатился почти вертикально вниз, и открывшийся замок выплюнул стреляную гильзу, которая со звоном покатилась по палубе. Внутренняя дрожь, которая все же чувствовалась до выстрела, пропана - орудие цело, а я живой. Головы присутствовавших подняты вверх. Все смотрят за удаляющейся трассой нашего первого снаряда. Пройдя далеко за хвостом самолета, след трассы закончился белым облачком разрыва - снаряд взорвался на пределе своей вертикальной трассы (около 4 км) специальным ликвидатором. У окружающих сразу же появился охотничий азарт: "Давай еще пару снарядов"! А что толку-то без прицела", авторитетно заявляю я. "Ну, давай еще одним бабахним", - милостливо соглашаюсь я. Поручаю Жентычко заряжать орудие, а Ломко по моей команде "Ноль" производить выстрел, дергая за правую спусковую ручку.

Пока готовились ко второму выстрелу, услышав неожиданный грохот первого, на палубу поднялись капитан-лейтенант и капитан судна. "Что тут случилось?" "Да вон разведчик появился и мы решили опробовать орудие, отвечаю, - все нормально, товарищ капитан-лейтенант". "А почему не предупредили?" "Так он бы улетел. Вон и сейчас его уже не достать". "Юнкерс" действительно уже был где-то между островами Нарген и Вульф, и по нему били только зенитки с этих островов. Но капитан-лейтенанту тоже хотелось лично убедиться, как ведет себя орудие, и он приказал дать один выстрел вслед улетающему самолету. Орудие было уже заряжено, я быстро

развернул его на правый борт между труб и, не снимая рук с рукоятий наводки, дал команду Ломко: "Ноль!" Снова резкий удар по барабанным перепонкам. Такое маленькое орудие, а какой резкий, неприятный для слуха звук выстрела. Все-то окружающие затыкают уши пальцами, а у меня руки заняты.

Капитан-лейтенант с довольной улыбкой подошел к орудию, похлопал его по казенной части и похвалил и орудие, и меня: "Молодцы"! И обращаясь ко мне "Перед выстрелом надо рот открывать, тогда барабанным перепонкам не будет так больно. А после стрельбы надо почистить и смазать канал ствола". "Так ведь нет ни банника, ни ветоши, ни масла", - отвечаю ему.

"Все скоро будет, а сейчас отбой боевой тревоги". Отбой так отбой, подумал я, хотя её нам никто и не объявлял.

Через 2-3 дня привезли пушсало и масло для "откатников". Капитан-лейтенант посоветовал снять ствол и проверить, достаточно ли масла в "откатниках". Добрались до "откатников". Масло там было, но черное, похоже, старое. Снял все старое масло, протер шток, пружину ветошью и, действуя по правилу "маслом кашу не испортишь", жирно смазал все свежим маслом. При очередном появлении немецкого разведчика дал по нему выстрел. Результат: все, кто был около орудия, были забрызганы маслом. Перестарался. Для орудия это правило не подходит. Это я усвоил четко и такого больше не допускал ни на корабле, ни в морпехоте, будучи командиром противотанкового орудия.

До середины августа немцы не беспокоили корабли и транспорты, стоящие в бухте и в гаванях, хотя их воздушные разведчики появлялись над бухтой по два раза в день, засекая все действующие зенитные средства. Попаданий в них я не наблюдал, хотя большую часть дня проводил на мостике или около орудия.

Кап-н-л-т распорядился: при появлении самолетов противника мне и расчету орудия быть около орудия и открывать огонь только в случаях пикирования на транспорты, стоящие в Купеческой гавани. Но такого случая до нашего ухода из Купеческой гавани так и не представилось. Похоже, в тот период времени немцам нужны были транспорты плавающие, а не потопленные.

С середины августа более отчетливо стал доноситься гул орудийной канонады с востока. А вскоре этот гул был заглушен грохотом десятков орудий с береговых батарей острова Аэгна и с кораблей, находящихся в бухте. Значит, немцы подошли к городу на дистанцию прицельного огня корабельной артиллерии. Но их артиллерия до бухты еще достать не может пли некому корректировать. Через пару дней, даже не поднимаясь на палубу, мы могли точно сказать "по голосу" орудий - кто ведет огонь или чей последовал залп: с эсминцев, с береговой батареи или с "Кирова". Но вот как-то утром в начале двадцатых чисел я услышал и заметил разрывы снарядов не менее шестидюймового калибра на кромке высокого берега, что восточнее парка Кадриорг. Там был наш военный аэродром, и с него часто

поднимались и бомбардировщики, и истребители. Куда они теперь денутся? Некоторые немецкие снаряды или с перелетом, или так было задумано, стали рваться ниже, в восточной части парка Кадриорг. В бинокль я никаких там наших войск не видел. Через полчаса немцы прекратили артогонь по этому району, то ли потому, что значительно усилился огонь с наших кораблей и их батарея была накрыта, то ли немцы своей пристрелкой были довольны.

Когда наши бомбардировщики покинули этот аэродром и улетели под Ленинград, я не помню, но позже 20 августа я их уже не видел. А вскоре после 20 августа оставшийся десяток истребителей друг за другом с небольшим интервалом перелетели куда-то северо-западнее Минной гавани на основание полуострова Пальяссаар. Значит, нашли там или подготовили для них взлетную полосу. Им ведь надо-то метров 300. Интересно, что немцы, по-моему, до последнего дня обороны Таллина не бомбили этот аэродром. Хотя "ястребки" постоянно были в воздухе. Только пара сядет, взлетает новая пара. С мостика иногда было хорошо видно, как они пикируют или идут на бреющем восточнее города и бьют по передовой немцев. А с земли к ним тянутся трассы от зениток и пулеметов.

По приближающемуся и нарастающему артиллерийскому гулу с востока и с юга от города и почти беспрерывному огню со всех крупных кораблей, находящихся в бухте, было ясно, что немцы медленно, но приближаются к городу. Пытаюсь вспомнить и не могу: никто из нас ни разу не сказал о возможной сдаче города немцам. Откуда была такая уверенность? В газете "Советская Эстония", которая поступала к нам на судно, публиковались десятки статей с примерами героизма наших бойцов и моряков на сухопутном фронте под Таллиным. И в каждом номере звучали бодрые лозунги "Враг не пройдет!" Как-то успокаивающе действовала мирная картина в Купеческой гавани, где у многочисленных причалов стояли десятки транспортов с мирными дымками над трубами.

21 августа. Четверг. Таллии, в бухте.

Часов в 17 поступило чье-то распоряжение выйти на рейд. А наш капитан минут двадцать назад ушел на сутки домой. Комендант решил, что выйти на рейд можем и без капитана. Командовал выходом старший помощник, которого я при исполнении обязанностей капитана не видел. Если на палубе во время швартовок и снятия с якоря он обычно бывал суетлив, то на мостике - полное спокойствие, четкие команды и никакой суетливости.

Поскольку нам не указали точного места стоянки на рейде, то

старпом решил встать на якорь в западной части бухты, примерно в километре от северного мола Купеческой гавани. Расчет старпома был прост: завтра, примерно в это же время, капитан, не обнаружив судно на месте, поднимется на гребень мола и мы его увидим в бинокли.

С места нашей якорной стоянки довольно хорошо просматривалась Минная гавань, в которой стояло с десяток БТЩ, много каких-то катеров и других мелких судов. Северо-западнее нас, километрах в двух, стоял на якорях "Киров", носом на запад. Около него на якоре или на буксирном тросе с кормы виднелся небольшой буксир. Наверное, его обязанности - разворачивать крейсер ча корму так, чтобы ему было удобно вести артиллерийскую стрельбу но указанным целям.

Северо-восточнее во всю ширину бухты расположились эсминцы, периодически ведя огонь по им одним ведомым целям.

22 августа. Пятница. Таллин, бухта в поле зрения "колбасы".

Утром я заметил к югу от нас, значит, где-то за озером Юлемисте, как бы над горизонтом, появилась "колбаса" - аэростат с каким то маленьким предметом под ним (очевидно, корзиной). Ясно, что подняли корректировщика, и теперь они будут бить по кораблям. Ждать пришлось недолго: после обеда высоко над нами мы услышали какое-то шуршание и через несколько секунд увидели четыре столба воды в центре бухты. Звука взрывов почти не было слышно. Эсминцы, которые вели огонь, стоя на якорях, стали сниматься с якорей и медленно двигаться по бухте.

Немецкая четырехорудийная батарея, не спеша, била примерно полчаса, как бы принюхиваясь к новым целям. Наши, наверное, точных координат этой батареи еще не знали и не могли помешать ей вести пристрелку. Около 17 часов дежуривший с биноклем на мостике матрос сообщил старпому и коменданту, которые оба с утра были на мостике, что видит на северном молу нашего капитана. Старпом приказал боцману срочно спускать шлюпку - четверку, на которой мы в свежую погоду дважды ходили с комендантом с рейда к северному молу и натерли на ладонях кровавые мозоли.

Но сегодня погода была тихая, солнечная и, пройтись на шлюпке пару километров, если ты умеешь хорошо грести, одно удовольствие. И я попросил разрешения у коменданта сходить с матросами на шлюпке. Тот не возражал. За полчаса обернулись в оба конца. Трое молодых матросов гребли вполне прилично и оценили мое умение грести. Только успели поднять шлюпку на борт, от "Кирова" подошел катер с приказом подойти к "Кирову" и встать у его кормы. Через 15 минут были у "Кирова" за кормой и встали на якорь. Оказывается, до утра.

23 августа. Суббота. Таллин, помогаем "Кирову".

С утра немцы опять открыли огонь по кораблям в бухте. Конечно, артогонь с кораблей очень им мешает. А теперь немецкая батарея заставляет корабли сниматься с якорей и двигаться по бухте. Точность огня с эсминцев, конечно, при этом снижается. По "Кирову" почему-то не бьют, чему мы очень рады. Но вот с "Кирова" приказ подать ему на корму наш буксирный трос и по командам тянуть его корму под углом 45° к правому борту. На малом и среднем ходу никакого движения. Дали полный ход, и постепенно корма крейсера стала медленно двигаться за нами. Похоже, что крейсер носом сел на грунт, и попытки буксирчика стянуть его были безуспешны. Вспомнили о нашем существовании. Но почему так долго готовились?

Вчера и сегодня немцы по несколько раз в день открывали огонь по кораблям, но попаданий не было. Наверное, корректировка с такой дистанции (от нас до "колбасы" было, по-моему, 5-7 км, плюс 1-2 км от нас до кораблей в бухте) по целям на водной поверхности для армейских артиллеристов была малоэффективной. Но сегодня после обеда они стали бить по "Кирову". Нас это никак не радовало, однако разрешения уходить не поступало. Вдруг часов в 16 громыхнула одна из башен "Кирова". С такого близкого расстояния мы его "голоса" не слышали. Очень впечатляет! На протяжении трех часов попеременно из разных башен он, не очень спеша, дал 40 залпов. Специально считал.

Часов в 19 нам разрешили отойти от "Кирова" и встать на рейде, что мы с удовольствием сделали и ночь проспали спокойно.

24 августа. Воскресенье. Таллин, Купеческая гавань.

В 9 часов с "Кирова" получен приказ вернуться в Купеческую гавань. Встали на свое старое место - у внутренней стенки северного мола, невдалеке от северных ворот гавани. Гавань полна транспортами, ни одного свободного причала. Все транспорты чем-то загружаются.

Утром я заметил, что "колбаса" стала размером раза в два больше. Значит, ее перенесли километра на 3 ближе к городу. Днем я наблюдал попытку атаки аэростата нашим "ястребком". Пройдя низко над городом, он с запада или с северо-запада пытался приблизиться и расстрелять аэростат, но его встретил такой плотный огонь зенитных пулеметов и автоматов, что он, резко изменив курс и максимально снизившись, ушел на свой аэродром. Больше попыток сбить "колбасу" с воздуха не было. А вот шрапнелью, по-моему, кто-то пытался сбить, но безрезультатно. Так она и висела до последнего дня.обороны

города и попортила нам много крови. Не без ее участия одна из немецких батарей пристреляла оба входа в Купеческую гавань - третий или четвертый залп лег точно в середине сначала северного, а затем и южного входа. Вскоре я увидел, что какой-то небольшой буксирчик пошел на выход из гавани через южные ворота. Только он вошел в ворота, залп батареи, и в воротах поднялись три столба воды. Четвертый снаряд накрыл буксирчик. Когда дым от взрыва рассеялся, на поверхности в бинокль видны были только какие-то щепки. Стало ясно, что немцы решили закупорить транспорты в гавани. Теперь днем из гавани не выйдешь.

В эти дни фронт с восточной стороны приблизился к окраинам города. Разрывы и немецких, и корабельных снарядов видны были в районе устья речки Пирита, Нарвского шоссе, на берегу полуострова Виймси. Доносились и винтовочно-автоматная стрельба, разрывы гранат. А мы и десятки транспортов стоим в Купеческой гавани, как нейтральные наблюдатели и ничем не можем помочь совсем близкому фронту. Позже таких наблюдателей называли "Американские наблюдатели". Теперь немецкая авиация серьезно принялась за наши боевые корабли, что были в бухте. Наверное, их бешеный круглосуточный артогонь очень сдерживал наступление немцев на город, и в течение дня налет следовал за налетом. Думаю, что не менее десятка раз в день по 6-15 "юнкерсов" то бомбят только "Киров", то сразу несколько эсминцев. Конечно, эти налеты, как и стрельба по кораблям береговых батарей, мешали кораблям вести прицельную стрельбу, т.к. им приходилось все время маневрировать, уклоняясь и от бомб, и от снарядов. Но до сих пор ни одна бомба и ни один снаряд в корабли не попали. Транспорты немцы все еще не трогали, надеялись, видимо, захватить их целехонькими. С транспортов по самолетам тоже огня не велось. Не из чего. Мне капитан-лейтенант сказал, чтобы стрелял только в случае пикирования на нас, т.к. стрельба на расстоянии 3-4 км, да еще без прицела, бесполезная трата снарядов. А они еще могут нам пригодиться. А потом, в случае нашей стрельбы, немцы могут обозлиться и ударить по транспортам в гавани. И пострадают они ни за что.

25 августа. Понедельник. Таллин, прием "пассажиров".

Рано утром 25-го, еще до завтрака грохот залпов тяжелых немецких орудий, которые обычно обстреливали корабли, но значительно позже, выгнал меня на мостик посмотреть, в честь чего такой неурочный обстрел. В бухте ничего нового. Эсминцы медленно маневрируют по бухте и бьют по берегу по целям, указываемым корректировщиками. Очередной залп 6-дюймовой

немецкой батареи. Смотрю, куда лягут снаряды. Вдруг черный взрыв на кормовой палубе "Кирова" и три столба воды рядом с его кормой.

По-моему, после первых 2-3-х залпов "Киров" еще не дал ход, и немцы быстро пристрелялись. Очевидно, это попадание видели с эсминцев, потому что один из них быстро пошел в сторону Минной гавани, ставя дымовую завесу. Затем развернулся и пошел к восточному берегу бухты. За этой дымозавесой я уже не видел ни одного корабля в бухте. Не могли их больше видеть и корректировщики с аэростата. Батарея, дав вслепую еще залпа два, прекратила огонь.

В течение дня на "Киров" и эсминцы было 5 или 6 налетов, которые на какое-то время отвлекали корабли от стрельбы по берегу. Попаданий в корабли не было, но в небольшой буксир, который постоянно был при "Кирове", одна из бомб попала, и он быстро затонул. С мостика в бинокль было видно, что бои идут уже в восточной части парка Кадриорг, где были видны разрывы гранат, отдельные орудийные выстрелы и разрывы снарядов, доносилась винтовочная пальба, треск автоматов и пулеметные очереди. Горели и дымились какие-то постройки.

В июле и августе 41-го мне не пришлось побывать в Кадриорге, и я, разглядывая его в бинокль с мостика, не мог определить точно, в каком месте парка идут сейчас бои. В сентябре 44-го, после освобождения Таллина, тоже не пришлось побывать в парке, а когда в 1954 году я месяц был на практике на тральщиках и имел время побродить по городу, то обошел весь парк. Никаких следов яростных боев в парке уже не нашел. Целехонький был Екатерининский дворец, домик Петра 1-го и многочисленные павильоны, скульптуры, мостики.

А сейчас было тревожно. От парка до Купеческой гавани по прямой 1,5-2 км.

Перед обедом пешком прибыли в краснофлотской форме человек 12 бывших матросов торгового флота уже солидного возраста - от 30 до 40 лет. Форма сидит мешковато, да и сами какие-то мешковатые. Оказалось, что это команда на носовую машину и котел к ней, которыми мы пока не пользовались. Из штаба флота приказано за сутки подготовить носовую машину к работе. Она добавит нам 4-5 узлов скорости. Большую часть новеньких поселили в носовой кубрик и через кубрик от нашего к корме по правому коридору. Одного подселили к нам в кубрик, где была свободна одна койка. Это - машинист - худой, высокий с небольшой рыжеватой бородкой и усами, лет за 40. Ратман Павел Иванович. Семья его в Ленинграде, а родился в Тарту.

Наверное, он единственный из краснофлотцев, направленных

на "Суур-Тылл" в июле-августе 1941 г, который прослужил на этом корабле до конца войны и был демобилизован в ноябре 1945 г.

Теперь в нашем кубрике комплект - шестеро. Самые "старожилы" - Анатолий Ломко, Алексей Жентычко, Макар (но мы его звали Михаил) Кошель и я. Николай Афанков, строевой, служит четвертый год, прибыл на судно 30 июля и Ратман П. И.

Днем к нам прибыл симпатичный коренастый главный старшина - курсант 4-го курса училища им. Фрунзе. Рассказал, что в Таллине на кораблях было много курсантов всех курсов с их училища, прибывших перед войной на практику. Большинство их были направлены в морские батальоны и роты на оборону Таллина. Уцелевших курсантов последнего курса два дня назад отозвали и направили на разные транспорты для усиления комендантских команд. Капитан-лейтенант приказал ему постоянно быть на мостике и замещать его при его отсутствии.

Жаль не запомнил ни имени, ни фамилии этого курсанта. Он в 42-ом году должен был закончить училище и где-то еще повоевать. И может быть, уцелел.

Во второй половине дня к кораблю стали подъезжать на автомашинах, больше на легковых иностранных марок, какие-то люди в штатском: мужчины, женщины и дети. Багаж у всех очень небольшой: чемоданы, саквояжи, редко узлы. На палубе у трапа их встречали капитан и наш капитан-лейтенант. С некоторыми капитан сам спускался вниз, очевидно, показывая, где они будут размещаться. Несколько легковых автомашин кранами были подняты на палубу и принайтованы, чтобы не катались по палубе.

С грузовых машин пассажиров провожали вниз старпом или боцман. Грузовые машины сразу же уезжали в город. Пассажиры поступали до темноты. Все они представляли вахтенному у трапа и руководству корабля какие-то бумаги, очевидно, направления на наше судно. Никаких недоразумений и конфликтов при этом не было. Очевидно, на территорию порта тоже пропускали по соответствующим документам.

Много лет спустя в одной из статей, посвященной Таллинскому переходу, я узнал, что на нашем корабле, в числе, эвакуируемых, было все правительство Эстонской Республики, кроме. Председателя Совета Народных Комиссаров Эстонии Иоханнеса Лауристина, который опоздал на наш корабль, попал на штабное судно "Вирониюи погиб на нем 28 августа. Памятник-бюст ему был установлен в Вышгороде в скверике рядом с башней Длинный Герман (Pik Herman).

В темноте в Кадриорге, судя по вспышкам разрывов и трассирующим лентам пулеметных очередей, немцы

продвинулись в парке еще на километр. Памятник "Русалке", который днем с мостика было хорошо видно, теперь был левее линии фронта.

Ночью дежурили по три человека: у трапа один вооруженный вахтенный из наших и матрос из команды, и на мостике один из наших. Одну из вахт на мостике нес и главстаршина-курсант.

26 августа. Вторник. Таллин, последний депь в Купеческой гавани.

Утром погода начала немного хмуриться, северо-восточный ветер потянул светлые, пока одиночные, облака, а в бухте заиграли небольшие волны. На эсминцах, которые были ближе к восточному берегу бухты, периодически давали дымозавесу, и она, медленно поднимаясь и редея, ползла в нашу сторону, на Купеческую гавань и на город. Очевидно, это очень затрудняло немцам вести прицельный артогонь, потому что он был какой-то ленивый, вялый.

Часов с десяти снова к нам стали поступать пассажиры и в штатском, и военные, больше флотские: краснофлотцы, старшины, несколько командиров. Все с оружием. Несколько военных командиров подъехали на черной легковой машине и просили капитана погрузить на палубу их машину, но капитан отказал, показав, что на палубе уже тесно от людей. Водитель походил, походил вокруг машины, посмотрел, не осталось ли чего нужного в салоне и в багажнике, погладил капот, как будто прощаясь с машиной, потом открыл его, отвинтил какую-то деталь от двигателя и, размахнувшись, бросил в воду. Затем подошел к группе краснофлотцев, стоявших недалеко от трапа, с их помощью направил машину носом к воде и всей группой, разогнав машину столкнули ее со стенки в воду. Окна на ее дверцах были открыты, и машина быстро пошла на дно. Наверное, мне не меньше, чем водителю было жалко эту красивую машину.

В течение дня к нашему судну подъехали еще несколько легковых и грузовых машин, и их водители, узнав, что на борт их не погрузят, быстро по-деловому, с помощью своих пассажиров, сталкивали машины в воду. Эти действия меня уже не очень трогали. Помня, как выглядел наш корабль, перевозя недавно в Ленинград около 800 новобранцев-эстонцев, думаю, что мы уже приняли не меньшее количество эвакуируемых лиц.

К вечеру команда: "Приготовиться к отходу". Дым из наших мощных труб стал все гуще, ветер, который к вечеру значительно усилился, сносил его в глубину гавани. Веселей задымили и другие суда, стоявшие в гавани, которые заметно осели от принятых грузов и многих сотен эвакуируемых, находящихся

сейчас на верхних палубах. Очевидно, все получили такой же приказ.

Но на причалах, около транспортов, были еще толпы людей, многие бегали от транспорта к транспорту, но их, по-видимому, взять на борт уже не могли. Сходни, как я видел с мостика, были уже убраны, и у швартовых тумб стояли матросы боцманских команд.

Наконец пары подняты, машины провернуты и команда: "С якоря и швартовых сниматься!" Затем: правая ручка телеграфа на "малый вперед", левая - "малый назад", команда на руль: "Лево на борт!", и "Суур-Тылл" стал медленно разворачиваться носом к северным воротам гавани.

Малым ходом, запустив и носовую машину, дошли до середины бухты и стали на якорь в трех-четырех кабельтовых юго-восточнее "Кирова". Волна в бухте была уже 4-5 баллов, и нас заметно покачивало. Темные, почти сплошные теперь облака низко ползли на юго-запад. Хорошо, что не было дождя, иначе двум-трем сотням наших пассажиров, расположившихся на верхней палубе, пришлось бы туго.

Вдруг почти одновременно на разных эсминцах взвыли сирены тревоги, торопясь, как бы наперегонки, застучали зенитные автоматы, и длинными очередями залились крупнокалиберные пулеметы. Трассирующие нити от автоматов и пулеметов то перекрещивались высоко в небе, то раскидывались веером. Подойдя совершенно незамеченными за тучами к бухте, штук 6-7 "юнкерсов" вывалились из небольшого окна в облаках почти над серединой бухты и, наверное, растерялись от обилия кораблей, оказавшихся к вечеру в бухте.

Времени для ориентирования и выбора важных целей у пилотов было очень мало, они даже не успевали войти в пике и фактически в горизонтальном полете промчались над кораблями, кое-как побросав бомбы, лишь бы уйти из столь плотного артиллерийско-пулеметного огня. А сигнальщики и комендоры зенитчики на кораблях молодцы! У них уже был опыт - знали, что немецкие летчики не раз подбирались к кораблям за облаками. И в такую погоду наблюдение за воздухом было особенно внимательным. Я, конечно, в это время смотрел не на облака, а на город, из которого мы ушли и неизвестно когда вернемся. За те несколько кратких выходов в город, непосредственное знакомство с его достопримечательностями, а также по купленным открыткам, вызывали теплые чувства к этому городу и его жителям. Панорама и силуэт города, которые открываются при подходе к городу с Таллинской бухты, его шпили кирх, крепостные башни, трубы заводов, портовые краны

все врезалось в память и осталось глубоко в ней.

А сейчас в разных местах города полыхало пламя, в районе Минной гавани гремели мощные взрывы, взрывы гремели и в самом городе. Дым от взрывов и пожаров все больше застилал город.

В 19 часов снялись с якоря и малым ходом пошли к Минной гавани. Встали от нее кабельтовых в двух на якорь. Наверное, должны были принять на борт еще кого-то, но никто не прибыл.

Часов до 12 ночи наши пассажиры и команда были на верхней палубе, на спардеке и смотрели на свой город, прощаясь с ним. Наиболее осведомленные показывали и разъясняли соседям, где что взорвалось, где вновь вспыхнул крупный пожар. Наверное, у всех членов команды "Суур-Тылла" в городе остались семьи, родные и близкие. Что творилось у них в душах? Можно только догадываться. Даже капитан по этому поводу не поделился ничем с Линичем. Только тихо переговаривался со старпомом и главмехом, которые тоже долго не сходили с мостика.

Капитан-лейтенант отправил меня спать в кубрик до 6 часов, приказав, чтобы в 3 чага кто-нибудь прибыл дежурить на мостик, подменить курсанта. Сам остался с курсантом и капитаном на мостике, и, когда они ушли отдыхать, не знаю.

27 августа. Среда. На внешнем рейде, у острова Аэгна.

В 6 часов я поднялся на мостик, сменив Толю Ломко. Ночью в бухте было спокойно. В городе пожаров стало даже больше. Стрельбы не было слышно, т.к. ветер, который за ночь усилился, очевидно, уносил звуки выстрелов за город, но одиночные взрывы не прекращались. Необычно тихо было над бухтой - главные калибры эсминцев и "Кирова" молчали. Очевидно, всех корректировщиков сняли, если они успели добраться до кораблей.

В Минной гавани виднелись чьи-то мачты.

Часов в 13 к борту подошел МО и передал приказ штаба срочно перейти за боны, к западному берегу острова Аэгна, стать на якорь и держать котлы под парами. Спросили, готова ли носовая машина. Что это их так интересует наша носовая машина?

Волна в бухте уже баллов 6-7. Хотя мы на якоре стоим носом к волне, но судно валит с борта на борт очень чувствительно. Некоторые из пассажиров уже "кормят рыб", перегнувшись через планширь ограждения. Радуюсь, что качка меня не беспокоит, хотя на мостике она более чувствительна. Ветер также усилился и не изменился в направлении. Облака все такие же низкие, темные и стали еще моросить. Появилась надежда, что в дождь немцы не прилетят.

Выбрали якорь и малым ходом на трех машинах пошли на север и стали на якорь в полумиле от западного берега Аэгны. Под прикрытием острова ветер был потише и волна помельче. Качка поутихла. До города отсюда километров 15, и в бинокль можно различить только шпиль Олай-кирхи. Окраины города и даже центральная часть в дыму, а другие высокие ориентиры не видны. Но все равно почти все пассажиры смотрят в сторону города. Вдруг у нас за спиной грохнул раскатистый мощный взрыв. Все головы повернулись в сторону острова. Над его лесом поднялись громадные клубы дыма, через несколько секунд клубы дыма взвились еще в нескольких местах острова, а секунд через пять-шесть донесся грохот менее мощных взрывов. Я слышал, что на острове была мощная, дюймов 12-ти, береговая батарея. Ее залпы были слышны и из Купеческой гавани. Наверное, сейчас взорвали ее и другие военные объекты.

К вечеру почти все транспорты и военные корабли ушли с Таллинского рейда на внутренний рейд и рассосредоточились между островами Аэгна и Нейссаар. Несколько транспортов стояли у причалов последнего. Очевидно, забирали гарнизон острова.

Небо по-прежнему было затянуто тучами, и дождь то начинался, то, передумав, прекращался несколько раз. Два-три налета небольших групп "юнкерсов" все же было, но они встречались таким шквалом огня, что ни о каком прицельном бомбометании не могло быть и речи. От нас самолеты пролетали далеко, и я, хотя и был около орудия, но ни разу не выстрелил.

Немецкая артиллерия здесь не беспокоила - со старых позиций далеко, а на новые, более близкие, еще не передвинулась.

В 24 часа капитан-лейтенант отправил меня с мостика спать до 6 утра.

28 августа. Четверг. Прощай Таллин!

В 6-00 я был на мостике. За ночь ветер поутих, волна за островом была балла 2-3. Значит, в заливе не менее 4-х. Говорят, что дождик моросил почти всю ночь, и наши пассажиры, ночевавшие на палубе, выглядели очень жалко и пытались согреться, кто элементарной зарядкой, в ожидании, когда можно будет протиснуться в жилую палубу к кипяточку, другие, для "сугреву", разливали по кружкам содержимое фляг, вскрывали консервы, доставали НЗ или то съедобное, чем удалось запастись перед уходом из города.

С разрешения старпома боцман вчера вечером достал большой брезент, и матросы натянули его между шлюпбалок на спардеке. Этот брезент защитил от дождя с полсотни человек, в

основном гражданских лиц. У многих армейцев были плащ-палатки, флотские только в бушлатах.

На рейде без изменений - такого скопления разномастных кораблей и судов я нигде никогда раньше не видел.

Правда, в 1977 году, находясь в Нигерии, с лоджии высотной гостиницы, стоявшей на берегу залива в столице Лагос, я был свидетелем, как в феврале в заливе скопилось, наверное, более полусотни транспортов, ожидавших разгрузки. Нигерия в то время разбогатела на продаже нефти и в короткое время осуществила громадные закупки, не рассчитав пропускную способность своих причалов. Говорят, что из Европы прилетали на вертолетах запечатлеть эту картину. Особенно красива эта картина была поздно вечером, когда на фоне черного моря и неба в заливе сверкали отличительными огнями и светом иллюминаторов многие десятки темных силуэтов судов. Тогда я невольно вспомнил картину более громадного скопления торговых судов, от крупных транспортов до небольших буксиров и шаланд, и военных кораблей, от крейсера до малого охотника, на внутреннем Таллинском рейде 28 августа 1941 г.

Пробовал я их сосчитать, несколько раз сбивался, но все равно получалось около двухсот. А, наверное, не все ушли из Минной гавани и от причалов бухты Копли. Ведь бои на окраине города и в городе шли и 26-го, и 27-го, когда мы и другие транспорты ушли из Купеческой гавани. Так что последних защитников города могли забрать только с причалов северных окраин города.

Разглядывая транспорты, которые стояли недалеко от нас, я видел, как они перегружены, на некоторых даже ватерлинии не было видно. На верхних палубах полно людей, главным образом военных. На многих на палубе видны полевые и зенитные орудия, автомашины и еще какая-то техника.

На Таллинском рейде стояла дымовая завеса. Наверное, чтобы закрыть нашу армаду от немецких наблюдатели из города. Какие-то небольшие суда потихоньку против ветра и волны брели со стороны города в нашу сторону. Часов в 8 началось какое-то движение на рейде. Некоторые транспорты и небольшие суда, стоявшие южнее или около Нейссаари, стали концентрироваться северо-западнее Аэгна, где обычно и мы выходили в залив. Какой будет порядок перехода, когда он начнется, где будет место нашего судна в этом переходе я, конечно, не знал. Никаких разговоров об этом на мостике я не слышал. Может быть, не знали об этом и капитан, и капитан-лейтенант - комендант судна, единственный, кто получал устные или письменные распоряжения штаба флота. Радиокоманды, если они и

передавались, мы все равно не могли принимать, т.к. шифров у нас не было, и наш радист старшина 2-ой статьи Иван Кожин до сих пор был без работы. Так что оставалось смотреть, что делается на рейде, и почаще посматривать на флагмана - не будет ли с него семафора.

Меня немного удивляло то, что все наши переходы из Таллина в Кронштадт всегда начинались поздно вечером, уже в темноте, чтобы затемно дойти до Гогланда, там как-то чувствовали себя уже спокойнее. А сейчас среди дня выходить такой громадой на глазах у немцев - не очень приятно. Ясно, что они бросят всю авиацию на нас. Разве можно защитить все транспорты, едва ползущие по узкой протраленной полосе, с которой нельзя отвернуть?

Но ждать на рейде до ночи на якорях, когда погода все улучшается и во второй половине дня немцы, пообедав и вздремнув полчасика, все равно набросятся на неподвижные цели, нельзя. Маневрировать, даже на таком свободном рейде, двум сотням судов практически невозможно - половина погибнет от столкновений друг с другом.

Похоже было, что командование ждало снижения ветра и волны, т.к. катерные тральщики на такой волне не потянут тралы, а БТЩ, я видел, было очень немного.

Внезапно, часов в 9, загрохотали орудия главного калибра крейсера и нескольких эсминцев. Били куда-то в сторону города, но, по каким целям и кто им корректировал стрельбу, было неясно. Где ложатся снаряды, даже в бинокль я не мог увидеть. К середине дня ветер еще немного стих и облачность поднялась, появились одиночные просветы голубого неба. После обеда, поднявшись на мостик, я увидел, что несколько транспортов уже вышли в кильватерной колонне в залив. Впереди них строем фронта или уступа шли несколько катерных тральщиков, которых без бинокля уже едва было видно. В эту колонну готовились вступить еще несколько небольших судов.

Не успели еще концевые суда первой группы скрыться за горизонтом, как к входу на фарватер потянулась новая небольшая группа судов, ведомая катерными тральщиками. Примерно через час, тоже за катерными тральщиками, потянулись крупные транспорты, среди них я узнал старого знакомого - "Казахстан". Его корпус стал вдвое ниже, чем был, когда мы шли с ним 13-14-го июля из Кронштадта. Солидно нагрузился! Вскоре потянулись к выходу, постепенно встраивалась в кильватерную колонну последняя большая группа из 6-8-ми крупных транспортов и десятка полтора "мелочи". Рейд заметно освободился от судов и боевых кораблей, которые ушли в охранение караванов.

Часов в 16 к нашему борту подошел штабной катер, с которого передали на мостик, что по сигналу "Буки" с флагмана нам следовать в кильватер за средним из пяти БТЩ. Эти БТЩ у выхода с рейда уже выстроились строем уступа влево, и мы, выбрав якорь, малым ходом пошли занимать свое место кабельтовых в 3-4-х за ними. Вскоре за нами на такой же дистанции встал "Сметливый". Ветер заметно ослабел и дул нам в правый борт, волна - не более 3-х баллов, небо значительно просветлело. Группы две "юнкерсов" на большой высоте прошли над Аэгна на северо-восток, куда ушли наши караваны, но, что там делалось, я не слышал, а видеть уже не мог.

Наконец на "Кирове" взвился сигнал "Буки", и одновременно за кормой у всех БТЩ появились белые буруны от заработавших винтов. Красивый одновременный старт красивых кораблей! На корме у каждого минеры ставили тралы, и их буи медленно отставали от кормы и отклонялись влево метров на сто. Метров 20-30 левее и метрах в позади буя следовал сзади идущий БТЩ. Пять БТЩ строем уступа влево своими тралами могли очистить фарватер шириной метров 400-500, что для активного маневра, в случае налетов авиации, было явно маловато.

Двинулись и мы, сначала малым ходом, затем средним.

За нами кабельтовых в 3-4-х эсминец "Сметливый", за ним примерно на такой же дистанции "Киров", за ним лидер "Ленинград", потом несколько подводных лодок и еще какие-то небольшие корабли.

Вскоре сзади, слева от нашего отряда появился самый быстроходный в мире, в период первой мировой войны, эскадренный миноносец "Яков Свердлов", бывший "Новик", возглавивший и давший имя большой серии однотипных эсминцев "новиков". Его длинный низкосидящий корпус с четырьмя трубами был по-своему красив. Он быстро догнал наш отряд, занял место на левом траверзе "Кирова", на расстоянии 3-4 кабельтовых, и сбавил ход. С правого борта вышел охранять "Киров" эсминец "Гордый".

По нашему небольшому опыту торпедные катера атакуют с севера из финских шхер. Но почему слева в охранение "Кирова" поставлен "Яков Свердлов", у которого артиллерийское вооружение было слабее, чем у "Гордого"? А от встречи с минами они оба практически ничем не защищены. За этими эсминцами шли по одному или по два катера МО.

Когда все корабли отряда вышли на фарватер и приняли походный строй, тральщики прибавили скорость до 12 узлов. С такой-то скоростью мы и на двух машинах ходили за БТЩ. Когда же понадобится мощность носовой машины?

Наш капитан-лейтенант так распорядился нашими силами: главный старшина-курсант и Кожин - на правом крыле мостика, я и Ломко - на левом, Кошель и Жентычко - на полубаке в самом носу. Основная задача предупреждать командование судна о появлении по курсу плавающих мин, а тем, кто на мостике, - дополнительно о появлении самолетов или торпедных катеров противника.

При обнаружении плавающих мин или самолетов я должен был скатываться с мостика к орудию и вести по ним огонь. Замковым, заряжающим и на подачу снарядов были назначены трое краснофлотцев из машинной команды, свободные от вахты.

Человек 10 краснофлотцев и эвакуируемых частей были расставлены на спардеке, вдоль бортов, на баке и на корме.

Но пока впереди нас и над нами все спокойно. Раза два высоко и восточнее нас проходили на северо-восток группы из 9-18 "юнкерсов", у самого горизонта поднимались клубы дыма, и еле доносился гул разрывов и артиллерийской стрельбы.

Примерно через час сзади на "Сметливом" грохнул выстрел, и слева по носу, кабельтовых в пяти от нас, разорвался снаряд. Вглядевшись в это место, я увидел плавающую мину. Она была ближе к нам, чем к эсминцу, но у нас ее никто не заметил. Конечно, на эсминце и сигнальщики опытные и бинокли хорошие. Капитан-лейтенант приказал мне расстрелять эту мину. С палубы без бинокля я ее едва нашел, но попасть в нее, да без прицела, весьма проблематично. Зарядили осколочно-фугасным, навел по стволу, огонь! Всплеск метрах в ста-двести за миной и много правее. Еще выстрел - примерно тоже самое. Нет, бесполезное дело. С эсминца с десяток снарядов выпустили, но без результата. Потом к охоте за миной подключились зенитчики с "Кирова". Результат такой же. И только, когда мина осталась за кормой "Кирова", прогремел сильный взрыв, поднявший столб воды и дыма. Оказалось, что это с МО, который подошел к мине на малую дистанцию и застопорил ход, все же попали в мину с сорокопятки. Плавающие мины встречались все чаще, но эсминцы только поднимали сигнал: "Вижу плавающую мину" и указывали направление сигнальными флагами и выстрелом трассирующим снарядом. А "разбираться" с минами было приказано малым охотникам.

Раза два мины проплывали от нас, вернее, мы проходили мимо мин, на расстоянии метров 20-30, но они были с правого борта, а мое-то орудие на левом борту. Очевидно, мимо этих мин прошли и наши тральщики. На поверхности воды тралы их, конечно, не возьмут, а взрывать их из орудий, очевидно, было опасно - взрывом могло порвать тралы, а пока их заменят на ходу,

могут пропустить более опасные для нас мины. Поэтому на БТЩ только поднимали сигнал, объявляющий, что у них за кормой плавающая мина.

Примерно через час мы нагнали концевые суда последнего каравана и, оставляя его севернее в 4-5 кабельтовых, быстро пошли вдоль всего каравана. В этом, четвертом по счету, караване было не менее 10 крупных транспортов и несколько небольших кораблей охраны, которые шли, как мне помнится, только с левой, северной стороны конвоя. Все транспорты глубоко сидели в воде и шли очень медленно - не более 5 узлов. Их, похоже, еще не бомбили - все были целехонькие.

Менее, чем за полчаса мы прошли вдоль этого конвоя, до ведомых катерных тральщиков и увидели впереди концевые суда следующего, третьего конвоя. Кажется, и этот конвой еще не пострадал, но впереди, милях в десяти, где шли первый и второй караваны, видны были столбы дыма, слышался гул разрывов бомб, стрельба орудий и с десяток маленьких самолетов, то пикирующих к самой воде, то взмывающих вверх. Помочь этим судам мы еще не могли ничем.

Вскоре загрохотали орудия с концевых кораблей нашего отряда - две девятки "юнкерсов" шли с юго-запада, немного южнее нас, и явно мы их не интересовали. Через несколько минут они уже были над судами первых караванов и бросились в пике на фактически беззащитные суда. Было видно, что на нескольких судах возникли пожары, но каковы были разрушения и потери, разобрать еще было невозможно. Помочь тоже. Да и как наш достаточно сильный отряд - крейсер, три эсминца и лидер, собранные в один кулак, - мог защитить транспорты, растянувшиеся миль на 15-20? Даже если мы пойдем в центре караванов, то не помешаем немцам бомбить головные и хвостовые суда.

Наше внимание от головных караванов отвлекли глухие взрывы где-то сзади - несколько водяных столбов оседали кабельтовых в 2-3-х от правого борта "Кирова". А над нами ни одного самолета. Минуты через две еще четыре водяные свечи уже ближе к "Кирову", и через несколько секунд гул разрывов этих снарядов, не менее шести дюймов. На юге едва была видна полоска суши. Заглянул в рулевую рубку, куда к карте подошел штурман. Показывает на большой мыс, выступающий на север, в нашу сторону - Юминда. До него от нас километров 20. С такого расстояния попасть без надежной корректировки маловероятно, но вдруг. Еще два залпа легли с небольшим недолетом. Стреляющей батареи, конечно, не вижу. Смотрю на "Киров" - все башни главного его калибра развернуты на правый борт, и стволы

ползут вверх, как бы выбирая, нащупывая цель. Наверное, его дальномерами уже засекли батарею, расчеты переданы командиру БЧ-2, и тот дал команду в башни. Залп из девяти орудий впечатляет и немного оглушает. Минуты через 2-3 еще залп, потом еще. В это время один из МО, шедший сзади "Гордого", дав полный ход, оставляя за своей кормой густой шлейф дымозавесы, пошел вдоль строя нашего отряда до тральщиков, скрыв от нас этот злосчастный мыс. Замолчали орудия "Кирова", молчала и немецкая батарея.

Через полчаса мы уже приближались к первым караванам. Над ними еще крутились более десятка "юнкерсов", выбирая понравившиеся жертвы и по 2-3 самолета, пикирующие на них. Четыре или пять транспортов были, видимо, сильно повреждены, на них бушевали пожары, рядом сними виднелись небольшие суда: буксиры и какие-то спасательные шлюпки, видны были струи воды из пожарных шлангов. Наконец-то наши зенитчики смогли открыть огонь по самолетам, но это была больше моральная поддержка. Заниматься спасением людей с гибнущих судов мы не могли. Какие чувства испытывали сотни людей на нашей палубе, наблюдая за гибелью других сотен людей, плавающих вокруг пылающих, обреченных судов? Вспоминаю свое состояние: от взирания на эту картину ощущал только бессилие, беспомощность, жалость к сотням гибнущих. Но мыслей о такой же возможной судьбе и для нас не возникало. Во всяком случае, не могу их вспомнить.

Вскоре слева по носу на воде показался какой-то неподвижный предмет. Минут через десять можно было разобрать: из воды вертикально торчала метров на двадцать носовая часть какого-то судна, очевидно, кормой упершегося в дно залива. Ни шлюпок, ни плавающих людей вблизи не было.

Снова с эсминцев и с крейсера открыли огонь зенитки. Смотрю - одиночный "юнкерс" с севера идет на высоте 2-3 км к середине отряда. Скатываюсь с мостика к орудию, навожу в сторону самолета, к которому тянутся десятки трассирующих нитей со всех кораблей, и успеваю сделать три пли четыре выстрела. Пилот не выдерживает огня с кораблей и бросает самолет неожиданно вниз и влево, выравнивает его над самой водой и идет параллельным с нами курсом к БТЩ. Затем впереди БТЩ разворачивается вправо и идет навстречу отряду с нашего правого борта на расстоянии 4-5 кабельтовых. Теперь я стрелять не могу и снова вбегаю на мостик. По самолету бьют "стотридцатки" эсминцев, "сотки" крейсера. Фонтаны воды, кажется, почти достают "брюхо" самолета, но он, пролетев вдоль всего отряда, исчез где-то на юго-западе. Может, это был

торпедоносец, который не смог выйти на курс атаки, не знаю.

Первый караван, который мы обогнали часов в 19, постепенно исчезал на западе. Дымов там стало еще больше, а немецкие самолеты еще крутились над караванами. Три или четыре эсминца из их охранения не могли защитить армаду почти из двухсот судов, растянувшихся по фарватеру миль на 15-20.

Теперь все внимание было на воду. Наверное, десятка полтора мин Я уже видел, но, к счастью, большая часть была на безопасной для нас дистанции не ближе полукабельтова, так что отталкивать их от борта футштоками и досками, из запаса плотника для ремонта деревянного настила верхней палубы, нам не пришлось. Все ли эти мины расстреляли идущие за эсминцами охранения малые охотники - не знаю. Грохота взрывов и залпов орудий было столько, что на них уже не обращали внимания.

Заглянул в рубку к штурману узнать - далеко ли до Гогланда. Оказывается, прошли только половину пути. Время 20 часов, значит, идем только 4 часа, а казалось, что много дольше. Комендант разрешил поочередно, по-быстрому, спуститься на ужин. С мостика первыми ушли Кожин и Ломко, а за ними я с курсантом. Поднявшись после ужина на свой пост - левое крыло мостика и не увидев впереди, кроме пяти БТЩ, ничего нового, я повернулся в сторону кормы. И там все по-старому - за нами идет "Сметливый", за ним "Киров", далее - "Ленинград", а дальше плохо видно. Севернее и чуть сзади "Кирова" в охранении "Яков Свердлов", за ним два МО. До "Якова Свердлова" от нас кабельтовых 6-7, он виден примерно под углом градусов 15 и под этим ракурсом выглядел очень красиво - устремленный вперед корпус корабля, белые усы вспоротой форштевнем темной воды притягивали к себе взгляды сотен людей. Налюбовавшись видом старого эсминца, я снова стал осматривать в бинокль море прямо и слева по борту. Ничего интересного, Гогланд еще не открылся. Снова взгляд потянуло к эсминцу. И вдруг почти над серединой корабля взвилось огненно - черное облако. Пламя поднялось до верхушек мачт, а расширяющийся кверху столб черного дыма и летящих в стороны и вверх каких-то предметов, поднялся раза в два выше пламени.

Эта картина, как черно-белый позитив, отпечаталась на сетчатке моих глаз и сохранилась в глубине памяти без изменения в течение прошедших 57 лет. Пишу эти строки 28-го августа 1998 года, и перед глазами беззвучный огненно-черный столб над темнеющим силуэтом скользящего по заливу эсминца. Грохота взрыва я, по-видимому, не слышал. Десятка два выстрелов из своего орудия я все же сделал. А выстрел из "сорокопятки" очень резкий и больно бьет по барабанным

перепонкам. Может быть, поэтому взрыва и не слышал. Во всяком случае, в памяти он не сохранился.

Через несколько секунд, когда рассеялся и отстал от идущего по инерции, смертельно раненного корабля дым, я четко увидел, что корабль разорван пополам, его носовая и кормовая части начали задираться вверх, а части разорванного корпуса погружаться в воду. В течение не более двух минут корабля не стало. К месту его гибели спешили два МО, чтобы поднять из воды оставшихся в живых. "Ленинград" отстал от "Кирова" и направился к месту гибели "Якова Свердлова".

Глухой сильный взрыв сзади по правому борту. Перехожу на правое крыло мостика. Вокруг "Гордого" рассеивается дым. Носовая часть у него разворочена. Тоже мина.

Впереди взрывы мин в тралах БТЩ. Они останавливаются, останавливается весь отряд. После замены фалов движение возобновляется. Так повторяется несколько раз. Наверное, мы на плотном широком минном поле. Все чаще поднимается сигнал "Й" с зюйда - наверное, это мины, сорванные штормом или тральщиками, ушедшими из Таллина числа 23-24-го. Постепенно темнеет, наших караванов уже не видно. Места "Якова Свердлова" и "Гордого" заняли два тральщика, два МО и два ТК. Из крупных кораблей главного отряда в кильватере за БТЩ остались мы, "Сметливый" и "Киров".

В полной темноте в 23.30 тральщики делают поворот право на борт, обходят нашу корму и идут налево под углом 45 градусов. "Киров" поворачивает налево и идет за тральщиками. Мы остаемся одни. Нам никаких сигналов и команд.

Линия советует капитану догонять БТЩ. Даем лево на борт и догоняем тральщики. Снова общий поворот вправо. "Киров" выходит из строя вправо и становится на якорь. Сначала мне эти маневры были непонятны, потом решил, что БТЩ протралили пошире площадку для постановки кораблей на якорь. Мегафоном с "Кирова" нам приказали встать на якорь в 5 кабельтовых от левого борта "Кирова". Но под нами большая глубина, и капитан считает, что в случае срочной съемки брашпиль не выберет якорь. Приказывают в таком случае обрубить якорь - цепь. Капитан решил встать на запасной якорь.

Штурман ушел отдыхать вниз. Я попытался найти на карте место, где мы встали, но не мог. В темноте проходили мимо каких-то островов, но каких - не понятно. Линич разрешил нам с курсантом отдыхать на мостике, и мы с ним улеглись кое - как под штурманским столиком, прижавшись друг к другу.

29 августа. Пятница. До Ленинграда еще 150 миль.

Еще в темноте нас разбудили. Поступила команда: "С якоря

сниматься и подготовиться к движению". БТЩ заняли строй клина, и по команде с "Кирова" двинулись. Мы - за ними, за нами "Киров". "Сметливый" занял место "Гордого". Что с ним - не знаем. Где "Ленинград" и подводные лодки - неизвестно. Идем на ост-ост-норд, часто меняя курс. Берегов не видно. Часов в 9 показались горы Гогланда - более высокие в южной части и значительно ниже в северной. Ветер почти стих, на заливе мелкая ленивая волна. Через полчаса заметил два МБР, которых не очень тактично называли "коровы". Они шли к нам на низкой высоте. А минут через 15 заметил над Гогландом "юнкерс". С острова по нему открыли огонь, и он пошел к нам.

Скатываюсь к орудию. Из наших у орудия никого. Заряжаю, навожу и бью один. Появился второй "юнкерс". Отбомбили наш отряд с большой высоты и ушли на юго - запад. Попаданий нет ни в корабли, ни в самолеты.

Оба МБР, не доходя до БТЩ, повернули на 90° влево, прошли на малой высоте не более мили, развернулись и обратным курсом на север. Пройдя примерно с милю, снова развернулись. Ясно, что они высматривают немецкие подводные лодки на нашем курсе.

Часов в 10 у нас слева по борту была южная оконечность Гогланда. До нее было мили 1,5-2. Редкий лес на склонах его гор казался кустарником, домики и маяк совсем игрушечными. Горы острова круто спускаются к воде. В бухте догорал какой-то пароход, еще два, похоже, носовой частью вылезли на берег, т.к. корма у них была значительно ниже носовой части.

Часов в 11 нас догнали оба лидера, два каких-то эсминца, две подводные лодки, два БТЩ, два МО и два ТК. Снова несколько раз резко меняли куре. То с правого борта, то с левого виднелись какие-то острова. Часов в 12 БТЩ выбрали тралы и прибавили ход. Мы пошли полным ходом - 15 узлов. "Киров" и остальные корабли - за нами. "Юнкерсы" больше не показывались, очевидно, добивали транспорты. Часов в 14 пришли в Кронштадт. "Киров" и "Сметливый" встали на якорь на Большом рейде, а мы пошли к Восточному.

С каждого поста СНИС запрашивают: какой корабль, куда идет, с чем. Отвечаю. На Малом рейде не разрешили встать на якорь, а на Восточном с нашей загрузкой мелковато. Встали поэтому недалеко от Военной гавани на Восточном. Спустили шлюпку и доставили капитан-лейтенанта на южный угол Военной гавани. Еще в Таллине весла немного укоротили, так что грести было легче, чем прежде. В гавани нет ни одного корабля. Прождали капитан-лейтенанта часа два. Сказал, что приказано идти в Ленинград и там выгружаться.

Часов в 16 снялись с якоря и пошли в Ленинград. В 18 часов

были в торговом порту и отшвартовались у Морского вокзала. Наши пассажиры еще за час до прихода в Кронштадт собрали свои пожитки, надеясь, что, как только придем, они сейчас же сойдут на берег. А когда пришли в Ленинград, так они даже в очередь встали. Но пришлось им пробыть у нас еще сутки...

30 августа. Суббота. Ленинград, торговый порт.

Утром на корабль явились 2 или 3 командира войск НКВД и несколько бойцов. Встали у сходни на палубе и на причале. Началась выгрузка. Проверяли какие-то списки, заводили новые. Как мы и ожидали, наших пассажиров стали разоружать. Старшина Кожин и курсант выпросили себе у кого-то по пистолету с кобурой. На мою долю досталась винтовка 35 года выпуска без штыка, но которая очень прилично выглядела, будто с ней и не воевали, и четыре отличных патронташа, кожаных с сотней патронов. Ребята притащили потом в кубрик еще одну английскую винтовку, четыре наших, но, подумав, пошли и все сдали.

Небольшая часть наших пассажиров вскоре уехала на прибывших за ними машинах; военных, и армейцев и флотских, строем повели, очевидно, в какие-нибудь казармы, а гражданские тоже пешком пошли куда-то в сопровождении солдат НКВД, как под конвоем.

После ухода пассажиров началась большая приборка - все палубы и помещения судна выглядели страшно. Боцман без устали возмущался и ругался на эстонском, вперемешку с русским. Позже обнаружили, что пропало 7 кг сливочного масла, а взамен в машинном отделении обнаружили несколько ручных гранат со взрывателями. Чеки гранат были привязаны к разным предметам.

31 августа. Воскресенье.

Утром перешли на другое место: обошли эту стенку с причалами (как она называется - не знаю), зашли в лесную гавань и в глубине ее отшвартовались по другую сторону Морского вокзала, только ближе к основанию стенки. От этого места ближе к трамвайной остановке. В моем дневнике отмечено, что на этом месте, в последний наш приход в Ленинград стоял № 15. Но теперь так и не вспомнил, какое судно или корабль носил бортовой номер 15.

Осень 1941 года. В ленинградском торговом порту

2 сентября. Вторник.

Удалось получить увольнительную в город на 3 часа. Решил заехать к сестре Анфе или к дяде Павлу. До главных северных ворот из Порта дошел минут за 20. На проходной не хотели меня пропускать, т.к. на увольнительной печать на эстонском языке.

Едва уговорил. На трамвайной остановке долго ждал трамвая № 14, который идет по Кондратьевскому проспекту. Так и не дождался, сел на № 18 и доехал до моста Лейтенанта Шмидта. Решил на трамвае №6 доехать до Финляндского вокзала, а от него до пл. Калинина уже недалеко. 40 минут ждал "шестерку", не дождался и пошел пешком по 9-ой линии к Среднему проспекту. Вид у меня, чувствую, дурацкий: бушлат новый, брюки старые, ботинки огромные, номера на два больше моего 42-го. Но, похоже, на это никто не обращает внимания.

В попавшемся магазине канцтоваров купил домино, карандаши, блокнотик форматом 10х7 см в клетку. (В нем я вел дневниковые записи с 28.08.41 по 24.09.41 и учет расхода снарядов своего орудия. На первой страничке указано: "К. Б.Ф. В - Мор. почта 1101, п/я 50. Л/к "Суур-Тылл"). Все книжные магазины почему-то закрыты. Народу на улицах стало значительно меньше, чем было в июне, лица у всех озабоченные, праздношатающихся не видно.

На одной из остановок из разговоров узнал, что недавно немцы заняли станцию Мга и поезда на Москву больше не ходят. Теперь ясно, почему у многих озабоченные лица.

Наконец-то увидел "шестерку" и доехал на ней до Финляндского вокзала. Время уже 16 часов, а у меня увольнительная только до 17. К дяде ехать уже бесполезно, опоздаю на судно. От Финляндского вокзала в Ленпорт идет и трамвай № 17. Поехал на нем. На проспекте Володарского увидел небольшой книжный ларек. Слез. Купил 1-2 и 19-21 тома Лескова, Григоровича "Ретвизан" и Жюль Верна. Снова сел на № 17, проехал минут 15, но у Технологического института он с Загородного проспекта завернул почему-то направо к Фонтанке. Оказалось, что это не 17-ый, а 37-ой. Слез, вернулся к Технологическому институту и сел в трамвай, считая, что это 17-ый, а он тоже пошел к Фонтанке. Снова 37-ой. Разозлился на себя - неужели не могу отличить единицу от тройки?

Добрался до ворот в порт в 17.15. Зашел на почту - письма старшине, Ломко, Кошелю. Мне нет. Из порта выходят унылые нестройные колонны красноармейцев. Их примерно тысячи три. Это все от Койвисто... Утром тоже проходили тысячи три. Среди них многие ранены. Говорят, что 8 суток без воды и пищи. Из Койвисто их на транспортах перебросили в Ленпорт.

4 сентября. Четверг.

Утром направили трех человек в Новую Голландию за продуктами и обмундированием. Туда добирались на катере час сорок минут. В устье Невы видел "Свирепый". Жив-здоров. Около Балтийского завода стоит недостроенный крейсер "Железняков". В

его борту зияют 15-20 пробоин от осколков, скорее всего, бомб. Полученные продукты погрузили на две грузовые машины, а сверху уложили зимнюю одежду: ватники, теплое белье. На судно вернулись только в 17 часов.

Вчера к нам прибыл сигнальщик, вроде меня, которого сразу окрестили "Жорой". Сразу многим не понравился, а по мне, так просто противный тип. Ломко был сегодня на почте и принес мне два письма: от брата Жени и из дома. Женя пошел в 10-й класс школы с художественным уклоном. Из дома просят прислать справку о том, что я на военной службе.

Прибыл новый политрук, который собрал комсомольцев, представился нам (кажется, Кочетов), а потом познакомился с каждым из нас. Он - главный старшина, является политруком на ледоколе "Ермак", который недавно встал в торце нашей стенки. А теперь по совместительству будет и у нас. Всем нам он очень понравился своей простотой, душевностью, вниманием к нашим просьбам. В моем блокнотике отмечено: "Хороший парень, такого командира вижу первый раз".

6 сентября. Суббота.

Во время моего дежурства у трапа (с 12-ти до 16-ти) Афанков и Кошель пошли побродить по причалам. То, что я назвал стенкой или дамбой, представляет собой искусственное насыпное сооружение длиной около километра и шириной метров 200, облицованное по сторонам бетоном. Северная сторона является южным берегом морского канала, а южная сторона - северной границей Рыбной и Лесной гавани. На торцевой и боковых сторонах этом стенки оборудованы места для швартовки судов - причалы. Номер причала написан масляной краской на бетонной стене, а на берегу стоят чугунные кнехты или связанные по четыре и вкопанные в землю бревна, выполняющие роль кнехтов, для крепления швартовых. На эту стенку с берега (через остров Гутуевский и Верный) подходят две железнодорожные колеи, которые на стенке разветвляются на 2 или 3 ветки и доходят почти до торцевой части стенки. Вдоль нескольких путей сооружены низкие деревянные платформы для разгрузки или погрузки вагонов и платформ.

Из грузов, которые не успели отправить за рубеж, бросаются в глаза большие штабели из кип хлопка. Каждая кипа примерно с кубометр. Каждый штабель длиной метров 40, шириной 10 и высотой метра 3-4. На южных причалах таких штабелей 4 или 5. Половина из них покрыта брезентом, остальные мокнут под дождем. В торцевой части стенки, где кончаются железнодорожные ветки, большая свободная площадка, и на ней кучно стоит более полусотни больших глубинных бомб, не

прикрытых ни от дождя, ни от людских глаз. Когда и кто их сюда завез и когда заберут - мы не знаем. Но соседство это не вызывало у нас восторга. Охраняют сейчас этот открытый склад бомб моряки с "Ермака", который стоит ближе всех судов к этим бомбам - у причала в торцевой части стенки. На причалах торцевой части стенки и около морского вокзала посты милиции, на которых дежурят милиционеры-девушки с противогазами и вооруженные пистолетами. Пост около морвокзала понятен, а вот на причалах, где стоят суда - зачем посты? Наши ребята ходят к ним поболтать. Наверное, и теперь Кошель с Афанковым к ним пошли. Когда капитан-лейтенант в городе, то можно поболтаться неподалеку.

В 16 часов пришел лоцман, и вскоре мы снялись сю швартовых и потихоньку пошли в Угольную гавань - в юго-западном конце порта. Оказалось, что на берегу остались еще Ломко и Кузьмин из машинной команды. В 17 часов меня сменил Жентычко. Из охраны мы с ним вдвоем остались. Ломко пришел в 23 часа, а Кузьмин в первом часу ночи. Как они добрались - не знаю. Знаю только, что пешком в Угольную вряд ли можно сейчас добраться.

Ребята, которые были на берегу, рассказали, что вчера и позавчера по городу била тяжелая немецкая артиллерия. Била откуда-то с восточного участка фронта. А мы, за гулом орудий южнее нас, этого не слышали, или не обратили внимания.

7 сентября. Воскресенье.

С утра началась бункеровка. Уголь грузили специальные береговые краны. Так что мы отдыхали. Остальные наши, оставшиеся вчера на берегу, вернулись днем на каком-то катере. Ночевали на "Ермаке".

Рядом с нами в угольной стоит тяжелый крейсер "Петропавловск", купленный нами у Германии в недостроенном виде. Говорят, что немцы специально тянули и срывали сроки поставок оборудования. И сейчас он не может самостоятельно двигаться. На нем 4 башни по два орудия, дюймов десяти, наверное. При нас он куда-то бил из орудий второй башни.

Сегодня по добровольному соглашению Ратман перешел в кубрик машинистов, а на его место - на нижнюю койку справа от входа пришел Баулин, коренастый, невысокого роста, очень общительный котельный машинист, по возрасту, примерно, как и Ратман, неплохо играет на своей гармони.

Закончили бункеровку часов и 18 и пошли на свое место. Но наше место уже кем-то занято, и капитан, поругавшись, вынужден был встать на бочки напротив "Ермака". Я стоял на вахте на мостике "собаку". Ночь была тихая, теплая. Кажется, спал весь

порт. Грешным делом и я вздремнул часик...

8 сентября. Понедельник.

Стоять на бочках, как бедные родственники, стыдно и неудобно.

Поскольку в Лесной и Хлебной гавани все причалы были заняты, мы в 9 часов пошли в глубину порта и отшвартовались у 63-го причала, что около Путиловского (Кировского) завода. Сегодня к нам прислали двух радистов и пятерых матросов-эстонцев с каких-то погибших в переходе эстонских судов, хотя у нас штат команды заполнен.

Примерно в 21 час западнее нас послышался гул большого числа самолетов. Десятки прожекторов заметались но небу, нарастал гул зенитных орудий, а затем он потонул в грохоте разрывов авиабомб. Во многих местах взметнулось пламя пожаров. Налет длился, наверное, не менее получаса. Судя по пожарам, бомбили в основном южную часть города. Примерно в 22.30 новый налет. По направлению перемещения лучей прожекторов и разрывов зенитных снарядов видно, что самолеты шли в северо-восточном направлении и бомбили восточные районы города. Гул разрывов бомб был хорошо слышен. Наверное, весом не меньше 250 кг. Простоял у орудия на всякий случай весь вечер, но случай выстрелить не представился.

9 сентября. Вторник.

Утром втроем, я, Баулин и Ломко, пошли в порт. Прошли метров пятьсот, вдруг впереди три взрыва. Взглянули вверх - штук 5 "юнкерсов" идут на довольно большой высоте, и по ним никто не бьет. Повернули обратно. Снова сзади взрывы бомб, но уже ближе. Я рванул к судну бегом, влетел на палубу, сдернул с орудия чехол и к прицелу, который недавно поставили. Смотрю, с юго-запада, со стороны Лигово идут довольно низко штук 20 "юнкерсов" и несколько "мессеров" в стороне. Стрельбу по ним ведут со всех кораблей, что стоят в порту, с крыш Кировского завода бьют 37-миллиметроые автоматы. Но мне стрелять по "юнкерсам" не пришлось - мешала первая труба и мостик, но по "мессерам" успел послать четыре снаряда. Одним чуть не попал. Эта группа самолетов отбомбилась где-то над городом, т.к. взрывы бомб были слышны.

С прицелом стрелять намного приятнее, только вначале при выстреле резиновое кольцо окуляра больно било вокруг глаз, пока не приспособился чуть отрывать голову от прицела в момент выстрела. Получили и чехол для орудия, а для прицела не нашлось. Нет и батареи для прицела, поэтому ночью стрелять очень неудобно.

Сегодня от нас ушел курсант. Его училище куда-то

эвакуируют, а ему надо еще год учиться. Жалко, хороший парень. Он был старшим над нашей группой военных моряков и замешал капитан-лейтенанта в его отсутствие. Теперь за него будет старшина Кожин. Списывают сигнальщика "Жору", из машинной команды - Слаботского, Виноградова, Кузьминкова. Кажется, на какой-то транспорт. Вместо "Жоры" прислали сигнальщика - "старичка". Фамилия Блохин, служил на Балтике лет десять назад. Демобилизован в 1933 г.

Теперь я стал только комендором, полным хозяином орудия. После обеда на большой высоте появился немецкий разведчик. Он шел с юго-запада на северо-восток как раз над нами, и я с удовольствием, не спеша, выпустил по нему 12 снарядов. Интересно смотреть, как белая или красная трасса твоего снаряда, среди трасс от других орудий, тянется к самолету, приближаясь к нему с каждым выстрелом, но самолет меняет немного курс и, невредимый, летит дальше.

С 10 вечера и часов до двух ночи над городом постоянно гудели самолеты на большой высоте и периодически сбрасывал и бомбы. В порт ни одна не попала. Прожекторов было штук тридцать, но ни один самолет в их лучи не попал. Били по самолетам, похоже, только зенитки с берега, но в божий свет, как в копеечку. Я не стрелял.

10 сентября. Среда.

Налеты начались с самого утра, часов с 8-ми, но самолеты шли на город с юга и до нас не доставали. В воздухе много наших ястребков, но воздушных боев пока не видел. Интересно, что воздушная тревога звучит тогда, когда самолеты или уже отогнаны, или отбомбили.

Сегодня приказали сдать все оружие. Оставить только одну винтовку, 200 патронов и по гранате на верхнюю команду. Значит, на фронте или где-то еще не хватает оружия. Я сдал обе винтовки, сотню патронов, 3 подсумка. Все же оставили три винтовки, по сотне патронов к каждой и 11 гранат.

Ночью с 22-х часов до 12-ти ночи опять налеты. Сброшено много зажигательных бомб. На Кировском заводе в нескольких местах начались пожары, но они были быстро потушены. Одна фугасная бомба попала в морской вокзал. От нас было видно, как он заполыхал и к утру весь сгорел. Чтобы быть поближе к орудию, я перенес постель на спардек. На улице спать еще не холодно. Только уснул, адская орудийная пальба. Бьет "Петропавловск" с угольной гавани, "Октябрина" с ковша у выхода в открытый морской канал, "Киров" из района морского вокзала. Вообще-то они бьют каждый день, и "голоса" их орудий я научился различать. Но сегодня стрельба особенно яростная. Судя по

направлению стволов орудий, стрельба все время ведется в направлении Пулковских высот.

11 сентября. Четверг.

С 8 утра и до 18-ти неоднократные попытки "юнкерсов" прорваться к городу. Но сейчас днем им это не удается. В бинокль хорошо видно, как сначала они идут ровным строем, но, подойдя к сплошной завесе артогня, рассыпаются в разные стороны, сбрасывая бомбы куда попало. Но зато наверстывают дневные неудачи ночью. Сегодня с 23-х до 24-х адская бомбежка. Несколько бомб упало у главных ворот в порт. Осколки зенитных снарядов сыпались на палубу, так что мы были в касках и старались больше стоять под спардеком. Видел, как один самолет был пойман прожектором, но вскоре из луча ушел.

Кто-то рассказал, что в прошедшие три дня и три ночи сильно бомбили районы Смольного, Финляндского вокзала, Дворцового моста и Зимнего дворца, в котором вылетели все стекла, сгорели Бадаевские продовольственные склады.

12 сентября. Пятница.

За весь день была только одна воздушная тревога, но самолетов я не видел. Ночь очень темная - новолуние. Идет дождь, сильный ветер. Налетов ночью не было.

13 сентября. Суббота.

Весь день пасмурный, дождливый. Надеемся, что налетов не будет.

Капитан-лейтенант велел отнести снаряды в трюм, а у орудия оставить по одному ящику каждого вида. Пока они, как их получили, лежали в штабеле около второй трубы. Я стал считать - каких, сколько. У одного ящика обнаружил сорванную пломбу. Открыл. Ящик с бронебойными снарядами. Их должно быть 10 шт., а в наличии - 9. Этикетка на ящике оборвана как раз на том месте, где должно быть указано число снарядов в ящике. Доложил об этом Капитан-лейтенанту. Тот сказал, что надо сделать обыск на судне. Но, конечно, его не делали. Оставил у орудия 12 шт. трассирующих снарядов, ящик (10 шт.) осколочно-фугасных и ящик (9 шт.) бронебойных. Зачем нам сейчас бронебойные - не знаю. Спросил у Капитан-лейтенанта. Объяснил, что будем стрелять по самолету, когда он пойдет низко.

За ночь была всего одна воздушная тревога, но самолетов не было.

14 сентября. Воскресенье.

К 14 часам погода прояснилась. Значит, будут немцы. Точно, часов с 16-ти начались налеты. Раза 2-3 немцев отогнали, но три раза им удалось прорваться к городу и спикировать на Кировский

завод и куда-то еще, но я не видел, т.к. бил по самолетам.

К 20 часам налеты прекратились. Наверное, немцы ужинают. Я расстрелял 8 осколочно-трассирующих и 3 фугасных снаряда. Капитан-лейтенант говорит, что у фугасных тоже есть ликвидатор, который взрывает снаряд в случае непопадания в цель, но я не видел ни одного разрыва. Значит, эти снаряды падают и взрываются где-то в городе. Больше по самолетам фугасными стрелять не буду.

Ночью ожидаем большой налет, а у меня около орудия только 8 снарядов. В 21.30 тревога. Выскакиваем из кубрика на палубу. Кое-где светят прожекторы, но стрельбы не слышно. Остались на палубе следить, чтобы не курили. Через некоторое время недалеко, где-то по направлению места морского вокзала, взрыв. Я был в это время под спардеком. По железной крыше соседнего склада ударили несколько осколков. Минуты через две снова взрыв. Какой-то необычный звук и не поймешь - на стенке или в воде. Вдруг, при следующем взрыве увидел расходящееся облачко дыма на высоте метров 150-200 левее "Ермака". Так это шрапнель! Ну, это не бомбы.

В 22.30 подошла машина из штаба. Передали приказание иметь шестичасовую готовность к выходу. Такое же приказание для "Ермака". Передать это приказание должны мы. Поскольку в это время на палубе были только двое: Ломко - вахтенный у трапа и я - около орудия, Капитан-лейтенант приказал мне передать это приказание.

До "Ермака" километра два с половиной. Темнота. Дорога вся избита, того и гляди ногу сломаешь. Когда дошел до грузовой стенки, по свисту шрапнели и ударам ее по каким-то железным предметам, что четко слышно, понял, что здесь может и мне достаться хоть одна шрапнелина. Грузовая стенка мне знакома по прошлым стоянкам около нее, поэтому я выбрал путь по южному ее краю, где за штабелями хлопка можно укрываться во время разрыва снаряда. Интервал между разрывами минуты две. За это время перебежкой от штабеля к штабелю пробежал всю грузовую стенку. От последнего штабеля до "Ермака" метров 200 проскочил на одном дыхании. Передал приказание дежурному по кораблю и обратно. Разрывы шрапнельных снарядов прекратились. Но, когда до судна оставалось метров 200, снова разрыв шрапнели и все там же. И пошло и пошло. Выпустил подряд штук 10. Калибр примерно дюймов 6. Наши ребята полагают, что это бьют танки, прорвавшиеся к побережью в районе Лигова, потому что отчетливо слышен выстрел орудия и секунды через две-три звук разрыва шрапнели. Но есть ли на немецких танках шестидюймовые орудия? И почему они били по одному месту,

вряд ли зная, что в этом месте находится? Шрапнель-то больше доя поражения живой силы, а что она делает в порту ночью?

Остаток вечера до 24 часов дежурили на палубе вдвоем с Ломко. Где-то по направлению Угольной гавани, только дальше, ружейная перестрелка. К трапу подошел старик с соседней грязевой баржи. Попросил закурить. А мы оба не курим. Разговорились. Сказал, что вчера ночью, когда объявили воздушную тревогу, с латышского транспорта 516, что стоит недалеко на бочке, пустили ракету. Сказал, что в связи с блокадой с 12-го числа второй раз (первый раз 2 сентября) снизили паек хлеба и всех других продуктов. Рабочим теперь выдают хлеба 500 г, служащим и детям - по 300, а иждивенцам 250 г. Оказывается, мы, т.е. весь Ленинград, его окрестности, Кронштадт, Южный "пятачок", Карельский перешеек до Ладоги, - в блокаде!

А мы и не знали, и политрук в беседах с нами ни словом об этом не обмолвился. Неужели тоже не знал? Поезда в сторону Москвы уже неделю не ходят - все дороги на юго-восток перерезаны немцами. Значит, и письма теперь будут идти еще дольше.

В 24 часа вернулись Кузьмин и кто-то еще. Им женщины, что дежурят у складов, сказали, что по направлению нашего судна сегодня поздно вечером пустили белую и красную ракеты.

Ночь прошла спокойно, налетов не было. Прошел слух, что нам на помощь идут два сибирских корпуса. А у нас не слух, а явь - масло сливочное, которое мы получили персонально каждый до октября, я и Ломко убрали в ящик под навесом на спардеке. Сегодня - ни ящика, ни масла. Считаем, что что работа кого-то из эстонского экипажа. Сигнальщика Блохина сегодня тоже списали. Не везет нам на сигнальщиков.

15 сентября. Понедельник.

Готовность четырехчасовая. Утром 4 наших СБ ходили бомбить немцев где-то совсем недалеко, т.к. быстро вернулись. У них аэродром где-то севернее города, и на бомбежки и обратно они пролетают над портом. Обычно очень низко, чтобы немцы позже засекли. Эти четыре СБ обратно шли на Кировский завод, над которым в это время рвется шрапнель. А рядом по какой-то цели бьет "Максим Горький". Со стороны создалось впечатление, что "Максим" бьет по бомбардировщикам, которые, стало быть, немецкие. А те идут низко, прямо на "Максим", который и не думал по ним стрелять. И тут стоило одному дураку начать, остальные поддержат. Так и вышло - кто-то выстрелил и пошло! Открыли адскую пальбу все кому не лень. Из самолетов дают опознавательные ракеты (а кто их знает?), они отчаянно машут

крыльями, насколько это могут делать бомбардировщики, мол свои, какого черта бьете! Ничего не помогает. Стрельба прекратилась только после того, как самолеты ушли из зоны обстрела. Я тоже хотел было стрелять, но не успел.

Во второй половине дня все заволокло туманом, пошел мелкий дождь. Опять над Кировским заводом вынырнул низко-низко наш бомбардировщик. Опять он дает красную ракету, но ее трудно отличить от трассирующего снаряда с красной трассой. Пришлось и этому самолету срочно менять курс. Я тоже успел вначале выпустить по нему один снаряд. Но вот его догнали и пошли рядом два "ишачка". Этих не спутаешь с "мессерами", и все кончили пальбу. Но вдруг с крыши дома, в районе Кировского завода, проснувшись, заговорил спаренный автомат. Его трассирующие снаряды шли близко под самолетом, но рвутся где-то дальше. Я разозлился, навел орудие на этот автомат и хотел на полном серьёзе долбануть по нему. Это вначале было простительно, когда трудно было сразу разобраться, чей идет самолет? А теперь, когда все кончили бить, рядом с бомбардировщиком идут наши "ястребки", эти проснулись...

Через пару минут над заводом опять низко появился бомбардировщик. Но этот, видимо, чуя, что здесь летать опасно, резко повернул влево, к заливу, дал опознавательную ракету, но все же обошел далеко стороной это опасное место. По нему никто не бил.

Последние дни наши корабли бьют по берегу все время, но немцы тоже отвечают - бьют из орудий и по городу, и по порту, и по заводу. Опять, как в Таллине, висит у них где-то в районе Петергофа "колбаса", с которой корректируют артогонь, и наши опять снять ее не могут. Часто на побережье за Угольной гаванью слышна ружейно-пулеметная стрельба. Нашего политрука что-то не видно. Снова пришел лейтенант с "Ермака". Стал объяснять устройство ручного пулемета "Д. П." по схемам. Я не слушал. По схемам я и без него разберусь, вернее уже разобрался. Ребята тоже не довольны.

Послал сегодня письмо домой, брату Жене Звереву и Димке Рождественскому. Ночь прошла спокойно.

16 сентября. Вторник.

В 8.30 появились на небольшой высоте 8 "юнкерсов", но сильным огнем с кораблей их отогнали. Я работал один и выпустил только 4 снаряда.

Сегодня утром снова открыли огонь по своему бомбардировщику. Он шел низко и прямо на нас. Кто первый подавал пример - установить трудно. Больше всех опять "старались" автоматы с Кировского завода. Посадили туда

любителей пострелять, а в кого - все равно. У них, видимо, и бинокля-то нет. Каюсь, но я тоже успел выпустить один снаряд..., но у орудия опять заел замок, а самолет все ближе. Я даже растерялся, но не успел ничего предпринять, так как самолет секунды через две был уже за нами. А Ломко еще в самом начале увидев, что самолет идет низко и прямо нам в борт, бросился по трапу на стенку, спрятался за кипы хлопка и выглядывает оттуда. Увидел его капитан-лейтенант и, когда самолет уже пролетел, закричал на него: "Я тебе побегаю! Я тебе попрячусь! Следующий раз во время налета привяжу тебя к крану, чтобы не бегал!" Ломко возвращается, вид смущеный. Бормочет: "А кто его знает, чей он - наш или немецкий?

Днем и ночью налетов не было.

17 сентября. Среда.

Сегодня решил плюнуть на все тревоги и постирать после обеда белье. Как только освободилось место в бане, начал стирку. Но на случай тревоги ватник повесил в бане. Часа в два команда: "Комендоры, срочно наверх!" Кое-как успел надеть брюки, влезть в ботинки, накинуть ватник и выскочил на палубу.

"Немцев" штук шесть, но еще далеко. Однако по ним уже бьют с кораблей, которые стоят западнее, - с "Петропавловска" и с каких-то двух эсминцев. В воздухе полно наших "ишачков", но им не подойти к немцам. Мешают наши зенитчики.

Вдруг вижу: в километре, прямо на нас слева по носу 304, на высоте метров 30-50 идет чей-то бомбардировщик. Я быстро навел на него орудие и жду, чтобы ударить прямой наводкой прямо в лоб, по кабине пилотов. Самолет все ближе. Как обычно, по нему бьют автоматы с Кировского в правый борт, а в левый с каких-то кораблей. Перекрестие моего прицела почти неподвижно стоит на носовой кабине. Ну, еще немного поближе! Маховику горизонтальной наводки моя правая рука не нужна - самолет идет точно на ствол орудия, постепенно снижаясь. Моторы не работают. Что он собирается делать? Между нами и самолетом метрах в пятистах-шестистах от нас - низкий песчаный остров в виде узкой, метров пятидесяти, изогнутой косы. Конечно, о благополучной посадке на нее нечего и думать. Но, похоже, дальше самолету не протянуть. Вот самолет над косой, колеса выпущены. Секунда, он касается колесами земли, врезается носом и моторами в землю...

Взрыв! Перекувыркивается на другую, ближнюю к нам сторону косы, по инерции продолжает двигаться вперед. Но это уже груда металла. Левое крыло ушло под воду, а правое поднимается вертикально - оно светло-зеленого цвета, и на нем ясно видна красная звезда. Крыло продолжало стоять секунды

три, как бы давая возможность всем увидеть эту звезду и попрощаться с нами, и скрывается под водой. Самолет СБ наш!. Экипаж весь погиб.

Минут через 20-30 к косе подходит катер. С катера осматривают берег, но метрах в 50 левее падения самолета, и ничего не находят. Кто подбил самолет: немцы или наши - неизвестно. Парашютами воспользоваться экипаж уже не мог и попытался посадить самолет на эту косу, но это было невозможно.

И такое у меня стало поганое настроение...

27 лет спустя, в сентябре 1968 г, я написал об этом случае в газету "Ленинградский комсомолец" в отряд "Поиск", нарисовал схему Ленинградского порта с указанием места стоянки нашего судна, маршрут самолета и место его гибели. Ведь, вероятнее всего, экипаж этого самолета числится пропавшим без вести. Редакция ответила, что письмо получено и передано по назначению, и обещали сообщить о результатах поиска. Но больше никаких известий не было.

Поднялся на мостик с биноклем. От завода на нас мчатся два "ястребка". Поймал в бинокль первого - наш. Поймал второго - черт возьми, кресты. Немец гонится за нашим!

Скатился вниз. Спрашиваю у вахтенного Ломко: "Видал?" "Видал".

Ну, черт с ними! Пускай летают. Пойду достирывать белье.

Кончил стирку, смотрю - время 15.50. Скоро кофе пить и на вахту, а то Афанков встанет, и придется мне стоять до 24-х. Успел. Ломко уже треплется с медсестрой. Таисией зовут.

Постоял я с полчаса, слышу свист - снаряд. Упал где-то за складом. Пожалуй, дюймов шесть. Минут через пять - второй. Этот ближе. По крыше склада забарабанили осколки. Встал за кран. Снова взрыв. От этого осколки летят и к нам. Свист, удары о палубу и отскакивают за борт. Некоторые остаются на палубе. Подобрал несколько штук, смотрю идет капитан-лейтенант. Отдал их ему.

Спустился вниз посмотреть, сколько времени, выхожу под спардек - свист, взрыв метрах в десяти от левого борта в воде. Заныли осколки, но они падали вдалеке. После этого снаряда у меня настроение почему-то улучшилось.

Сегодня все утро немцы били по "Петропавловску" и по "Максиму Горькому", который стоял в морском канале по другую сторону нашей стенки, рядом с местом Морского вокзала. Похоже, что били из трехдюймовых орудий. Много снарядов не рвалось и в воде, и на земле. "Максиму" один снаряд попал под мостик, а второй в первой трубе сделал "ворота". После этого он

ушел по каналу к Неве.

"Петропавловску" сильно разворотили нос, в бинокль его совсем Не видно. Корма поднялась. Сильно повреждена рубка.

Эта проклятая "колбаса" все висит и висит. Ночью пошел дождь - хорошо!

19 сентября. Пятница.

Утром довольно плотная низкая облачность, и надеялись, что налетов не будет. Но вдруг в полукилометре от нас из этой облачности выскочили три "юнкерса". Сейчас же ударили по ним зенитчики с "Ленинграда", который стоял ближе к Кировскому заводу. "Юнкерсы" снова ушли в облака, но за ними бросились несколько наших "ястребков". Я стоял наготове у заряженного орудия. Минут через пять вижу: в километре от нас из облаков штопором вылетел "юнкерс" и не вышел из него до самой земли, точнее, воды, т.к. взрыва на месте его падения не было. Наверное, сбили наши "ястребки".

После обеда удалось часок поспать. Проснулся в 14.45. В кубрик зашел вахтенный Кошель. Покинул пост и пришел за папиросами. Мы его дружно отругали. Ломко очень строго и серьезно выговорил ему: "Вдруг сейчас налет, кто тревогу подаст? Ведь тебя на посту нет". Как в воду глядел Ломко. Только Кошель вышел из кубрика, слышим чьи-то орудийные выстрелы и вскоре частый стук прикладом по палубе над кубриком - сигнал тревоги, подаваемый Кошелем. Выскакиваем к орудию. "Юнкерсы" на большой высоте идут левее нас на город. Первую группу из 5-6 машин пропустил - из-за дыма из наших труб ничего в прицел не видно. За первой группой пошли следующие.

Все корабли, стоящие в порту, а это "Киров", "Максим Горький", "Ленинград", три эсминца, а также транспорты, на которых успели установить сорокопятки, "Ермак", - все ведут яростный огонь из всех зенитных орудий. На "Ермаке" с июля довольно солидное вооружение: 2 102 мм орудия, 4 76мм, 2 45 мм, пулеметы и дальномер. На нем вся команда военная: более 250 человек, что в два раза больше, чем у нас.

В нашу палубу врезаются, к большому огорчению боцмана, осколки зенитных снарядов. Слышу, как он, стоя под палубой спардека, часто повторяет знакомое слово "куррат" (черт). От этих осколков наши головы защищены касками, но, если попадет в плечо, ранение обеспечено. Сейчас мы работаем втроем: я у прицела - наводчик, Ломко, замковый, по моей команде "ноль!" дергает рукоять спуска ударника, Жентычко - заряжающий. Ящик со снарядами рядом. Маховички прицела и целика у нас на нуле, т.к. некому определять эти данные. Наводку осуществляю, конечно, очень приблизительно: ловлю в прицел цель, веду

перекрестие в прицеле на этой цели и даю команду "ноль". Слежу по следу трассы за полетом нашего снаряда и засекаю, насколько делений прицела и целика ушел самолет от следа снаряда. Перевожу перекрестие прицела на соответствующее количество делений вперед по курсу самолета, даю второй выстрел и снова слежу за его полетом по трассирующему следу. И так далее. Поскольку к самолетам тянутся десятки трассирующих нитей, то для меня главное после выстрела - не потерять след своего снаряда.

Довольно быстро расстрелял два десятка снарядов, а самолеты все идут и идут, и на нас - ноль внимания. Их цель - город, но что конкретно - не знаем. Отбомбившись, идут обратно и прямо над нами. Ствол орудия максимально вертикально - под углом 95°. Штук 15 "юнкерсов" из-за недалекой тучи в пике ринулись на Кировский завод, но, похоже, оказались за заводом и бомбить не стали. Смотрю: остался последний снаряд, значит, расстрелял уже 34. Решил оставить его тому, кто вздумает пикировать на нас. Капитан-лейтенант кричит: "Над нами самолет! Слева самолет! Почему не стреляете?"

Отвечаю, что одним снарядом много не настреляешь. Послал Жентычко в трюм за снарядами. Смотрю: тащит ... два ящика с фугасными.

А, черт! Полез сам. В трюме перегорела лампочка, едва разобрался. Позвал Жентычко и Ломко, вытащили три ящика осколочно-трассирующих. Один открыли, и я пошел за головками - взрывателями. Смотрю, а их осталось только 8 штук. Знаю, что есть еще 40 штук, но они у старшины в каюте, а его на корабле сейчас нет. Ну, черт с ними. Выпустил еще один снаряд и стал готовиться чистить орудие. А время уже около 16-ти. Мне на вахту - менять Кошеля. Прошу Кошеля постоять, пока я приберусь. Он не хочет. "Тогда, говорю, вычистишь орудие". "Нет, лучше я постою", - отвечает. Ну, думаю, стой. Чистил орудие полтора часа...

В 16 часов подошел катер со старшим лейтенантом с "Ермака". Сказал, что по приказанию начальства нужно выделить четырех человек на полтора часа. Выделили из машинной команды, и катер с ними ушел неизвестно куда.

Сегодня, когда по тревоге Кошель и Ломко снимали с орудия чехол, они сорвали с окуляров прицела оба защитных резиновых кольца. Один я нашел, а второй укатился за борт. Стрелял без него, и во время отката ствола и отдачи несколько раз здорово стукнуло окуляром в глаз. Хорошо, что есть запасные, и я потом поставил новый. Вчера приходил старшина комендоров с "Ермака", и мы с ним исправили откат, разобрали всю

полуавтоматику, отрегулировали шпенек. Сегодня он заел только один раз, но его все время сбивает, поэтому заказал механику выточить три запасных.

На вахту заступил в 17.30. Через полчаса рванул первый снаряд. На старом месте, где стоял "Ермак". Крикнул Кошелю, чтобы прятался за кран. "А зачем?" - отвечает. Рядом с ним здоровенная чурка как треснет по мостику, и он на карачках быстро полез под кран. Осколки пролетели, полезли с ним на мостик - лежит здоровый, еще довольно горячий чурак. Минуты через четыре еще разрыв примерно там же. Снова вой осколков. Потом снаряды стали рваться правее, за складом, у нас на траверзе правого борта. Я сначала прятался за трубу, потом перебрался на ют под спардек. В 20 часов стрельба прекратилась. Собрал на палубе десятка два осколков для демонстрации тем, кто был в это время в кубриках.

В 20.30 пришли наши ребята, которые уходили куда-то на ермаковском катере. Рассказали, что сначала пошли, как им сказали, за пироксилиновыми шашками. Это оказались большие глубинные бомбы по 145 кг каждая. Взяли их на катер 4 штуки и пошли в Угольную гавань мимо "Петропавловска", к какому-то недостроенному кораблю. Говорят, что это недостроенный ледокольный крейсер "Пурга". Фактически одна железная коробка с надстройками, недавно спущенная со стапеля. Подошли к нему благополучно. Немец бил по "Петропавловску", не обращая на "Пургу" внимание. "Петропавловск" весь искорежен. На нем теперь только охрана, которая прячется от снарядов за надстройками.

Погрузили ребята на палубу "Пурги" бомбы и хотели идти обратно, но немцы почему-то усилили артогонь по Угольной гавани. Поэтому решили: катеру с командой остаться около "Пурги", под защитой ее высокого борта, а нашим ребятам короткими перебежками выбираться из Угольной и возвращаться пешком вокруг всего порта.

21 час воздушная тревога. Торчали с Жентычко вдвоем на мостике целый час. Гул самолетов ясно слышен, но их не видно. Зенитки били довольно яростно, падающие осколки барабанили по крыше соседнего склада и по нашей палубе, чавкали в воде. Где-то в городе слышны разрывы фугасных бомб. Пожаров не видно. Мне надоело стоять без дела, пошел спать и спал до 8 утра.

20 сентября. Суббота.

До 12 стоял на вахте. В 14 часов опять пришел старший лейтенант с "Ермака" и попросил уже 8 человек для работы на "Пурге", которую, оказывается, ночью перетащили из Угольной в нашу гавань, и теперь она пришвартована на нашей стенке метрах

в пятистах по корме у нас.

Размер ее корпуса не больше, чем у "Кирова", носовая часть корпуса на ледокольную не похожа. Так что, если это и будет ледокольный крейсер, то, на мой взгляд, легкий и не для прохода в тяжелых льдах. На нем сейчас ни одной деревянной детали, все железное: переборки, подволоки, двери. Конечно, никаких орудий еще не установлено.

Решили начать спуск бомб с кормовой части в какой-то узкий колодец, идущий до самого днища. Спускаешься по скобяному трапу в вертикальной стене и трешься спиной по противоположной ржавой стене. Все перемазались. Вначале спустились вниз я, Баулин и старший лейтенант. Затем стали спускать бомбу. Она в деревянной решетке для удобства транспортировки. Спускали ее, спускали, дошла она до середины и застряла. Полез я снизу подправить или подтолкнуть ее снизу, но не тут-то было. Одним краем она зацепилась за скобу, другим уперлась в противоположную стену колодца. И ни туда и ни сюда, т.е. ни вниз, ни на верх. Похоже, что мы закупорены. Найдем ли мы в полнейшей темноте другой выход на палубу? Ну, да мы же не одни, выручат. Сверху кричат, чтобы мы спустились в самый низ и отошли от шахты, чтобы бомба не придавила, если сорвется. Ее решили вытаскивать на палубу, чтобы перевязать канаты по-другому. Пока бомбу вытаскивали, старший лейтенант пошел искать внизу другом выход. Наконец бомбу вытащили, а мы с Баулиным сидим внизу. Ничего не слышно, ничего не видно. Сидение в глухом колодце нам надоело, и мы вылезли на палубу. Никого нет. Все, оказывается, ушли в центральную часть корабля и стали спускать в другом месте. Наконец спустили одну. Ну и тяжеленная штука.

Вдруг разрыв. Опять где-то около "Ермака". Потом другой. А мы занимаемся второй бомбой. Спустили и ее. Стали спускать третью. Оглушительный взрыв, грохот и звон металла где-то совсем рядом. По железу забарабанили осколки. Наконец спустили последнюю бомбу. Спустились на стенку. Смотрим: носовая часть обшивки, как решето. Снаряд, видимо, попал в носовую часть и разорвался внутри. Я вбежал по сходне снова на корабль. Смотрю: на палубе на баке дыра дюймов в 6-8. Спустился на палубу ниже. Там перегородки в дырах. Видимо, снаряд разорвался под полубаком. Ну, черт с ним. Пошел на свое судно.

В 21 час лег спать, но через полчаса разбудил старшина - получать обмундирование. Выдали 18 предметов - полный комплект: шинель, бушлат, суконку, брюки черные, ботинки хромовые, теплое нижнее белье, зимнюю шапку, перчатки, "гюйс",

воротничок, брюки ватные, всю "робу", два носовых платка, ленточку на бескозырку с надписью: "Краснознаменный Балтийский флот", ремень кожаный, одеяло. Все что, кроме теплого белья, второй категории, т.е. ношеные вещи. Шинель и бушлат велики, суконка как раз, хромовые ботинки едва-едва влезли, черные брюки чуть ниже колен, зимняя шапка мала, перчатки велики. Остальное не мерил. Теперь под свою шинель на вахту можно одевать бушлат. Свою старую суконку убрал, т.к. она великовата, а одел новую. Если буду жив, то года через 1,5-2 подрасту, и старая будет как раз. Пришил на рукав шинели красную матерчатую звездочку. На бушлате была старая.

Старшина сказал мне, что я должен пойти на пост к бомбам менять Баулина, который стоит с 19 до 23-х. "Ермак" куда-то ушел, и нам пришлось охранять эти бомбы, да еще "Пургу". Хорошо, что мы оставили три винтовки, а не одну, как было приказано, а то стояли бы с пустыми руками.

Сегодня к нам прибыло "пополнение" - радист Емельянов Николай, молодой краснофлотец. Правда, я не понимаю, зачем нам радист? Кожину делать нечего с 5 июля в радиорубку не заходил. Если будет, как и мы, вахту стоять и на разных постах дежурить - тогда другое дело.

Время 20.15. Решил пойти поискать пост Баулина, чтобы знать его место заранее. Прошел до места, где стоят "Ермак", свистел, кричал, звал Баулина молчание. Дошел до стенки, где когда-то мы стояли - нет Баулина. Только девушки-милиционеры прохаживаются по причалам. Вернулся на судно, доложил старшине, что не нашел Баулина. Ответил, что не там искал и велел радисту Емельянову, который уже дежурил там, проводить меня.

Пост оказался почти в середине стенки на половине пути от нас до места стоянки "Ермака". Между двумя низкими платформами - деревянная площадка метров 100 в длину и 20-25 в ширину. По концам площадки груды соли. И в одном конце площадки стоят большие глубинные бомбы под брезентом. Баулин сказал, что их штук 40-50. Эта площадка со всех сторон загорожена сплошным деревянным забором в человеческий рост, но с трех сторон есть по одному проходу. Метрах в 15 от бомб около бывшего фонарного столба самодельный шалаш из обломков толстых досок и ржавых листов железа. Баулин сказал, что это укрытие от осколков, ну и от дождя. Уходя, Баулин посоветовал мне замаскироваться и зря не показываться. Сказал, что милиционерам дано указание: в случае немецкого десанта сматываться.

Осмотрел я шалаш, и не понравился мне его вход - очень

большой. Если снаряд разорвется метрах в 30 против входа, то мне несдобровать. Нашел щит из четырех толстых досок, приволок его и поставил у входа. Забрался в шалаш, уселся на ящик, прислонясь спиной к столбу, а винтовку положил у ног, чтобы в случае чего удобнее с ней выскакивать. По пути на пост захватил охапку хлопка, которую разложил на землю рядом. В случае обстрела удобнее лежать на чистом хлопке, чем на грязной земле. Просидел в шалаше до 3.30. Слышал, как ушел в Неву "Ленинград", как какой-то корабль бросил якорь в районе бывшего морского вокзала.

В 3.30 пришла смена - Ломко. Смотрим - "Ермак" стоит на бочке против своего старого места. Может быть, днем отшвартуется и заберет от нас этот пост.

21 сентября. Воскресенье.

С 8 до 12 немец бил из орудий по порту и боевым кораблям, которые, похоже, как и в Таллине, бьют по целям, указываемым корректировщиками на берегу, а может быть, и сами выбирают цели дальномером. Ведь даже в бинокль с мостика видны бои на Пулковских высотах. Правда, разобрать где кто довольно сложно. Не знаем, жив ли Баулин? Он дежурит с 8 до 12. А в районе его поста снаряды тоже рвались - те, что предназначались "Максиму Горькому".

С мостика в бинокль хорошо было видно, как большие группы самолетов с юга шли на Кронштадт и пикировали на него. Конечно, на какие цели определить было нельзя. Но гул разрывов бомб ясно слышался и отчетливо видны расползающиеся над островом столбы дыма.

На пост с 12 до 16-ти пошел Ломко. Баулин пришел. Жив и здоров. Лежал все время в шалаше, и где точно рвались снаряды, не знает, но где-то недалеко, т.к. осколки свистели где-то рядом, а пара врезалась в доски шалаша. С 16-ти часов моя вахта. Сижу в шалаше. Пока все тихо. В 17 часов открыл огонь "Ленинград". Его огневая позиция между концом нашего причала и Угольном стенкой. Обычно встает на якорь и открывает огонь. Как только немцы пристреляются, снимается с якоря и уходит по Морканалу в устье Невы. Там за городскими зданиями, заводскими цехами и эллингами его немцам не видно. Вскоре подошел на свое место "Киров" и тоже открыл огонь. Затем объявили воздушную тревогу. Только ее для полного счастья не хватает. Прибежал радист Емельянов. По воздушной тревоге он меняет меня на постах, а я бегу к орудию. Но самолетов еще не видно, и я не спешу уходить. Смотрю: "Ленинград" снялся с якоря и пошел к Морканал, все еще ведя огонь. А немцы перенесли огонь на "Киров". Поскольку наш пост как раз на пути немецких снарядов, то их недолеты нам

нежелательны. Эти снаряды лягут около нас. Пока недолеты большие - снаряды рвутся в воде метрах в 50-100 перед началом нашей стенки. Емельянов, увидев эту картину, быстренько смылся. Подошел и встал в Морканале "Максим Горький" и тоже открыл огонь. Немецкие снаряды ложатся уже на стенку и все ближе к кораблям, а ко мне тем более. Забрался в шалаш и устроился в углу. Прогрохочет разрыв снаряда, провоют осколки, я выгляну наружу - поблизости никого - и снова в шалаш. Сижу с открытым ртом, на случай близкого разрыва, чтобы не контузило.

Оглушительный взрыв совсем рядом, визг осколков, что-то забарабанило по доскам и железу шалаша, полетели соль, бревна, земля, доски. Два здоровых бревна рухнули у входа в шалаш, меня осыпало солью и щепками. Я не выдержал, схватил винтовку и тиканул к судну. Пробежав метров 200, решил идти шагом вдоль стен складов, в которых уже давно не осталось ни одного целого окна. Снова несколько разрывов сзади, и я опять "газанул". Новые разрывы слева от меня, но ближе к "Максиму".

Наконец прибежал на судно. Говорю старшине, что там сидеть опасно. Один снаряд рванул метрах в пяти-шести. В случае ранения помочь некому.

Снаряды теперь рвутся рядом с "Максимом", в складах, что метрах в 50-100 от нас. Они горят вовсю. Тяжелый густой дым ветер несет в нашу сторону. Боимся, что огонь перекинется на соседний с нами склад, а потом на нас. Дым уже ест глаза. Капитан-лейтенант в городе, дома у своих. Говорим старшине, что надо отойти на другое место или хотя бы перетянуться вдоль причала. Старшина не хочет. Надо бы хоть стенку облить водой и хлопок, но все сидят под спардеком и ничего не делают.

Вдруг старшина мне говорит: "Вернись на свой пост". Я объясняю, что там делать нечего: если загорятся брезент на бомбах или сами бомбы, то тушить нечем. Только если солью. А горящую бомбу одному не оттащить. Мы такие на "Пурге" вчетвером едва волокли. А если взорвется хоть одна, рванут остальные, и всю эту стенку разнесет вместе с нашим судном.

"Ничего, - говорит, - идите вдвоем с Баулиным". Пошли. Вдвоем все же веселее. Если одного стукнет, второй сумеет оттащить. Одели мы каски и бегом к посту. В правой руке винтовка, левая поддерживает противогаз, а поддерживать каску нечем, и она хлопает на голове, лезет на глаза. Свист и разрыв совсем рядом. Плюхаюсь на землю, а Баулин только приседает. Бежим дальше, прибежали к посту. Черт возьми! Вся площадка засыпана солью, щепками, обломками досок, бревен. У шалаша валяются бревна, стена его обвалилась, на крыше бревно, рядом увесистая железяка, осколки. Снаряд, оказывается, попал в

деревянную эстакаду-платформу метрах в пяти от нашего шалаша, пробил ее и разорвался под ней, вырыв большую воронку. Метра четыре эстакады во всю ее ширину разнесло в щепки. Деревянную ограду у площадки снесло взрывом.

Начали мы ремонтировать наше убежище: подтащили доски, бревна, железо. Новый снаряд разорвался метрах в 25-ти, так что крупные осколки пошли выше нас. А вот другой попал в эстакаду поближе к нам, и его осколки разнесли ее доски, столбы. Только щепки полетели во все стороны. Решили пойти поближе к концу стенки. Снаряды там уже не рвутся, перелетают к нашему посту. Смотрим: по причалам стенки, как ни в чем не бывало, неторопливо ходит, как прогуливается, девушка-милиционер. Подошли к ней. Совсем молодая, только окончила десятилетку. Ходим мы втроем по стенке. Снаряды свищут над нами на излете и рвутся около "Максима". Пошли по стенке вдоль Морканала поближе к "Максиму", смотрим, а он уже отдал швартовы и отходит задним ходом, но стрельбу продолжает. Немецкая батарея четырехорудийная. Интересно, что один из снарядов ложится все время совсем рядом с кораблем, а три остальные ложатся или в воду канала, или по стенке. Когда воющие снаряды, казалось, разорвутся около нас, я невольно приседал, Баулин и девушка даже не "кланялись".

Подошли пожарные буксиры и катера, стали сбивать огонь на складах, но они продолжали гореть. Со стороны Невы показался какой-то буксирчик, который спешил куда-то в порт. Он уже миновал нас, вдруг за нашей спиной взрыв. Оглядываемся - нет буксирчика. Только небольшие волны расходятся кругами от места разрыва снаряда. Совершенно случайное, но точное попадание. Наконец "Максим" прекратил стрельбу. Немец дал еще залп и тоже успокоился.

Пошли к южным причалам стенки посмотреть, как там наш "Суур-Тылл", так как там еще горят склады и из-за дыма ничего не видно. Идем по крайним железнодорожным путям. Впереди небольшое зданьеце, которое почему-то называли морской конторкой. Смотрим: за конторкой кто-то лежит лицом вниз, правая рука вытянута, левая под животом. Подошли ближе - старик из конторки. На спине большая рваная кровавая рана. Рядом его лопата. Наверное, бежал к складам тушить пожар. Снаряд разорвался метрах в десяти позади него, разворотил рельсы и шпалы, продырявил осколками конторку.

Наш "Суур-Тылл" цел. Его все же перетащили вперед метров на сто, т.к. загорелись рядом кипы хлопка и пришлось его тушить все командой. Вернулись с Баулиным к посту. Площадку еще больше завалило обломками бревен и досок, но в бомбы

попаданий не было. Забрались в наш шалаш-укрытие, Баулин закурил. Ни с того, ни с сего он заговорил о себе, сообщив, что родом из татар. Его фамилия, Баулин, от татарского слова "баул", т.е. мешок. Плавал на разных судах больше десяти лет и все котельным машинистом. Побывал во многих иностранных портах. Самые красивые девушки, по его мнению, румынки. Я, конечно, возразить не мог. В 20 часов нас сменили.

Склады сгорели дотла. Остальные пожары потушены. Вечером была еще одна тревога, но я не вышел и лег спать, т.к. в 4 утра снова на пост.

22 сентября. Понедельник.

С 4-х часов на посту у бомб опять мы с Баулиным. Я улегся досыпать в шалаше, а Баулин пошел трепаться с милиционером. Спал часа два с половиной. Правда, каждые полчаса будил выстрел - какой-то эсминец бьет из орудия, как будто склянки отбивает. То ли просто немцам спать не дает, или ведет пристрелку по наводке корректировщика. Разбудил меня Баулин, который теперь забрался спать, а я прохаживаюсь по заваленной площадке.

В 8 часов сменил нас Ломко. В 9 часов пришел из города капитан-лейтенант. Рассказали ему о событиях прошедшего дня. Смеется.

Со стороны Кронштадта снова доносится гул разрывов. В бинокль с мостика видны группы самолетов, подходящих с юга к острову и пикирующих на него. Но вчера самолетов было значительно больше.

Моя вахта опять с 16 до 20. Дежурство спокойное. Все 4 часа стоял с милиционером. Она обратила внимание на мою винтовку - вид у нее действительно жуткий, вся ржавая. Мы-то меняемся, а ведь она без смены на посту, обсыпалась солью, лежит ночью на соленой земле и протереть нечем.

Пока стоял на вахте, на корабль, оказывается, погрузили большие глубинные бомбы и подрывные патроны. По одной бомбе в каждое машинное и котельное отделение и в трюмы. Говорят, что в случае необходимости можно было бы взорвать корабль. Неужели немцы могут захватить порт?

23 сентября. Вторник.

Сегодня стою с 8 до 12. "Ермак" опять на старом месте, 507-ой ("Отто Шмидт") тоже. Один эсминец встал напротив мастерской, другой, "Свирепый" - в механизированной гавани. Сегодня порт оживлен: десятков шесть рабочих разбирают остатки складов. В 11.15 снова начала бить артиллерия немцев. Сначала снаряды рвутся в Лесной и Угольной гаванях, около "Петропавловска", затем подбираются к "Ермаку". Замечаю, что несколько снарядов

не разорвалось.

Я сначала стоял на северном углу стенки, потом прошел мимо "Ермака" в подземное убежище, вырытое рядом с причалом, перекрытое одним накатом бревен и засыпанное землей. Осколки в нем не заденут, а при прямом попадании готова могила. Рабочие из убежища уже убежали. Осталась только один милиционер - вчерашняя девушка.

Посидели мы с ней немного в убежище и решили, что наверху как-то спокойнее, по крайней мере, все видно. Смотрю: идет наш Емельянов. Встретились с ним около "Ермака". Сказал, что сейчас мы отходим, а вместо нас будут охранять бомбы опять ермаковцы. Подходим к своему судну, а оно уже отдало швартовы и пошло в глубину гавани, за "Пургу" и за 522-ой транспорт на место, где стоял "Жданов". Встали там, где стояли до 7 сентября.

В 6-ой раз сегодня объявляется воздушная тревога.

В районе Кировского завода наши подняли аэростат наблюдения. По нему бьют шрапнелью. Я решил разобрать замок орудия. Только вынул рукоять тревога. Аэростат сейчас же спускают. Но немецкие самолеты идут далеко на западе, опять на Кронштадт. Уже 4-й день они бомбят Кронштадт. Самолетов каждый раз было не менее сотни, а сегодня, кажется, значительно больше. С мостика видно, как они с разных сторон пикируют на город и порт. Слышен отдаленный гул сплошных взрывов. За ним над островом поднимается дым. Говорят, что три бомбы попали в "Октябрину". В начале сентября она стояла в конце огражденного Морского канала. Там он расширяется, образуя как бы маленькую бухточку, где можно стоять, не мешая проходу кораблей по каналу. Несколько дней она била куда-то по берегу, но потом на нее набросились штук 15 "юнкерсов", и она, отстреливаясь, ушла в Кронштадт.

Аэростат опять стали поднимать. Я уже вынул из замка цапфы. Смотрю: около аэростата два истребителя. Они подлетели к аэростату не небольшой высоте. Короткая очередь, взрыв, аэростат вспыхивает и падает. Над ним белеют два парашюта. Я бешено собираю замок, но поздно, истребители смылись. И ни одного выстрела по ним. Вот лопухи! Стоило нам поднять аэростат, и его уже сшибли, а у них висит уже больше месяца и хоть бы хны.

Ну, это будет для наших уроком.

Пришло приказание перейти нам в Механизированную гавань, где уже стоит "Свирепый", а другой эсминец стоит у мастерской. На наше место встанет "Комсомолец". Как ни хотелось, пришлось переходить. Часов в 17 встали на то место, где когда-то стояли. Вчера написал одно письмо домой, одно

брату Жене, отдал их Ломко, а он забыл их опустить на почте.

24 сентября. Среда.

Часов в 12 немцы первыми открыли огонь по эсминцу, стоявшему около мастерской. Разрывы снарядов с каждым залпом приближались к нему. Примерно после 15-го залпа, когда, казалось бы, что следующие залпы пойдут на поражение, эсминец быстро пошел в Морканал и ушел в устье Невы. А этим временем наш сосед "Свирепый" отошел от причала, что у нас по корме, встал посередине гавани метрах в пятидесяти по нашему левому борту и открыл огонь. Немец, конечно, перенес свой огонь на него. И бил довольно точно, потому что в нас не попал. Но чувствовали мы себя очень неуютно: вся палуба была залита водой от близких разрывов снарядов, в борту и надстройках пробоины, на палубе осколки снарядов, куски бетона от разрывов снарядов на стенке, все стекла на мостике выбило, хотя они раза в три толще обычных. В столовой и в конторке, что недалеко от нас на берегу, наклеенные крестами бумажные полосы, не уберегли стекла - все выбиты. Нам везет - еще ни одного из команды даже не ранило.

В начале обстрела немцами "Свирепого" подошли к нам два катера МО-506 и 507 с дымовыми шашками. Почему-то они пришвартовались к нам. Немецкие снаряды падали в нескольких метрах от нас, а значит, и от них. У них в рубках не осталось ни одного стекла, рулевые ранены. Пришлось им срочно уходить. Дымозавесу не ставили, хотя она в таких ситуациях могла бы защитить боевые корабли. Наконец ушел и "Свирепый". Немцы дали еще пару залпов и замолчали.

Мы уже давно заметили, что немцы бьют на выбор - только по боевым кораблям. Особенно, когда они открывают огонь по береговым целям. В порту стоят десятка два транспортов, вспомогательных судов, но им попадает редко, во время стрельбы по боевым кораблям; поэтому, когда поблизости от нас встает какой-нибудь эсминец, не только гражданская команда, но и наши ребята начинают ворчать. Похоже, немцы рассчитывают поживиться остатками нашего торгового флота...

Разогнав эсминцы, немцы обнаружили "Комсомолец", который встал на наше место у грузовой стенки. Хотя он стоял тихо-скромно, но, наверное, немцы разглядели на нем военно-морской флаг. Немецкая батарея стала нащупывать "Комсомолец". Постепенно разрывы снарядов приближались к нему, разрываясь то в воде, то на стенке. Один снаряд угодил в какой-то небольшой склад, и тот быстренько сгорел. Затем снаряды стали рваться вблизи корабля. Вот три снаряда, один за другим, разорвались на корабле, и на нем вспыхнули пожары. Дав еще 3-4 залпа, немец

замолчал - "хорошего" помаленьку.

Во время обстрела "Комсомольца" нам пришло приказание: подойти к нему и взять на буксир. После долгих объяснений, что подставлять под снаряды такое большое судно неразумно, от нас отстали. После окончания стрельбы к "Комсомольцу" подошли два небольших буксира и увели его в Морской канал. И зачем его приводили сюда, куда немцы бьют прицельно каждый день?

Около нас стоит баржа, на которую молодые красноармейцы, лет 19-20-ти, грузят какие-то моторы. Вид их страшен: лица худющие, скулы торчат, под глазами синие круги, пилотки натянуты на уши, кисти рук до конца втянуты в рукава шинелей. Сегодня капитан-лейтенант получил письмо от моего отца. Дал мне его.

Я едва разобрал его почерк, который после болезни стал очень неразборчивый. Пишет, что три недели от меня нет писем, и дома беспокоятся. Просит узнать у меня, что я думаю об окончании школы? Я то думаю, что ничего из этого сейчас не выйдет. Надо ждать окончания войны.

В 21.15 отдаем швартовы и куда-то уходим. И я иду спать.

25 сентября. Четверг.

В 2.30 меня разбудил Ломко. Команда: "Все наверх!" Вышел, темнота, тишина. С правого борта возвышаются какие-то две высокие вышки. Где мы находимся - никак не пойму. Зачем вызвали всех наверх - не знаю. Пошел снова спать. В 4 часа опять разбудили - на вахту. Стоим с Емельяновым: я на баке, он на юте. Обо всем увиденном докладываем капитан-лейтенанту на мостик.

Теперь я разобрался в обстановке: около нас стоит здоровый плавучий док. Мы стоим ютом к буму. Это на том месте, где мы стояли в первый раз. Оказывается, мы ждали всю ночь буксир "Октябрь", чтобы вместе буксировать док, но "Октябрь" прошел куда-то мимо. В 4.30 отдаем швартовы и идем на старое место. Встречаем "Комсомолец", который буксируют вверх по каналу. "Ермака" на месте уже нет, куда-то ушел. Часов в 6, еще до рассвета, встали на прежнее место.

В 8 часов сменился, но поспать так и не удалось. Воздушная тревога! Недалеко в облаках летают три "юнкерса": то появятся, то скроются. Снова тишина. Решил разобрать замок. Вынул, разобрал, убрал лишнюю смазку, а то при стрельбе брызгает и в лицо, и на форму. Только успел собрать, увидел те три "юнкерса", которые теперь шли на нас. Дал два выстрела. Один снаряд лег хорошо. Самолеты отвернули и ушли. Вчера привезли аккумуляторы для прицела к орудию. Приладил их на место. Теперь можно стрелять и ночью. А сейчас капитан-лейтенант ругается - прочему я стрелял без разрешения. А его в это время на

палубе не было.

В 11 часов старшина с Афанковым и Кошелем пошли в военпорт. Пришлось мне с 16-ти снова заступать на вахту. В 17.30 капитан-лейтенанта к телефону на стенку. А он в бане. Хорошо, что пришел старшина и пошел вместо него.

Опять пойдем ночью кого-то буксировать. Около 23-х меня подменили, и я лег спать.

26 сентября. Пятница.

Разбудили в 4 часа на вахту. Стоим с Жентычко.

Пока я спал, вот что произошло: в 23 часа снялись со швартовых и снова пошли к Морскому каналу. Сюда буксиры притащили "Полтаву", вернее то, что от нее осталось. Из истории Балтийского флота помню, что этот корабль был один из четверки самых мощных в мире линейных кораблей в период 1-ой мировой войны: "Полтава", "Севастополь", Гангут" и "Петропавловск".

Последние три и сейчас служат и воюют, сменив имена. Я думал, что "Полтаву" давно разобрали на лом. Оказывается, не успели, коробка-корпус еще остался, и вид ее очень солидный. А лишившись всех рубок, труб, артиллерийских башен и всех надстроек, корпус его стал выше метра на 3-4, чем у "живых" его собратьев - "Марата" и "Октябрины".

Так вот, корпус "Полтавы" мы с "Октябрем" должны отбуксировать в Кронштадт. Зачем он там нужен? Наверное, на металлолом. На нем всего несколько человек: охрана, для принятия и отдачи буксирных тросов. Подошли осторожно кормой к его носовой части, подали буксирный трос. "Октябрь" подал буксир на корму, и двинулись самым малым. Впереди нас шел буксир "Зюйд" с лоцманом. Около 3.30 наши заметили, что корму "Полтавы" заносит к северному берегу канала. Стали кричать в мегафон, чтобы на "Октябре" удерживали корму, но ответа не дождались. Вахтенный с "Полтавы" сообщил, что "Октября" сзади нет. Когда он ушел, никто в темноте не видел. Дальше случилось то, что и должно было случиться: корма "Полтавы" под острым углом села на грунт у северного берега, а нос, несмотря на то что мы его тянули посередине канала, уткнулся в южный берег.

Вот после того, как "Полтава" перегородила канал, я и вышел на вахту. Нам тоже грозит опасность сесть кормой на грунт у южного берега. Попросили "Зюйд" помочь нам снять с мели носовую часть "Полтавы". Тужились, тужились ни с места. Масса такой громадины даже на малом ходу здорово врезалась в берег. Теперь канал перегорожен надежно - не только нам, но и "Зюйду" в Ленинград не вернуться. Время уже 5 часов, скоро будет

светать, немцы днем никому не дают проходить по каналу. На "Полтаве" больше получаса отдавали буксирные концы. Наш капитан-лейтенант даже охрип, ругаясь. "Зюйд" снял команду с "Полтавы", и мы двинулись в Кронштадт. На востоке небо начинает светлеть. В конце огражденного канала, где стояла в бухточке "Октябрина", полузатопленный буксир. Наверное, он затаскивал, устанавливал "Октябрину" в эту бухточку - артиллерийскую позицию линкора и погиб при последней бомбежке линкора на этом месте.

На еще темном южном берегу пожары в районе Петергофа. Они продолжаются уже несколько дней. На траверзе Петергофа старпом, как и раньше, дал команду запустить донку - насос для закачки в цистерну питьевой воды, здесь она самая чистая и пресная. Совсем рассвело, Кронштадт уже недалеко. Теперь мы почти в безопасности. Со стороны южного берега появился "юнкерс". Чего в такую рань? Откуда-то по нему вяло, как бы спросонья, дали четыре выстрела. Дал четыре выстрела и я, и "юнкерс" ушел на юго-запад.

Примерно в километре от Кронштадта стоят отдельно три транспорта. У одного корма сильно погружена. По-видимому, сидит на грунте. У другого вся осадка слишком большая. Неужели и этот весь сидит на грунте? Здесь глубины небольшие, а фарватер в Ленинград или в Петергоф ночью можно и не заметить. Почти от самого Ленинграда до Кронштадта, в заливе, севернее Морского канала, стоят морские охотники, дымозавесчики и какие-то еще катера.

У северного берега залива, в районе Лисьего носа, чернеют неясные силуэты каких-то судов. К нам подходит катер. Велят стопорить машины. Через несколько минут передают приказ из штаба: "Немедленно вернуться к "Полтаве!" Капитан-лейтенант объясняет командиру катера, что одни мы не могли оттащить его от берега. Катер уходит в порт. Мы на самом малом маневрируем то на Восточном, то на Малом рейдах. Я в бинокль рассматриваю, что делается в порту после сильнейших бомбежек в последние дни.

За молом в гавани видны только труба и рубка "Минска". Он затоплен у стенки, у него, похоже, оторвана корма. От "Марата", который стоит в Средней гавани, упершись кормой в стенку Петровского канала, осталось чуть больше половины - носовая часть вместе с первой трубой представляет груду металла. Но полубак цел! И немного носовой частью возвышается над водой. Даже гюйс на флагштоке висит. Правда, половина его полощется в воде. В этой груде металла можно разобрать только два ствола главного калибра. Бомба, очевидно, попала между первой башней

главного калибра и боевой рубкой. В результате детонировал боезапас в погребах первой башни. Результат налицо. С него сгружают на стенку боезапас.

"Октябрина" в Лесной гавани. У нее сильно покорежен бак. Но полубак цел. На стенках и пристанях горы ящиков со снарядами, пустых и с гильзами. На берегу много краснофлотцев.

Немецкая "колбаса" отсюда видна лучше, чем из Ленпорта. Она висит немного левее колокольни Петергофской церкви, которая заметно возвышается над темной линией леса Петергофского парка.

Вдруг пальба. Бьют зенитки. За облаками над нами гул самолетов. Со стенок все побежали в Петровский парк, с кораблей тоже бегут на берег. Вскоре из-за облака вывалился самолет, штопором пошел вниз и врезался в воду на Малом рейде недалеко от фортов, что за Кроншлотом. Рядом на "Водолее" даже взвыли от восторга, захлопали в ладоши, но быстро утихли. Самолет-то наш - "чайка".

Вскоре по "Марату" стало бить одно немецкое орудие. Судя по разрывам, дюймов шести. Очевидно, пристрелка. Поскольку мы в это время находились немного восточнее Кроншлота и метрах в 400-500 от наружного мола Средней гавани, то снаряды на излете пролетали почти над нами. Несколько разорвалось между нами и молом, другие рвутся в гавани и на стенке недалеко от "Марата". Один здоровый осколок врезался нам в правый борт, один просвистел над палубой. Пристрелявшись по "Марату", немецкое орудие перенесло огонь по "Октябрине". Подожгло один транспорт, стоявший в Средней гавани.

С 12-ти часов до вечера катера постоянно ставят дымозавесы между Кронштадтом и Петергофом, но это мало помогает, т.к. с немецкой "колбасы" корректировщики видят и рейды, и порт, и тем более город. Дьмозавеса плотная только внизу и на небольшой высоте. Какой-то буксир потащил баржу в "Рамбов". По нему сразу же открыли огонь. Немцы просто обнаглели и издеваются над нами, а мы глаза закрываем и делаем вид, что ничего не случилось. Наверное, наши очухаются, когда "колбаса" будет висеть в Ораниенбауме, а немецкие летчики будут бить из пистолетов по окнам штаба флота или летать над площадями и улицами и бить из пистолетов по прохожим по выбору.

В 18 часов капитан-лейтенант и капитан на подошедшем катере ушли в штаб. Были у какого-то адмирала, объяснили ему, почему не можем в узком канале стаскивать с мели такую громадину. Во-первых, "Полтава" встала не поперек канала, а по диагонали, примерно под углом градусов 30, носовой и кормовой частью. Значит, стаскивать ее с грунта надо под прямым углом от

носовой части, т.е. под углом 60 градусов от берега канала, а не вдоль капала. А в таком ракурсе наше судно не умещается. А, главное, для этого маневра нам надо развернуться в канале, что при наших габаритах невозможно ширина канала в огражденной части метров 85-90. Буксировать в море, это мы можем, а заниматься буксировкой в узкостях, наверное, дело буксиров. Адмирал согласился. Ему, оказывается, передали из Ленинграда, что мы - буксир.

Машины снова в двухчасовой готовности. Темнеет. Старый Петергоф горит уже вторую неделю. Вдоль берега все время взлетают осветительные ракеты. Кто их пускает - не знаю.

27 сентября. Суббота.

Моя вахта с 0 до 4-х. Стоим с Афанковым. Холодный северный ветер. Я надел ватные брюки, бушлат, ватник и зимнюю шапку. Так терпимо. В 2.30 нас окликают с берега. Это какой-то старший лейтенант из штаба. Просит вызвать коменданта. Вызвали. Приказ командующего флотом: идти к "Полтаве".

Я слышал весь разговор: наш комендант начал объяснять, что мы не можем, что мы не буксир, а ледокол, что не можем даже развернуться в канале, чтобы тащить "Полтаву" в Кронштадт и т.д. Не помогло. Приказ командующего: через 2 часа идти в Ленинград. В 4 часа пришло повторное приказание в Ленинград. Наша вахта закончилась, и мы пошли спать.

В 6.30 нас с Жентычко дважды будит Кошель - вызывает комендант. Вышли. Комендант приказывает приготовить орудие к стрельбе и зарядить. Считаю, что это ни к чему, т.к., не зная, по какой цели будем стрелять, на какой высоте пойдет самолет, заряжать снаряд с постоянной трубкой нельзя. Ну да бог с тобой. Увижу самолет, разряжу орудие и установлю нужную трубку.

Наверное, из Кронштадта вышли всего час назад. Дотянули. Еще не вошли в огражденную часть канала, а уже совсем рассвело. На берегу, кажется, километрах в 2-3-х, по правому борту висит "колбаса". Чья - не знаю. Комендант приказал, когда она будет на траверзе с правого борта, долбануть по ней. Около нее уже водны разрывы снарядов. Вот более сильный взрыв, вспышка огня, дым. Попадание! Аэростат сгорает, а что-то черное медленно опускается на землю. Наверное, корзина корректировщиков. Но людей не видно. Может быть, это "утка"? Но чья "колбаса?" Вошли в канал и увидели вдали "Полтаву". Ее оттащили к северному берегу, но она все еще сидит на грунте. С "Моряка-2" нам написали: "Идти к Железной стенке и стать у причала № 1". Это уже за Морским каналом, вернее уже в устье Невы, у таможенной набережной.

Здесь стоят несколько эсминцев: "Свирепый", "Сметливый",

"Стойкий", а также "Ленинград". Много транспортов. Кто стоит у стенки, некоторые на якорях. Среди них наш старый знакомый - "Казахстан".

Мостик, мачты, труба обгорелые. Пролетит самолет вдоль стенки, посыпит бомбами - ни одна не пропадет даром, так густо стоят транспорты и боевые корабли. В 8 часов отшвартовались у причала № 1 и спустили на стенку сходню.

Пришел младший политрук из штаба отряда (Отряд особого назначения, в который входят ледоколы "Ермак", "Молотов", "Суур-Тылл", "Октябрь") и незнакомый мне капитан второго ранга и начали отчитывать капитана и коменданта - почему и зачем ушли вчера в Кронштадт? Оказывается, им командующий флотом дал нагоняй. Капитан второго ранга сказал, что нам нужно будет стащить "Полтаву" с грунта, а буксировать ее в Кронштадт будут буксиры. А мл. политрук агитирует коменданта "мобилизовать все силы" и буксировать "Полтаву" самим. Ну и другие красивые словечки. (Вскоре этого младшего политрука назначили к нам замполитом. Фамилия его Зуев).

Сегодня написал и отправил письмо Андрею Айдарову.

Коменданта опять вызывали в штаб. В 16.00 должны уходить, но я сменился с вахты в 20.00, а мы еще стояли.

Часов в 17 на Кронштадт опять был сильный налет. Даже с палубы было видно, как они пикируют.

Сегодня перед ужином выдали по 100 грамм. После ужина сильно разболелась голова и сразу же лег спать.

28 сентября. Воскресенье.

Так никуда за ночь и не ушли. Значит, обошлись и без нас. В 11 часов со старшиной пошли в город за машинным маслом. С нами напросились машинисты Ратман и Фалков. На трамвае № 18 доехали до площади Труда, откуда Ратман и Фалков пошли домой - они ленинградцы. Теперь понятно, почему они напросились идти с нами. А мы со старшиной подошли к пивному ларьку. Около ларька полно народу. Немало и военных. Пошел в парикмахерскую, но и там много народу. Книжных магазинов поблизости не видно, а отходить далеко боюсь - везде патрули. Они отгоняют военных и от пивных ларьков.

Наконец пришли наши ленинградцы. Пошли в порт - Новую Голландию. Старшина пошел искать машину, а мы ждем у ворот. Минут через 20 подошла грузовая машина со старшиной. Забрались в кузов и поехали на "Смоленку" в район Смоленского кладбища на Васильевском острове. С моста Лейтенанта Шмидта увидел наших старых знакомых: "Киров", "Марти", в стороне Балтийского завода - "Ермак", "Молотов". Много буксиров, тральщиков, разных катеров. Вернулись на судно в 15 часов.

Сегодня удивительно хорошая погода - ни облачка. Только холодновато. Удивительно, что еще нет налетов.

Получил сегодня два письма от брата Жени от 19 и 20-го сентября. Пишет уже из Средней Азии, куда эвакуировали их специальную художественную школу. Удивительно, что письма шли всего 7 дней. Или по военному адресу они идут быстрее, или сообщение улучшилось. У меня дома дела неважные. Написал домой ответ.

С 20 до 24-х стоим на вахте с Ломко. Я в носовой части, он на юте. Сходню на ночь затаскиваем на палубу. В 21 час воздушная тревога. Судя по звуку, не более двух самолетов ходят на большой высоте и периодически сбрасывают бомбы. В трех местах возникли пожары. Работают всего три прожектора. Зенитки бьют, похоже, только береговые. Корабли молчат. Что толку бить в темное небо? Комендант говорит мне: "Давай, стрельнем". Отговариваю его: "Какой толк бить трассирующими, когда неизвестно - куда бить". "Ну, давай фугасным, посмотрим, где будет разрыв". Тьфу, черт! Уже расстреляли 14 фугасных, но разрывов не видели ни одного. Политрук говорит: "Не стреляй", а комендант: "Стреляй". Выстрелил с таким расчетом, чтобы снаряд упал в залив. Даже в темноте пламени от выстрела почти не было. И звук от выстрела значительно слабее, чем от осколочно-фугасного с трассой. Оба командира успокоились. В остальном вахта прошла спокойно.

29 сентября. Понедельник.

День прошел без особых происшествий. Поздно вечером воздушная тревога. Я лег спать, а Жентычко попросил пойти к орудию. Говорю ему: "Выпусти все шесть фугасных снарядов, чтобы успокоился наш комендант, только бей в сторону залива". Не успел уснуть, приходит в кубрик Жентычко и говорит, что меня вызывает на палубу комендант. Прошу Жентычко передать коменданту, что я уже сплю и что мне в 4 утра на вахту.

Минут через пять слышу два выстрела. Они довольно слабые. Значит, бьют фугасными. Первый раз слышу "голос" своего орудия со стороны. Теперь за мной приходит старшина. Поднялся на палубу и спрашиваю у Жентычко: куда бил и кто приказал? Говорит, что никто не приказывал, сам решил выстрелить в сторону залива. "А комендант что?" Сказал, чтобы больше без его разрешения не стрелял, а если самолет будет пикировать (это ночью-то!), то докладывать ему и только потом стрелять. Гениально!!!

Сейчас ни коменданта, ни политрука на палубе нет. Ну, тогда и мы пошли спать.

30 сентября. Вторник.

День прошел без заметных событий.

1 октября. Среда.

Политрук "взялся" за нас. Уже два раза был он с комендантом у нас в кубрике. Нашли, что грязно, шкафы завалены одеждой, шинели и ватники висят у коек и т.д. Сделали сегодня генеральную уборку, вышил на белье "Суур Т. В.", чтобы сдавать в стирку на берег. До сих пор все стирали сами.

В 12.45 пришел комиссар отряда. Зачитал приказ Сталина о комсоставе "Казахстана". Капитана Калитаева, старший помощника, коменданта и помполита за трусость, бегство с судна во время бомбежки и т.д. расстрелять! Добро! Так этому трусу Калитаеву и надо!

Примерно в 1971 году я возвращался в Минздрав СССР от метро Кировская по Бульварному кольцу - по Сретенскому и Рождественскому бульварам. У Сретенских ворот, на углу Сретенки и Рождественского бульвара в старинном соборе Успения Богоматери в Печатниках размещался музей торгового флота. Решил заглянуть. Макеты различных торговых судов: транспорты, лесовозы, танкеры, пассажирские лайнеры и др. На стенах - фотоснимки различных судов. И среди них вижу старого знакомого - "Казахстан". Под ним краткое описание его судьбы в Таллинском прорыве, а рядом фотокарточки его капитана Калитаева и старпома с хвалебными подписями. Вот те раз! Спрашиваю у сотрудника музея, как эти товарищи сюда попали? Ведь они расстреляны за трусость. Сотрудник ничего не знает. С работы звоню в редакцию газеты "Красная Звезда", прошу телефон писателя Михайловского Н. Г., который в этой газете публиковал статьи о войне на Балтике и, в частности, о Таллинском переходе, участником которого был сам. Звоню домой Николаю Григорьевичу. Представляюсь - бывший сигнальщик и комендор с "Суур-Тылла".

Рассказываю ему об увиденном сегодня в музее торгового флота. Спрашиваю: как попали туда Калчтаев и Загоруйко? Отвечает, что хорошо знает эту историю и смерть комсостава "Казахстана". Но в 1956 году группа старых балтийских капитанов обратилась в Верховный Совет СССР с ходатайством о реабилитации Калитаева и его товарищей, которые были безвинно расстреляны. Взрывом бомбы их сбросило с мостика за борт, контузило. Их подобрал какой-то катер и передал на другое судно, считая, что "Казахстан" погибает. И ни Калитаев, и никто не знали о судьбе "Казахстана" несколько дней, уже находясь в Ленинграде. А им приписали трусость и бегство с судна. Ну, что же, на войне такое бывало и не редко.

Пошел я мыться в нашу баню. Глянул в иллюминатор - смотрю, к нашему борту пристает "Свирепый". Я заметил, что-то на нем все взволнованы, бегают по палубе. Смотрю, что-то тащат на носилках под мостик. Хотя я ничего не разглядел, но в сердце кольнуло. Похоже, что это убитые. Выскочил в одном тельнике на палубу, но комендант прогнал вниз. Я опять к иллюминатору. Точно, из-под брезента на носилках видны две пары сапог.

Когда я оделся и поднялся на палубу, "Свирепый" уже пришвартовался к нашему левому борту. С него сносят на стенку какие-то изуродованные приборы, металлические детали, арматуру и какой-то хлам. Краснофлотцы со "Свирепого" рассказали, что утром они вошли в Морской канал и встали у фанерного склада. Все было тихо. Получив координаты цели и просьбу с берега "Дать огоньку", открыли огонь. Немцы, как обычно, тоже открыли огонь, быстро пристрелялись один снаряд разорвался близко по корме, другой справа по носу попал в какое-то здание. Эсминец отдал швартовы и дал малый ход, чтобы идти к Невским воротам. В это время к нему пришвартовалась нефтеналивная баржа, но эсминец успел немного отойти от стенки.

Следующий снаряд накрыл эсминец - пробил палубу по левому борту рядом с 76-мм орудиями и разорвался в центральной радиорубке. Рубка вся разрушена, палубу под орудиями выперло горбом и заклинило орудия. Шестеро убитых: два торпедиста, три радиста и один котельный машинист. Раненых четверо, из них трое очень тяжело. Среди убитых двое старшин. Главного старшину-радиста разорвало на куски. Подобрали только голову и одну ногу. Считают, что попал восьмидюймовый бронебойный снаряд. (Сомневаюсь, что у немцев на сухопутье были такие, а такие разрушения эсминцу и обычный фугасный нанесет). Считают, что, на их счастье, снаряд не задел торпедный аппарат, в котором были три торпеды (для кого, в нашей ситуации, эсминцы на борту имеют торпеды, да еще в торпедных аппаратах?), а пробил палубу в трех метрах от них. Если бы они рванули, "Свирепый" превратился бы в "Страшный".

Вскоре на стенке выросла гора мусора: вся изуродованная радиоаппаратура, разбитые переборки, остатки личных вещей, одежды и пр.

Думаю, что если покопаться, то можно найти что-нибудь хорошее, Но неудобно, к тому же стоят их часовые у нашего трапа.

Затем из артпогребов стали поднимать снаряды - 76-мм и 130-мм, у которых снаряд отдельно, а пороховой заряд в неналах. 45-мм штук 500 вынесли на стенку, сложили около нас.

Оказывается, поврежден и корпус, вода попала в артпогреба, и снаряды надо просушить.

Часов в 17 воздушная тревога. Я на вахте. Комендант приказал меня подменить, а мне подготовить орудие. На эсминце даже тревоги не объявляли, а наш комендант уже готов к бою.

"Какой у вас прицел?", - спрашивает. "Пятьдесят". "Поставьте 80", а сам подходит и ставит 20. Что-то в этом прицеле наш комендант плохо разбирается. "А сколько у вас целик?" "Ноль". "Поставьте 10". "Да я же не знаю, с какой стороны полетит самолет". "Ну.... ладно, когда полетит, поставьте 10". Опять чушь! Я бью все время с целиком от 80 до 120. Это по черепахам, которые ползут в 10 кабельтовых, надо бить с целиком 10. "Зарядите орудие, наденьте каски!" - следуют команды. Краснофлотцы с эсминца ухмыляются, слушая команды нашего коменданта. Хотя бы их постеснялся. Нашел, перед кем показывать свою власть. Они несколько часов назад вышли из боя.

Сказав коменданту, что надо сбегать вниз, спустился в кубрик, одел ватник, что запрещает политрук, а за ним и комендант (нарушение формы одежды), посидел в кубрике минут 15 и, выйдя на палубу, пошел не к орудию, а на свой пост у трапа. Кошель, который подменял меня, все же одел свою каску. Почему-то в ней он выглядит очень смешным - кто-то сравнил с лопухом. Комендант и политрук на мостике. Видимо, политрук уговорил коменданта, чтобы он не смешил людей своими командами. Меня оставили в покое, и Кошель пошел отдыхать.

В 20 часов опять воздушная тревога. Стрельба в темное небо была сильная. Мы и наш сосед молчали. Немец все чаще и сильнее бьет по городу и по Кировскому заводу из орудий. Ночью была слышна сильная артиллерийская стрельба и пулеметные очереди за Кировским заводом, в районе Лигово и Пулковских высот. Опять немец, наверное, где-то прорвался. Видимо, бьют танки.

3 октября. Пятница.

Немец с утра бьет из орудий по городу и по порту, но от нас снаряды рвутся далеко, не ближе метров 500. В 3 часа ночи "Свирепый" отошел от нас и ушел к заводу Марти. Поздно вечером и, наверное, всю ночь над городом летали одиночные самолеты и изредка сбрасывали бомбы. Этим они держат в напряжении и изматывают и население, и военных. Мы не стреляли и в 23 пошли спать.

5 октября. Воскресенье.

Получил сегодня письмо от брата Алика и от мамы. Не жалуются, но по описанию их дел - им тяжело. Немец весь день, с

перерывом на обед и ужин, бьет из орудий. Четыре снаряда разорвались метрах в ста у нас по корме. К ночным тревогам привыкли все, в том числе и политрук, и комендант. В 23 часа все идут спать, кроме вахты, конечно.

6 октября. Понедельник.

В 4 часа утра Жентычко разбудил Ломко, Афанкова, Кузьмина и Кожина, и все куда-то ушли. Остались мы с Кошелем. Я стою с 8 до 12. К обеду является Ломко, потом Жентычко и старшина. Рассказали, что они грузили боезапас в четыре шлюпки, которые катер поведет ночью на буксире к Стрельне, куда высадился наш десант. Нам предстоит сначала управлять шлюпками, пока их катер поведет на буксире, а затем грести их к самому берегу. (Кстати, из нас, шестерых, гребут прилично только двое). Хотя идти до Стрельны недалеко, но дойти почти невозможно. Несколько шлюпок уже пытались дойти, но были все потоплены. Не знаю, как удалось высадить десант (скорее всего, немцы не ожидали такой наглости), но теперь по любому замеченному катеру или шлюпке бьют из орудий и минометов. Наши ребята боятся, что нас отправят днем, но комендант успокоил: в 21.00 четверым (Ломко, Жентычко, Емельянову и мне) без оружия отправится туда, где наши утром грузили в шлюпки боезапас, и ждать прихода катера со шлюпками для сопровождения их до берега. До какого - он сам не знает.

Часов в 17 опять сильный огонь немецкой артиллерии по порту. Вскоре из канала выходит "Стойкий" и встает у бокового заграждения, что перегораживает устье Невы. К нему подходит буксир. Смотрю, с эсминца пишут: "Суур-Тылл". Я подбегаю к углу стенки и даю отмахом отзыв. На эсминце его не видят. Бегу к политруку, докладываю и в это же время даю тревогу. Отдаю винтовку Кошелю и бегом на мостик. Буксир уже тащит "Стойкий" к нам. Принять семафор не могу, т.к. на фоне рубки эсминца ничего не видно. Эсминец приближается. Пишу: "Ясно вижу". Понимаю, что он просит принять швартовы и приготовить насосы для откачки воды. Я все отмахал, что понял. Думаю, подойдете к борту и доскажите. Доложил о семафоре политруку и старпому, которые были на мостике.

Эсминец подошел, приняли его швартовы. Смотрю, на нем срочно готовят помпу и в четыре шланга откачивают воду. Оказывается, недавно снаряд попал в левый борт ниже ватерлинии под мостиком и вышел с правого борта. Кажется, имеются двое раненых. Вижу, что у "Стойкого" стоят дополнительно два 37-мм автомата. Вскоре подвели пластырь и откачали воду.

К 21 часу оделись потеплее, попрощались с остающимися и

отправились в конец причала. Расположились за какими-то ящиками, укрываясь от ветра, периодически выглядывая, не подходит ли катер за нами.

К 12 часам ночи мы уже здорово замерзли. И прыгали, и толкали друг друга, и выполняли бег на месте. До какого времени ждать, нам никто не сказал. В 4 утра стало ясно, что сегодня за нами никто не придет, и мы рысцой побежали на судно.

7 октября. Вторник.

Заступил на вахту в 8 часов. "Стойкого" уже нет. Теперь у нас здесь нет ни одного неповрежденного эсминца. Комендант объявил нам, что наш поход на шлюпках отменяется. Мы полагаем, что наш десант под Стрельну, если нас туда хотели направить, погиб, и боезапас туда уже не нужен.

Прочитал в газете о потерях германского флота. Вот они: 1 крейсер, 13 эсминцев, 14 подводных лодок, 85 транспортов. Наши потери значительно меньше". Только, по-моему, не меньше, а больше. Посмотрим, на самом деле как дела: это потери Германии на всех морях. Выкинем из них потери Черноморского и Северного флотов, и тогда, приблизительно, на долю Балтийского моря останется 1 крейсер, 11 эсминцев, 6 п.л. и 70 транспортов. А у нас только на Балтике потери 1 л.к., 1 лидер, 13 (?) эсминцев, штук 60-70 транспортов, и я знаю о 7 п.л. И нет ни одного большого корабля без повреждений.

Недавно у нас был батальонный комиссар из штаба Отряда. Долго беседовал с нами "по душам" в кубрике. Мы ничего от него не скрывали. Все рассказали: и про плохое питание, и про политрука и про коменданта. Здорово все разносили политрука и хвалили Кочетова с "Ермака". Ох, уж этот наш политрук! На вахту уже в ватнике не выйдешь. Почему не приветствуешь его, почему винтовка на плече, почему шинели висят в кубрике и десятки других "почему?" Привязался к нашему машинисту из запаса Ратману за его фамилию: "Вы немец?" Пристал к радисту Миллеру: "Вы тоже немец?" Но тот его срезал: "Вы не знаете немецкого языка. У немцев есть фамилия Мюллер, а Миллер - английская фамилия". "А не все равно!" Не замполит, а "особист" у нас.

8 октября. Среда.

Подошло к нашему борту гидрографическое судно "Компас". Где-то намотало на винт трос и теперь пытается от него избавиться.

Сегодня всю ночь били форты Кронштадта. В надстройках звенели стекла, и даже корпус содрогался от некоторых залпов.

Уже несколько вечеров и ночей над городом кружат самолеты и здорово бомбят. Погода тихая, для них летная. Вчера немного

поморосил дождичек, а так небо все время чистое, но ветер с норд-веста дает о себе знать. Он дует уже вторую неделю. Лужи на стенке замерзли и не оттаивают днем. Толщина льда на лужах больше сантиметра. На вахте стою в шинели поверх ватника и в зимней шапке. Руки, хотя и в перчатках, но мерзнут. Водолазы освободили винт "Компаса" от троса, и он ночью куда-то ушел.

9 октября. Четверг.

Сегодня днем было комсомольское собрание. Коменданта на борту не было, и собрались в его каюте. Были: Ломко, я, Емельянов, Кошель, Афанков, мл. политрук, батальонный комиссар. Повестка собрания: "О моральном состоянии команды". Батальонный комиссар говорил долго. Основной смысл его доклада не у всех нас моральное состояние на высоте. Его надо поднимать, т.к. от него зависит боеспособность коллектива и всего судна. Похоже, что наши откровенные рассказы и жалобы на вчерашней беседе были им оценены, как низкое моральное состояние. Спросил: будут ли вопросы или кто хочет выступить. Вопросов не оказалось, а высказаться решил один - Емельянов. Во всем поддакивал батальонному: надо усиливать, надо укреплять, надо совершенствовать.

10 октября. Пятница.

Днем при ясной погоде появился разведчик на большой высоте и прошел над городом с запада на восток и обратно. Били по нему кому не лень. По приказу коменданта и я выпустил 7 снарядов. Интересно же наблюдать за полетом снаряда по следу трассы, попадет или не попадет? Хотя первогодку ясно, что не только не попадет, но и не долетит. Потолок наших снарядов 4 км, а самолет как минимум на 6 км.

После разведчика ожидай "адресных" налетов на заснятые объекты.

Стоял на вахте с 20 до 24-х. Во время вахты налет за налетом, почти непрерывная бомбежка. Сижу под спардеком в каске. Хоть и не часто, но осколки от зенитных снарядов все же врезаются в палубу и чавкают в воду около борта. Только пальба кончится, снимаю каску и выхожу пройтись по палубе. Снова пальба. И так несколько раз. Решил больше не снимать каску, может, прекратится пальба надолго. Нет, не прекращается. Так под ее аккомпанемент и ушел спать.

11 октября. Суббота.

Несколько раз принимался идти снег. Почти весь День облака. Уже дней пять немец не бьет из орудий. С чего бы это? Обсуждаем, будет сегодня налет или нет? Если будут такие же облака, как днем, то не должно быть налета.

С 20 до 24-х стоим вахту с Жентычко. Разговорились с ним о

возможности полетов человека на Луну, Марс и др. планеты. Я рассказал ему кое-что из того, что читал в научно-популярных журналах, что слышал в спецшколе на лекциях. Незаметно прошли часа полтора. Следующий час прошел в разговорах об этой войне, о наших походах, о запомнившихся случаях и пр. Время уже 22.30. Облака расходятся, на восточном горизонте виднеется чистое небо. Хреново. Минут через 15-20 облака сошли совсем. Тревога! На Васильевском острове завыли сирены - значит, с той стороны идет самолет или самолеты. Кажется, слишком долго воют сирены, того и гляди разбудят коменданта, а идти будить его не хочется. Высказался об этом Жентычко. Решили не будить, пока не будет стрельбы. Может налет небольшой.

Слышим гул мотора, какой-то слишком громкий. Жентычко удивляется: "Что это за штука летит?" Вдруг гул перешел в резкий и противный свистяще-шипящий вой. Секунду прислушиваемся... "Ложись!" - кричу я Жентычко, и мы плюхаемся, уткнув носы в деревянный палубный настил. Секунды три ожидания, и какой-то удар по палубе, и что-то посыпалось на спину. Мы вскакиваем. Огонь на палубе метрах в 10 от нас. Бросаю винтовку, хватаю лопату, набираю в ящике песку и бегом к огню. Первый раз вижу "живую" зажигательную бомбу. Что с ними делать, нам рассказывали - тушить не водой, а засыпать песком. Для этого на палубе перед спардеком 4 ящика с песком и четыре совковые лопаты. Так вот она какая! Горит кусок металла, и от него во все стороны летят раскаленные огненные кусочки металла, которые, падая на деревянный настил палубы, продолжают гореть, прожигая и зажигая постепенно настил. Мелькает в голове мысль, что она может взорваться, но быстро исчезает. Действительно, не успел подбежать к горящей бомбе - небольшой взрыв, и пламя с осколками летит в стороны. Засыпаю бомбу песком. Лопат шесть, и все кончено. Разлетевшиеся горящие кусочки прихлопываю лопатой. Жентычко в это время расправился со второй бомбой, которая упала на палубу у края левого борта, сбросил ее лопатой за борт. Смотрю, на юте еще одна горит у самого борта. Кинул на нее лопату песку, сбил огонь и сбросил за борт.

Огляделись: на палубе огня больше нет, но на стенке рядом с нами горят еще две бомбы и разгорелись довольно сильно. Вокруг одной горит уже деревянный настил, от второй загорелась шина колеса на грузовой автомашине. Милиционер на стенке кричит: "Давай ведра!" Я ему в ответ: "На кой черт тебе ведра! Песок надо!" Приходится бегать с лопатой за песком на судно. Только отбежишь от бомбы, сразу темнота. Того и гляди, мимо сходни ступишь. Еще одну засыпали. А с последней дела хуже - с одной

стороны машина, с другой приемники, ящики чертовски тяжелые. Смотрю - Жентычко, кряхтя, тащит ящик с песком. Я принялся отворачивать приемники в сторону, а потом засыпать горящую бомбу песком. Вроде бы всю засыпал, а из-под песка огонь все равно выбивается. Похлопал по нему лопатой - сбил. Все в порядке!

Смотрю, начали выбегать наверх, разбуженные нашей беготней по палубе, матросы команды и наши. Выбежали политрук, старпом, комендант и другое корабельное начальство. Политрук спрашивает: "Где разорвались бомбы?" "На палубе". "Не врите, не сейте панику!" Говорю ему, что три бомбы упали на палубу, и, горели и если бы Вы не спали, то сами увидели бы.

Старшина: "Далеко разорвались?" "На палубе". "Пошел к черту, где?" А я уже одну засыпанную песком бомбу откопал. Горячая, чертовка, но в перчатках терпимо. "А это что, не бомба?" - говорю и сую бомбу ему в руки. Взял ее и..." Ах черт! Не сказал, что она горячая, все руки обжег". "Теперь поверил?"

Подошел политрук и спросил, где упали бомбы. Объяснил ему, что три на палубу, и показал следы их горения, и две на стенку. "А кто на вахте стоял?" "Я и Жентычко." "Молодцы!" Через полчаса вышел комендант. "Почему не скидывали бомбы за борт, а гасили? Почему мне не доложили?" и т.д. Наверное, стыдно стало, что без него расправились с "зажигалками". Неужели он всерьез считает, что мы должны были бежать вниз, будить его и докладывать, что палуба горит, что прикажите делать? А не самим немедленно тушить бомбы? Но мы молчим. За нас заступился политрук: "Ну и хорошо сделали, что не доложили". Отвел коменданта в сторону и стал его успокаивать.

Около часа пошел спать и только сквозь сон слышал сильную стрельбу зениток и гул взрывов бомб. Утром Кошель, стоявший на вахте до 4-х утра, сказал, что часа в 2 ночи была еще тревога. Сильно бомбили Васильевский остров.

12 октября. Воскресенье.

Утром пошел щипать ворс для подушки. Набил подушку, подхожу к кораблю. Смотрю, у трапа стоят комендант, знакомый старший лейтенант и еще какой-то командир в кожаном пальто. Высокий, здоровый. Козырнул я старшему лейтенанту и пошел в кубрик. За столом сидит какой-то старший политрук и беседует с Емельяновым. Только я принялся зашивать наволочку, входят комендант, старший лейтенант, тот, что в кожаном пальто, и наш политрук.

Все, кто был в кубрике, встали по стойке "смирно". Старший политрук попросил у командира в кожаном разрешения сесть. "Нет! И здесь у вас спят до 12 часов! Я же вам приказывал, чтобы

люди не спали! Соберите всю вашу комендантскую команду", - обратился он к коменданту. "Краснофлотец Трифонов, - обратился комендант ко мне, - срочно всю нашу команду в ваш кубрик!" "Есть!" - и я выскочил в коридор. Через пару минут все, кто был свободен от вахт, человек 10, собрались в кубрике. Стоим у коек. "Какого года рождения?" - спрашивает в кожанке у Баулина. "С 1903". "Где служили?" "В подплаве." Спрашивает у коменданта: "Сколько у вас человек?" "18." "А почему здесь только 10? Сколько у вас на вахте?" Комендант растерялся, путается: "Один у трапа, два в машине, один в кочегарке". "А где еще четыре?" "Один у трапа, один в машине, два в кочегарке", - снова считает комендант и запнулся. Я хотел было подсказать ему, что один отпущен в город, один у трапа, три в машине и три в кочегарке. Очевидно, он забыл, что у нас три машины и три кочегарки.

Этот в кожанке оказался командиром нашего ООН (Отряда особого назначения) капитаном 2-го ранга Юрковским.

"Вы какой год служите?" - обратился к старшине Кожину. "Шестой". "А вы какой?" обратился он ко мне. "Доброволец", - отвечаю.

Какого года рождения, откуда?" "С двадцать пятого, из Кронштадта". Обращаясь к коменданту: "Нужно вам держать его, иначе он насмотрится на остальных и сам такой же будет". "А нука, откройте рундук", - обращается к Баулину. У Баулина все в порядке. "А теперь вы". У меня не особенно в порядке. Я оправдываюсь, что брал наволочку и все разворошил. Смотрит другие рундуки. Не во всех порядок. Заглядывает в шкафы. "А тут что у вас такое? Свалка, что ли? Щетки, шинели, плащи, мешки, чемоданы, грязная роба, винтовки, ботинки. Вы, товарищ Линич, говорили им о необходимости наведения порядка в шкафах?" "Да, я вчера говорил". "Нет, вы говорильней занимались, а не делом. Говорю это при всей команде. Я через сутки навещу вас еще. Чтобы все было в порядке!"

Спросил, во сколько мы обедаем, как с едой. Ответили, что питание ничего, а режим питания стал объяснять комендант и опять спутался, так что кавторанг ничего не понял и сказал, что надо повесить режим питания, как на боевых кораблях, так как наше судно боевое (я для себя отметил, что не особенно). Спросил еще, на что мы жалуемся, какие к нему вопросы. Таковых не последовало. Собираясь выходить из кубрика, заметил рваные тапочки на ногах Иванова. Покрыл его. "У меня тоже одни сапоги. Я в них и в бой хожу, и на парад, и на прием к командующему". Наконец начальство ушло.

Старшина спрашивает у старшего политрука: "Где это он

(имея в виду кавторанга) воевал?" Политрук ответил, что теперь весь штаб бывает на фронте. И он сам тоже несколько раз был в десантах. Начали мы прибираться к завтрашнему смотру. К 12-ти я пошел на вахту. Смотрю: тащат наши "сундуки", мешки из кубрика в трюм. Спустился в трюм и взял из своего вещмешка все необходимое в ближайшее время: белье, мои дневники, тетради. Завернул их так, чтобы в случае чего можно было спасти. Приказали теперь стоять вахту у трапа не на палубе, а только на стенке. А на стенке чертовски холодный ветер.

13 октября. Понедельник.

Сегодня ночью стояли "собаку" с Афанковым. Спал мало. Утром пришло начальство из штаба Отряда: старший лейтенант, старший политрук и другие. Проверили койки, рундуки, шкафы и пр. Нашли, что все в порядке. Ехидно спросили: "А надолго ли у вас будет этот порядок? Мы вас теперь чаще навещать будем".

Я все нахожусь под впечатлением вчерашней ночной бомбежки. Сегодня комендант тоже хвалил нас. Наверное, вчера доложил об этом командиру отряда, и тот одобрил наши действия. Утром комендант вызвал меня к себе в каюту. Спросил, кто стоял на вахте во время бомбежки. Я ответил. "А разве Кошеля с вами не было?" "Нет". "А кто первый увидел зажигательные бомбы?" "Вместе увидели и вместе гасили". "Ну, идите". Я понял, что он составляет благодарность нам и не знает, кого выделить.

В 10 часов собрались на политинформацию, но из-за травмы Баулина отложили до 21 часа. А я с 20 ч на вахте. Стоим опять с Афанковым. В половине десятого вечера вышел на палубу Кузьмин и сказал, что после политинформации прочитали объявление благодарности мне и Жентычко. Это первая благодарность мне за первые 3,5 месяца службы и войны. Конечно, приятно, жаль, что лично ее не слышал.

Сегодня днем произошел такой случай: Кошель, стоя на вахте, заметил между бортом судна и стенкой здорового судака, еще живого, но, очевидно, оглушенного. На палубе был Герман Яковлевич - капитан судна. Я сказал ему о судаке. Он быстро сам сходил за багром и вытащил судака и, конечно, взял его к себе на камбуз. Около 19-ти часов входит в наш кубрик буфетчица кают-компании Ева с тарелкой рыбы и прямо ко мне. Я ничего не понимаю и говорю, что я не больной. Больной у нас Баулин, но его нет. Ребята спросили Еву: кому эта рыба? Она с трудом проговорила: "Трифонову". Только тогда я вспомнил утреннюю историю с поимкой судака. Рыбу съели с Жентычко, хотя увидел ее Кошель. Но и ему кусочек достался. Хорошая рыба!

Написал вечером письмо домой. Мне что-то давно нет писем.

Дела на фронте поганые. Немец опять бьет по порту, а ночью опять бомбежка, большинство бомб, похоже, зажигательные, т.к. много пожаров.

14 октября. Вторник.

После завтрака в кубрик пришел комендант. Кто-то скомандовал "Смирно!" Вытянулись около своих коек. Гадаем: что сегодня смотреть у нас будут? Оказывается - винтовки. Дошла очередь и до них. Взял чью-то винтовку, посмотрел в ствол, потолкал патроны пальцем в магазин, закрыл затвор, нажал на спусковой крючек и... выстрел! Не очень громкий, и я подумал, что капсуль от разряженного патрона. Но почему комендант побледнел и почему в подволоке дырка? И хорошо, что в подволоке. Комендант немного поругался за то, что оставляем винтовки заряженными. Я вспомнил, что сегодня ночью, сменившись с вахты, не разрядил свою винтовку. Но оказалось, что и вторая винтовка (не моя) тоже оказалась заряженной. Через 4 или 8 часов мы ходим на вахту, меняем друг друга на постах самостоятельно и никто до сих пор не требовал от нас разряжать винтовки, сменяясь с поста. Ну и комендант, наверное, давно не держал в руках винтовку.

Моя вахта с 8 до 12. Оказывается, с 10 до 11 будет учебная химическая тревога. Пришлось час стоять в противогазе. Не очень приятно, но терпимо. Вот бегать в нем тяжеловато.

Из носового кубрика от машинистов кто-то притащил в наш кубрик патефон Кузьмина. Он может играть, если все время подкручивать ручку. Наверное, пружина очень слабая или короткая. Пластинки большей частью дрянь. Но штук восемь приличных, и их приятно послушать - веселые и лирические песни. Настроение и так часто бывает поганое из-за нерадостных вестей с фронта, и такие пластинки хорошо успокаивают. Из-за патефона я даже оставил в покое гармонь Баулина, которую насилую уже недели две. Ратман принес из штаба отряда библиотеку. Посмотрел я - черт возьми! Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Больше ничего! Ну что же, придется это читать на сон грядущий.

Днем пришел Ломко с газетами. Вести с фронтов нерадостные. Но для Толи радость - он получил два письма от своей Таисии. И под впечатлением писем сел писать ответ. Я занялся патефоном, подбирая пластинки под хорошее настроение. В кубрике тихо, спокойно, уютно. Все время бы так продолжалось!

В 20 часов Ломко и Жентычко пошли на вахту, Кошель - к бабам на стенку. Мы с Емельяновым и Афанковым легли спать. Нам с Афанковым на вахту с 0 до 4. Около 22-х часов сквозь сон

слышу голос старшины: "Ломко, Кошель и Баулин собирайте монатки и к 22-м быть готовыми". Мелькнула мысль: "Списывают!"

Я еще нахожусь под впечатлением прерванного сна. В голову лезет мысль, что надо сказать Ломко, чтобы писал мне. То же надо сказать Кошелю. Но все мысли, как в тумане. Наконец я очухался. Черт возьми! Наших списывают! Я прислушался к разговору в кубрике. Наших направляют в штаб Отряда, а куда дальше - никто не знает. Баулин говорит, что он давно это ожидал, но не думал, что это случится так скоро. Он утверждает, что их направят на фронт. Я спорю, что направят на какую-нибудь "коробку", и привожу какие-то ясные для меня доводы. Но, может, и ошибаюсь. Ломко пытается шутить. Говорит, что хорошо сделал, что не отправил письмо Таисии. Кошель совсем расстроился. Я чувствую, что так мне жаль расставаться! Особенно мне жалко Ломко. Как-никак 3 месяца жили в одном кубрике, изучили друг друга до мелочей. Кто думал, что нам придется так расставаться? Мы думали, что если пойдем на фронт, то все вместе, а тут на вот! Из носового кубрика взяли Иванова, Басаргина, Майорова и Силантьева.

В 22.15 наши пошли. Ломко попрощался со мной с какой-то виноватой улыбкой, будто в чем-то был виновен. Обещал писать. Я решил, что буду вместо него ходить на почту, и если получу письмо от Таисии, напишу ей, что ее Анатолия взяли на фронт. Не знаю, как она относится к нему, но он ее любит и без ума от нее. Она так же, как и он, без родителей, которые, наверное, под немцами. Ох, уж эта война и наша жизнь военная! Действительно: "Нынче здесь, а завтра там". Черт возьми, сегодня их взяли, а завтра нас заберут. Невольно лезут в голову строчки: "Не хочется думать о смерти, поверь мне, в 16 мальчишеских лет".

Расстались и два друга - Жентычко и Кошель. Почти земляки. Все три года служили вместе с первого дня. Жентычко рассказывал, что их был целый взвод, который держался вместе 3 года, но потом постепенно стал разбиваться и весь распался. Кто погиб на фронте, кто утонул, уходя из Таллина.

Я с трудом уснул. В 24.00 сменил Жентычко. Старшина, который сопровождал наших ребят в Отряд, сказал, что там собрали человек 40 с ледоколов и направили в экипаж, ну а оттуда известно куда. Неужели у нас нет людей на фронте, если с кораблей забирают последних. Это же стакан воды, вылитый в океан. Неужели нельзя было не брать с нашего отряда? В наш отряд входят "Ермак", мы, "Молотов", "Октябрь" и несколько транспортов. Не знаю, какие команды у них, но у настолько 18 военнослужащих (без командиров), из них 11 машинистов и

котельных машинистов, два радиста, четыре строевых и один сигнальщик. Теперь вахту придется стоять по одному.

Всю вахту думал о случившемся для нас несчастье.

Всю ночь немец бил по порту из разных орудий, а потом перенес огонь по заводу им. Кирова. В направлении Стрельны слышны разрывы мин и пулеметные очереди. Налетов не было, так как небо заволокло тучами и стоял туман. А кругом все бело, и снег все еще идет.

15 октября. Среда.

Ох, паршивое настроение. А тут еще опять химическая тревога с 9 до 11. Я отвинтил шланг противогаза от коробки и большую часть тревоги сидел за столом в кубрике и писал дневник. Жентычко крутил патефон. Я хотел вместо Ломко ходить за газетами, но пришлось уступить Фалкову, т.к. у него в городе родные. Чувствую, что сегодня ни к какому чтению, ни к каким занятиям я не способен. Не знаю, долго ли будет продолжаться эта моя депрессия. Решил чаще писать домой. Чувствую, что не могу обойтись без друга, с которым мог бы поделиться мыслями. Подходят для этого только Емельянов и Жентычко, но и то не совсем. Теперь и ночью, очевидно, будем стоять вахту по одному.

После обеда в кубрик зашел комендант. "Почему не занимаетесь?" Велел мне заниматься по винтовке (будь она проклята) со "стариками". На вахте три раза ко мне придрался. Пугает экипажем. Ночь прошла спокойно.

16 октября. Четверг.

Все письма для Кошеля отдал Жентычко, а карточки - Афанкову. Сегодня спросил у одного краснофлотца в пехотинской форме из экипажа: не видел ли он вчера человек сорок, списанных с судов. Говорит, что видел человек 35 с судов. Куда их отправят, он не знает. Говорит, что сейчас там таких переобмундировывают, оставляют в сапогах, ватных брюках, ватниках, дают полушубок, шапку, револьверы, ножи, ножницы, еще кое-что и на самолет, в тыл немцам. Человек по 10-20 в партизаны. Говорят, что жизнь у них там хорошая. По крайней мере, сыты и вооружены. Остальное оружие добывают у немцев. "Экипажники" - даже завидую им. Только зимой там будет похуже: снег, следы видны.

Немец опять бьет вовсю из орудий по порту. Бомбит с 19 часов и до утра (с перерывами). В городе большие пожары. Говорят, что Народный дом и Американские горы все разрушены.

Моя вахта теперь с 4 до 8 и с 16 до 20. Написал письмо домой и Жене.

17 октября. Пятница.

Утром немец открыл сильный огонь. Снаряды рвутся впереди нас на Неве и в порту как раз там, где стоит "Максим Горький". В корабли попаданий не было. Некоторые снаряды почему-то не рвались. Машины у нас стоят в суточной готовности. Производим текущий ремонт своими силами и средствами, значит, будем питаться 3 раза в сутки.

Часов в 17 снова сильный обстрел. Теперь снаряды рвутся у нас по корме. Часов в 18 приказали сняться и уходить - куда не знаем. В 17.30 подошли два буксира и потащили нас вниз по каналу. Мы надеялись, что к заводу, но встали в канале у 23-го причала, недалеко от места прежней стоянки. Тут, как я помню, все время ложатся снаряды. В складах на стенке нет ни одного целого стекла, а у одного в стене здоровая брешь. Емельянов принес для Ломко письмо от Таисии. Я решил написать ей и отправить завтра.

18 октября. Суббота.

Узнал печальную весть: деньги послать домой нельзя. Посылку тоже ждать нечего. Только, может быть, ребята брешут? Письмо Таисии написал.

Вчера "старики" и я принимали торжественную присягу. Вот теперь я полноправный краснофлотец.

Сегодня утром на вахте здорово мерз нос и было холодно. Ветер с правого борта, спрятаться некуда.

21 октября. Вторник.

Предыдущие два дня прошли спокойно. Погода дрянная, немцы не летают. Сегодня вечером на судне появился какой-то новый человек. На рукавах формы никаких нашивок нет. Затем к нам пришло все начальство Отряда, какой-то инженер, старший лейтенант и даже командир Отряда. Очевидно, по поводу дальнейшего нашего вооружения. Эти посещения начались еще в сентябре, и мы к ним привыкли. Но чувствую, что скоро должны встать к заводу.

Приходил краснофлотец с 507-го ("Отто Шмидт"), доложил коменданту, что по приказанию штаба Отряда с 507-го списаны к нам три комендора с двумя пушками и снарядами. Сегодня же принимаем и то, и другое, и третье.

Трое новых краснофлотцев-комендоров это: Попов Саша, Панов Николай и Суворов Василий. Первые двое служат по второму году, Суворов - с июня 41-го. Попов - невысокого роста, худенький, разговаривает быстро-быстро, чуть картавя. Панов - роста чуть выше среднего, поплотнее, доброе лицо и улыбка, неторопливые движения, на голове русый ежик. От него веет спокойствием и уверенностью. Суворов - широкий в кости, среднего роста, больше молчаливый, спокойный и неторопливый,

но узковатые глаза с хитринкой.

Стоим всё на 23-ем причале. 20-го ездил со старшиной за водкой, валенками и полушубками в порт. Потом на Смоленку за спиртом, но не достали. Уехали в 8.30, а вернулись в 16, поэтому поспать не удалось и здорово проголодался. Водки дали на 2 дня, хотя выписывали на пять. И то ладно.

22 октября. Среда.

В пушках разочаровался. Много хуже нашей: без полуавтоматики и чертовски большой мертвый ход. Они, оказывается, были где-то в учебном отряде. Одна 1934-го, другая 1935 года выпуска. Погрузили снаряды в трюм. Всего 53 ящика, в том числе 20 с фугасными и 33 с осколочно-трассирующими. Трасса только белая. В одном ящике только 5 снарядов. Все снаряды в железных коробках. Через мои руки прошли все 53 коробки. Вышел из трюма и чувствую адскую боль в пояснице, которая меня не слушается. Хожу, как пьяный, водит из стороны в сторону и совладать с собой не могу. Одну пушку установили на правом борту симметрично моей. Зато ствол внутри у этих пушек, как зеркало. Я спросил у прибывших комендоров: кто у них управлял огнем и по каким приборам? Сказали, что лейтенант по таблице, а дистанцию определяли на глаз и трубку никогда не устанавливали. Одним словом, не лучше, чем у нас. В таблице я ни черта не понимаю. Новые комендоры разместились в нашем кубрике на освободившихся койках Ломко, Кошеля и Баулина.

Сегодня получил письмо и книги из дома. Пишет мама. Бабушка (ее мать) умерла 25-го сентября. Ей было 82 года. Похоронили на Ваганьковском кладбище. Она жила в нашей семье примерно с 1924 по 1935 год и фактически нянчила нас с Алексеем. Мать просит прислать справку, что я служу в действующем флоте, т.к. печка развалилась, крыша как решето и нужна помощь сельсовета. Женя Зверев ушел из своей специализированной художественной школы, которую эвакуировали куда-то в Среднюю Азию, добровольцем в армию и сейчас где-то учится на командира минометно-пулеметного взвода. К сожалению, своим ничем не могу помочь. Перед ночной вахтой хватанул свои 150 грамм, закусил и вроде бы ничего, на посту показалось теплее. И язык развязался, не особенно, но и достаточно. Долго трепался с девушкой-милиционером, и вахта прошла незаметно.

Оказывается, у нас новый политрук. Он из мобилизованных, 1900 года рождения. В торговом флоте с 1934 года. Вообще биография заслуживает уважения, не то, что у Зуева. В общем "парень" ничего! Ни Комсомольске-партийном собрании сообщил нам по секрету, что ни сегодня-завтра вся эстонская команда

увольняется, списывается с судна. Вместо нее завтра же будут подбирать военную команду из военнообязанных. Наша задача - следить, чтобы ничего лишнего не было унесено, чтобы не было никаких подлостей и провокаций. Все это мы должны держать в строгом секрете и быть готовыми ко всему.

Написан вчера письмо домой и сегодня еще домой и Жене. Отослал Таисии ее письмо Анатолию. Политрук обещал, если это возможно, забрать наших ребят из экипажа.

23 октября. Четверг.

До обеда установили второе орудие. Тоже на правом борту за краном, на таком же расстоянии от него, как и первое орудие. Новые комендоры почистили свои пушки, я - свою, сколько успел до 16-ти, т.к. с 16-ти на вахту. К сожалению, милиционеры сюда не доходят. Рядом на стенке гора железного лома. Большинство - гильзы от 45- и 76-мм орудий, несколько десятков стаканов от зарядов 130 мм. Наверное, брак.

24 октября. Пятница.

С 8 до 11.30 бункеровались - загружали свои угольные ямы углем с баржи. Работали и мы, и эстонская команда вперемежку, как и прежде. После обеда снова угольная погрузка. В 15.30 баржу разгрузили полностью. Наверное, тонн 400 приняли. С 16.00 снова моя вахта.

25 октября. Суббота.

В двенадцатом часу всех нас вызвали к коменданту в каюту. Там уже были начальник штаба Отряда, комиссар, политруки и еще какие-то лица в командирской форме. Комендант представил двоих: командир судна Филимонов и командир БЧ-5 Мусти. Оба - командиры запаса. Они у нас с 23-го. Затем комендант объявил, что сегодня, вернее, сейчас вся эстонская команда уйдет с корабля. Нам необходимо следить, чтобы они ничего не подкинули и ничего не взяли неположенного. Распределили всех на посты внутри корабля. Мой пост в носовом отсеке. Жентычко в коридоре по правому борту, Емельянов - по левому. Остальные - кто на палубе, кто еще где. Пришел на свой пост. Смотрю, эстонцы все возбуждены, все бегают почему-то в баню, хотя никаких стирок еще не было.

У меня ничего не случилось, у остальных, кажется, тоже все прошло спокойно. Всю команду посадили на буксир, и он ушел к Неве, но куда - не знаю. Не смогли отправить троих - отсутствовали с утра радист Миллер, Влекте и еще один матрос. Один из них в больнице, один в штабе.

На судне уже 6-7 новых лиц в штатском: матросы, механики, капитан. С оставшимися нашими всего человек 12. Стали мы осматривать освободившиеся кубрики. Грязи хватает. Валяются

брошеные ненужные вещи, старая одежда, белье, книжки, старые газеты на эстонском. Я взял себе хорошую наволочку, пару новых эстонских хромовых ботинок, которые оказались немного велики, географические карты, линейку, колоду игральных карт и еще какую-то мелочь.

Мы уже облюбовали себе кубрик ближе к носу, за угольной ямой. Кубрик больше нашего, но всего на 6 коек. Но комендант не разрешил нам переезжать в него. Кочегары уже перебрались в кубрик около кладовой. Хороший уютный кубрик. До сих пор мне да и остальным нашим ребятам не приходилось бывать в кубриках у эстонской команды. Сейчас, даже в растерзанном виде, они были более приличные, чем наши, и большей площади на то же число мест, и уютнее.

Вечером прибыли трое отсутствовавших днем эстонцев, и Емельянову было поручено проводить их в экипаж. Говорит, что видел там остальных наших моряков. Всех их уже переодели в нашу флотскую форму. Со мной на вахте стоит матрос с "Молотова". Сказал мне, что прибывший к нам новый военком был старшим политруком на "Ермаке". Он из запаса, очень хороший мужик. Фамилия его Гашук.

26 октября. Воскресенье.

Вчера прибыли человек 15: кочегаров, машинистов, электриков. Почти все старшины, в мичманках. Среди них наш Силантьев. Я спросил у него, где остальные наши ребята? Он сказал, что Кошель, Ломко, Иванов, Басаргин 24-го отправлены на фронт, Баулин - в экипаж, Майоров в госпитале.

Прибыли также два помощника командира корабля (старпом Жирнов и помощник Кручинин) и трое командиров в БЧ-5. Все из запаса, работали на судах Балтийского пароходства.

Пока я стоял на вахте, наши начали перебираться в соседний кубрик по правому борту тоже на 6 коек, такой же маленький, но более уютный. Как раз под новой пушкой, что за краном. Мне досталась верхняя койка у двери, параллельная борту у коридорной переборки. Не очень удобное место. Если я открываю свой рундук, дверь в кубрик нельзя открыть. Зато шкафчик достался просторный. Сегодня ночью пришел 515. Нос у него здорово разбит. Оказалось, на него у Ораниенбаума наскочил 560-ый.

27 октября. Понедельник.

Ох, и едят же новые ребята! Сегодня обеда не хватило четверым. Народ какой-то ворчливый. Все указывают на беспорядки на судне.

Сегодня ночью немец выпустил примерно 15 снарядов по городу, свист которых был ясно слышен. Наш бронепоезд

частенько бьет с порта, часто меняя позиции, благо железнодорожных путей и веток в порту предостаточно.

28 октября. Вторник.

На судне все же оставались две девушки-эстонки, которым предложили остаться работать по специальности вольнонаемными - буфетчицами в кают-компании. Вначале они согласились, но потом отказались, и уже вчера к нам зачислили двух женщин буфетчиц для кают-компании - Артамонову и Бек-Булатову, старшего кока с интересной фамилией Идесс и старшую машинистку Борисенко. И вот сегодня в 13.30 меня, Жентычко и еще двоих выделили помочь нашим эстонкам нести их вещи. Ну и барахла у них! Едва дотащили вшестером до трамвайной остановки. На трамвае доехали до Невского, а там опять пешком до Мойки. Я едва допер свой узел. Хлястик у шинели оторвал. Их поместили в какую-то школу, где уже много народу.

Девчата суют в руки десятки, благодарят. Все же повезло нам - 30 рублей. Зашли в парикмахерскую, постриглись и пошли по магазинам.

Я купил "Астрономию". Увольнительная у нас до 18.00. Ждем на Садовой, рядом с Невским, 14-го трамвая в сторону порта. А его долго нет. Читаем газету, что на стене дома. Сбоку незамеченным подходит мл. лейтенант с войск ВОСО. "Почему не приветствуете?" "Не видели, т.к. читали газету". Подзывает проходящий патруль и говорит, что за нарушение приказа № 175 отвести нас в комендатуру. Спрашивает у Жентычко: "Вы приказ № 175 знаете?" "Знаем, а как же. Нам по нему пару гарного биля выдали". "Нет, говорит, приказ № 175 о приветствиях".

Короче, направились мы с патрулем в комендатуру. Это не так далеко. Кроем вовсю салагу-лейтенантика. Старший патруля - лейтенант говорил ему, что не надо ничего делать, ограничился замечанием и достаточно. Но тот уперся: "В комендантскую!" Комендантская в какой-то школе. Там человек 6 курсантов. Тоже за нарушение приказа № 175. Поругались, отметили нам в увольнительной задержание и отпустили. Идем опять к остановке. Навстречу старший лейтенант: "Почему не приветствуете?" А мы злые, специально не приветствуем, но видим, что этот совсем другой человек. "Опять в комендантскую?" спрашиваем. "А вы, что, от туда?" "Ну, да", - и показываем печать на увольнительной. "Ну, валяйте!"

Подъезжаем к порту уже в темноте. Решили ехать до кольца, от тех ворот к нам ближе. Трамвай ползет со скоростью километра 3 в час, не больше. Я наконец соскочил и пошел пешком. Получилось в два раза быстрее. Ребята сделали то же

самое. Подошли к воротам, но милиционерша не пускает. Оказывается, военных вообще в эти ворота не пускают. Просили по-хорошему, ругались - не пускают. Обругали, как следует, мильтона и снова на трамвай к главным воротам, а от них бегом на судно. Прибежали в 18.20. Панов все стоит на посту, бедняга.

Вчера выпал сухой снег и сегодня не тает. Через полчаса тревога, налет. Погода для налетов благоприятная - луна, но бомбили почему-то мало.

29 октября. Среда.

Вчера прибыли 8 машинистов, 4 котельных машиниста и строевой Ипполитов. Теперь, пожалуй, вся эстонская команда замещена.

В 14 часов нас, четверых, выделили помочь одному мичману отвести в город его вещи, которые мы загрузили в трюм еще в Таллине при его эвакуации: шкаф, пианино, стол и прочее. Кто он такой, что погрузили его личные вещи, а служебные автомашины топили в порту - не знаю. Когда мы проезжали по городу, начался обстрел центральной части города. Немец выпустил снарядов 15. Свист их был слышен довольно четко. Один из снарядов разорвался около экипажа, когда мы его уже проехали.

В 16 часов мы освободились. Увольнительная у нас у каждого отдельная. Решили быть на корабле в 18.30 и разошлись кто куда. Я сначала хотел поехать на Кондратьевский проспект к дяде, но передумал. Поехал на Невский. Встретился книжный магазин. Купил учебники немецкого языка, алгебры, физики, "Красное и черное". Чтобы посмотреть на военный город, поехал на Васильевский остров, потом обратно и в порт. Прибыл ровно в 18.30. Только спустился по трапу в жилую палубу - воздушная тревога! Выскочил наверх. На небе почти сплошные облака, прожектора не работают.

Стоял на вахте до 22-х часов, т.к. следующая вахта с 4-х.

Кажется, сегодня не бомбили.

На Гогланд за ханковцами

30 октября. Четверг.

В 1.30 нас разбудили - отдаем швартовы и идем к Масляному буяну. В 4 часа снова разбудили - швартоваться. Встали почти у самого завода, недалеко от Геологического Института.

С 6.30 я дежурю рабочим по камбузу. Ну и изголодавшийся народ - хлеб едят в неимоверных количествах. Весь день вертелся как белка в колесе. Нам скоростным методом готовят на баке крепления для двух 76-мм орудий.

31 октября. Пятница.

Разобрали динамо. Командование Отряда требует за 5 дней исправить машины и установить 76-мм орудия. Работаем весь

день. На корабль наведывается много начальства. Прибыли еще 6 человек: машинисты, рулевой, штурманский электрик, командир арт. погреба (!) и хим. инструктор (!).

1 ноября. Суббота.

В 13 часов поехали со штурманом в Гидроотдел порта. Похоже, что мы куда-то собираемся идти, т.к. все нам нужное распорядились выдать. Ушли из порта в 18.30. Пошли на корабль пешком. Тревога. Пока были в порту, был обстрел, но куда-то по центру города. А сейчас по Адмиралтейству. Снаряды рвутся рядом со зданием. На нашем судне полным ходом идет бункеровка. В помощь нашим с "Ермака" дали 30 человек. Работали всю ночь...

Сегодня прибыло человек 20: машинисты, котельные машинисты, рулевые, палубные, сигнальщик и др. и временно переданы с "Ермака" 7 комендоров. Теперь у нас всего около сотни или немного больше человек. Еды, наверное, нехватка, т.к. в кают-компании питаются человек 35, большая часть "береговиков".

Слух, что завтра в 19 часов куда-то уходим. Я думаю, что кого-нибудь куда-нибудь буксировать. Льда еще нет, поэтому как ледоколу нам еще нечего делать.

Сегодня, пока были в городе, купил "Жизнь" Мопассана.

2 ноября. Воскресенье.

С утра суматоха: спешат закончить бункеровку, надо установить две 76-мм и одну 45-мм пушки. Привезли теплое белье, продовольствие на 10 дней и 120 л водки (очевидно, из расчета по 100 г на 120 человек на 10 дней), несколько тонн машинного масла, плотики спасательные из бочек и прочее. Глубинные бомбы и подрывные патроны, установленные на судне в сентябре, вытащены из машинных и котельных отделений, из трюмов и увезены. На корме установлены дымовые шашки. Часть боезапаса поднята к орудиям.

Теперь у нас 3 орудия "четвертушки" и одно (мое) - "полуавтоматика" составляют батарею. Все комендоры расписаны по орудиям. Я остался наводчиком на "своем" орудии. Мой боевой номер 2-22-3, что означает: 2-ая боевая часть, вторая смена, второй номер, третий боевой пост. Командиром орудия Николай Панов.

Два раза бегал на "Ермак" за пишущей машинкой. А то машинистка есть, а машинки с нашим шрифтом нет.

Два дня не мог закончить письма домой и Димке Рождественскому. Сегодня закончил и отослал.

В 19.00 сходни убрали, якорь выбрали, но буксир никак не может сдвинуть наш нос - загрузились так, что сели крепко на

грунт. Наконец с помощью нашей носовой машины раскачались и поползли к середине Невы.

Мне в 01.00 заступать рассыльным в кают-компанию, Суворову - в штурманскую рубку. Опять покоя не будет. В 21 час вышли своим ходом в открытый Морской канал. Ход был 7-8 узлов. Пошел поспать часика три.

3 ноября. Понедельник.

В 0.30 разбудил Попов. Мы уже стоим в Кронштадте на Малом рейде. Поблизости стоят лидер "Ленинград" и эсм. "Сметливый". У каждого орудия на них по два человека. Значит, и у нас должно быть также.

В 1.50 снимаемся с якоря и идем к Гогланду. Впереди нас идет какой-то эсминец, сзади тоже вроде бы эсминец. По сторонам пока вижу только два катера. Ход 9,5 узла. Спустился на свой сегодняшний пост - в кают-компанию. Пока все тихо. Клонит ко сну. Чтобы не уснуть сидя, встаю и прохаживаюсь то по правому, то по левому коридорам перед кают-компанией. Но вот в некоторых командирских и старшинских каютах послышались голоса, которые все усиливались, зазвучал смех и явно не трезвый! Э, да там пьянствуют! Прислушался - точно, пьют. Вот уже начали "кучковаться" - перемещаться из каюты в каюту. Вот трое настойчиво стали стучать в дверь каюты, где живут трое наших вольнонаемных женщин.

С мостика спустился военком в мокрой кожанке. Увидев у меня на рукаве "рцы", спросил: "Как дежурство?" "Все пьют, товарищ военком". "Чтооо?" "А вы послушайте". В одной из кают в это время затянули пьяными голосами какую-то песню.

Военком быстро направился к этой каюте, а я деликатно перешел в коридор на другой борт.

В 3.00 вышел на палубу. Впереди эсминца уже нет. Сзади идет "Суровый", по бокам 4 торпедных катера. Погода благоприятная: то дождь, то снег. Когда подходили к Лавенсаари, начало потихоньку расцветать. В 5 часов моя смена благополучно закончилась, и до 7 часов я поспал. С 7 часов стоим в готовности № 1 у орудий, которые заряжены и поставлены на "поход". Очевидно, недавно был шторм, т.к. мертвая зыбь еще немного покачивает. С эсминца попросили прибавить ход. Ответили, что стараемся, но под парами только 4 котла и те пар плохо держат.

В 14 часов встали на рейде с восточной стороны Гогланда. Переход прошел благополучно. На рейде 4 эсминца, минзаг "Марти", 7 БТЩ, "охотники", торпедные катера, у причала стоит какой-то транспорт.

У южной оконечности острова видны два транспорта, выбросившихся на берег. Я их видел утром 29 августа с главного

фарватера.

После обеда в 15 часов лег спать. Примерно в 16.30 какие-то разговоры в кубрике. Смотрю: за столом сидят четверо красноармейцев. Я сначала со сна ничего не соображаю, не обратил на них внимания и снова уснул. Но вскоре сон прошел, я сполз с койки и шутя представился. Оказалось, что они с Ханко. Сейчас их к нам пересадили с БТЩ. Через некоторое время к борту подошел еще тральщик с красноармейцами. Всего приняли человек 550 в полном боевом снаряжении. У большинства автоматы и полуавтоматические винтовки, "максимы".

К обеду нам сегодня дали по 100 г водки. Это, похоже, те, что остались от 120 литров. Оказывается, всему командованию и старшинскому составу выдали каждому всю десятидневную порцию водки, т.е. по литру. А нам, чтобы не спились, планировали ежедневно выдавать по 100 г. Вскоре два эсминца снялись с якорей и ушли в Кронштадт. В 17.30 двинулись и мы. Никакой охраны нет. Все расчеты стоят у пушек в немедленной готовности. Взошла луна. Похоже, сегодня полнолуние. На небе ни облачка. Это дрянь. Ход узлов 9-11. Северо-восточный ветер довольно холодный и развел хорошую волну. Иногда волна заливает полубак, сползает на бак и даже заливает по ствол наши орудия. Прячемся за кранами и на решетках за первой трубой. Стволы наших двух орудий на левом борту развернуты перпендикулярно борту под углом 45 ˚, т.е. в сторону Финского берега. Внезапно, когда у нашего орудия никого не было, т.к. все были за трубой, наше орудие рявкнуло и белая трасса снаряда пошла высоко к финскому берегу.

С мостика вопрос: "Кто приказал стрелять?" "Никто, оно само выстрелило", - отвечает Панов. "Как это само? Командир орудия на мостик!" Панов вернулся красный, но что он мог сказать в свое и наше оправдание? Никто из нас не видел, чтобы кто-то подходил к орудию. Осмотрели рукояти спуска: нет ли шнура, за который можно было дернуть спуск из какого-нибудь укрытия. Никаких даже остатков шнура не обнаружили.

4 ноября. Вторник.

Перед Красногорским рейдом около 5 утра нас нагнал минзаг "Марти" и, сбавив ход, пошел впереди нас до Кронштадта. На Малом рейде немного постояли, выясняя, что делать с нашими "пассажирами" и, получив указание, двинулись в Ленинград. Время уже седьмой час, начинает светать. Залив за Кронштадтом встретил молодым льдом, толщиной, наверное, не больше сантиметра. Впереди идет "Марти", но звон колющегося его форштевнем ледка слышен и у нас. Вид залива по сторонам фарватера - огромное чистое зеркало. Справа по борту четко

чернеют высокие берега Петергофа. Видимость отличная. Удастся ли благополучно проскочить? Немцам грешно не воспользоваться такими мишенями. И точно. Вспышки орудийных выстрелов на берегу, и через 3-4 секунды столбы взрывов уродуют зеркальную поверхность льда. Звон осколков на льду - полное ощущение звона разбитого стекла.

Бьет одна четырехорудийная шестидюймовая батарея. И бьет пока по "Марти". Два залпа недолета. Вдруг с "Марти" тоже залп из четырех стотридцаток по берегу. "Марти" дает полный ход, уходит от накрывающего залпа и через несколько минут влетает в закрытую часть Морского канала. Теперь немцы переносят огонь на нас. Большой перелет, перелет ближе. Мысль: "Почему молчат форты Кронштадта? Разве там не видят, что нас расстреливают?" Еще залп. Сильный взрыв под спардеком по левому борту. Крики раненых. Наш расчет за первой трубой с левой стороны и до места взрыва снаряда сравнительно далеко - метров 30. Дымовые шашки, что у нас на юте, помочь нам не могли, т.к. ветер отнес бы дым за корму к южному берегу. Вот если бы дымозавесу поставили с "Марти", то она бы нас скрыла, но "Марти" уже входит в Ленпорт. Наконец доносится гул орудийных залпов за кормой. "Заговорили" форты Кронштадта. Наконец-то. Немцы успели дать по нам еще два залпа и замолчали.

Я поднялся на спардек посмотреть, куда попал снаряд? Он попал в левый задний угол палубы спардека, под которым находилась продовольственная кладовка для хранения хлеба. И разорвался среди буханок хлеба, превратив их в крошево. Этот хлеб значительно снизил урон от взрыва. Были ранены только двое: наш электрик старшина 2-й статьи Колк, легко, и тяжело красноармеец, - находившиеся поблизости. Осколками повреждена шлюпка на спардеке и кормовой мостик. Наиболее шустрые успели по одной-две буханки прихватить в кубрик. А наша служба снабжения на законных основаниях списала большую часть хлеба, как уничтоженную фашистским снарядом. Хлеборез же еще несколько дней ругался, натыкаясь при резке уцелевших буханок на осколки снаряда.

В 8.30 вышли из морского канала и ушли в Неву. Хотели встать у набережной около моста Лейтенанта Шмидта, рядом с "Ермаком", но снова сели на мель, на которой сидели второго числа перед выходом на Гогланд. Около часа, работая на разных режимах всеми машинами, сами сползли с мели и встали рядом с "Марти". Распрощались с нашими пассажирами. Комендоры, которые были переданы нам с "Ермака" на этот переход, вернулись к себе.

В 14 часов перешли на новое место на этой же набережной,

где уже стоят "Адмирал Бутаков" и "Молотов".

До ужина занимались приборкой. Все-таки более полутысячи человек находились на судне около суток.

Сегодня боцман, осматривая спасательные шлюпки, обнаружил в одной килограмм 9 сливочного масла. То ли это входило в НЗ, то ли кто-то запрятал. Доложил об этом старпому. Тот дал распоряжение - передать в кают-компанию. Но когда об этом узнал военком Гашук, приказал передать на камбуз для всей команды. Конечно, все мы соответственно оценили это его распоряжение. Вечером объявлена благодарность машинной команде и службе снабжения за обеспечение перехода на Гогланд.

Ледовые рейсы "Минокола"

5 ноября. Среда.

Утром необычная для меня картина: во всю ширину Невы с Ладоги идет "сало" - смесь мелкого битого льда со снегом. Очевидно, вчера и позавчера вся или часть Ладоги замерзла, но тонкий ледок был разбит буксирами, таскающими через Ладогу баржи, и этот битый ледок, припорошенный снегом, втянуло у Шлиссельбурга в Неву. Хотя и война и голод, но сотни людей стоят на набережных и на мостах и смотрят на это явление.

После завтрака объявлено, что будет генеральная покраска судна. Ведь зимой на фоне белого льда и снега мы будем выглядеть отличной мишенью и для немецких артиллеристов и для летчиков - черный корпус и трубы, и желтые надстройки. Теперь и корпус, и надстройки, и трубы будут белые.

Боцманская команда, в основном, руководит и организует покраску, а самой покраской занимаются БЧ-2 и БЧ-5. Для покраски бортов спущены за борт по три "люльки" с каждого борта - доски длиной метра 1,5 и шириной сантиметров 20, привязанные за края двумя веревками, которые крепятся к планширю. "Маляр" сидит на доске, привязанный для страховки за пояс фалом, который тоже привязан за планширь. Рядом на доске стоит банка с краской, которая за ручку для страховки тоже привязана шкертом к планширю. По мере завершения покраски части борта, который можно достать, стоя или сидя на доске, по просьбе красящего желательно двое на палубе стравливают сначала поясной фал, затем одновременно две веревки от доски и затем до уровня доски шкерт от банки с краской.

Мне досталась покраска правого борта от форштевня до трети длины корпуса. Поскольку мы стояли носом вверх по течению, правый борт смотрел на Неву, но любоваться ею было некогда - работа предстояла большая. Для начала наш боцман Ильин, пришедший на судно перед походом на Гогланд, наглядно на желтой стене надстройки белой краской показал, как надо

красить: сначала кистью делают ряд сплошных вертикальных мазков в квадрате примерно 30 на 30 см, а затем по этому закрашенному квадрату наносят горизонтальные мазки, стараясь, чтобы весь квадрат был закрашен краской ровно, без затеков и чтобы, конечно, старая краска не проглядывала.

Я попросил спустить меня от границы моего участка, чтобы, двигаясь к носу, точно знать: сколько еще осталось. Пока готовились к покраске, прошло часа два, так что за борт нас спустили только часов в 10. Первый участок покрашенного борта был примерно 1,5 на 1,5 метра. Сидя, можно красить борт выше своих коленок, иначе коленки будут в краске, а на борту отпечатки колен. Спустили еще примерно на 1,8 м. Думал до обеда успеть покрасить одну вертикальную полосу. Вдруг сливающийся гул разрывов нескольких снарядов и водяные столбы разрывов в Неве на уровне Масляного буяна - Горного института. От нас далековато, около километра. Снаряды второго залпа легли опять все в воду, примерно там же.

Кого же немцы в Неве заприметили? Смотрю: от завода на левом берегу Невы к Масляному буяну, т.е. к правому берегу, небольшой буксир тащит солидный плавучий кран. Приспичило же ему перетаскивать во время арт. налета! От нас такое впечатление, что буксир тащит кран в зону разрывов снарядов. Теперь гул залпов мы четко слышим, но только спустя 5-6 секунд после разрывов снарядов. Поэтому их разрывы всегда неожиданны, но место разрывов ожидаемо - опять в Неве. Вдруг сильный взрыв на платформе крана. Облако черного дыма, в воздух летят какие-то щепки, осколки. Стрела крана стремительно наклоняется к воде вниз по течению, платформа крана, показав нам свое черное днище, быстро, вслед за стрелой, уходит под воду.

Буксирчик растерянно покрутился немного на месте гибели крана, но, по-видимому, никого из воды не выловил и, как проштрафившийся школьник, поплелся в одиночестве к Масляному буяну.

Создалось впечатление, что немцы охотились именно за этим несчастным краном, т.к., утопив его, перенесли огонь выше по Неве, и теперь снаряды стали рваться около моста Лейтенанта Шмидта и от нас метрах в 50-100. Их осколки посвистывают где-то совсем рядом, несколько стукнуло в борт. За бортом на этой "люльке" мне стало совсем неуютно. Почему-то беспокоила мысль не о возможности быть раненным, а о попадании осколков в веревки, удерживающие мою "люльку", и возможности оказаться в ледяной воде. На всякий случай я крепко ухватился за свой фал и попробовал на нем повиснуть. Фал выдержал, но взобраться по

нему на палубу, будучи в ватнике и ватных брюках - не получилось.

Посмотрел на "маляров", что красили правый борт, ни одного нет. Их "люльки" были опущены только метра на полтора, и они смогли сами подняться на борт. Вот паразиты, забыли про меня. Или от осколков спрятались на левом борту, а может, и обедать спустились. Кричу, дергаю за фал. Никого. А снаряды все рвутся, но, слава богу, к нашему берегу не приближаются. Два или три снаряда разорвались на мосту. Вдруг с палубы голос боцмана Ильина: "А ты чего не поднимаешься?" "А как? Кричу, кричу, никто не подходит". "А кто тебя спускал? Сейчас я им врежу!" Через несколько минут, сопровождаемые боцманским матом, прибежали мои помощнички, и подняли меня с "люлькой". Конечно, они, увидев других двух "маляров", решили, что и я сам поднялся, и пошли обедать в свой кубрик.

Пока обедали, обстрел прекратился, и мы продолжили покраску. К концу дня стало ясно, что три человека смогут покрасить один борт не раньше, чем дня через два, а срок - завтра. Пришлось готовить еще шесть "люлек" и спускать за борт еще шестерых "маляров".

6 ноября. Четверг.

Весь день покраска. Спасибо немцам - не мешали нам окончить покраску. Теперь со стороны мы, наверное, будем выглядеть, как белый призрак. Заболел и ушел с судна наш капитан Филимонов, который был всего две недели.

7 ноября. Пятница.

24-ая годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. Вместо Филимонова временно в командование судном вступил помощник командира "Ермака" капитан-лейтенант Ветров А. И. Непонятно, как они будут делить функции с Линичем? Вроде бы, как коменданту, Линичу теперь и делать нечего. А почему не его назначили командиром - не знаю. Может быть, из-за длительного отсутствия опыта и практики командования кораблем. Торжественное построение на верхней палубе Всего личного состава. Командир корабля и военком поздравили всех с Праздником и пожелали каждому приложить все силы для скорейшей Победы над немецким фашизмом.

С 10 до 12 часов - коллективный просмотр кинофильма на "Молотове", посвященный юбилею, но название фильма не припомню.

В 19 часов отдали швартовы, развернулись и не спеша пошли в Кронштадт. К 20.30 дошли до Угольной гавани, почему-то развернулись и пошли обратно. Дошли до Балтийского завода и стали разгонять лед Против него. Оказывается, куда-то выводят

эсминцы. Мороз ощутимый, небо ясное, луна пошла на убыль, но еще хорошо светит. Пользуясь хорошей погодой, немцы "поздравляют" нас с праздником - налет за налетом, небо в прожекторах и в разрывах, в разных районах города сильные разрывы бомб и пожары. В 23 часа подошли к борту "Ермака" и пришвартовались к нему. С 23-х до часа моя вахта у трапа между нами и "Ермаком". Ночью усилился северный ветер и мороз около 15 градусов.

8 ноября. Суббота.

Только собрался передать вахту, команда: "Убрать трап, отдать носовой, отдать кормовой!" Опять идем в Кронштадт. На сей раз дошли без единого выстрела со стороны немцев. Наверное, в честь нашего праздника. Простояли у пушек всю ночь. Ночью все небо затянуло тучами, но снега не было. Лед на заливе еще тонкий, человека не выдержит, и звук при его раздавливании форштевнем тихий, так что немцы не могли его слышать. Может быть, после покраски и нас они не видели. Но дым из труб - его не замаскируешь.

В 5 часов встали на Малом рейде и стояли весь день на якоре. Выспались. В 15.30 вышли к Толбухину маяку, но не дошли, т.к. лед кончился раньше. Развернулись и, расширяя фарватер во льду, вернулись в Кронштадт к 17 часам. В 17.30 с караваном транспортов вышли в Ленинград. Это первый наш караван. Говорят, что теперь из запасов Кронштадта доставляют в Ленинград топливо и продовольствие. В 22 часа пришли благополучно в Ленинград к Железной стенке и через полчаса вышли обратно в Кронштадт, приведя транспорт 507 и буксиры с баржами.

9 ноября. Воскресенье.

В 2.30. перешли на Большой рейд и встали на якорь, в ожидании сбора всего каравана. Теперь, похоже, нам работать придется круглые сутки: днем колоть лед в Неве, на выходе в залив, а ночью проводить караваны судов - из Кронштадта нагруженные, обратно - порожние. И оба конца надо успеть сделать за одну ночь.

Оптимальный вариант: выйти из Ленинграда часов в 22-23.00, привести караван в Кронштадт в час-два ночи. К этому времени суда за день и вечер грузятся в Кронштадте и к двум-трем часам выводятся на Большой рейд и в установленном порядке снимаются с якорей и следуют за нами в Ленинград. За утро и весь день они разгружаются и к 21 часу собираются внизу Невы для следования в Кронштадт. Конечно, кому-то для погрузки и разгрузки потребуется двое или трое суток, но время выхода караванов должно быть оптимальным для безопасного

перехода.

Сегодня караван собирался что-то долго, и с мостика нередко сыпались крепкие выражения и запросы оперативному дежурному о разрешении выходить. Но ответ категоричный: "Не разрешаю. Ждать команды". И непонятно для чего мы всю ночь торчали у орудий. Вышли из Кронштадта только в 6.30. Как и следовало ожидать, уже через полчаса, на траверзе Петергофа немцы нас обнаружили и открыли огонь. Наверное, они еще не очень пристрелялись по фарватеру в ночное время, т.к. разброс снарядов был значительный. А может, это из-за того, что так рано их основной корректировщик - "колбаса" еще не поднималась. Минут через 20 открыли огонь наши форты, и немцы замолкли. В огражденную часть канала входили, когда уже совсем рассвело. Довели караван до Невы, откуда его растащат по соответствующим причалам, а сами в 9.00 встали к борту "Ермака". Позавтракали и спать.

В 13 часов вышли обкалывать "И. Сталина", вмерзшего в лед выше Зимнего дворца, и перетаскивать его пониже в Неву. В 17 часов встали снова к "Ермаку", но буквально через 15 минут команда: "Обколоть лед вокруг эсминцев и тральщиков, что стоят на Неве". Обкололи и встали на якорь теперь уже посредине Невы, готовые к выполнению новых заданий.

Оказывается, со вчерашнего дня продовольственная норма нам немного снижена: хлеб с 800 до 600 г, мяса на 25 г меньше, ну и примерно по столько же снизили количество круп, масла, сахара. После ужина дежурный по кораблю с нач. снабжения обходили кубрики и интересовались: стоит ли выдавать каждому причитающуюся ему норму хлеба, масла, сахара или оставить, как было? Большинство за то, чтобы оставить, как было - на каждый кубрик (бачок) выдавалось в одном весе масло, сахар, хлеб по числу едоков. А в кубрике брали каждый приблизительно поровну: масло на два ломтика хлеба, сахар - по две-три чайные ложки на кружку чая. И до сих пор в нашем кубрике никаких конфликтов по этому поводу не было. Надеялись, что небольшое снижение норм питания будет не очень заметно для нас.

К концу дня к входу в Морской канал подтянулись суда, буксир и баржи, и в 24.00 мы повели их в Кронштадт.

10 ноября. Понедельник.

Нам повезло: вчера, часов с 11 вечера, завьюжило, и снег шел всю ночь. Немцы, похоже, нас не видели и не слышали. По идее, они должны были стараться установить расписание движения наших караванов, но пока время прохода нами районов Стрельны - Петергофа каждый раз различное, им это не сделать. Примерно в 3 ночи пришли в Кронштадт, а в 5 уже вышли с тремя

транспортами обратно. На этот раз прошли благополучно и в 8 утра встали около "Ермака". До обеда вся ночная вахта отдыхала.

Морозы стоят уже градусов под двадцать, и лед на заливе быстро набирает толщину. На вид не менее 10 см. Поговаривают, что немцы могут попытаться пересечь залив из района Лигово на Сестрорецк и ударить в тыл нашим, стоящим против финнов. Не исключают и попытки немцев атаковать по льду и захватить суда каравана. Поэтому мы получили сухопутный на колесах "максим" с несколькими коробками снаряженных лент и штук 20 винтовок с патронами. Теперь на время переходов в Кронштадт и обратно "максим" будут выкатывать на полубак, а все из БЧ-2, кто на переходе должен быть на палубе, должны быть с винтовками.

К 19 часам перешли к 23-му причалу и до глубокой ночи ждали, когда соберется караван. Говорят, что ночью 8-го, когда мы с караваном ушли в Кронштадт, немцы сбрасывали на парашютах морские магнитные мины с часовым механизмом, которые при взрывах вызывают большие разрушения.

Нашим командирам тоже достается - на время перехода обязательно кто-нибудь из штаба Отряда на мостике, и наши Линич и Гашук с него ни шагу.

11 ноября. Вторник.

Всю ночь снова метет. Хорошо. Караван собирался очень медленно. На мостике все изнервничались, а нам мерзнуть на верхней палубе совершенно без толку осточертело. Неужели на мостике хотя бы с точностью до часу не знают, когда возможен выход? Только в 2 часа ночи двинулись в Кронштадт. Под покровом темной ночи и метели благополучно дошли к 5 часам до Малого рейда, где уже ждали корабли и суда обратного каравана, так что мы, обойдя вокруг рейда и разбив лед, в 5.30 вышли в Ленинград.

Обычно, мы, дойдя по Морскому каналу до Ленинградского порта, отходили вправо и пропускали суда каравана по оставшейся части канала в устье Невы, пересчитывая их, как утят: не отстал ли кто, не затерло ли кого льдами. А потом за последним судном заходили в Неву и шли на свое, определенное для нас место.

В 8 утра мы уже встали около "Ермака" и стояли спокойно до 16.30, а затем перешли к 23-му причалу, где и ожидали, когда соберется караван.

12 ноября. Среда.

Опять караван собрался только к двум часам. Поведем транспорты №№ 548, 529, 553, 539 и 502. Как только вышли из огражденной части канала, немецкая батарея открыла по нам огонь. Поскольку шел снежок, то корректировать огонь немцам

было сложно, и снаряды ложились с большим разбросом. В 4 часа благополучно пришли в Кронштадт. Стоя на Большом рейде, пропустили все суда на Малый рейд, и сами пошли за ними. Никто не отстал. Но в обратный рейс вышли в начале шестого. Поздновато. В караване одни транспорты. Может, проскочим. Снег валит вовсю.

Хотя суда должны держать интервал в пределе визуальной видимости, но в сильный снегопад это не всегда получается, и капитаны, боясь наскочить на впереди идущее судно, держат дистанцию большую и не всегда видят впереди идущее или сзади идущее судно, стараясь только выдерживать заданную скорость. Идущий за нами транспорт держит дистанцию строго: метров 150, и лишь изредка сильные снежные заряды скрывают его от нас. Но следующего за ним транспорта совсем не видно. Часов около 8-ми, когда начало светать, мы остановились в порту и стали пропускать и считать шедшие за нами суда. Одного транспорта нет. Подождали полчаса, пока совсем рассвело, и ушли в Неву. Что с ним случилось? Скорее всего, замедлил ход, отстал и затерло льдами. Но выручать его днем на виду у немцев никак нельзя - расстреляют и утопят. И канал будет закрыт, и Ленинград - закупорен. Надо ждать ночи.

Днем поразбивали и поразгоняли льды ниже моста Лейтенанта Шмидта. Уже дня три и три ночи немцы не бомбят город - метель, но артиллерия бьет ежедневно по несколько раз. Больше по центру и по заводам. Часов в 6 вечера вошли в Морской канал и пошли на поиски потерявшегося транспорта. За нами ледокольчик "Октябрь".

Расчеты "сорокапяток" у орудий, заряженных фугасными снарядами, за спинами винтовки, расчет "максима" в полной готовности на полубаке. Метель прекратилась еще днем, но снежок идет, ухудшая видимость. Вышли из огражденного дамбами канала, десятки глаз смотрят вперед сквозь мглу и снегопад. Проложенный нами вчера ночью фарватер замерз и сужен сомкнувшимися ледяными полями. Они девственно белые от свежевыпавшего снега. Идем малым ходом, чтобы было как можно меньше дыма и шума от ломающегося льда.

Минут через 15-20 в серой мгле возник силуэт судна. Уцелел! Команда: "Расчетам орудий левого борта приготовиться к открытию огня по транспорту! Расчетам орудий правого борта и пулеметчикам приготовиться поражать живую силу на палубе и в надстройках транспорта!" Ход самый малый. Силуэт транспорта медленно нарастает и проясняется. Я навел орудие на левый борт под полубаком, откуда из иллюминаторов носовых кают могут ударить из пулеметов и автоматов по нашему мостику и по всем,

кто на верхней палубе. До транспорта 100 метров, 75, 50, 25... Нервы напряжены. В любую секунду с транспорта может обрушиться на нас шквал пулеметно-автоматного огня. Успеем ли мы дать эффективный ответный огонь? Расчеты у орудий стоят во весь рост, и скосить их из 3-4-х автоматов дело 2-3-х секунд. Медленно поворачиваю ствол своего орудия влево, выбрав целью первый носовой иллюминатор, хотя он, как и остальные, закрыты. Приближаемся к левому борту транспорта своим левым бортом с тем, чтобы максимально обколоть лед у его борта. Вот наш полубак около его полубака и медленно продвигается на расстоянии метра 2-3 вдоль его борта к корме. Стволы орудий обнюхивают надстройки и мостик транспорта. На транспорте - тишина. С "Октября" на бак забрались человек 6-7 с винтовками, быстро обежали помещения и доложили: "Никого на судне нет". Теперь и мы смогли осмотреть транспорт, и то, что делалось вокруг него.

Оказывается, это наш старый знакомый 507-ой ("Отто Шмидт"). Мостик и труба разбиты снарядами и здорово обгорели, на палубе валяются какие-то доски, щепки, пожарные шланги. У левого борта на льду валяется разбитая шлюпка с веслами, во льду вокруг транспорта десятки больших черных лунок, чуть занесенных снегом, от разорвавшихся снарядов. На льду ближе к краю фарватера валяются какие-то чуть занесенные снегом личные вещи, какая-то одежда. И ни одного трупа.

Медленно пройдя вдоль транспорта, подготовив ему возможность выхода на фарватер, мы, увеличив ход, пошли в Кронштадт. В 22.30 передали в штаб флота через оперативного дежурного выявленную картину с транспортом, получили приказ стоять до особого указания на Малом рейде, а затем возвращаться в Ленинград и доставить туда 507-й.

13 ноября. Четверг.

Примерно в час ночи вышли в Ленинград. Напряжение спало. Обсуждаем увиденное. По нашему мнению, события развивались следующим образом: капитан транспорта, боясь, как бы не врезаться в темноте в корму впереди идущего транспорта, держал скорость ниже установленной и постепенно отставал от каравана. На траверзе Стрельны фарватер во льду, постепенно сужаясь, стиснул транспорт, и он встал. До утра оставалось совсем немного, и на транспорте надеялись, что мы вернемся и выручим его. Если бы у нас было в запасе часа 3-4 темноты, то, наверное, мы бы так и поступили. Но их у нас не было. А как только рассвело, немцы увидели хорошую неподвижную мишень у себя под носом. Конечно, они открыли по ней огонь. И когда снаряды стали рваться на мостике и на палубе и начался пожар, часть

команды начала тушить пожар, а часть покидать судно. По привычке спустили, вернее, сбросили, шлюпку за борт, но воды у борта уже не было. Тем временем артиллерия фортов заставила замолчать немецкую батарею, и команда транспорта отправилась пешком то ли в Кронштадт, то ли в Ленинград. Снег занес их следы и направление их маршрута. Почему немцы не добили и не потопили этот транспорт? Наверное, форты не позволили.

Часа в 4 подошли к "Ермаку". 507-ой благополучно прибуксировал к заводу "Октябрь".

Мы все повалились спать до завтрака. Все командование ушло в штаб Отряда, и мы спокойно проспали до обеда. А вечером оказалось, что у нас рад перемен: вместо Ветрова пришел новый командир - капитан-лейтенант Мокасей-Шибинский Владимир Григорьевич. Высокий, наверное, метр 90 см, очень худой, какой-то нескладный, с большим красным носом, с неуклюжими движениями. На вид - за 30 лет, хотя училище окончил лет пять назад. Вестовой говорил, что аппетит у него страшенный.

По болезни ушел наш военком старший политрук Гашук, о котором остались самые хорошие теплые воспоминания.

Судьба свела меня с военкомом Гашуком еще раз в конце августа 1942 г. в Кронштадте, о чем я упомянул раньше..

Пришли новые командиры: командир БЧ-1, штурман Шабшаевич из запаса, командир БЧ-2 лейтенант Кузнецов. Вместо военкома Гашука, пришел на эту должность главный старшина Шкляр М. В. Капитан-лейтенант Линич остался в старой должности - коменданта судна, но каковы остались его обязанности для нас было непонятно. Мы полагаем, что он не назначен командиром из-за истории с транспортом 507. Но разве он в этом виноват?

В 18.30 вышли с караваном в Кронштадт. Метель метет вовсю, и, наверное, поэтому немцы нас не беспокоили.

14 ноября. Пятница.

В 1.50 повели в Ленинград одну подводную лодку и три транспорта. В 5 часов встали около "Ермака" и спокойно стояли до 19 часов.

В 19 часов двинулись в Кронштадт. Погода стоит - для бомбежек и обстрелов - ни облачка, луна немного меньше половинки, но светит.

Думаем, что сегодня немцы на нас отыграются. Только вышли из огражденной части Морского канала, как со Стрельнинского берега луч прожектора повис впереди нас, поперек нашего курса, затем медленно опустился до поверхности заснеженного льда и медленно заскользил нам навстречу. Вот ближний край луча

коснулся носовой части, вот в слепящих его лучах мостик, все расчеты орудий, а вот и все судно залито белым слепящим светом. Невольно прячемся от слепящих лучей кто за орудие, кто за краны, кто за трубы или перебежапи на правый борт за надстройки.

Рассмотрев нас в течение 2-3-х минут, луч прожектора ушел за нашу корму и стал рассматривать каждый из следовавших за нами транспортов, но уделяя этой процедуре всего по 10-15 секунд. Дойдя до последнего седьмого транспорта, луч прожектора метнулся обратно в голову каравана, остановился на нас и замер. Вдруг на берегу вспыхнул второй прожектор и направился сразу к нам. В голове пронеслось: "Ну, сейчас начнется!" Тягостные две минуты тишины, только хруст льда у форштевня и стук сердца, ощущаемый даже через полушубок. Представляется, как немецким артиллеристам идут команды для стрельбы: "Дистанция ..., прицел..., целик..., снаряд..., батарея...Огонь!" В свете прожекторов вспышек орудийного залпа не было видно.

Свист снарядов и разрывы во льду обогнали звук выстрелов. Хороший недолет, метров 200-250 и впереди по курсу столько же. Так, началось! Сейчас внесут поправку в расчеты и... Второй залп уложил снаряды почти на траверзе, метрах в 100. Это уже лучше (это невольная оценка артиллериста артиллеристам). Немцы сейчас, как на полигоне, - цель медленно, с постоянной скоростью идет по прямой и не может ни изменить курс, ни изменить скорость. Скорость нашу они уже определили, теперь уточнить дистанцию и можно переходить на поражение беглым огнем. Мы для них главная цель: потопят нас или хотя бы повредят и лишат хода - фарватер будет перекрыт, а транспорты в ловушке, т.к. не смогут идти одни вперед и не смогут развернуться.

Новые фонтаны разрывов, метрах в 50 от левого борта. Осколки снарядов и льда бьют по корпусу и надстройкам. Расчеты орудий прячутся за трубами, благо они широченные и высокие. За следующий залп немцам только "тройку" перелет метров 200! А может, ночью гораздо труднее корректировать огонь. Пусть будет нам хуже. Но почему так долго молчат форты Кронштадта? С началом работы прожектора должна быть сыграна боевая тревога, и после первого залпа немцев команды должны идти на орудия. Расположение немецких батарей наверняка уже известно. Корректировщики с Морского собора должны были давно их определить.

Снова вой снарядов почти над головой. Снова перелет, но не более 40-50 метров. Следующий залп будет наш. Почувствовал, что все наши на палубе как-то съежились. Вдруг почти

одновременно несколько вспышек впереди по курсу. Это, похоже, и на фортах и с самого Кронштадта ударило несколько батарей. Дружно все мы высунулись из своих укрытий и смотрим сквозь лучи прожектора в сторону берега, но ничего не видно. Вдруг свет прожекторов исчез, а со стороны берега послышался гул многочисленных разрывов. Чувствую, что время для нового залпа немецкой батареи истекло, а залпа нет. Неужели наши накрыли с первого залпа? Или накрыли прожекторы, и наше исчезновение во тьме озадачило немцев - что делать? Пока они решали эту задачу, новый залп нескольких наших батарей. Затем еще и еще! Мы ликуем. Появилась уверенность, что теперь-то мы дойдем! Дав пять залпов, наши замолчали, очевидно, прислушиваясь и приглядываясь, что будет делать немец? Но немец вел себя хорошо - он молчал. В 23.30 были в Кронштадте.

15 ноября. Суббота.

В 3 часа с караваном двинулись в Ленинград. В Ленинградском порту, как обычно, отходим вправо, останавливаемся и пропускаем мимо себя к Неве транспорты каравана. Никто не отстал. В 7 часов встали к "Ермаку". В 15.30 перешли к "Молотову" и стояли около него до 19 часов. За это время свободные от вахты, благо немцы не тревожат сегодня, помылись в бане и, кто хотел, постирали свое белье. Затем подошли к "Максиму Горькому", обкололи около него лед и стояли рядом до полуночи.

Ребята с "Молотова" сказали, что всему населению в городе уже четвертый раз снизили паек: рабочим хлеб на 100 г, т.е. до 300 г, остальным - до 150 г. Это вдвое меньше, чем нам.

16 ноября. Воскресенье.

В начале первого ночи вышли с караваном в Кронштадт. С вечера метель, и немцы молчали. Примерно в 1.30 вышли в открытый фарватер. Луны не видно, небольшой снежок. Берега не видно. Интересно: видят немцы наш выход в залив? Может ли пробить луч их прожектора пятикилометровую мглу? Смогут ли наши засечь немецкий прожектор и вспышки немецких орудий в такую погоду? Ведь от Кронштадта и фортов до Стрельны километров 18-20.

Пока эти вопросы мы обсуждали, слышим на мостике радостные голоса: "Прошли траверз Петергофа". Ну, кажется, проскочили. В 3.30 пришли на Малый рейд. Покололи лед на рейдах, дошли до Толбухина маяка и обратно на рейд.

В 5 утра вышли с караваном обратно и в 8 часов встали к "Ермаку". Метель укрыла нас и на обра гном пути. До обеда отдыхали, а после обеда интересный приказ: "Одеть выходную форму, шинели и построиться на верхней палубе". Выстроились

на левом борту по боевым частям. Комсостав на правом фланге. Появились командир с замполитом и несколько человек из командования Отрядом. Юрковский зачитал приказ командующего флотом о том, что Военный Совет флота принял решение о возвращении нашему судну старого советского наименования "Волынец" и о включении его в состав КБФ. От души трижды прокричали: "Ура!" На кормовом флагштоке был спущен флаг Балтийского пароходства и поднят военно-морской флаг, на носовом флагштоке - гюйс.

Может быть, это важное в судьбе корабля событие подтянет наших "старичков"-краснофлотцев и старшин из запаса. Все же никак они еще не вживутся в форму и не привыкнут к дисциплине и соблюдению уставных отношений со старшими по званию, за что им нередко достается.

В 13.20 перешли на "исходную позицию" - к Железной стенке. В 17 часов с очередным караваном вышли в Кронштадт. Температура чуть ниже нуля.

Погода тихая, но снег падает крупными хлопьями, и это дает надежду, что проскочим без потерь. Только вышли в открытую часть канала, как немцы все же включили прожектор, но мы больше чувствовали, чем видели его свет. Он пополз по заливу, но, наверное, караван не смог определить, т.к. ни на одном судне не задержался. Но, немцы, наверное, все же чувствовали, что мы идем, поэтому залпов десять дали для очитки совести, но снаряды ложились далеко, то с большим недолетом, то с перелетом. И замолчали. Нашим фортам даже не пришлось открывать огонь. В 22 часа были на Малом рейде.

17 ноября. Понедельник.

В 2 часа вышли в Ленинград. Снег приутих, и, как только дошли до траверза Петергофа, по нам ударили сразу два прожектора. Быстро пересчитав состав каравана, оба луча остановились на нас, и немцы открыли довольно беглый огонь, торопясь до открытия огня фортами всадить нам хотя бы пару снарядов. До чего же неуютно себя чувствуешь в этих мертвенно бледных, холодных лучах прожекторов. Как будто голышом стоишь на площадке, а в тебя, разглядывая, целятся сотни глаз, выбирая место, куда бы ему всадить пулю?

Не успели немцы! Молодцы форты! Не дали немцам сделать даже пятый залп. Сразу же погасли оба прожектора, и заткнулась батарея.

Около 5 часов были подле "Молотова". После завтрака до обеда отдыхали. В 10 часов перешли к Железной стенке.

В 17 часов подошли к воротам в Морской канал, где нас уже ждали транспорт 539, п/х "Краснофлотский", "Пятилетка" и

"Республика". Вот эта четверка ходила почти с каждым караваном.

К 21-му часу пришли в Кронштадт и встали на Малом рейде. Около полуночи пришел и встал недалеко от нас "Ермак". Сначала я не понял, что изменилось в облике "Ермака"? Но вскоре дошло - нет его длинных мачт. Они стали вдвое короче, не выше его труб. Наверное, он будет прокладывать фарватер во льду в залив и выводить корабли на чистую воду.

18 ноября. Вторник.

Не удалось поспать. Примерно в половине первого ночи - воздушная тревога. Над Кронштадтом висит осветительная ракета, где-то выше - гул самолета. Бьют береговые зенитки. Проторчали час у орудий. Холодно - не меньше минус 10, т.к. пощипывает уши.

Часа в 2 с караваном из пяти судов вышли в Ленинград. Через час показался узкий серп луны, вдали чернела полоса южного берега. Только дошли до траверза Петергофа, вспыхнул прожектор. Он быстро нашел нас, пересчитал, как цыплят, следовавшие за нами суда, снова вернулся к нам и загнал всех, кто был на палубе, в укрытие на левый борт. На этот раз немецкие артиллеристы действовали быстрее, и уже через пару минут последовал первый залп. Недолет - справа, метрах в 150-200 от нашего борта четыре фонтана воды со льдом. Снаряды второго залпа легли, метрах в 50-60, с недолетом. Третий залп ожидали с небольшим перелетом, а он громыхнул у самого правого борта, в 10-20 метрах. Ну уж следующий залп или ударит по трубам и надстройкам, или положит снаряды вблизи левого борта. Не успели немцы. Как зарницы, вспышки залпов далеко за кормой и гул многочисленных разрывов на берегу был для нас самой желанной музыкой! Следующего залпа с берега не последовало, прожектор моментально погас - наверное, сами выключили, не дожидаясь, когда его погасят снаряды с фортов. Еще два залпа с фортов, и все стихло. И на этот раз пронесло. Часов в 5 были в Неве и отшвартовались на месте "Ермака".

19 ноября. Среда.

Вечером приказ: отвести в Кронштадт два транспорта, стоящих у Железной стенки. Вышли очень рано: часов в 18. Немец по нам не бил, хотя метели не было. Может быть, у него прожектор не работал, но, может быть, был занят Кронштадтом, так как часов с 19-ти начал бить по Кронштадту, а Кронштадт активно отвечал И, похоже, из 12-14-ти дюймовых орудий. Так или иначе, а в 22.30 мы были в Кронштадте. А в начале двенадцатого ночи "Ермак" привел за нами следом "Республику" и "Краснофлотский". Не успели пойти с нами, что ли? Или кем-то так было задумано?

20 ноября. Четверг.

В 2 часа "Ермак" увел в Ленинград большой караван - судов десять. А мы часа два кололи лед на рейдах, а затем повели подводную лодку в залив. Прошли за Шепелевский маяк, а дальше повел "Октябрь", т.к. западнее лед был слабенький. Ветер юго-западный, температура примерно минус 5-6°. Часов в 7 утра "Марат" и южные форты минут 10-15 яростно били по южному берегу. Что там в такую рань наши корректировщики высмотрели? Вернулись к рассвету в Кронштадт на отдых до вечера на Большом рейде. Но, примерно в 17.30 снялись с якоря, вошли в Купеческую гавань, покололи там лед и встали посередине гавани передохнуть.

Часов в 19 с караваном из 5-6 судов вышли в Ленинград. Темнота, но на небе ни облачка. Снова заработал немецкий прожектор, и в его луче шли минут десять, призывая и про себя и вслух: "Форты! Форты! Прихлопните их!" Немцы, очевидно, тоже нервничали, спешили как можно больше успеть дать по нам залпов и поэтому стреляли на "тройку ". Ближе 50 метров не упал ни один снаряд.

Около 24-х были в Неве. Без потерь.

21 ноября. Пятница.

Объявили, что норма хлеба нам уменьшена еще на 100 г. Общее мнение распределить хлеб так: на обед - 200 г, в утренний и вечерний чай и на ужин - по 100 г. Населению нормы хлеба с 20-го тоже снижены: рабочим - до 250 г, остальным - до 125 г. Снижены до мизера и остальные продукты, но и те не всегда выдают. Наши командиры и старшины из запаса, у которых в городе семьи, очень беспокоятся за них и при первой возможности передают им, что можно сэкономить со своего пайка. Комсостав фактически весь свой доппаек передает домой.

22 и 23 ноября. Суббота-воскресенье.

Ничего нового и необычного. Каждую ночь водили караваны в Кронштадт и обратно. И каждую ночь возвращались в Ленинград в сопровождении прожектора и залпов орудийной батареи с берега. И всякий раз выручали форты: не давали немцам как следует пристреляться. Обе ночи, точнее, рано утром - между 4 и 5 часами "Марат" и южные форты усиленно били по Южному берегу.

24 ноября. Понедельник.

Примерно в час ночи, когда мы стояли в Кронштадте, подняли по тревоге. Над нами свист снарядов, а разрывы в порту и в городе. Минут через 5 открыли огонь южные форты, и вскоре немцы затихли.

Вчера весь день отдыхали в Кронштадте в ожидании каравана

и погрузки к нам на борт бойцов, эвакуированных с Ханко. Под вечер из Купеческой гавани несколько раз подходили к нашему борту буксиры и тральщики и передали нам человек 500 красноармейцев и командиров с их оружием. Разместили их в жилой палубе и по кубрикам. Рассказывали, что при эвакуации с Ханко были большие потери при подрыве кораблей и судов на минах вблизи Ханко. При самой обороне Ханко за 5 месяцев было меньше потерь. Там надежно вгрызлись в землю, укрылись за бетоном.

Примерно в 18.20 вышли. За нами "Октябрь" буксирует "Ленинград", за ними минзаг "Урал" (в мае 1954 г. на "Урале" я месяц проходил морскую практику, будучи слушателем Военно-морской медицинской академии. Никого служивших на этом корабле в ноябре 1941 года не оказалось). Завершал колонну п/х "Пятилетка", имевшая уже большой опыт переходов по этому маршруту. Ночь темная, идет небольшой снег. Может быть, и сегодня пронесет? Выходим на траверз Петергофа. Все тихо. Ветра почти нет, и нет надобности прятаться за надстройки и трубы. Хотя температура не ниже минус 5°, мы пританцовываем около орудий или начинаем "петушиный бой" - скачем на одной ноге, толкая плечом другого "петуха", стараясь сбить его на палубу или, на худой конец, заставить встать на вторую ногу.

Вдруг страшный грохот взрыва справа в носовой части. Нос корабля подбросило, и несколько человек, не устояв на ногах, плюхнулись на палубу. Почти одновременно с взрывом что-то загрохотало по мостику, по надстройкам, по рубке, а затем на корабль обрушились сверху куски льда разной величины и даже многопудовые глыбы. В момент взрыва, чтобы удержаться на ногах, я невольно обхватил ствол орудия и не отпускал его, пока сверху на нас сыпались куски льда. Первой мыслью было: начался обстрел. Но не видно было ни вспышек на берегу, ни звуков выстрелов, ни разрывов других снарядов. Значит, мина, но как она тут оказалась? Значит, мы подорвались. Но спокойно гудят вентиляторы около труб, подавая воздух в машинные и котельные отделения, равномерен гул машин. Мы идем и, кажется, не сбавили скорости. Из кормовых тамбуров, что над трапами в жилую палубу, стали выскакивать наши заспанные "пассажиры".

Только мы пришли в себя и собрались обменяться мнениями о случившемся, новый сильный взрыв в левой носовой части. Так же подбросило носовую часть, такой же грохот по мостику, рубке, надстройкам, а затем град кусков и глыб льда сверху на палубу. Сильный удар по голове сбил меня с ног, и я потерял сознание. Очнулся в лазарете. Перед глазами появилась какая-то белая фигура, которая постепенно превратилась в нашего доктора с

флаконом нашатыря у моего лица.

"Ну, оклемался?" "Кккажется, оккклемался", - ответил я, непривычно заикаясь, и сделал попытку встать с койки. Но голова закружилась и плюхнулась на подушку. "Не дергайся, полежи полчасика, а я Соболем займусь. Он выскочил на палубу без каски, и ему больше досталось". Соболь лежал напротив на койке и тихо постанывал.

Через полчаса доктор, спросив, как я себя чувствую, разрешил идти и лечь в кубрике. Голова еще кружилась и немного гудела, но меня потянуло наверх, посмотреть, что там делается?

Боцманская команда и наши ребята вручную или ногами сбрасывают за борт куски льда, щепки, обломки досок. В районе нашей батареи заметных разрушений не было. А вот когда я потихоньку вышел из-под мостика на полубак и взглянул наверх, картина предстала печальная: ограждения мостиков, стекла в боковых будочках на крыльях верхнего мостика, в рубке, с каютах командира и штурмана выбиты, планширь и леерные стойки на полубаке и баке разрушены, в тамбурах над трапами в носовую часть жилой палубы двери сорваны и разломаны. Около тамбуров стоят дежурные и никого из "пассажиров" на палубу не выпускают. Но мы идем. Только скорость немного упала. Наверное, не больше 5 узлов. И корабли спокойно идут за нами. Ну, и здоров же ты "минокол" "Волынец!". Похоже, что на мостике все живы, никто о погибших и раненых оттуда не говорил. Вот кому-то из "пассажиров", выскочивших на палубу, немного досталось.

Идем уже между дамбами Морского канала. В Ленинградском порту, как обычно, отходим в сторону, останавливаемся и пропускаем вперед корабли. Проходя мимо нас и видя наш развороченный нос и полуразрушенный мостик, они дают короткий гудок соболезнования, а может быть, и благодарности за благополучное для них завершение перехода. С "Октября", буксирующего "Ленинград", запросили, нуждаемся ли мы в помощи и дойдем ли мы до места. Ответили, что дойдем.

Около 23-х часов отшвартовались на своем месте у набережной Лейтенанта Шмидта. Наши "пассажиры" покинули корабль, построились на набережной, и несколько раз пересчитались, пока не получилось необходимое число бойцов. Очень хотелось посмотреть со стенки, что с нашим носом, но с корабля никого на набережную не пускали.

Ремонт в блокадную зиму

25 ноября. Вторник.

После завтрака занялись наведением порядка в кубриках и во всех помещениях жилой палубы, а также на верхней палубе.

Сбросили за борт то, что не успели на переходе после подрыва. Что можно исправить хоть как-то, стали исправлять: выправлять леерные стойки, поручни трапов и фальшборт на мостиках, ремонтировать сорванные и побитые двери тамбуров и прочее. Оказались разбитыми оба компаса. Как это им досталось? К обеду подъехало начальство из штаба Отряда и из Базы. Осмотрели пробоины снаружи, для чего даже спускались на лед и смотрели со стороны Невы, с расстояния, метров 50 ближе лед был поколот. Затем все спустились в носовые отсеки, в носовую машину.

После осмотра все начальство собралось в кают-компании для обсуждения увиденного.

К концу дня из обрывков разговоров наших командиров, из рассказов вестовых и тех, кто оказывался невольным свидетелем разговоров наших командиров и штабного начальства, вырисовалась такая картина: пробоина на правой скуле между 147 и 153 шпангоутами, на левой скуле - между 133 и 149 шпангоутами. По форме правая пробоина - вытянутый снизу вверх овал неправильной формы начинается примерно на метр ниже ватерлинии и метра два с половиной выше ватерлинии. Максимальная ширина ее - примерно метра два с половиной. Левая пробоина вытянута горизонтально - ширина ее метров пять, а высота метра четыре с половиной. Большая часть - выше ватерлинии.

Через пробоины вода хлынула в форпик и машинную кладовую, в которые стал набиваться колотый лед. Аварийная команда и машинисты укрепили брусьями переднюю переборку носовой машины и заднюю переборку кладовки. Возникший вначале незначительный дифферент на нос был быстро ликвидирован перекачкой воды в кормовые дифференцирующие цистерны, что позволило приподнять носовую часть корабля и тем самым уменьшить давление воды и льда на разрушенные носовые помещения. Поскольку форштевень корабля и вся носовая часть не пострадали, корабль мог продолжать выполнять свои функции ледокола и довел караван до места.

Сегодня получил от мамы поздравительную открытку с праздником 7 ноября. Отправлена была 4 ноября. В довоенное время за три дня, наверное, бы дошла. А сейчас за три недели. А вот письмо от мамы от 11 ноября шло всего две недели. Написал ответ маме и письмо Андрею Айдарову в интернат.

26 ноября. Среда.

После завтрака продолжали приводить корабль в божеский вид, насколько это было возможно сделать своими силами. Чтобы очистить разрушенные помещения от набившегося льда, создали еще больший дифферент на корму так, что нижние края пробоин

поднялись выше уровня воды. Выбросили из помещений лед, откачали воду, а после обеда пошли в ковш завода им. Марта. В ковше стоял "Максим Горький" и плавучий док, размером поменьше того, что мы привели в августе из Таллина. И док, и "Максима Горького" поочередно отбуксировали к 12-ой линии Васильевского острова, что немного ниже того места, где обычно мы швартовались.

27 ноября. Четверг.

Весь день простояли на своем месте. На корабль приходили снова работники штаба Отряда, из штаба Ленвоенморбазы, представители каких-то судоремонтных заводов. Снова осматривали повреждения и решали, что с нами делать. А мы пока нормально отсыпались.

28 ноября. Пятница.

В первой половине дня пошли снова в ковш завода Марти. Ковш узкий и длинный, метров 500, является фактически правым рукавом Фонтанки и делит завод Марти на две части: северную и южную, которая занимает Галерный остров. Встали мы к правой (от входа) стенке ковша около каких-то цехов завода. Когда на мостике остался один сигнальщик Антоненко, я поднялся на мостик и принялся в бинокль осматривать "окрестности". Слева сзади, по корме, виднелись пустые стапели, справа по борту из-за цехов ничего не было видно. Прямо по носу в конце ковша (или в начале, не знаю, где считается конец, а где начало) небольшой мост через рукав Фонтанки, который соединяет Лоцманскую улицу с восточной стороной Галерного острова. А за ним и за невысокими заводскими служебными постройками виднелись верхушки четырех башен Старого Калинкиного моста. Немного правее Калинкиного моста виднелись верхние два этажа краснокирпичного большого здания. Как оказалось - это 1-ый военно-морской госпиталь.

Не думал и не гадал я, что, во-первых, попаду в этот госпиталь всего через три месяца и проваляюсь там больше месяца. Во-вторых, через 5 лет в 1948 году месяц буду в нем на лечебной практике, оканчивая Военно-морское медицинское училище в г. Одессе. В-третьих, еще через 7 лет буду снова на госпитальной практике после 5-го курса Военно-морской медицинской академии.

Слева по носу и по борту - снова цеха завода, а слева по корме на стенке ковша стояли штук шесть торпедных катеров. Наверное, просто нашли место для зимовки.

После обеда общее построение на верхней палубе во главе с командирами боевых частей. Перед строем появились командир кап. л-т Мокасей-Шибинский, и.о. военкома Шкляр, старпом

Жирнов, комендант кап. л-т Линии. Командир объявил, что командование Флотом приказало, учитывая крайнюю нужду флота и города в ледоколах, завершить ремонт нашего корабля к 20 декабря, т.е. меньше, чем за месяц. Для выполнения ремонта в назначенный срок в помощь рабочим завода выделяются 45 человек из числа личного состава нашего корабля, а также будут прикомандированы 40 человек с других кораблей. Работать будем круглосуточно в три смены.

Второе объявление совсем нерадостное: поскольку наш корабль встал на заводской ремонт, то он выведен из числа действующих кораблей. Поэтому мы будем получать меньший, тыловой паек.

Вечером написал письмо домой и послал с ним справку о службе и одну свою маленькую фотокарточку 3х4 см. Лицо худющее, какое-то вытянутое. На бравого краснофлотца никак не похож.

29 ноября. Суббота.

После завтрака старпом объявил списки смен на работу по ремонту корабля на следующую неделю, начиная с сегодняшнего дня. На следующую неделю смены меняются: первая станет второй, вторая - третьей, третья - первой. И так каждую последующую неделю. Считаем, что это разумно. В каждой смене распределили объекты работы: по 5 человек на пробоину, 3 человека на ремонт разрушенных переборок, двое ремонт разрушений на палубе. Руководить и обучать работе будут мастера и рабочие с завода Марти, потому что такими работами почти никто из нас не занимался.

Я попал на работу в правой пробоине. Наша первоочередная задача срубить, срезать и придать определенную форму пробоине, чтобы закрыть ее потом новыми листами обшивки. Наш мастер начертил мелом: какие куски разрушенной обшивки и шпангоутов необходимо удалить, где работать пневмозубилами, где автогеном или электросваркой.

Двое рабочих, также направленных на нашу пробоину, стали показывать и обучать, как работать с пневмозубилом и автогеном.

На месте пробоин толщина обшивки не меньше дюйма. В самой носовой части, наверное, еще больше. Это же ледокол, а не транспорт, которому хватит и десятимиллиметровой обшивки. Сколько же килограммов взрывчатки должны были притащить немцы на лед для нас? Обсуждения, на чем же все-таки мы подорвались, возникали каждый день. Большинство считало, что это морские мины. Но очень сомнительно, чтобы немцы специально привезли зимой из Таллина (ближе просто неоткуда) морские мины, которые вместе с тележкой-якорем весят больше

тонны. А для установки этих мин нужны опытные специалисты-минеры. Для больших судов мины устанавливают так, чтобы она была на глубине 3-5 метров от поверхности воды. А в нашем случае бесспорно, что взрыв произошел на поверхности льда у борта корабля на уровне его ватерлинии. Поэтому пробоина ниже ватерлинии была много меньше, чем над ватерлинией. А получить такой силы взрывы можно было, по-моему, или установкой на льду двух глубинных бомб, или двух связок противотанковых мин, уложенных по краям фарватера и связанных веревкой, натянутой поперек фарватера.

Корабль форштевнем натягивает веревку и связки мин, или две глубинные бомбы подтягиваются к обоим бортам. К какому борту связка взрывчатки на веревке окажется ближе, у того борта она первой и взорвется. Или другой возможный вариант: связку взрывчатки укладывают на одном краю фарватера, а веревку от взрывчатки натягивают поперек фарватера и крепят на его другой стороне к вбитому в лед стальному штырю. Вторую связку взрывчатки укладывают метров через 50-100 на другой стороне фарватера и крепят от нее веревку также к штырю на противоположной стороне фарватера.

При таком расположении взрывчатки взрывы должны последовать через больший промежуток времени, зависящий от расстояния между связками взрывчатки. Мне тогда показалось, что второй взрыв произошел через 1-2 минуты. Если скорость корабля была 5 узлов, то за это время он мог пройти 150-300 м. Может быть, когда-нибудь от самих немцев удастся узнать, что они нам подложили.

Мои попытки научиться работать пневмозубилом ни к чему не привели. Тяжеленный отбивной молоток бешено дергался у меня в руках, зубило скользило по металлу обшивки, отбивая страшную дробь, и никак не хотело вгрызаться в металл. Пожилой рабочий, посмотрев на мою борьбу с этим непослушным орудием, сочувственно сказал: "Нет, сынок, эта работа еще не для тебя. Силенок еще мало. Вот годика через два-три." И тихо добавил: "Если жив останешься." Я не обиделся, а на последнее замечание вообще не обратил внимание. Важно, что никто в бригаде не упрекал и не подсмеивался надо мной, т.к. и им, каждый из которых был старше меня на 4-8 лет и значительно сильнее физически, работа с этим простым на вид орудием труда давалась не легко. К автогену меня даже не допустили. Так что же мне делать? Тот же рабочий успокоил, что работа и мне найдется. Резиновые шланги к этим пневмозубилам имеют привычку путаться, за что-то цепляться и отвлекать рабочих от их основной работы. Может прекратиться подача воздуха от компрессора.

Надо будет бежать в цех и выяснять, в чем дело и надолго ли остановка? Чтобы рабочие могли, при необходимости, заняться другой работой. Ну и т.д.

Наша смена вторая - с 16 до 24-х. Грохоту от нас было много, а результаты в первый день весьма скромные. И то, что сделали, это была работа двух рабочих во время показа и обучения нашего брата.

30 ноября. Воскресенье.

До обеда нашей рабочей смене разрешили помыться и постираться. С 1 декабря помывка и стирка будут проводиться только два раза в месяц. Нужно экономить уголь. Когда мытье и стирка были в самом разгаре, услышали разрывы снарядов. Кто-то выскочил наверх, чтобы узнать, где ложатся снаряды. Сообщил, что где-то в устье ковша и Невы. Ну, это от нас далеко, не менее полукилометра. К обеду спокойно докончили стирку-мойку, а после обеда даже поспали часик.

На рабочем месте в первую очередь посмотрели, что сделали 1-ая и 3-я смены. С удовлетворением отметили, что не больше нашего. Для меня, в дополнение к уже известным мне обязанностям, нашли еще одну работу - по моим силам и нужную - тяжелым молотком заглаживать, сбивать на краях обшивки образовавшиеся после резки автогеном или зубилами различные заусеницы, острые зазубрины, чтобы они не мешали в дальнейшей да и в текущей работе, т.к. о них можно порвать ватники да и руки. Фактически эту работу я должен делать после той работы, которую выполнили и 1-ая, и 3-я смены.

Рабочие завода тоже работают в три смены. Сегодня с нами те же двое рабочих. По их внешнему виду видно, что они здорово недоедают.

Когда мы пошли на ужин, то пригласили и их пойти с нами. Договорились с коком, чтобы на пятерых рабочих оставил ужин. От сотни человек пятерых всегда можно накормить без заметного ущерба для команды. Пока мы плавали, кормешка хоть и не та, что была до сентября и даже октября, но не голодали.

Морозы пока были не очень крепкие - 10-15°, но на вахте у трапа все же чувствительно. Во время работы, когда машешь тяжелым молотком, сам холода не чувствуешь, но вот руки в брезентовых рукавицах мерзнут. Хорошо, что есть шерстяные перчатки, и тогда в рукавицах достаточно тепло. Сегодня днем внезапно резко потеплело: днем до нуля градусов. Все обрадовались этому теплу.

1 декабря. Понедельник.

Ночью немного подморозило, но все равно работать веселее. Днем перед обедом очередной артналет на наш район. Снаряда

3-4 попали куда-то в цеха южной части завода, и в первой смене часа два не было подачи сжатого воздуха. Сегодня пришли нам на помощь в ремонте корабля больше 30 человек. В первой смене вместе с нашими работало человек 12 с ледокола "Молотов", а в нашей смене будут работать человек 15 с "Ермака". Для работы в ночной смене должны прибыть человек 10 с "Октябрины". В нашу смену перебоев в электроэнергии и подаче сжатого воздуха не было.

2 декабря. Вторник.

Утром стоял вахту у трапа. Холодно. В нашей рабочей смене только один рабочий с завода. Второй, наверное, заболел. Но и этот сам работать, очевидно, не может. Кое-что подскажет, покажет и уходит греться поближе к камбузу. С "Ермака" вчера с нами работали только 8 человек. "Ермак" теперь вовсю работает и за нас: почти каждый день водит караваны, выводит корабли за ледовую кромку. Ребята рассказали, что после нашего подрыва, когда "Ермак" вел караван в Кронштадт, он получил аж 4 прямых попадания в левый борт. Хотя "Ермак" - мишень покрупнее, чем наш корабль, но все же за один переход получить 4 снаряда - это не мало. Может быть, форты затянули с подавлением батареи?

3 декабря. Среда.

Сегодня получил открытку от мамы, отправленную аж 1 октября! Где она гуляла?

После завтрака проворачивание механизмов, затем тренировка у орудий. Поначалу занятия проводил командир БЧ-2 лейтенант Кузнецов, а потом или старшина батареи Фомичев, или командир орудия Попов. С таблицей стрельбы по самолетам в руках они громко сыпят команды: "По самолетам! Правый борт, сорок пять! Дистанция - три пятьсот. Скорость - пятьсот пятьдесят! Прицел...! Целик...! Трассирующим! Батареяааа! Огонь!" Каждую команду дублируют командиры орудий своим расчетам, а те повторяют то, что их касается: наводчик: "Есть по самолетам. Есть правый борт сорок пять. Есть скорость пятьсот пятьдесят". Установщик прицела и целика: "Есть прицел.... Есть целик...". Заряжающий: "Есть трассирующим".

"Постреляв" по горизонтально летящему самолету, переходим к "стрельбе" по пикировщику.

Поначалу занимались с удовольствием. По через неделю эти занятия надоели. Днем немцы что-то не летают, бомбят только ночью, а ночью с нашими орудиями делать нечего.

На работе узнали, что отсутствовавший вчера рабочий умер от голода. Говорят, что в городе в ноябре умерло уже много от голода. Больше всего стариков и пожилых мужчин.

4 декабря. Четверг.

Днем ничего нового. Кроме предобеденного артналета, короткий налет по району завода был в нашу смену около 18-ти часов. Поскольку все равно скоро надо было идти на ужин, мы пошли в кубрик чуть пораньше. Вечером от вестовых узнали, что куда-то пропал наш военком, точнее и.о. военкома, главстаршина Шкляр. Ушел утром 3-го в политотдел и не вернулся ни вчера, и ни сегодня. Звонили в политотдел, но его там не было.

5 декабря. Пятница.

Сегодня во время надоевшей "стрельбы" по пикировщику, когда команды подавал Попов, я не выполнил несколько его команд - не стал наводить орудие по направлению, указанному Поповым и продублированному Пановым. Заметив это, Попов кричит: "Трифонов! Почему не выполняете команду? На нас летит пикировщик! Сейчас открываем огонь!" Отвечаю, что не вижу пикировщика, т.к. мешает мостик и труба. - "Все равно наводите!"

"И буду стрелять по мостику"? - спрашиваю. "А это не ваше дело!" Пошли команды по другим курсам, и я включился в эту игру, решив, что инцидент исчерпан. Правда, Попов пытался упрекнуть в недосмотре за мной Панова, но тот, хотя и друг ему, встал на мою защиту - зачем наводить туда, куда нельзя стрелять. Ведь так можно случайно и по мостику влепить.

6 декабря. Суббота.

Сегодня в нашу смену пришло еще пополнение: четверо с "Ермака". Конечно, нас интересует, как им работается вместо нас. Сообщили печальную весть: 1 декабря, находясь на Малом рейде Кронштадта, они были свидетелями, как на ледокольчик "Октябрь", который вел какие-то суда в районе Красногорского рейда, несколько раз пикировал Ю-88 и был виден ряд взрывов и пожар на "Октябре". И они считают, что он затонул. Жаль этого небольшого работягу. Сколько раз с июля мы с ним вместе были в разных переходах и переплетах. А в ночь на 2-ое, когда "Ермак" повел караван в Ленинград, немцы, пользуясь хорошей погодой и видимостью, взяли "Ермак" двумя прожекторами и в течение 5-ти минут сумели влепить в него 7 снарядов теперь уже в правый борт и в надстройки. Было несколько убитых и раненых. Вспомнили, что осенью немцы не трогали ледоколы, даже 21-23 сентября, во время самых страшных налетов на Кронштадт, на ледоколы, не было сброшено ни одной бомбы. Рассказываем и мы о том, как нам приходилось, но нам все же везло.

Часов в 17 артналет по нашему району, но мы никуда не уходили и продолжали работать.

7 декабря. Воскресенье.

С утра тягостная картина: в коридоре у стены, недалеко от камбуза, сидят на корточках человек 5-6 рабочих. Вторая смена

(теперь уже наша) начинает работать после завтрака с 8-ми часов, а рабочие с семи часов уже сидят. В надежде, что что-нибудь перепадет им от нашего завтрака. Ведь основная, ощутимая их пища - 250 граммов хлеба. Да и в хлебе сейчас, говорят, и целлюлоза, и хлопковый жмых и какие-то еще добавки. Какой-то он плотный, сырой и непонятного вкуса. Крупы еще выдают, но не всегда, а жиров почти месяц никаких не было. Мы только две недели сидим на 300 г хлеба, но масло дают почти каждый день граммов по 40, есть и первое, и второе. Правда, порции уж больно маловаты, и через час после еды уже хочется есть, но во время работы приходится больше думать все же о деле.

Эту неделю вечер после ужина свободный, и можно не только спокойно вести записи в дневнике, но и что-то почитать. И вот сел я вечером после вечернего чая за стол с дневником. Конечно, все в кубрике знали и видели, что я пишу дневник, и, может быть, некоторые из них его читали, ведь он же в рундуке лежит. Кто уже спать собрался, кто просто на койке лежит, кто читает. За столом никого. Я пишу в тетрадь о сегодняшнем воскресенье. Заходит в кубрик Попов и садится за стол напротив меня. Смотрит, как я пишу. И вдруг говорит мне: "Выдерни этот лист!" - и показывает на страницу со вчерашней моей записью. "А это зачем?" - спрашиваю. "Выдерни, тебе говорят!" "Не выдерну". Попов хватает мою тетрадку и выскакивает из кубрика. А дело в том, что на предыдущей странице я написал о моих пререканиях с Поповым во время занятий "стрельбы" по пикировщику, наводить на который орудие мешали мостик и труба корабля. И, конечно, дал соответствующую характеристику действиям Попова. А он, по-видимому, все время читал мой дневник и, прочитав о себе весьма нелестные мои высказывания, решил изъять их моими же руками.

Минут через двадцать Попов с торжествующей физиономией вернулся в кубрик и сразу же выдвинул мой рундук. "Чего тебе там надо?" - возмутился я. "Старпом приказал принести к нему все твои дневники. Теперь тебе влепят!" радостно пообещал он мне. "Ну и гавнюк же, Панов, твой приятель", высказался Суворов с койки, обращаясь к Панову. Другие одобряюще загудели. "Какой же он склизский и лебезящий перед начальством", - высказался Манышин, наводчик с его орудия. Обсудив еще немного персону Попова, стали укладываться спать. А я не стал раздеваться и в ожидании вызова к старпому лежал одетый, пока уже около двенадцати не вернулся Попов и, видя, что я не сплю, сообщил, что со мною будут разбираться завтра.

8 декабря. Понедельник.

После завтрака Попов, побывав у старпома и командира

батареи, передал приказание последнего: посадить меня под арест - поместить в отдельную каюту, выставить около двери часового до решения СМЕРШа (или Особого Отдела), в который будут переданы мои дневники.

Каюта, в которую меня поместили, оказалась соседней с нашим кубриком, в сторону носовой части, что оказалось очень удачным - при необходимости я мог постучать в переборку в кубрик и попросить передать мне нужную мне книгу или еще чего-нибудь.

Взяв с собой несколько книг художественной литературы, учебников, тетрадку для писем и карандаш, я перебрался на мое новое место жительства.

Ни раскаяния, ни тревоги о случившемся я не испытывал, т.к. не чувствовал за собой никакой вины. И слово "СМЕРШ" меня не пугало, ведь я уже побывал в Большом сером доме на Литейном, и ничего страшного там со мной не случилось. И теперь я чувствовал себя не только невиновным в чем-то, но напротив, безвинно арестованным по кляузному доносу Попова.

Но все же в первый день под арестом я что-то не мог ни на чем сосредоточиться. От учебников что-то нос воротило, художественная литература не читалась. Провалялся большую часть дня на койке, много спал, благо никто не мешал и никому до меня не было дела. Мою порцию обеда и ужина передавали ребята из кубрика, т.к. моя порция шла в бачок нашего кубрика.

От наших узнал, что наш военком Шкляр нашелся, точнее, нашли то, что от него осталось. Оказывается, 3-го числа по дороге в политотдел, на улице Римского-Корсакова, которая тянется фактически от проходной завода Марти и далее по правому берегу канала Грибоедова, его в клочья разнесла взорвавшаяся неожиданно бомба замедленного действия. Такие бомбы, с часовым механизмом и взрывателями замедленного действия, немцы начали сбрасывать с начала ноября. Некоторые из них специальные команды успевали обезвредить, вынув часовой механизм и взрывное устройство, а некоторые не успевали или не находили своевременно. По собранным останкам определить, кто погиб, не удалось, но помог его пистолет - по его номеру удалось узнать хозяина пистолета и сообщить на корабль только на пятые сутки.

11 декабря. Четверг.

За прошедшие еще два дня моего ареста ничего знаменательного не произошло. Во всяком случае, в памяти моей не сохранилось, а писать дневник в этих условиях я, конечно, не мог. Начальство еще не разобралось с отобранными дневниками. Зато написал письмо домой, конечно, не сообщив, что со мной случилось.

Позавчера к нам прибыл новый военком - старший политрук Громов, тоже из запаса. Позавчера же днем я увидел в иллюминатор, что около нашего правого борта какой-то буксир колет лед. А вскоре какой-то другой буксир подвел к нашему правому борту эсминец, который встал на расстоянии 3-4 метра от нашего борта, перекинув к нам носовые и кормовые швартовы и свою сходню перед нашим спардеком. Это, оказывается, был "Стойкий". Долго ли он будет нашим соседом - неизвестно. А

сегодня мне сообщили, что меня поведут к следователю. Сопровождать будет тот, кто меня сегодня охраняет. А вот кто это был, не вспомнил.

После обеда надели шинели и пошли, как приказано: я впереди в шинели без ремня (признак арестанта), а конвоир сзади в трех шагах с винтовкой наперевес. И так всю дорогу. Сначала мне было жутко стыдно: что думают обо мне встречные? Ведь меня ведут под винтовкой, как арестанта, совершившего какой-то тяжкий проступок. Но вскоре я увидел, что редким встречным не до меня. С трудом передвигаясь, с какими-то сумками или ведерками, они медленно шли - кто за водой к проруби в канале, кто в магазин за пайком.

Наверное, с конца октября я не был в городе. Хотя тогда он уже был второй месяц в блокаде, однако это был живой город: озабоченные, но живые люди, живые улицы, т.к. по ним ходили трамваи, автобусы и троллейбусы, дымились трубы заводов и котельных. А сейчас город был не живой. Полуживой. Засыпанные снегом улицы практически не убираются. На проезжей части - колеи от колес редких автомашин, на тротуарах - тропинки, вытоптанные редкими пешеходами. Тоненькие, как ручейки в переулках, они расширяются, впадая в улицы, и становятся еще шире на больших проспектах.

Больших разрушений не попадалось на нашем пути. Изредка разрушенные бомбами от крыши до тротуара части больших домов, пробоины в стенах домов от снарядов, во многих домах окна забиты фанерой, а на сохранившихся стеклах сереют бумажные кресты по диагонали окон.

Куда меня ведут, я не знал. Моему конвоиру, видимо, приказано было не говорить, и он всю дорогу молчал. По давно нечищеной от снега улице Римского-Корсакова (на одном углу этой улицы я видел другое название: "Екатерингофский проспект". Наверное, недавно сменили это немецкое название) вышли к Крюкову каналу и, повернув налево, прошли Театральную площадь и через Поцелуев мост, мимо флотского полуэкипажа, на площадь Труда. Тут-то все места мне были знакомы. На Театральной площади и около полуэкипажа обогнали три "упряжки" - по две женщины, которые медленно везли небольшие санки, на которых было по одному привязанному к санкам покойнику. Судя по величине - взрослому. Лица были чем-то завязаны, и по ним не определить. А один труп везли на листе фанеры: двое тащили за веревку, а одна палкой упиралась сзади в фанеру, толкая ее.

От площади Труда свернул направо на улицу Якубовича. На ней тоже печальная картина: вдоль всей левой стороны улицы,

занесенные снегом, с торчащими дугами стояли десятки мертвых троллейбусов. В некоторых стекла в салонах и лобовые выбиты, наверное, от близких разрывов снарядов или бомб. Два троллейбуса разворочены прямым попаданием снарядов.

Через сад Трудящихся вышли к Адмиралтейству и пошли вдоль него в сторону Дворцовой площади. Адмиралтейская игла и купол Исаакиевского собора не блестят своей позолотой - укрыты серым брезентом. Не доходя конца здания, зашли, по-моему, в последний на нашем пути подъезд. Конвоир сказал часовому у входа, к кому нам нужно, и мы поднялись на второй этаж.

Нужного нам следователя на месте не оказалось, и нас просили подождать в коридоре. Ждали больше часа. Замерзли. Особенно ноги в ботинках. Хотя на улице примерно минус 10, но в помещении тоже минусовая температура. Здание не отапливают и нет света. В коридоре полумрак. Свет проникает через стекла над некоторыми дверями в кабинеты. Хозяева этих кабинетов ходят в полушубках и шапках-ушанках. В каких они званиях - понять нельзя. Наконец нам сказали, что нашего следователя сегодня не будет, и велели приходить завтра к 14.00. Сюда мы шли около часа, значит завтра надо выходить с корабля в 13 часов. На корабле встречные ребята задавали один и тот же вопрос: "Ну, что?"

Что я мог ответить? Только, что прогулялись вхолостую. С удивлением для себя отметил, что вроде бы немного устал после этой прогулки. Хотя от нас до Адмиралтейства не более 4-х мм. После ужина завалился спать.

12 декабря. Пятница.

До обеда написал еще письмо домой и решил его опустить где-нибудь в почтовый ящик по дороге. Позанимался по какому-то учебнику, почитал. Даже стыдно перед товарищами: они вкалывают на работе на холоде, а я бездельничаю в теплой кают.

После обеда с тем же конвоиром, в том же порядке пошли знакомым маршрутом. Недалеко от Крюкова канала - свист и разрыв где-то впереди за домами. За ним второй, третий и пошло. Такое впечатление, что батарея бьёт не залпом, а поорудийно, по очереди, с интервалом секунд десять. Зашли под арку какого-то дома. Постояли минутку, но мне это укрытие не понравилось: мы шли по левой стороне улицы, а снаряды летят с южной части через правую сторону улицы и вполне могут залететь под эту арку. Тогда нам крышка.

Предложил перебежать на другую сторону улицы - там впереди тоже была арка под домом. Перебежали. Стоим, ждем. Снаряды рвутся недалеко, то ли где-то во дворах домов, то ли дырявят где-то их стены, но на самой улице не разорвался еще ни

один. Стоим уже минут десять. Наших орудий что-то не слышно. По распорядку эта батарея должна закончить свой налет и смываться на запасную позицию, пока не накрыли наши батареи или корабли. Вдруг сильный взрыв и звон выбитых стекол метрах в пятидесяти, чуть сзади от нас, на противоположной стороне улицы. Вгляделись: перед той аркой, где мы укрылись в первый раз, темнеет небольшая воронка и расплывается дымок от взрыва. Аж мороз по коже прошел, как подумал, что бы от нас осталось, не перейди мы на новое место. Еще несколько невидимых нами разрывов, и все стихло. Впереди из-за крыш домов в 4-5-ти местах показался дым. Наверное, в разрушенных квартирах начались пожары. Вдруг загремели зенитные орудия. Десятка полтора "юнкерсов" пикируют поочередно на район Балтийского завода.

Двинулись дальше. К Адмиралтейству подошли точно к 14-ти часам. На этот раз следователь был на месте и сразу же пригласил нас в кабинет. Пытаюсь вспомнить сейчас обстановку этого кабинета, и ничего в памяти не всплывает. Наверное, в нем не было ничего, что бросилось бы в глаза. Через верхнюю незамерзшую часть окна просматривались верхушки деревьев то ли сада Трудящихся, то ли в сквере рядом с Зимним Дворцом. Мне было предложено сесть на стул около стола напротив следователя, а моему конвоиру пришлось стоять около двери в кабинете. Следователю на вид не более 30 лет, худощавое приятное лицо без какой-либо растительности, русые волосы короткой военной стрижки, но в каком он звании - узнать не удалось, под белым полушубком не видно. Ноги в валенках, иначе тут не усидишь. На столе только одна стопка мои тетради и блокноты, перевязанные бечевкой.

"Ну, что же, - начал он, - я ознакомился с вашими дневниками. Вести дневники очень интересное и полезное дело. Многие великие люди вели дневники: и Толстой, и Чехов, и Гоголь и многие другие. Но сейчас война. И случается так, что дневники попадают в руки врага. Дневники немецких офицеров и солдат попадают к нам, а наших бойцов к немцам. И, конечно, и мы, и немцы ищем в дневниках то, что может быть полезным в борьбе с противником. На ваше счастье, в ваших дневниках я не нашел сведений, составляющих военную тайну. Мой вам совет: сейчас, во время войны ведя дневник, помните главное: если ваш дневник попадет в руки врага, чтобы он не нашел в нем ничего для себя полезного и не использовал против нашего народа. Пишите, как вы проводите время, как гуляете с девушками (у меня сразу мелькнул вопрос: ну где сейчас гулять с девушками?), что пишут вам товарищи и родные из дома. Забирайте ваши дневники и можете быть свободны", - и он протянул мне

небольшую связку с моими дневниками. "А плохо отзываться или ругать в дневнике своего командира, тем более зная, что он читает их, я бы не стал. А то видите, что получилось", - добавил он.

Я спокойно встал. "Благодарю вас.... ", но он не подсказал своего звания. "Разрешите быть свободным?" "Да, до свидания". Я надел шапку, козырнул, повернулся налево и вышел из кабинета. Конвоир за мной. На улице засунул связку за пазуху шинели, глубоко вздохнул, и мы пошагали домой. Теперь уже шли на равных - рядышком, и винтовка у конвоира была на ремне за спиной.

На корабле подошли к каюте старпома, и конвоир доложил о нашем прибытии. Старпом вышел из каюты и с ехидцей спрашивает у меня: "Ну, будешь еще писать дневники?" "Так точно буду! Следователь сказал, что я могу продолжать писать в том же духе". "Что сказал следователь?" - обратился старпом к конвоиру. "Сказал, что он может писать, и отдал ему его дневники", - ответил конвоир. Короткая немая пауза. "Ладно, идите в кубрик", - бросил он мне, уходя в свою каюту.

Захожу в кубрик. Ребята только после рабочей смены отдыхают до ужина на койках, кроме Попова и Панова, которые за столом играют в шашки. Командиры орудий на ремонте не работают и в волю бездельничают, когда остальные на работе. Все глаза с любопытством обращены ко мне. Я молча расстегиваю шинель, достаю связку своих дневников и кладу ее на стол. Снимаю шинель и шапку, вешаю их в шкаф, не спеша развязываю связку дневников и убираю их в рундук. Все молча следят за моими движениями. Первым не выдержал Жентычко: "Ну, что там было? Что сказал следователь?" "Сказал, что прочитал все мои дневники и что я могу продолжать их писать в том же духе. Об этом я уже доложил старпому". "А он что?" "А ничего, сказал, чтобы я шел в кубрик". Под одобрительный галдеж Попов выскочил из кубрика. "Побежал к старпому", констатировал Манышин. "Пусть побегает, я не вру. Свидетелем разговора следователя со мной был мой конвоир, который тоже находился в кабинете", подкрепил я свое заявление.

Около 17 часов начался сильный обстрел района завода. Несколько снарядов, по звуку их разрывов, легли метрах в 30-50 от нас. Обстрел длился почти полчаса.

Вскоре после ужина, только расположились отдохнуть, снова обстрел, который затянулся более, чем на час - до 21 часа. Давно такого яростного обстрела не было. Такое впечатление, что немцы били только по нам и "Стойкому". Вернее - по "Стойкому" и по нам, потому, что в "Стойкий" все же один снаряд в кормовую

часть с правого борта попал и разорвался под верхней палубой. Загорелись пороховые заряды в кранцах, но пожар был быстро потушен. Убит один старшина, и трое краснофлотцев ранены. К счастью "Стойкого", да и к нашему счастью, снаряд не попал в глубинные бомбы, что стоят на корме эсминца. И зачем они нужны на корабле, который стоит зимой у завода?

Ребята со "Стойкого" рассказывали, что в конце ноября - начале декабря они участвовали в эвакуации гарнизона с Ханко в очень тяжелых условиях. Погибли несколько кораблей с экипажами и эвакуированными. Конечно, не сравнить с Таллинским переходом, но все равно потери были большие.

13 декабря. Суббота.

Ребята рассказали новость о "Ермаке". 8-го, ведя из Кронштадта на буксире "Стойкий", на траверзе Петергофа у них справа у носа рванула какая-то мина. Завалило носовую часть льдом, повыбивало ограждение и стекла на мостике, одного из команды убило, больше двадцати ранило. Считают, что это была донная магнитная мина. Но корпус корабля не пострадал, и он по-прежнему работает.

Позже ребята с "Ермака" рассказали, что в декабре их выходы из Ленинграда в Кронштадт и обратно стали более разумными: из Кронштадта выход позже 3-х часов ночи был запрещен. Расстояние между кораблями в караване должно быть не более четверти кабельтова, чтобы с каждого корабля могли видеть и впереди и сзади идущих, и была бы возможна голосовая связь между ними. В случае аварии или повреждения корабль должен стараться встать на бровку фарватера (но как это он может сделать во льду?).

И еще, что я считаю важным, это - одинаковая ответственность за караван и командира ледокола, и командира каравана. А то у нас, после "потери" "Отто Шмидта", отыгрались только на нашем коменданте Линиче.

За день было два обстрела города минут по 20-30 каждый - в 11.30 и в 9 вечера.

14 декабря. Воскресенье.

Немцы вспомнили о нас - больше часа днем бил по району нашего и Балтийского заводов.

15 декабря. Понедельник.

Сразу после ужина почти полчаса немец был по нашим морзаводам. Утром мороз не менее 20°.

16 декабря. Вторник.

Примерно с 17 до 17.30 обстрел нашего и Балтийского заводов.

17 декабря. Среда.

Днем два буксира старательно ломали лед в ковше за "Стойким".

18 декабря. Четверг.

Утром эти же буксиры привели в ковш к противоположной стенке большую подводную лодку.

19 декабря. Пятница.

Сразу после обеда сильный артобстрел нашего завода. Несколько снарядов разорвалось в ковше метрах в 30-40 за кормой.

20 декабря. Суббога.

Примерно с 19 до 20 обстрел района Балтийского завода. Нам - перекур.

21 декабря. Воскресенье.

С 13 до 14 обстрел района нашего завода, но снаряды летят через нас севернее. Значит, там тоже стоят корабли. Кончился обстрел - воздушная тревога в городе, но стрельбы не слышно. Потеплело аж до 0°!

22 декабря. Понедельник.

С 16 часов минут 20 сильный обстрел района нашего завода. В корабли не попало.

24 декабря. Среда.

В 10 часов в городе короткая воздушная тревога. Ни стрельбы, ни самолетов.

26 декабря. Пятница.

Мороз снова до 20°. Небо ясное. С 19 до 19.30 город бомбят одиночные самолеты. Немецкие артиллеристы отдыхают.

29 декабря. Понедельник.

Днем артобстрел города в течение 15-20 минут. Снаряды воют над нами и уходят в сторону полуэкипажа и площади Труда.

30 декабря. Вторник.

Днем "Ермак" полчаса колол лед в ковше, и вскоре в ковш вошла большая п.л., наверное, типа "К". Мороз около 20°.

До конца декабря и за первую декаду января подробных дневников не сохранилось, т.к. в середине декабря по приказанию старпома мои дневники опять отобрали и отправили в Особый отдел базы. Почти месяц подробные записи вести не мог. Поэтому многие детали повседневной жизни тех дней в памяти уже не восстановишь. В маленьком блокнотике-календарике, купленном в Таллине в начале июля, графы на 7 дней недели умещались на формате 9 на 6 см., т.е. на каждый день можно было сделать короткие (6 см) четыре строчки бисерным почерком. Много ли тут напишешь? Интересно, что я скрупулезно в этом блокнотике записывал, когда кому написал письмо или открытку, когда получил ответ и на какое письмо. Когда были получены мои

письма.

Сейчас, в 1998 г. письма из Москвы в С-Петербург и обратно идут примерно столько же времени, сколько они шли в 1941-42 гг. из блокадного Ленинграда в Москву и из Москвы в Ленинград.

Очень короткие заметки об участии в угольных погрузках, вахтах, дежурствах, времени и продолжительности артобстрелов ближайших районов и города, воздушные налеты и тревоги, пополнились скупыми цифрами полученных за день основных продуктов питания: сколько хлеба, масла, сахара. Очевидно, голод давал о себе знать все больше, и мысли об еде все больше занимали внимание. Сохранился небольшой блокнотик с названием, написанным, наверное, позже: "Блокадный паек с 16.01 по 24.03.42 года". В нем скрупулезно, ежедневно в отдельных графах записано: сколько хлеба всего получено, что и сколько выдано на чай, что и сколько получено на обед, на ужин, на вечерний чай, сколько всего за сутки выпито стаканов воды, точнее - жидкости. Не знаю, кто надоумил меня вести учет количества выпитой воды, но это помогало мне стараться ограничить ее употребление.

Уже в декабре у многих, в том числе и у меня, начались голодные отеки лица, рук, ног и всего туловища. У меня на лице и на шее стали появляться фурункулы, стали кровоточить десны, шататься зубы. От фурункулов наш доктор давал какую-то мазь, и я бинтовал на ночь шею и лицо. Чувство голода мы старались утолить большим количеством выпитой воды и съеденной соли, выдача которой не нормировалась. Результат - отеки. Забегая вперед, скажу, что, согласно моей "бухгалтерии", в середине января я выпивал ежедневно 15-16 стаканов жидкости, а в середине марта, когда питание намного улучшилось, 7-8 стаканов.

Продолжались работы по ремонту корабля. Все чаще бывали вынужденные простои из-за отключения света и подачи сжатого воздуха, а то и из-за сильных артобстрелов завода и ковша. Конечно, никто не вспоминал о первоначально запланированном сроке окончания ремонта. Но к концу декабря пробоины были вырезаны для наложения заплат, и в начале января пробоины стали заделывать: заготовленные в цехе завода листы обшивки дюймовой толщины и нужной конфигурации, с просверленными по периметру отверстиями под заклепки, перетаскивали к кораблю, где кранами, где лебедками, где на катках под "Дубинушку". Сверление отверстий в листах под отверстия в шпангоутах и саму клепку мне не доверяли. Но вот поддерживать заклепки со стороны их шляпок, когда расклепывают их концы, это мне досталось. Плечом надавливаешь тяжелую кувалду-упор в

шляпку заклепки, а с другой, внутренней, стороны конец ее расклепывают пневматическим молотком. И дробь ударов по заклепке бьет тебе в плечо так, что даже зубы начинают стучать.

Поскольку в начале ноября, перед походом на Гогланд, нам не успели поставить 76-мм орудия, эту работу продолжили теперь. Рабочие завода стали устанавливать перед мостиком банкеты для 76-мм орудий, на корме и на штурманской рубке - для дальномеров. Под банкетами цилиндрические подпорки упирались в жилую палубу. Но эти работы тоже шли очень медленно. Рабочих очень мало, часто подолгу вырубался свет и воздух с берега.

В свободное от работы время обязательные занятия у орудий, дежурства и вахты, выгрузка шлака, погрузка угля, разгрузка продуктов, заготовка воды и пр. Эсминец "Стойкий", который с начала декабря стоял у нашего правого борта, пришлось обеспечивать теплом и светом. Примерно с середины декабря прибавился новый вид работ: раза 3-4 в неделю пешней обкалывать лед вокруг корабля до воды и выбрасывать сколотый лед совковыми лопатами или самодельным большим сачком, чтобы вокруг корпуса была чистая вода. По правде говоря, мне непонятна была необходимость этой работы для нас. Мы же не в Баренцевом море, затертые льдами, где подвижка льдов может раздавить судно. В нашем ковше лед неподвижен, а обшивка у нас дюймовая. Вот "Стойкому" может быть это и необходимо. Но .... начальству виднее.

Питание становилось все хуже и скуднее, а морозы все крепчали. На вахте у трапа, у трюма с боезапасом и вообще на улице сменялись каждый час или максимум через два часа. На такую вахту натягивали на себя весь вещевой аттестат: две тельняшки, фланелевую и суконку, бушлат, на него шинель, а на шинель - тулуп. Ниже, кроме двух кальсон и брюк, ватные брюки и, конечно, валенки. Под шапку-ушанку натягиваешь шерстяной подшлемник. Руки в шерстяных перчатках в больших теплых рукавицах едва держат винтовку, чтобы не упала. О том, чтобы из нее при необходимости прицелиться и выстрелить, не могло быть и речи. Запомнился случай, когда во время очередного артобстрела откуда-то издалека присвистел осколок и впился мне в валенок чуть выше стопы. Но не пробил его, т.к. был совсем на излете. Вытащил я его, показал потом ребятам и положил в рундук. Во время очередного "шмона" кто-то из проверяющих выбросил его в иллюминатор.

В моей маленькой записной книжке в графе 31 декабря короткая запись: "В 23.00 заступил на вахту". Так что Новый 1942 год встретил на боевом посту! В 00 часов вышел дежурный по

кораблю (не помню кто), поздравил с наступившим Новым годом и пожелал самое главное - скорейшей победы над немецким фашизмом и чтобы нам дожить до этой победы. Немцы на Новый год молчали. Мороз за 20°. В 1.00 меня сменили, и я до 5 часов мог поспать.

В конце декабря произошли некоторые изменения среди командования в нашей БЧ-2: на должность командира батареи 76,2-мм орудий (которые так еще и не установлены) прибыл старший лейтенант Шаталов, который, говорят, командовал артиллерийской батареей на Ханко, командиром БЧ был назначен капитан-лейтенант Линич (наконец-то его освободили от давно уже непонятной старой должности "военный комендант судна"), а лейтенант Кузнецов стал командиром нашей 45-мм батареи. Для Кузнецова это, конечно, понижение в должности, но со старой должностью Линича надо было что-то решать.

Произошло радостное событие в первую очередь для Жентычко, а так же и для меня - из госпиталя вернулся Миша Кошель. Еще более тихий, спокойный, немногословный. Ранен он был осколками мины или снаряда в руку и ногу в начале ноября в первые же дни высадки под Невской Дубровкой на левый берег Невы. На наши расспросы - как там было, махал рукой и отвечал очень кратко: "Гарно страшно!"

О Толике Ломко сообщил очень немного: ранены они были в один день, но Толя очень тяжело - ему осколком снаряда оторвало левую руку. На правый берег Невы их эвакуировали на разных шлюпках, и о дальнейшей судьбе Толи он ничего не знает. Наверное, его сразу же отправили через Ладогу в тыл.

Кошель часто приходил к нам в кубрик к Жентычко, садился к нему на койку, и начинались воспоминания: "А помнишь, Алеха, как приходим вечером с гулянки домой, матка отрежет ломоть теплого черного хлеба и на него шмат холодного сала с ладонь! Жуешь, аж за ушами хруст". Сначала в кубрике тихо, и все слушают аппетитные воспоминания. Потом кто-нибудь не выдерживает: "Да, заткнитесь вы, хохлы! Хватит душу травить! Уже кишки сводит!"

В январе продолжался ремонт корабля, учебные занятия по материальной части и различные хозяйственные работы. Запомнились поиски для растопки котлов каких-нибудь досок, бревен и прочих деревянных предметов на территории завода. В цехах ничего не нашли. Все, что можно было сжечь, было сожжено в ноябре-декабре рабочими завода в самодельных печурках, а то и на кострах. Поиски в районе стапелей оказались успешными: там валялись здоровые тяжелые брусья из какого-то крепкого дерева, может, даже из дуба. Очевидно, они использовались при

постройке кораблей, и рабочие не решились их взять, а может быть, просто не в силах были притащить и расколоть. Два таких бруса мы вчетвером за трос приволокли к кораблю. А уж в котельное отделение их затаскивали котельные машинисты. Как эти брусья они там разделывали неизвестно.

В самом начале января на корабль из ЛФЭ прибыли человек 8 краснофлотцев и один мл. сержант Бондаренко Петр, который как-то скоро обратил на себя внимание не только армейской формой, но и поведением. Четверо краснофлотцев, в том числе Агафонов Сергей, Вересов и Гордеев были комендорами, хотя у нас на наших орудиях комендоров хватало, а старшина 1 статьи Румянцев - командир отделения пулеметчиков. В конце первой недели до нашего сведения довели приказ командира корабля о понижении в должности командира отделения машинистов Скорнякова в рядовые машинисты, за неоднократные жалобы на плохое питание и обвинение в этом нашего отдела снабжения и руководства корабля.

Числа 10-го приказом по кораблю наконец-то снят старший кок Яковлев "Жора" и посажен на 10 суток строгого ареста за хищение продуктов с камбуза для обмена на часы у рабочего завода, а затем переведен в БЧ-5. Был также отстранен от дежурств на камбузе Климкин. Старшим коком назначен Дроганчук, только прибывший на корабль, а коком - пожилой краснофлотец из запасников Николаев, из БЧ-5, который у нас с 25 августа.

11 января 1942 г. Воскресенье.

Утром после чая все свободные собрались в кают-компании, где с 8.30 до 9.00 выступал старший политрук из штаба Отряда о партизанском движении. Сразу после его выступления кинофильм "Заключенные". Шел хорошо, быстро. Я смотрел эту картину первый раз. Да! Вот с кого надо брать пример! Из таких бандитов, как Костя-капитан, вредителей, закоренелых воров сделать людей не так просто. Сколько надо иметь наблюдательности, настойчивости, хладнокровия, чтобы "обработать" их. Вот это чекисты!

Во время перерыва командир нашей батареи лейтенант Кузнецов сказал мне, чтобы к 11.00 я был готов идти в политотдел ЛВМБ. Вчера сказал, что пойдем в 2 часа, а сегодня в - 11.

Наконец Кузнецов узнал, что туда нужно успеть к 14 часам, а пойдем тотчас после обеда. Быстро связал часть книг, которые поменьше, сунул в противогазную сумку и пошел узнать, нельзя ли забежать после политотдела домой к тетке?

Оказывается, нам с Манышиным дана одна командировочная

до 18 часов. Дело дрянь. А, хотя, не очень. Если мы рано освободимся, то я могу отдать командировочную Манышину, а сам газану к тетке. Ну а в воротах завода как-нибудь проберусь. Это, думаю, не очень трудно. Кузнецов все бегает, торопит, чтобы скорее обедали и одевались, а то опоздаем. Но обеда все равно еще не дают, а одеться-то я всегда успею.

Сегодня воскресенье и сходить к тете было бы очень удобно. Может быть, даже дядю застану. Интересно, как они теперь живут? Я уже две недели собираюсь сходить к ним, да все откладываю. Отпустит кап.-лейт. Линич или нет - не знаю. Что-то сомнительно. Хорошо бы уйти тогда, когда дежурный по низам будет кто-нибудь из наших. Но как далеко идти! Ведь это в противоположном конце города. Трамвай туда шел 50 минут, а пешком и при теперешних силах за сколько времени я туда доберусь? Часа два с половиной. Да, не особенно легко. А ждать, когда начнут ходить трамваи - это ждать у моря погоды. Когда восстановят линии, связь, а главное - когда будет ток? А деньги домой отсылать нужно. Ходили бы трамваи я бы часа за 3-4 успел бы съездить, а теперь и за 6 часов не успеешь.

В половине двенадцатого получили бачок. Сегодня обед лучше: на первое суп с самодельными ржаными галушками. Я насчитал их 35 штук! Столько мне первый раз попалось. Галушки, конечно, мелкие, как яйца трясогусок, которые мы находили на болоте дома. Но четыре столовые ложки их вышло. Говорят, что суп с мясом, но у нас никому не попалось ни кусочка. Но на поверхности супа кружки жира плавали. На второе - самодельная мучная кашица, довольно густая, пахнет рыбой, но ее тоже не видно. Кашицы полных четыре столовых ложки. Если бы таких порции три - было бы хорошо. На обед у меня остается граммов 100-150 хлеба, который я крошу в суп и потом съедаю с гущей и со вторым. Вообще, если бы давали по две порции первого и второго - мы были бы сыты.

Только успели пообедать, прибегает Кузнецов: "Одевайся скорее, тебя ждем. Где Манышин?" Я спросил, можно ли вынести книги? Ответил, что надо выписывать пропуск, а сейчас некогда этим делом заниматься. Ну, черт с ним! Отнес книги в кубрик и снял противогаз. Пошли. Время 12 часов. Кузнецов почти бежит, боится опоздать, я едва за ним поспеваю. Говорит, что придем не раньше, чем 40 минут второго, а я говорю, что минут десять второго.

Идем по проспекту Декабристов. Он мне, почему-то, в своем начале напомнил Таллин: неширокий, высокие красные дома, тишина.

Тишина. Народу хотя сегодня и много, но на улицах

необычайно тихо. Не видно ни одного автобуса, троллейбуса, трамвая. Все трамвайные пути занесены снегом, провода местами порваны, покрыты инеем. Вдоль сада Трудящихся, как и в декабре, замерли и замерзли десятки троллейбусов. Часть из них покорежена снарядами. Мороз не менее 20°.

Политотдел помещается в уже знакомом мне месте. Вход с четвертого подъезда. Пришли ровно в 13.15. Прошли по знакомым мне коридорам, нашли нужную комнату, заняли очередь и уселись в уголке. Перед нами проходят вступающие в ряды ВКП(б).

Вскоре вызвали нас с Кузнецовым. Вошли. Большая комната, по стенам шкафы, в левом углу три койки, посредине стол для приема. В заднем углу высокое бюро. За средним столом, на котором я первым делом заметил "Морской сборник" за сентябрь 1941 года, сидит батальонный комиссар - председатель партийной комиссии.

Посмотрел он мои дела, какие-то бумажки и спрашивает у Кузнецова: "Вы все-таки решили его исключить из комсомола?" "Да, комсомольское собрание и бюро постановили: исключить".

(Ну, никаких следов не осталось а памяти ни об этом собрании, ни о бюро. Начисто вылетели из головы. Но дневник - "вещдок", значит, было такое "мероприятие").

"А вы знаете, за что вас исключают из комсомола?" - спрашивает он меня. "Нет, говорю, только догадываюсь". "Ну, так вот, возьмите все это, посмотрите и вот здесь напишите, что вы считаете неверным, а я пока другими займусь".

Взял я все бумаги и начал их рассматривать. Посмотрел выписку из протокола, в чем меня обвиняют и за что исключают. Там 5 пунктов:

1. За утерю винтовки. (Где и как я мог на корабле, а не в лесу, потерять винтовку - ума не приложу и вспомнить не могу).

2. За халатное отношение к своему заведованию.

3. За пререкания и критику командиров.

4. За получение 6-ти нарядов и трех суток ареста.

5. За отрицание своих проступков - исключить из рядов ВЛКСМ.

Я написал, что пункты 2, 3 и 4 отрицаю полностью. Просмотрел остальные бумаги - это мои характеристики от Попова (старшина батареи), Емельянова (секретарь комс. организации) и Быкова (был ком. батареи). Попов и Емельянов перечислили все 5 пунктов, которые были в протоколе, но ни одного фактического примера. Быков тоже подтверждает, что дал мне трое суток за ведение "нежелательного" дневника. Обрадовало, что нет характеристики моего командира орудия -

Панова. Хотя он друг Попова, но, очевидно, отрицательную характеристику писать отказался.

Ну, мне больше писать нечего. Сижу и жду, когда освободится комиссар. А он объясняет одному младшему лейтенанту, подавшему заявление о приеме его кандидатом в члены ВКП(б), что его характеристика неправильна.

В характеристике полно таких слов, как "дисциплинированный", "исполнительный", "храбрый", "смелый", "мужественный", но нет ни одного фактического примера в подтверждение этих слов. "Пройдет некоторое время, говорит комиссар, - и для людей эти слова будут пустым звуком, а если бы были примеры - совсем другое дело". Я с ним полностью согласен.

Закончив рассмотрение дела мл. лейтенанта, комиссар сказал, что пойдет пообедать, а мне велел подождать. Через полчаса он вернулся, велел мне позвать Кузнецова, взял у меня бумаги и занялся мной. Я рассказал, в какое время и в какой обстановке у меня произошел случай с винтовкой, объяснил, почему отрицаю остальные свои "проступки".

"Вы знаете хотя бы один случай, когда Трифонов небрежно относился к своему заведованию, пререкался или критиковал командиров?" - спросил комиссар у Кузнецова. "Нет, - говорит, - я не знаю, но тут есть характеристики от его командиров". "В том-то и дело, что там у них ни одного факта, примера, а все пустые выражения, а этого недостаточно. С первым пунктом - утерей винтовки, я согласен. За это мы тов. Трифонова взгреем по заслугам, но валить на него все грехи нельзя, так что Трифонов вправе отрицать их, если их и не было".

"А за что вы получили 6 нарядов и 3-е суток ареста?" - спрашивает у меня комиссар. "Наряды за ту же винтовку, а арест за ведение дневника. Пока дневники передавали в Особый отдел, я сидел трое суток". "Почему так? Вести дневник и смотреть за собой не вредно. Каждый грамотный человек может вести дневник. А сейчас вы ведете его?" "Нет, - говорю, - мне не разрешили и старые отобрали". "Почему отобрали? Разве они не ваши? Или они вам не нужны? А кто их у вас отобрал? Где они сейчас?" Я ответил, что дневники отобраны по распоряжению старпома и что они здесь, в Особом отделе.

Комиссар попросил у меня комсомольский билет, велел минутку подождать и вышел. Вскоре он возвратился с моими дневниками. "Ваши?" "мои". Он бегло просмотрел их и спросил: "Так почему вы не ведете сейчас дневник? Ведь это полезная вещь".

"Не хочу снова под арестом сидеть из-за него. Тогда я сидел в

кают 4-го механика, а теперь посадят в холодную ванную". "Нет, вы продолжайте вести дневник, но не на таких огрызках, а то у вас тут вот оборвана фраза, есть ошибки, здесь мысль не закончена. Вы ведите дневник грамотно, не торопясь, описывайте свою жизнь, где встретились с девушкой, как она вас поцеловала, когда назначила вам свидание. Помните, что о всем, что вы видите и знаете, писать нельзя. Помните, что если ваш дневник попадет к врагу, он может извлечь для себя кое-что полезное. Чтобы этого у вас не было! Ясно?" закончил он твердо. "Ясно." "Ну вот и забирайте ваши дневники. Просмотрите их, переделайте. Возьмите комсомольский билет и крепко держитесь за него! Мы следующий раз вызовем вас сюда на парткомиссию. За винтовку мы вас взгреем как следует, а сейчас можете идти."

Время 16 часов. К тетке ехать нечего и думать.

Кузнецов пошел домой, а мы с Манышиным на свою "коробку". Хотел я найти хоть один магазин "Галантерея" или "Культтовары", но нет ни одного. К 17 часам мы были у себя.

На ужин один суп с самодельной лапшой, которой набралось ложки три. Пахло мясом, но его никто из нас не видел. На второе 1 стакан компота, в котором нашел 3 или 4 ягоды.

После ужина снова засел за дневник, воодушевленный словами комиссара. Начал писать карандашом в небольшом, но линованном блокнотике 14х9 см с сегодняшнего дня. Так давно не писал, что сегодня подробно описал весь день. Дорвался!

12 января. Понедельник.

С 9 часов 7 человек на угольную погрузку. Оделись потеплее и во главе с главстаршиной из БЧ-5 Кузьминым отправились в военный порт за машиной. Наши уже 5 дней ловили машину, но не доставалось. Нам повезло. Машину получили и поехали к углеперегружателю "Нева". Кран на ней не работает. Будет готов после обеда. Пришлось нагружать 5 тонн вручную. Не особенно приятно: мороз градусов 25, руки мерзнут, ноги мерзнут.

Нагрузили одну машину и пошли греться на "Неву". Спустились в отсек команды: чисто, светло, тепло и уютно. Небольшая столовая на 12 человек, три каюты. Чувствуется уют, которого нет у нас на "Волынце". Прислали им обед на 11 человек ведро супа. Каждому по две тарелки. Суп с макаронами и кильками. Получше, чем у нас. На второе макароны жирненькие, порция побольше раза в два, чем у нас. Пришла машина. Ее нагрузили краном и поехали обедать. Все здорово замерзли.

Вчера получил письмо от мамы, написанное 1 января. Чувствую, что им не особенно сладко, нужна была бы моя помощь. Но чем я могу помочь им? Я не знаю, можно ли у них купить что-нибудь за деньги? А много ли я смогу им послать?

Мой тарифный разряд комендора-зенитного - 3-й имеет штатный оклад 80 рублей. По приказу № 340 плюс 30% - 24 рубля. Морских 15%, это еще 12 руб. Итого 116. Сейчас у меня две сотни есть. В такое время ловкие люди запасаются мебелью, ценными вещами, костюмами. За два килограмма хлеба сейчас можно обменять часы, пальто. Папиросы продаются по 10-15 рублей пачка. Я бы мог загнать свои папиросы, но где? И неудобно. Меняю их на тетради и блокноты у своих ребят.

Дома я мог бы заготовить дрова, съездить куда-нибудь подальше за продуктами, но меня нет дома. Весной надо всех отправить в деревню Кипрево к деду. Они меня ждут к весне. Сумею ли я попасть домой? Сейчас я ничего не могу сделать. Будем живы до весны, тогда, смотря по обстановке, буду действовать. Что у нас дома живут красноармейцы-хозяйственники - это хорошо. Они смогут дрова достать, а может, и еще что-нибудь. Только что они за люди? После виденного я о них не особенно лестного мнения. На счет посылки не пишут ничего. Справку мою о службе в действующем флоте получили. Это хорошо.

Обед сегодня слабый: галушек только 15 штук, да две столовых ложки липши с макаронами. Мясом только чуть пахнет. На второе 4 ложки лапши и попался один кусочек мяса. Таких порций 6 съесть, тогда почувствовал бы что-нибудь.

После обеда опять на машину и к "Неве". Нам надо было привести всего 4 машины угля - 20 тонн. У моста Лейтенанта Шмидта Кузьмин и Путилин куда-то пошли, а мы - дальше. Кран грузит сейчас на "Ермак" уже остатки угля. Нам давать не хотят, едва упросили, обещая остатки угля собрать вручную в кучу. Нагрузили и эту машину. Вышел капитан и сказал, что это последняя машина, т.к. нам велено отпустить только 15 тонн. Я пошел подписывать накладную. В командирском отсеке у них еще лучше: отдельные каюты, столовая, умывальник, душ - чистота и уют.

На обратном пути завернули к "Комсомольцу", где Кузьмин собрал доски на дрова для дома и поехали к нему на Невский. Пока разгружали доски, я все искал почтовый ящик и "Галантерею", которую наконец нашел. Иголок нет, ниток нет, штопок нет. Есть только нитки и штопки шелковые. Пришлось купить красную и черную штопку за 3 рубля 60 коп. Письма так и не опустил.

Домой приехали в 16 часов. Набрал кипятку и съел весь хлеб, не дожидаясь ужина. В 17 часов - аврал. Таскать в бункер уголь, который мы свалили на стенку. Мы отказались. С 9 до 16 мы грузили, час, как разгрузили, и до сих пор никого не нашли. А

теперь вспомнили только о нас. Привезли 180 кг хлеба. Мы, четверо, как всегда, вышли таскать его на корабль. Буханки маленькие - по 1 килограмму. У меня у одного ящика вывалилось дно и весь хлеб рассыпался. Я испугался, что ребята растаскают, но все обошлось благополучно. Сумел надломить кусочек граммов в 200. За работу Ширяев дал на четверых по 180 г своего хлеба. Это хорошо, а то ужинать не с чем.

На ужин опять суп с 20-ю ржаными галушками и стакан компоту. В 19 часов узнал, что в наряд я не иду. Удивительно, третьи сутки отдыхаю. Да, отдыхаю! В 22 часа ехать за водой. Поехали впятером. Взяли бочку, бидон и ведро. С нами едет бывший кок Яковлев, которого наконец сняли за воровство. Задержали рабочего с крупой и тестом, которые он получил от Яковлева. Поблизости воды не нашли и поехали в пожарную охрану. Теперь только там можно достать воду. Туда идут со всех ближайших кораблей и столовых. Пришлось долго ждать в очереди. Кран только один, и вода то пойдет, то остановится. Здорово мерзнут ноги. В 12 ночи вернулись домой, лег спать в половине первого.

13 января. Вторник.

Утром, как всегда, чай, на который я выделяю граммов 75 хлеба и 10-15 г сахара. В 9 часов нас, четверых, опять выделили за водой. Привезли воду к 11 часам. Сегодня потеплее - градусов 20. В другое бы время такой мороз легко переносился, но когда два месяца попросту ежедневно полуголодные - холод чувствителен. Суп сегодня погуще: 5 полных столовых ложек ржаной лапши с макаронами. Суп был с мясом, и мне попалось четыре кусочка. Второго нет. Вместо него - компот. Удалось, как "водовозу", получить половинку порции "добавки" - водички без лапши.

Теперь, для экономии топлива, будут останавливать динамо-машину с 12.30 до 14 и с 21 часа до 7 утра. В это время освещение будет только керосиновыми лампами. Для сохранения тепла приказано утеплить тамбуры на палубе обрешетить и засыпать шлаком.

В 14 часов опять за водой. Вернулись только в 16.30. Женщины, стоявшие за водой, трепятся, что моряки каждый день едят булки с колбасой. Может, и есть такие, из подводников, но мы тоже моряки, а питаемся хуже рабочих. В рабочей столовой ежедневно или биточки, или котлеты, или колбаса, или рыба, а мы жиров давно не видим, масла нет, сахару получаем на месяц грамм 400-500, а остальные 400-500 - сиропом, а рабочий - 1800 г конфет.

На ужин одно первое - суп с тремя столовыми ложками самодельной ржаной лапши и отдельно кусочек мяса граммов 40.

Так-то лучше, а то кому попадало три, а двоим ни одного. Командиру носят по три порции супа и три мяса. Мне опять удалось получить стакана два жижицы. После ужина получили по 80 г сгущенного молока. Кажется, вместо масла. Хорошая вещь, но мало. Вечером, когда я получал на кубрик чай, на камбуз вбежал нач. снабжения Сидорчук: "Ширяев, сейчас же выдать всем по 200 г хлеба! Иди, вешай!". Все ясно. Сразу поднялось у всех настроение. На крейсерах по 500 г получают с 5-го, на "Стойком" с 10-го, а нам отказали. Говорят, что комиссар сам ходил в штаб Отряда.

Вечером рубанул 100 г хлеба и миску чая со сгущенным молоком. Оставшееся молоко решил оставить на завтра на утро и вечер. Сегодня иду на вахту к арт. погребу во вторую смену. Стоять по часу, т.к. температура минус 23. Я и Понтус согласны стоять по два часа, чтобы можно было поспать 4 часа, но Путилин не согласен.

14 января. Среда.

Ночь, все-таки, стояли по 2 часа. Под шапку надевал подшлемник, но ноги мерзли. Сегодня получили по 500 граммов хлеба! Взял вчерашние 100 г да граммов 70 от сегодняшней порции и рубанул все с остатками молока. Хорошо! Сахара у меня осталось граммов 40. Завтра должны дать, очевидно, сироп, т.к. недавно привезли 30 литров.

На эсминце на обед и на ужин первое и второе, а иногда и третье. И первого и второго больше, чем у нас. Ребята со "Стойкого" говорят, что у них хлеб даже остается. У нас сегодня на обед тоже ничего, но мало: суп с 30-ю галушками и четырьмя ложками лапши с макаронами и кусочком мяса граммов 30. На второе ржаная кисловатая лапша - 3 столовых ложки. Хлеба взял только 150 г. Только нам прибавили хлеба, как некоторые ловкачи сумели его скопить и меняются с рабочими и между собой на часы и др. вещи. Кошель сменил на 4 пайки хлеба и 50 рублей кировские часы. Я все-таки завидую такой способности. Витамин "С", который я получаю, все же здорово помог: на деснах опухоль сошла и зубы перестали шататься. Сегодня наши достали в порту 45 кг гречки и 15 кг пшена. На два дня хватит. Это точно. Никто из нас не верит, чтобы мы их съели за два дня. Это же по 30 кг в день. В обед и в ужин первое и второе. Все были бы сыты по горло. Только наши постараются растянуть эту крупу дней на 10. Это в их духе.

Так и есть. В ужин опять суп, но с гречневой крупой... 2,5 ложки. Очевидно, килограмма 4 дали на всех. На расход досталась полукаша-полусуп, ну а нам водица. Конечно, опять компот. На компот каждый раз дают 1730 г сиропу, но не

чувствуется его ничуть. Больше половины растаскивают коки, дежурные и рабочие по камбузу.

Вечером "радостное" известие: с завтрашнего дня норма хлеба опять по 300 г. Это касается, будто бы, всех ледоколов. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вечером раздали на 6 дней по 235 г сиропу ... разбавленного. Это ясно всем. Он капает, как вода. Когда капля этого сиропа попала мне на бушлат, она пробежала по всему бушлату и упала на палубу. А капля прежнего сиропа сейчас же бы прилипла. Я не знаю, из 235 г есть ли 150 г чистого сиропа? Этот сироп можно пить, не разбавляя, как переслащенную водичку, а прежний сироп едва ли много выпил бы. Вечером свет гасят в 21.30, так что только-только после справки успеваешь устроиться на ночь. Ночью на всю жилую палубу две "летучие мыши". Темновато.

15 января. Четверг.

Утром снова дали 300 г хлеба, 100 г съел с разбавленным сиропом. Сироп все же решил тянуть, сколько смогу, чуть сладко и ладно, а то если совсем без ничего, то буду много соли употреблять. Остальные ребята, кроме Жентычко, допили весь сироп. Они делают все время так: утром съедают большую часть хлеба, а сахар, который выдан на 5-6 дней, съедают за два дня, а потом сидят на соли. Неудивительно, что руки, ноги и лица у них стали опухшими. Я их порядок не разделяю. Считаю, что пусть будет помалу, но все время, а не день густо, три пусто.

Попов и Панов, которые через 7 дней ходят дежурить на камбуз и, следовательно, два раза в неделю бывают сыты, могут заначить сахар, сироп, масло и пр. Одним словом, поддерживают себя. То, что дежурный по камбузу может наесться досыта лучшего и вписать в расход, или так дать своему товарищу, который делает то же самое, это никто не сможет отрицать. В другие же дни они могут получать добавки по знакомству от кока или дежурного. Все, что они добывают на камбузе, делят между собой все четверо: Попов, Панов, Суворов и Фахрутдинов. Нам с Жентычко не перепадает. И после этого они хотят, чтобы я отдавал им папиросы. Я их меняю у них на тетради. Конечно, для них это большая выгода - 8 пачек за одну тетрадь, когда в городе одна пачка стоит 10-15 рублей. Лишь раз сделал выгодный обмен: дал 10 пачек за новый флотский ремень. Этот пригодится.

С 9.30, после противогазовой тренировки, все чистили винтовки - уход за материальной частью.

Никак не могу закончить читать "Новь" Тургенева. Все некогда. Сегодня на камбузе Панов и Суворов в расходе. Значит можно получить 5 порций на четверых. Я сумел получить первым. Т.к. в кубрике был один Фахрутдинов, то я принялся разливать

сам. Конечно, мне можно было бы не теряться и подлить себе побольше, но как-то неудобно. Вообще-то всегда разливает Попов, то он вечно меня обделяет, не забывая себя. Надо следующий раз не теряться. Нечего с ним честничать. Сегодня суп опять с галушками, но они очень мелкие. Я насчитал 60 штук. Ну, по-нормальному в порции их 50, а по сравнению с первоначальными (40), суп густой. На второе котлетка и четыре ложки жидкой гречневой каши. Гречки дали на камбуз всего 5 кг на всех. Это по 40 г крупы на каждого, из которых каши порции четыре.

Командиру так и носят по 3-4 порции. Если бы он ел столько, сколько мы, тогда, пожалуй, побольше бы о нас заботился. Если он во всех отношениях ест за троих, а это точно, то зачем ему бегать по штабам. Старпом, этот все время вертится у камбуза: "Снесите мне мисочку в каюту". Или закроется в камбузе и там рубает.

Теперь бачки разливают до обеда по порядку. Наш № 11, а всего 13. На гуще это сказывается. Кают-компания регулярно и поголовно получает добавки.

До половины второго отдохнули, а в два сказали, что будет тревога. Оделись, приготовились, выбежали. Жентычко за установщика прицела и целика, но совсем не знает, что делать с прицелом. Результат ни разу не был правильным. После - разбор учений. В 17 часов общекорабельная учебная тревога. Целый час мерзли на палубе.

Ужин получил первым - 6 порций на пятерых. Суп гороховый - одна серо-зеленая вода с плавающими на поверхности беловатыми шкурками от горошин. Все 4 кг гороха разварились. На второе, как уже обычно, компот. Компоту навезли теперь больше, чем на месяц. Значит, второго на ужин ждать нечего. Наши в порту опять ничего не достали. Посылают на ночь в порт таких людей, у которых семья в городе. Куда им выгоднее идти?

Вечером буду стараться меньше пить воды, а то за ночь по три раза в гальюн бегаешь и не спишь. Теперь, если не на вахте, можно поспать часов 9, но что-то плохо спиться. Сегодня у нас в кубрике тепло, иллюминатор оттаял.

Получил 5 открыток из дома: 3 от мамы и 2 от Алика. За 7-е, 9-е и 12-е декабря от мамы и за 12-е и 16-е от брата. Написали на "Волынец", но указали ящик № 50. Как они меня подвели! Шли больше месяца. Хлеба получают в среднем по 430 г на человека. Пока есть картошка и свекла. Им нужен был литер в деревню. Может, моя справка им поможет. Нужно писать в деревню, идти к комиссару. Женя опять на Скатертном. Я думаю, что спешка дома с переездом в деревню была главным образом из-за германского

наступления на Москву. Прошел уже месяц, даже больше, теперь они мою справку получили, может, она им поможет. Пока живут в доме бойцы, будет тепло. С деньгами у них дело плохо. Я не знаю, хватит ли им их. Хлеба только-только, но и мы живем на 300 г, и приварок ни к черту не годится, а овощей, картошки - совсем нет. Одна опасность, что дедушка продаст корову и распустит свое хозяйство. Если бы он потерпел до весны, было бы все в порядке. Мама могла бы работать даже в школе и по хозяйству, Алик теперь не маленький, 14 лет, кое-что может делать и папа. Мне денег не надо. Может, кое-что и я буду получать, а если во флоте не буду, то лето могу поработать в колхозе. Маме еще года два, кажется, надо работать, и она будет обеспечена пенсией. Только вот, как у нее дела с институтом? Ну да главное сейчас, чтобы дедушка корову не продавал и оставил кур. А там проживем. Завтра же напишу домой и в деревню. Может, еще не поздно.

Из нашей БЧ-2 вчера забрали комендора Матюшенко Семена. Он прибыл на корабль перед самым выходом на Гогланд. Кажется, призыва 1940 г. Говорят, что арестован НКВД. За что? Может быть, какое-нибудь недоразумение, как со мною было. А мой тезка из БЧ-5 Веселаго, который на корабле с начала ноября, отправляется учиться в Военно-морское мед. училище, которое сейчас находится где-то в Сибири. Как это он сумел туда оформиться?

16 января. Пятница.

Сегодня я уборщик гальюна. Встал еще до 7 часов. К 8-ми часам закончил уборку и сел дописывать сей дневник. Вчера получил получку - 70 рублей 90 коп. На 1 рубль 60 коп меньше, чем в прошлый месяц. Наводчик считается комендором, имеет 3-й разряд и оклад по штату 80 рублей, а я получил как строевой. Значит, понизили в должности втихую, без приказа, но исполнять обязанности наводчика оставили. Что за черт? Наверняка это - работа Попова за мои дневники. У меня всего 322 рубля 60 коп. 8 пачек "Звездочки" и две коробки отдал, как обещал, Емельянову. Он дал мне чистый счетоводческий журнал (промокает) и такой же блокнотик (всего за 3.55). Две пачки папирос и коробок спичек оставил у себя.

Явился Иванов из котельных машинистов: "Кто не курит?" "Я" "Продай папиросы." "Поздно пришел, я их уже отдал". "Ну и дурак! За них 10 рублей дают". "Это в городе". "Зачем, я даю". Я отдал ему обе пачки папирос и спички и получил 20 рублей. Он обещал зайти в следующий раз, но они, я думаю, тогда подешевеют. Да, приди Иванов на полчаса раньше, и 100 рублей у меня в кармане, а мне сейчас очень и очень деньги нужны. Жаль, что я поторопился. Такие случаи дважды не повторяются.

В 10 часов все пошли драить орудия. Смазали тело орудия и ствол салом, чуть не отморозил пальцы. Завернули тело орудия бумагой, и теперь можно быть за него спокойным.

От камбуза что-то попахивает кислыми щами. Обед получили первыми. На первое суп с четырьмя ложками кислых ржаных макарон, от них и пахло щами. На второе - четыре ложки пшенной каши, пахнет хорошо рыбой, но ее нет. В супе тоже были рыбные консервы. Я думаю на всех банок шесть. Удалось получить у Николаева стакана три жижицы - добавки, которую он специально оставил. Попов по знакомству оставил на себя расход. Ясно, что сыт, если три стакана жижицы и я почувствовал. До половины второго полежал - отдых. С двух часов занятия - орудийный замок. С 3 до 5 - люлька, откатные приспособления.

На ужин жидкий суп с гречкой - 4 столовых ложки, чуть-чуть килек и в заключение стакан компоту, немного погуще - 5 ягод.

После ужина до 20 часов пришлось убирать гальюн и баню. С баней промучился целый час. Грязи хватало. Поговорил с "маратовцем" с катера. Они теперь питаются с "Марата", там хлеба 500 г, ну и приварок лучше. На "Стойком", говорят, была житуха - хлеба, хотя по норме 300 г, давали больше, на обед и на ужин первое и второе до сыта.

После чая, вечером дали по 100 г хлеба. Налил себе чая, накрошил в миску хлеб и оставил на вентиляторе. В час с вахты сменюсь и поем. Здорово хочу сейчас есть. Попов и в ужин получил по блату вторую порцию. Сыт, я думаю. Сегодня из порта привезли консервы мясные, сухарей мешочек и сухой свеклы. Это хорошо. Я иду в наряд к трапу в третью смену.

С 16-го января я завел в маленьком эстонском блокнотике (8х13 см) отдельную "бухгалтерию". На блокнотике заголовок: "Блокадный паек. 16.01-24.03.42 г.". Разграфил на 8 граф: 1 - число. 2 - сколько хлеба в сутки. 3 - сколько сахара или сиропа. 4 - Что на чай и сколько. 5 - Что на обед и сколько. 6 - Что на ужин и сколько. 7 - Вечерний чай. 8 - Сколько выпито воды.

Жаль, конечно, что не осталось записей о нашем питании в декабре и шпале января. Это были самые голодные дни.

Привожу запись из этого блокнотика за 17 января 1942 г:

1. 17.01.

2. 200 г утром, 100 г в обед, + дали сверх нормы 100 г.

3. Сироп кончился.

4. Миска чая и 50 г хлеба.

5. На первое - суп с грибами (впервые), попались 4 шт., и свеклой (2 ст. ложки). На второе - гречневая каша густая (4 ст. ложки). 100 г хлеба (своего).

6. Суп с ржаными кислыми макаронами (3 ст. ложки), компот

(3 ягоды), 150 г хлеба.

7. 5 стаканов чая с сиропом и сахаром, 100 г хлеба.

8. Утро - 3 стакана, обед - 3 стакана, ужин - 3 стакана, вечер, чай - 5 стаканов, компот - 1 стакан. Всего - 15 стаканов.

17 января. Суббота.

Должен был утром заступить к трапу в 5 часов, а пришлось заступить в 4 часа, т.к. Кравцова старший лейтенант снял за обман. Теперь все расписание запутали. Самому стоять не холодно, т.к. мороз примерно 15-17°, только немного мерзнет нос и под конец вахты ноги.

С 6 часов до половины восьмого удалось поспать. Едва-едва успел встать и попить чаю, как сигнал: "Большая приборка!" Койки вынесли наверх. Прибрался в рундуке. Мне на приборке положено убирать на верхней палубе. И вот чертовщина: два часа на уборке мерзни на палубе, а с 10 до 12 часов мерзни на вахте у трапа. Маленькой щеточкой подмел половину палубы и спустился на жилую палубу отогреть ноги. Увидел меня кап. лейтенант: "Идите убирайте палубу, вы уже 20 минут отдыхаете".

С 10 до 12 на вахте у трапа. Обед мне оставили что пожиже, это и говорить нечего. И тарелка со вторым не моя. Ясно, в моей было больше, и Суворов предпочел взять мою. Сегодня обед хороший: суп со свеклой и грибами, на второе гречневая каша погуще, чем раньше. Говорят, что на камбуз дали 2 кг свеклы и полкило грибов. Овощи теперь есть. Таких обеда два и был бы сыт. После обеда два часа удалось поспать, а потом до 4-х часов почитал.

В блокнотике "Блокадный паек", наряду с записями перечня частей поворотных и подъемных механизмов орудия, обнаружен небольшой перечень книг, прочитанных мною, наверное, в январе-марте: Львов П. "Завод", повесть, 1931, 128 стр. Гарнич Н. "Семнадцатый", 295 стр., 1 р. 75 к., Дюбин В. "Навстречу смерти", повесть. Жабров А. "В облаках", рассказы, 128 стр. Казаков М. "Девять точек", 432 стр. Новиков-Прибой "Соленая купель", роман. 818 стр. Пермитин Е. "Капкан", 272 стр. Шухов И. "Горькая линия ", роман, 218 стр. Толлер Э. "Юность в Германии ".

В последующей жизни ни один из этих авторов, кроме Новикова-Прибоя, мне на книжных полках не встретился. И эти, прочитанные тогда мною книги, совершенно не остались в памяти. Наверное, память дырявая.

В половине пятого вечера привезли хлеб. Мы, как заведено, стали таскать. Суворов на вахте, и вместо него пошел Панов. Хлеб хороший - белый! Свежий, круглый. Очень удобно было обламывать корочки, но не стали. Сами смотрели, чтобы кто-нибудь не спер буханку. Фахрутдинов вперся в кладовку помогать

укладывать хлеб. Я надеялся, что около половины буханочки нам дадут, но получили по 100 г старого хлеба. Сразу же срубал его с солью.

С 17 до 19 на вахте у трапа.

Сержанта Бондаренко голод довел: начал рыться в помойке с рабочими, выбирая кости и другие пищевые отходы со "Стойкого".

На ужин я в расходе. Осталось сегодня 150 г хлеба. На вечерний чай выдали по 100 г нового белого хлеба. Съел его с 5-ю стаканами чая. Ну, сегодня ночью в гальюн побегаю.

18 января. Воскресенье.

Проснулся в седьмом часу. Сегодня побудка в 8. Значит, и свет дадут в 8. Волей-неволей пришлось час валяться на койке. Все в кубрике тоже давно проснулись, и видны огоньки папирос. Разговариваем о "последних известиях". Вчера вечером из порта привезли 10 кг сливочного масла, ядрицу, пшено, горох и сухие грибы. Значит, сегодня утром будут давать сливочное масло. Наверное, больше месяца его не было. Александров, который из водолазов "переквалифицировался" в снабженцы, опять в ночь ушел в порт. Говорят, что вчера туда пришло 400 машин с продуктами через Ладогу. Что где-то "на правом берегу Невы" завезено много продовольствия, и оно только ждет, когда его переправят в город. Но, где это - никто из нас не знает.

Переключились на нашего кап.-лейтенанта Линича. Чувствуется, что отношение его с командиром, тоже кап.-лейтенантом, Мокасей-Шибинским, довольно натянутые. Хотя Линич уже прослужил на флоте до войны 20 лет, но командовать каким-либо кораблем ему не пришлось. В середине 20-х он, как я мог уяснить из его рассказов на мостике капитану "Суур-Тылла", служил вахтенным начальником на "Парижской Коммуне", на "Марате" и еще на каких-то кораблях, но больше всего на различных артиллерийских должностях. Наверное, поэтому его не назначали командиром ни "Суур-Тылла", ни "Волынца". Должность военного коменданта, после списания эстонской команды, была не нужна, и, хотя с ноября он стал командиром БЧ-2, но вряд ли это было приятно Линичу. Вся БЧ - четыре сорокопятки, а он еще в 1921 г. командовал всей плутонговой артиллерией "Парижской Коммуны", участвовал в переходе ее с Балтики на Черное море. Ну и командиру корабля присутствие на борту старшего по возрасту, по военной службе и равного по званию было не очень приятно.

И вот вчера (на корабле такие секреты трудно сохранить) Линичу был объявлен выговор с какой-то странной формулировкой: якобы за бездействие после случайного обнаружения в румпельном отделении еще в октябре (!),

очевидно, после ухода эстонцев, десяти ящиков сала. Интересно, что никто из нас пятерых, кто был с ним на судне с начала июля, тогда об этом сале не слышал. И где это сало было почти 3 месяца? И куда делось? И вряд ли о нем знал только Линич. А Мокасей-Шибинский стал командиром с начала ноября и не мог не знать о таком запасе в голодные месяцы. Решили, что что дело темное.

За чаем не удержался: выпил 2 кружки чая и съел 100 г хлеба с 20 г масла с солью. Масло мы получали последний раз 2 и 3 декабря.

С 9 до 10 - занятия в кают-компании по "Корабельному Уставу". С 10 до 10.30 общекорабельное учение. Наши места у орудий. До 11.30 почитал, а потом стоял в очереди за обедом. Сегодня каши должны дать больше, т.к. гречки дали 8 кг на второе. Пронесли обед командиру: "шлюпку" гущи и вазу каши. Ребята только головами качают: "Такой порции двоим хватило бы досыта".

Суп сегодня что-то хуже - грибов нет. Очевидно, дежурный заначил, и мяса не кладут. Гущи вышло 3 старший ложки, а каши 7 ложек! К каше прибавили половину чайной ложки растопленного масла (5 г). Сначала я оставил на ужин кусочек хлеба с маслицем, но потом съел с солью и его. Не мог удержаться. Добавки так и не пришлось достать. Старпом и дежурный командир не выходят с камбуза, а не видят, что дежурный по камбузу Кузнецов, налив на своп кубрик 6 порций, раздает, якобы по расходу, еще по порции своим машинистам. Получили и Овсянников, и Ратман, и Савин, и другие. Не теряется Кузнецов, молодец.

После отдыха до 16 часов убирал мусор из артпогреба. Попозже пришел в кубрик кап.-лейтенант и приказал выделить четверых человек на завтра и на каждый последующий день таскать шлак и уголь. Так. На вахте стоят всего 17 человек, из них 6 каждый день в наряде, один в наряде по гальюну, два - на воде, итого 9. Отдыхают только 8 человек, а тут еще четверых надо. В БЧ-5 56 человек и не хватает, а у нас только 22, и куда только нас не суют. Попов взял журнал нарядов и пошел к Линичу - пускай сам выбирает, кого хочет, а мы не знаем, кого назначить. 9 человек заступают в наряд и 9 сменяются.

Решили так: вахту от погреба снять, а его запереть. Наконец-то! Месяц не могли додуматься и морозили у него людей. Те, кто сегодня назначен к погребу, пойдут на уголь. Значит, и я иду, черт возьми, завтра работать с 8.30 до 11.30. Ребята со "Стойкого" сказали, что сегодня днем у них на корабле часа 4 был командующий эскадры контр-адмирал Дрозд. Больше часа

осматривал весь корабль. В декабре он был на корабле раза два. Весь личный состав его очень уважает.

С завтрашнего дня побудка в 6 часов, а отбой в 23.00. Приказ Трибуца. Я слышал, как командир по телефону просил нам отсрочку, т.к. у нас нет угля и мы выключаем динамо в 21.30. Результата не знаю.

На ужин суп из гороховых консервов с мясом. Дали на камбуз 20 банок по килограмму и 2 кг крупы. Такая же жижа, но вкус куда лучше. К этому супу 500 г хлеба, и было бы хорошо. Если разобраться, то выходит одинаково: в банке 250 г гороху, 250 г мяса, остальное - вода. Всего и выходит 5 кг мяса и 5 кг гороху. На третье компот с одной ягодой.

После ужина взяли патефон, штук 40 пластинок у Гагарина и в кают-компании предались мечтам.

Радостное известие: во-первых, к вечернему чаю дадут по 100 г хлеба и 10 г масла; во-вторых, из порта привезли 2 ящика сухой свеклы - 46 кг, мешок пшена 60 кг и 15 кг масла. Живем! Молодец Александров!

Точно, к чаю дали по 100 г хорошего хлеба и по 10 г масла. Две кружки выпил - хорошо! После чая пришлось ехать за водой. Вернулись к 23-м часам.

19 января. Понедельник.

Встали в 6 часов. В 7 на завтрак. Дали по 300 г хорошего хлеба и 50 г масла. Терпеть с 7 до 12 очень трудно. Если бы рубануть все 300 г хлеба и граммов 30 масла, то было бы ничего, но нужно оставить хлеб на обед, а то и на ужин. До 9 часов провернул все эстонские пластинки. Хорошие. Так напоминают те дни, когда мы были с эстонцами. Такая хорошая музыка, такая чистая запись!

В 9 часов команда: приготовиться тем, кто едет за углем. До 10.30 сидел в шинели и читал, думая, что сегодня уже не поедем. Вдруг в 11 часов: "Всем, кто за углем, получить расход и быстро пообедать!" Суп со свеклой и грибами, довольно густой - 4 столовых ложки и два кусочка гриба. На второе жидкая пшенная каша - 4 столовых ложки. Съел 100 г хлеба и положил в суп и кашу 20 г масла.

В половине двенадцатого во главе с Кузьминым пошли на "Ермак". Нас 9 человек: 6 из БЧ-2, Туликов, Афанков и Лыткин. Забрались опять в помещение личного состава крана. Ждем машины. В половине второго пришел Кузьмин и пошли в порт. Опять в тот же топливный отдел, Кузьмин послал меня с запиской на "Неву" к старпому, чтобы мне дали первую разгрузившуюся машину для поездки за углем на авторемонтный завод № 1.

Я застал последнюю машину, ту же и с тем же шофером, что

и в прошлый раз. Поехали в порт. По дороге шофер завернул домой - отвез ведро кислой капусты. Где он ее достал - не знаю. На кране ребята говорили, что с 20-го ждут прибавки хлеба, что будто бы вчера к ним приезжал какой-то с двумя с половиной средними и говорил им это. Они питаются тоже по 4-й категории, но у них лучше, потому что, если они что-то не получили раньше, то получают потом полностью. Хлеб, масло, сахар или сироп получают сразу вперед за 5 дней, компот получают тоже сухой на руки. Мы тоже не прочь получать компот на руки, т.к. он будет весь твой, а то в стакане попадается всего по одной-две ягодки.

За углем едем на Московское шоссе. Я ехал в кабине. Ехали полчаса. Весь Международный проспект перегорожен баррикадами, везде заставы и патрули. Тут город уже кончается, вдоль шоссе возвышаются только коробки недостроенных корпусов. Ведь в эти годы Ленинград расстраивался в этом направлении. На авторемонтном заводе десятки машин. Ждут ремонта. Пошли греться к шоферам. "Скулила" Бондаренко начал просить старика, чтобы он уступил ему место у печки. Мы на него сразу все накинулись. Немного отогрелись и пошли грузить машины.

Надо нагрузить три машины. Это по три человека на машину. Двое накидывают в кузов, а один перекидывает уголь сзади в переднюю часть кузова. Ему одному надо успеть перекинуть весь уголь, который накидали двое. Эту обязанность выполнял я. Устали все здорово. Я почувствовал, что на левой ноге пальцы как-то занемели. Снял ботинок, носок - большой палец и два соседних побелели и ничего не чувствуют - отморозил. Кто советует растирать снегом, кто рукавицей, кто бежать к печке. Приковылял в будку, где горела печка, и около нее растер пальцы рукавицей. Сразу заныли, но зато покраснели. Все же в ботиночках на морозе в 20° работать не дело. А больше не в чем.

Только накидали три машины, подошла еще одна. Кузьмин говорит, что, если мы ее будем грузить, он сейчас пошлет Гуликова с первой машиной с запиской к старпому, чтобы он дал команду на камбуз оставить нам хороший ужин, хлеба и консервов. Мы, конечно, согласились. Восемь-то человек одну машину нагрузим. Мне не хватило лопаты, и пришлось "сачковать". Кузьмин поручил мне сказать ему, когда кончат грузить машину. Полную не нагружать. К семи часам нагрузили и поехали домой. Совсем стемнело. Затемненные фары совсем не освещают дорогу, а встречные машины идут с полными фарами и ослепляют шоферу глаза. Бондаренко с самого начала залез в кабину и не желал вылезать, но пришел инженер, выгнал его, а рядом с шофером сел Кузьмин и посадил меня к себе на колени.

Хотя не особенно удобно, но все же не дует и тепло, но ногам так же холодно.

Уже часа два слышна артиллерийская канонада. Кто куда бьет - не знаем. Шофер говорит, что два месяца назад здесь слышны были крики: "Ура!", отдельные команды, стрельба, а немцы все время били из орудий и минометов по окраинам. Но сейчас уже не бьет, стрельбы из стрелкового оружия не слышно, но артиллерийская пальба ведется постоянно.

Без четверти восемь приехали домой. Получили свой ужин: остывший пшенный суп с мясом. Мяса мне что-то много попалось - 5 кусочков, а пшена 3 ложки. В компоте одна ягодка нецелая. Ребята собрались в средней столовой и ждут что-то, суп не едят. Ждут, может, что еще дадут? Спросили у Гуликова, добился он чего-нибудь или нет. Говорит, что был у дежурного командира, но он сказал, что это - не его дело; был у командира, но тот сказал, чтобы не лез с пустяками; был у старпома - "некогда"; дежурный по камбузу ничего не знает и т.д. Этого и следовало было ожидать. Пошли к Кузьмину, тот к Ширяеву. Ширяев дал буханку на всех. Получилось около 150 г на брата. Пошли делить. Гуликов кое-как разделил. Взял себе две горбушки. Только собрался пить чай, Манышин зовет. Кто-то сказал, что я взял две порции. Я показал свой хлеб. Не верят, говорят, что съел уже. Ну, черт с вами. Сами разделили по-дурацкому, сами разбирайтесь. Хотел половинку хлеба оставить на утро, но потом рубанул все с двумя кружками чая и солью. Жутко хочется спать. В 9 часов лег и сразу же уснул.

20 января. Вторник.

Очень не хотелось вставать. Хотелось часа два еще поспать. Чувствую себя каким-то разбитым, усталым, ничего не могу делать, все валится из рук.

С 7.20 до 8.20 занятия по материальной части - полуавтоматика орудия. Я ее теперь знаю довольно хорошо.

С 8.30 аврал - угольная погрузка. Чувствую, что не могу работать, а что я могу сказать? Хотел пойти постирать, но тоже что-то не хочется. Взял нитки и пошел в ванную зашивать носки и пробыл там до 12. Слышал, как меня искали Панов и Суворов. Пошел к комиссару Громову поговорить на счет моей семьи. Рассказал ему об их трудностях. Военком написал письмо и велел мне отнести его перепечатать писарю, а потом отдать ему.

Только появился в кубрике, все не меня набросились с вопросами: "Где прятался? Где был с 9 часов? Почему не работал?" Чтобы отвязались сказал, что был у военкома. "Все время?" "Да, говорю, все время". Попов сразу же побежал к военкому проверить. Вернулся и объявил, что, конечно, я наврал,

и сел тот час же писать на меня рапорт.

Самое неудобное для меня - это идти снова к комиссару. Как я покажусь ему на глаза? Обед, ясно, мне неполный. Суп опять из сухой свеклы - 3 столовых ложки, но зато попались 5 кусочков мяса. Это редко бывает. На второе жидкая пшенная каша и всего 3 ложки. Сначала я решил оставить на ужин кусок хлеба с маслом, но потом не удержался и съел все. Все 200 г хлеба и 30 г масла. Каша и так жидкая, да еще с маслом, так легко проскочила через горло, что я и не заметил. Я теперь решил делать так: на ужин хлеб не оставлять. Утром съедать грамм 15-20 масла и 75-100 г хлеба, в обед - 15-20 г масла и весь хлеб, а если дадут хлеб вечером, то оставлять его на утро. Масло и сахар хочу прикапливать.

Сел писать домой письмо, но не успел закончить, явился лейтенант: "Чем занимаетесь? Сейчас же на орудие!". Пошел с щеткой к пушке сметать с нее снег. Вышел на палубу Фахрутдинов: "Тебя зовет лейтенант". Спустился в каюту к лейтенанту. "Почему не были на работе?" "Не хотел работать". "Где были все это время?" "В бане". "Почему не были на малой приборке?" "Сидел в бане". Отругал меня, посрамил, предупредил, дал 5 нарядов и отпустил. Конечно, не особенно приятно. Больше всего я боюсь не нарядов, а взысканий по комсомольской линии. Ведь и так чуть не вышибли. Пошел снова сметать снег.

Часов с 16-ти больше получаса немцы били по Васильевскому острову. Снаряды выли высоко над нами. Через полчаса снова обстрел, но уже поближе к нам - по району Балтийского завода и севернее завода Марти. Минут через 20 немцев заткнули наши батареи.

Сегодня я заступаю к трапу в первую смену. Надо хорошенько поужинать. На ужин суп с гречкой - 4 столовых ложки и с грибами - 4 куска гриба, что тоже редко бывает. В компоте 3 почти целых ягоды - тоже редкость. На вахте стоять холодновато даже лицу - ветер холодный и не поймешь, с какой стороны дует.

Получил письмо от Алика, написанное 1 января. Почему-то оно шло 20 дней, а мамино 10, хотя отправлены одновременно.

Вечером дали по 100 г хлеба и 90 г сахара на 3 дня, т.е. по 23-е включительно. Весь хлеб и граммов 25 сахару съел сразу, а остальной убрал. Открыл рундук и увидел, что исчезла одна пачка "Ракеты" и тот сахар, что я прикопил. Кто же это мог украсть? Вот сволочь!

Сегодня Александров привез 3 мешка пшена - 170 кг, килограммов 7-8 сухой свеклы, 25 кг масла, мешок сухарей. Живем! На 4 дня еще обеспечены маслом и дня на 3 борщом. Когда открыли ящик с маслом, то оказалось, что угол у масла

срезан. Не хватает 900 г. Александров говорит, что он увидел это еще в порту и хотел составить акт, или чтобы исправили в накладной, но ему сказали, что у них все ящики такие. Может, это он сам и сделал, не знаю. Но простоять с 2-х часов ночи до ужина и получить по расходу половину миски супа и ложку каши не особенно приятно. Думаю, что всякий на его месте сделал бы то же самое. Кому охота мерзнуть всю ночь и за это получить 150 г хлеба. Если он ездит, значит, есть ему выгода. Вон Ширяев - старший 1 статьи, по боевому расписанию - командир арт. погреба, а в повседневной жизни кладовщик продсклада. Но он добывать продукты не ходит, т.к. сыт и на корабле. Зачем ему мерзнуть ночами в порту? Ну, а из нас каждый рад бы пойти в порт.

Всего масла привезли 50 кг, это на 8 дней. 3 раза мы уже получали, значит, остального хватит по 25-ое включительно, а там, может быть, еще добудут. Александров хотел сегодня снова идти в порт, но его назначили дежурным по низам. Пусть он немного таскает сухари, масло, но зато мы едим все, что нам сейчас положено. А от ширяевых и сидорчуков мало толку.

На прошлой неделе троих направили в военно-морской госпиталь: старший 1 старший Топчий, ком. отделения Ипполитов и к/ф Миктеук, а двоих главстаршину Маврина и к/ф Молчанова в ЛФЭ, как негодных к несению строевой службы, по заключению из госпиталя.

Сегодня же объявили, что на командира БЧ-2 Линича возложена подготовка корабля к химзащите, дегазации и вся ответственность за химическое имущество.

А мы думаем, что за все это должен отвечать помощник командира пли старпом.

21 января. Среда.

После вахты с часу до трех ночи спал что-то плохо и проснулся в половине шестого. До 7 часов выпил полторы кружки чая со 100 г хлеба и 20 г масла. На верху довольно холодно - минус 25° по С. После вахты на занятия можно не ходить, и я остался в кубрике читать.

Около 11 часов 20 минут обстрел Васильевского острова.

Обед был сегодня очень хороший. А почему? Потому, что на камбуз не успели привести воды, и поэтому суп вышел гуще, но без добавок, а каша круче. Свекла тоже вышла получше - краснее. Гущи досталось 5 полных столовых ложек и 3 куска грибов, каши тоже 5 ложек и 4 кусочка мяса. Положил в кашу 10 г масла, и вышло очень хорошо. Хлеб съел весь. Если бы нас все время так кормили, то мы так бы не ослабли и нам такой порции бы хватало, а сейчас, чтобы нас накормить, надо давать минимум по

две таких порции. Вообще-то слабость чувствуется здорово: если раньше по всем трапам и вниз и вверх только бегом, то сейчас, даже поднимаясь на верхнюю палубу просто шагом, чувствуешь одышку. Кроме отечности и опухания, многих беспокоят чирьи и карбункулы. У меня, почему-то они полюбили шею. На ночь обязательно бинтую, намазав их какой-то мазью, что дает наш доктор.

После вахты постирал, дочитал "Новь". На обед получили на 5 человек 6 порций, т.к. дежурит по камбузу Попов. Он говорит, что на ужин будет борщ еще лучше. Но, оказалось, что пожиже, только 4 ложки, грибов больше - 4 шт. И кусочек мяса. С мясом что-то плохо. Дали на камбуз 9 кг, а его мы почти не видим. Еще раньше из Порта привезли 25 кг жирного прессованного мяса. Его посолили и положили в бочку. А сейчас мы едим все ту же тощую телку.

Около 17 часов, уже в темноте где-то поблизости грохот разрывов снарядов. Прислушались - на территории завода южнее нас. Давненько не бил по нашему району. Вот и напомнил о своем существовании. Снаряда 3-4 разорвались на льду ковша у нас по корме, но далеко - метрах в 50-100. Била, похоже, одна батарея не менее получаса. Темно, пасмурно, и нашим, очевидно, быстро не удалось ее засечь.

После ужина сменил "Новь". Хотел взять "Вторую империалистическую войну на море", но ее не нашел. Взял "Политехнический словарь". До 9 часов занятие: "Стрелковая рота. Построение стрелкового отделения". Мы это осенью прошлого года зубрили несколько недель.

В 9 часов траурный митинг. Я, Панов и Фахрутдинов заперлись в кубрике. Они дуются в очко, а я линую журнал, который решил использовать в качестве политехнического словаря. Буду выписывать в него самые полезные, нужные и неизвестные мне слова по разделам. Правильно ли я разделил журнал по разделам, узнаю через некоторое время. Боюсь, что войдут далеко не все слова.

Вечером к чаю дали по 100 г своего хлеба. Одно тесто, сырой до невероятности, но зато 50% припеку. Жентычко и Суворов оставляют хлев на утро. А я что-то не могу удержаться. Жентычко дали 5 суток освобождения. Он почти не ест масла, а собирает его в баночку. Суворов тоже, у него уже осталось 300 г хлеба. Все удивляются и упрекают его, но не особенно. Когда его нет, то Панов рассказывает, что он и на "Шмидте" крохоборил, взаймы что-то дать - трясется. Но в глаза ему сказать боятся. Если бы один Жентычко оставлял хлеб или масло, или я, то заклевали бы все. Я тоже откладываю масло, но понемногу, а совсем не есть -

не завидую.

Говорят, что сегодня в столовой завода давали чисто белый хлеб - 1 рубль 90 коп. Мы все еще ждем прибавки.

22 января. Четверг.

До 7.40 убирал коридор. В 8.30 собрание в кают-компании для проработки "Корабельного устава". Вошел Кузьмин: "Давайте на уголь 4-х человек. Я думал, что, во-первых, только что убирал коридор, во-вторых, я комендор-наводчик. В противовес этому 5 нарядов. В конце-концов так и вышло - пришлось идти на уголь. Работали вчетвером. Таскали уголь в мешках со стенки до бункерных ям. Из БЧ-5 только один насыпал нам мешки. Перетаскали полторы тонны угля. Тяжело, это и говорить нечего, но, если бы я выполнял эту работу три-четыре месяца назад, особого труда не представляло бы. Затем начали выгружать шлак: двое работают, один отдыхает. Уговорились поднимать по 10 мешков. Я отдыхал как раз до 11 часов, а в 11: "Кончай все работы! Собраться на политинформацию!" На ней я не был, переписывал "Полит. словарь".

На обед борщ с ячневой крупой и с мясом. Набралось 4 полные столовые ложки гущи и 2 кусочка мяса. Налили нам полный бачок, как на 7 человек. На второе ячневая каша, жидкая, 4,5 ложки. Съел все 200 г хлеба и 20 г масла.

Теперь в кают-компанию готовят пищу отдельно. Отдельный белый бак с супом и бак для второго. По две порции выходит каждому. Суп у них гуще и краснее, каша гуще. Теперь им будут давать прессованное мясо, жирное, а нам все ту же тощую коровенку.

Сегодня из порта привезли мешок крупы, ящик масла (24 кг), прессованного мяса килограммов 25-30, ящик горчицы, кг 7-8 сахара и банок 15-20 консервов. Масла теперь должно хватить по 29-ое, если выдавать по 50 г.

С 13 часов снова выгружали шлак: я и Николаев на палубе, двое внизу. Кошель освобожден. Сначала я отнес 10 мешков, а Николаев поднимал, затем Николаев отнес 10, а я поднимал. Кончили работать в 15.30, а в 16 лейтенант велел вообще кончать работу. Пока курили, прошло минут 15. Я кончил, пошел вниз, вымылся до пояса и скорей в кают-компанию, где лейтенант будет спрашивать боевые инструкции. Я ответил довольно прилично. Хорошо отвечали Рощин, Панов и Попов. Остальные не знают.

На ужин суп с ячневой крупой и с мясом - 4 столовые ложки и два кусочка мяса. Ну и, конечно, компот. Хлеба не осталось, но масла 10 г вложил в суп.

Сегодня я заступаю на вахту к трапу во вторую смену. На

улице потеплело. Вечером - радость: нам прибавили по 100 г хлеба. Мы теперь будем получать по 400 г, эсминцы и др. корабли по 600 г. Вечером дали по 100 г своего хлеба, по 100 портового и по 20 г масла. Половину хлеба и масла съел, а половину оставил на завтра. Обещают завтра утром дать по 90 г масла и 400 г хлеба. Добро!

23 января. Пятница.

Получили по 400 г хлеба, 90 г масла, и у меня осталось 100 г хлеба и 10 г масла. С чаем съел 200 г своего хлеба, 20 г масла и 15 г сахара. На обед суп из мясных консервов с гороховыми кожурками и жидкая ячневая каша - 6 столовых ложек. Хорошо, что были 200 г хлеба к супу и к каше 15 г масла. Получили 6 порций на 5 человек. Обедом остались довольны. Еще бы порцию каши с маслом, и были бы сыты. Фахрутдинов дежурит по низам, рубанул два обеда, и я думаю, что он сыт. С 13 до 14 батарейное учение. Целик устанавливал Рощин, а прицел я. Два раза получили "отлично". Теперь Рощин будет вместо Жентычко установщиком прицела и целика. На последней вахте с 15 до 17 здорово замерзли ноги. Мороз - за 20°.

Ждали сегодня хлеба, но привезли только на "Стойкий". Нам обещали завтра. Значит, утром дадут грамм по 200. Какой-то рабочий предложил сменять часы (хорошие) на продукты. Я могу предложить только хлеб, масло и сахар, но сколько и когда я сумею скопить? Выйдет что у меня или нет? Денег маловато.

На ужин борщ с ячневой крупой, которой дали на камбуз только 1 кг. В супе попалось 5 кусочков мяса, гущи 4,5 столовых ложки. Компот лучше, слаще, т.к. ягоды лучше. Хлеба оставалось 50 г и 10 г масла. Опять 6 порций на 5 человек.

На занятиях по "Стрелковой роте" читал "Вторая Империалистическая война на море". По-моему недостаток этой книги в том, что нет подробностей. Неужели автор не мог их узнать? Старший лейтенант Шаталов решил так: разбить всех по срокам службы и начать спрашивать по программе с 5-го года службы. Кто все нормы сдаст, тот освобождается от занятий. Так и сделали. Начал спрашивать и видит, что очень мало знают, хотя и много служат. Будет ли он продолжать свою задумку - не знаю, а освободиться от занятий не мешало бы.

На чай дали 100 г хлеба и 150 г сахара на 5 дней. Граммов 80 сахара отложил в сторону. Масло тоже откладывал в банку, которую прячу в углу шкафа. Там целее будет, чем в рундуке и не растает. После чая завалился спать и на справке не был.

24 января. Суббота.

Ну и мороз сегодня! Весь день за 30°. Сильный восточный ветер пробирает, кажется, до костей. Сегодня Суворов на вахте,

значит, мне на палубе убирать одному. До 11 часов, пока убирал палубу, 4 раза спускался вниз греться. Ноги опять чуть не отморозил. Вчера мы ждали, что привезут хлеб и решили окончательно, во что бы то ни стало, спереть буханку. Хлеб привезли, но на "Стойкий", а нам - нет. Поэтому утром сегодня дали по 200 г своего хлеба-теста, 50 г масла. С вечера у меня оставалось 100 г хлеба и за чаем я не выдержал и съел весь хлеб, 25 г масла и 15 г сахара. Хорошо, что быстро убрал половину сахара и масла, а то, пожалуй, им бы несдобровать.

Попов предложил мне карманный фонарик без батарейки сменять на 100 г хлеба в обед. Черта с два ему. В обед он мне самому нужен, а потом за 100 г хлеба рабочие 5 таких фонарей дадут. Как это другие умудряются менять у рабочих хлеб на часы и другие вещи?

Утром нашел под подушкой 3 открытки и два письма, их принесли вчера вечером, когда я стоял на вахте. Оба письма - мои, посланные Андрею 11 и 25 ноября в интернат. На письмах написано, что школа эвакуировалась в неизвестном направлении. Одна открытка от Алика еще от 21 декабря. Что-то он часто стал мне писать. Это хорошо. Две открытки от Жени от 22 декабря. Он уже дома на Скатертном. Хорошо, что я на Тихвинский Юрке Потоцкому (другой мой двоюродный брат, мне ровесник) послал только одно письмо. Изо всех трех открыток чувствуется, что им стало легче. Алик пишет, что немцы были от них в 20 км - вышли к каналу у Яхромы. Как раз мама писала мне в это время, открытки от 7, 9, и 11 декабря. Ясно, почему они были такими тревожными.

Сейчас у нас дома нуждаются в деньгах, значит они дороги, т.е. на немного денег можно купить много, но денег мало. У нас, наоборот - на много денег можно купить мало, но денег много. У нас мало предметов, много денег, у них много предметов, но мало денег. Я вот не знаю: копить ли мне деньги? Сейчас на них много не купишь здесь; послать их домой, но их у меня мало. Может, продавать свои папиросы, масло, а деньги отослать? Или менять здесь, что можно, на вещи? Два последних варианта, пожалуй, одинаковы. В общем, не знаю, послать ли деньги домой, где они сейчас нужны, а мне нет, или ждать, когда они мне понадобятся? Денег немного, и я хочу, чтобы от них было больше пользы. Решусь, пожалуй, на то, что часть денег пошлю. Женя пишет, что в Москве много чего хорошего, но мало денег. Только бы мне потом не раскаиваться. Как жаль, что письма так скверно ходят - по месяцу и больше. Хотя у нас новый адрес.

Я не пойму, решил ли Женя отдаться службе? Он ждет открытия артиллерийского или снайперского училища. Мне это

не нравится. Это просто влечение, характерное в наше время и в наши годы. Надо с ним посоветоваться. Никак не соберусь сходить к военкому. Все откладываю дело. Что за черт! Оба письма Андрею отослал в Красноярск с некоторыми поправками. Написал письмо Жене, подробно его расспросил. Немного разъяснил свои планы. Нужно как-то живее действовать. Придет весна, будет не до этого.

На обед борщ со шпротами совсем без соли. И у нас соль кончается, но все же посолили. 3,5 ложки гущи. На второе густая гречневая каша - 4 столовых ложки. Дали 100 г своего хлеба, съел 15 г масла. Добавки не достали. Часа через два после обеда и ужина сильно хочется снова есть и поэтому оставшемуся хлебу и маслу достается. Я стал делать так, как вначале Попов и Панов, но они теперь большую часть съедают утром, а я, обыкновенно, после чая или после обеда доедаю оставшийся хлеб и масло. У Попова и Панова хоть есть шансы получить расход, т.е. пообедать еще раз. Фахрутдинов, так этот вообще редко один раз обедает. Это сразу видно и по его сытой круглой физиономии, которая бросается в глаза на фоне наших торчащих скул. На ужин одно первое. Компот отменен. Так, весело. Суп из гороховых консервов - одна водичка, хотя бы крупы прибавили. С удивлением вспоминаю, что до войны дома от одного запаха наваристого густого горохового супа со свининой меня тошнило, и есть я его совсем не мог. А сейчас даже запах гороховой водички одно удовольствие. Дали по 100 г мороженого хлеба, занятого на эсминце. Там теперь жизнь нормальная: 600 г хлеба, хороший приварок, обед с третьим, ужин со вторым, хлеб у ребят остается. Эх, "Волынец", когда ты снова станешь "Суур-Тыллом"?

Говорят, что завтра подъем военно-морского флага. Приедет Трибуц. А разве с 17 ноября, когда корабль снова стал "Волынцем", мы не военно-морской флаг поднимали? Путилин клянется, что нас переведут в 3-ю категорию - 600 г хлеба и т.д. Сегодня я иду в наряд к карцеру. Это хорошо, а то на улице очень холодно. Утром было минус 34°С. В кубрике холодно. В карцере хоть тепло и можно почитать. Я стою во вторую смену, Рощин в первую. Чтобы спать поровну, решили до 11 стоять по 2 часа, а потом по 4. До 8 часов комсомольское собрание. На чай готовят по 60 г сухарей, т.к. хлеба все нет.

В половине девятого привезли хлеб. Мы готовы: я, Суворов, Головощапов, Фахрутдинов и привязался Афанков. Хлеб ничего. 250 кг. На трапе я споткнулся, грохнулся с ящиком на палубу и здорово треснулся подбородком об ящик - синяк. Бондаренко, вахтенный у трапа, бросился к ящику, схватился за горбушку, но я успел дать ему пинка, и он отлетел. После разгрузки Ширяев

дал граммов по 220 своего хлеба. Оставил 200 г на утро и пошел на вахту.

Читаю "Даша Светлова" Бражнина. Ничего, поучительная.

На чай подменил Рощин. Сухари свои съел. Дня два назад прибыл командир запаса Борцов, вроде был старпомом на "Ермаке", назначен командиром БЧ-1. Вернулся старший 2 старший Соболь, которого контузило посильнее, чем меня 24 ноября при подрыве на минах. Месяц пробыл в госпитале и месяц в батальоне выздоравливающих. Вернулся из ВМГ Ракитин - пневмония после сильной простуды, а старшину 1 статьи Мелентьева отправили в псих. больницу. Вроде бы тихий такой был парень.

25 января. Воскресенье.

На вахте у карцера стоял, вернее, сидел с 3 до 7. Пригрелся, дремал и даже соснул в темноте. Сегодня побудка в 7 часов, так что и свет дали только в 7.

В 8.00 торжественный подъем военно-морского флага. Я рассчитал так, чтобы до 8 подменять Рощина на чай, и в результате на палубу не пошли оба. На чай дали 400 г хорошего хлеба и 50 г масла. Я сначала съел вчерашнего 200 г, а этот хотел оставить, но до 11 часов съел еще 100 г и 25 г масла. Сегодня его не придется откладывать. Того сахара, что у меня оставался в рундуке, хватит только на сегодня. Убранный трогать не буду, посижу и без него. Решил оставить на себя расход на обед. Может, второго больше дадут. Сегодня на камбуз на второе дали 8 кг крупы.

До обеда на вахте читал, на обед подменил Рощина. В расходе супу дали меньше - 2 столовых ложки, а каши больше - 8 столовых ложек. Говорят, что по столько каши давали на первые бачки. Съел 200 г хлеба и 15 г масла. Кончал обед в темноте, наспех, т.к. погасили свет. Не выдержал и со стаканом чая съел остальной хлеб, масло и 10 г сахара. Что со мной случилось?

До 13.30 дремал у карцера в темноте. Как только дали свет, к 3-м часам закончил читать книжку. В кубрике все спят. Я записался в шахматный турнир. Возможно, сегодня столкнемся. С кем? Как? Я месяца 4, а то и 5 не играл. На ужин буду опять в расходе.

Сегодня утром был митинг в честь перевода нашего корабля в ряды КБФ. По количеству проведенных во льду судов - мы на первом месте. С 5 по 24 ноября за 16 рейсов провели 116 транспортов, кораблей и морских барж. Весной нам достанется. Я думаю так: у нас на корабле бардак будет до тех пор, пока не будет настоящего военного командования, а оно не будет до тех пор, пока мы не вступим в боевые действия и наше командование

покажет всю свою неспособность. А это должно произойти обязательно. Но пока мы стоим, наше командование подходящее, и о смене его нечего думать, а отсюда - бардак будет продолжаться.

На ужин один суп с гречневой крупой - 4 столовые ложки. Мяса не видно, хотя на день дали 8,8 кг.

Пришел от лейтенанта Фахрутдинов и рассказал, что видел у него акт. У Николаева под койкой нашли: 450 г гречневой крупы, 240 г пшена, 400 г ячневой, 450 г мяса, 200 г сухой свеклы. Этого и следовало ожидать. И, конечно, это не в первый раз. Пока он на камбузе работал, наверное, свою семью, которая в городе, обеспечивал. Наверняка, это дело замнут.

Сегодня так и не удалось ни постираться, ни вымыться.

Получил письмо из Звягино со Школьной ул., дом 2. А от кого - не знаю. Оказывается, от Вовки Фнногенова. Их дом крайний на нашей улице, через дом от нашего. Он года на 2-3 младше меня. Письмо написано со многими ошибками. Таскает у Шурки Пульникова голубей, катается на лыжах с Аликом (только бы не мешал ему учиться). Пишет, что фронт был почти рядом и несколько домов развалилось. Отчего? От бомб или от снарядов? Чего ему вздумалось мне написать? Главное, что меня удивил, - письмо послано 16.01, а пришло 24.01. - за 8 дней! Почему же из дома не пишут? Если у Вовки есть мой новый адрес, то дома, я и так знаю, что есть.

К вечернему чаю дали 50 г сухарей. Два сухаря съел, один оставил. Съел последний кусочек сахара 10 г. Сегодня из порта привезли еще ящик масла, но плохого, белого и 30 кг песка. Говорят, что масло мы получили за весь январь, и будут ли его выдавать за недополученные дни - едва ли.

Вечером на "Стойком" был большой концерт Ансамбля песни и пляски КБФ. Вообще-то, концерты артистов у них часто бывают, но обычно 3-5 человек, а сегодня человек 20 было.

26 января. Понедельник.

За чаем сумел себя сдержать: съел только 100 г хлеба и 15 г масла. Соли нет, сахара нет, масло несоленое, хреновое, но хлеб хороший. Кусок хлеба граммов в 100 завернул и убрал в рундук. Масло граммов 25 отложил. У меня сейчас, пожалуй, граммов 100 масла отложено.

До обеда один час занятия по противогазу, два - по самозащите от ОВ. Скука! За что взяться - не знаю. Хватаюсь за все сразу: веду в блокноте учет и подсчет потерь на море США, Англии, Японии, Германии, Италии на Тихом океане, на Балтийском море, на Баренцевом по публикациям в газетах. Переписываю "Политехнический словарь" - этого мне хватит черт

знает на сколько. Читаю и выписываю из "Второй империалистической войны на море" все важные факты. А разве мне это сейчас так необходимо? Если изучать, то какую-нибудь специальность, которая нужна будет через месяц, два, три. Но нет никакой охоты. За учебники тоже никак не могу взяться. Нужно было мне в начале зимы проситься учиться - что было бы куда лучше. Теперь едва ли куда попадешь, а весной и летом вообще едва ли отпустят с флота. Выход один - в госпиталь, из которого больше всего шансов попасть домой. Но как попасть в госпиталь? Так попасть, чтобы было крепко, но не пострадать.

Ровно в 12 часов грохот близких разрывов снарядов. Полчаса бил по нашему заводу и по району ковша. Но никто даже на палубу не выглянул. Обед важнее. Куда деваться или скрываться во время таких обстрелов? Думали, думали, но ничего путного не придумали. И мудро решили: "Авось, пронесет".

После обеда все спали до половины второго, пока не разбудил лейтенант. Сходил к орудию. Температура - минус 20°. Сегодня мне стоять у трапа во вторую смену. Яковенко в карцере заболел. По расписанию до ужина - изучение материальной части. А заниматься не с кем, т.к. двое на угле.

Постирал платок, сходил к военкому подписать письмо. Встретил меня не особенно приветливо. Завтра пошлю это письмо в Пушкинский военкомат. Жентычко опять ходил в госпиталь на консультацию. Врач удивляется: "Что же у вас за часть? В экипаже получают по 600 г хлеба". А когда ему сказали, что люди не могут работать, он сказал, что у вас вообще скоро все ноги протянут".

На ужин старые знакомые: суп с ржаными галушками - 11 штук и такими же макарончиками - 2 столовые ложки. Суп с рыбой, коей попалось два кусочка. На чай - пусто. 1 стакан чаю. Написал и отослал письмо Финогенову Вовке. Сегодня заступаю на вахту к трапу во вторую смену. Стоим по часу, хотя можно и по два часа.

27 января. Вторник.

Всю ночь стояли по часу, т.к. мороз около 30°, но с 7 часов Суворов все же решился стоять по два часа. С 9 часов занятия - стрелковая рота. Занятия на стенке. Хорошо, что я на вахте. Под конец вахты ноги все же замерзли, хотя валенки большие, хорошие.

На обед жидкий борщ с ячневой крупой - 3,5 ложки гущи. На второе пшенная жидкая каша - 4 столовые ложки. Утром съел небольшой, граммов в 70 кусочек хлеба и 15 г масла, а в обед съел 100 г вчерашнего хлеба, а оставшиеся 300 г убрал. Отложил также 20 г масла.

После обеда немец начал бить по центру города, но мы

пошли отдыхать. Поспали до половины второго. Специально долго собирался, чтобы не идти на угольную погрузку, и когда старпом спросил, почему я не на погрузке, ответил, что через 40 минут иду на вахту.

Немец все еще обстреливает город. Часа в 2 открыли огонь наши батареи и били более часа.

Встретился рабочий, который предлагал мне часы. Я прямо сказал ему свою цену: два кг хлеба, 150 г масла, 150 г сахара. Но он просит больше масла и сахара - 500 г, но меньше хлеба. Дал свой адрес: Мясная улица, дом 3, кв. 3 Ларионов Степан. Решил числа 1-го попробовать махнуть к нему по льду. Подсчитал, сколько и чего я смогу приготовить к 1-му числу. Вышло так: хлеба - 1,5 кг, масла - 300 г, сахара - 300 г. Я считаю, что этого достаточно. В современной цене это выходит свыше 1000 рублей, считая, что 100 г хлеба стоит 30 руб., масло 100 г - 150 руб., 150 г сахара - 100 руб. И то, пожалуй, жирно будет. Ну, сбавить всегда можно будет. Папиросы будут про запас. 10 пачек, если загоню, то не менее, чем за 150 руб. На рынке они стоят, кажется, 20-25 рублей пачка.

Ужин, которого мы ждали 6 часов, состоял из борща - 1,5 столовые ложки гущи и маленького кусочка мяса. Куда все мясо делось? Почему не могли добавить крупы? Пошли стирать и мыться.

28 января. Среда.

Утром 400 г хлеба, 50 г масла. Съел только 50 г хлеба и 10 г масла.

До 9 часов занятия. С 9 угольная погрузка. Фахрутдинов назначил Меня, но Попов отменил - комендор. До обеда, можно сказать, свободное время, т.к. половина БЧ на аврале.

В обед дали пустой борщ без мяса и без каких-либо круп - 4 столовые ложки и жидкую пшенную кашу - 4 столовые ложки. Съел 100 г вчерашнего хлеба и 10 г масла. Отдохнули часик и..."Одевайся на уголь!" Семь человек поедут за углем. Удивительно, как это Суворов едет? Все одеты в полушубки, валенки, подшлемники. Поехали снова к АРЗу. Ветер поднимает в кузове угольную пыль и засыпает глаза. Пришлось ехать с закрытыми глазами. Мороз сегодня полегче немного ниже 20°.

Уголь теперь берем в другом месте. Уголь - пыль, но так слежался и смерзся, что лопатой не взять, да и ломом едва возьмешь. Набрали машину часа за два с половиной. Измучились порядком. Валенки мне тесноваты, и один большой палец чуть не отморозил. Пришлось разуваться и растирать. В начале шестого, уже в темноте, двинулись домой.

Сколько прекрасных корпусов строилось на Московском

шоссе! Большие красивые шестиэтажные корпуса, соединенные арками. Они не хуже, а пожалуй, и лучше, чем в Москве на улице Горького.

Прибыли как раз к ужину. На нас, на 7 человек, оставлен отдельный бачок с супом и в кастрюльке 10 порций каши. Суп с ржаными галушками - 25 шт. И две ложки макарон. Суп довольно густой, но без мяса. Каши столько же - 3,5 ложки, жидкой. Из оставленных 10 порций кок раздал на сторону 3 порции.

На справке объявили строгий выговор главстаршине боцману Малышеву за то, что у Фирсова, из боцманской команды, обнаружены вши. При повторном таком случае обещано под трибунал. Самому Фирсову тоже дали "строгача". Игнатьеву (ком. отд.) "строгача" дали за халатность на службе и отстранили от работы на камбузе. Этому вполне заслужено.

Объявили о прибывшем из ЛФЭ на корабль пополнении: четверо машинистов (Журавченков, Колосов и еще двое), двое в нашу БЧ-2 (Кривенко Григорий комендор и Павел Кизеев - пулеметчик), водолаз с запоминающейся фамилией Водян Иван и один парень в боцманскую команду. Младшего сержанта Жданова, неизвестно зачем направленного на корабль, назначили санитаром, а из нашей БЧ-2 новенького комендора-палубного (не знаю, в чем отличие комендора-зенитного от палубного? Может быть палубные - что специалисты, работающие на крупном калибре, который не ведет зенитный огонь? Так у нас нет таких орудий и не будет.) Алексея Семенова назначили зам. политрука все при деле.

Вернулись из Военно-морского госпиталя Ипполитов и Топчий из нашей БЧ и двое из БЧ-5 - Голубенков и Соколов, а им "в замену" направили двоих старшин из БЧ-5 - Федосеева и Казачикова. За этот месяц человек 10 уже направлены в госпиталь. Двоих ребят из этой же БЧ отпустили в электро-механическую школу в Кронштадт. Якобы по запросу начальника этой школы. Повезло ребятам. С Петром Швыревым по разным корабельным делам сталкивался не раз за последние три месяца, а вот Шкорупа что-то в лицо не припомню. Наверное, недолго был у нас.

К вечернему чаю нам семерым дали по 50 г сухарей. Не удержался и все съел за чаем. Получил открытку от Жени от 11 декабря. Чувствую себя совершенно расслабленным. После чая сейчас же лег спать.

29 января. Четверг.

Утром с чаем съел 100 г, хлеба и 10 г масла. С 9 часов меня опять на уголь. Суворова не тронули. К 11 часам весь уголь перетаскали. Перед обедом в кубрик зашел Емельянов и спросил:

"Кто хочет сходить в город?". Я поинтересовался: "Куда и зачем?" "В штаб флота." "Это на счет 600 граммов?" "Да." Я согласился, думая заодно забежать на Невский.

После обеда я должен зайти к нач. снабжения, и он все объяснит. Дело в том, что вчера наши ходили на "Молотов" и узнали, что там начали получать по 600 г хлеба и вообще перешли на 2-ю категорию.

На обед гороховый мясной суп - одна вода. Гороху дали 5 кг. Мяса не видно. На второе жидкая гречневая каша - 3,5 столовые ложки. Сегодня Попов на камбузе, так что мы получили 6 порций на пятерых. Фахрутдинов съел 3 порции супа и 2 каши и жалуется, что все это херня, потому что одна вода.

После обеда пошел к начснибу - лежит на койке. Спросил у него: что, как и почему. Объяснил: "Сходишь в штаб флота, вход с 12-й линии, в прод-отдел. Возьмешь приказ № 4 от 24 января 1942 г "О нормах довольствия". Все".

У писаря взял командировочную, пошел к командиру. Тот подписал. Теперь дело за комиссаром, но он еще обедает. Смотрю, вестовые "работают": отложили себе в миску каши, но, видимо, кому-то не хватило, и скорее добавлять. Так, что себе отложить или отлить им не составляет труда. Если нам прибавят паек, то это будет еще легче.

Мне не терпится - два раза отрезал по куску хлеба, из запаса, мазал маслом, посыпал песком и съедал. Думал, что добавят хлеба, сумею пополнить запас. Всего еще съел 200 г хлеба, 10 г масла и 10 г песка.

Пошел к комиссару. Спрашивает: "А дадут тебе?" "Должны дать". Но тут зашел старпом и спросил, почему посылают краснофлотцев, что нужно послать старшего лейтенанта Шаталова (ком-р батареи 76-мм орудий, которых еще не поставили). Все. Командировочную у меня отобрали. Поспешил себя насмешил, хлеб съел, а в город не попал. Пробегал с этой командировкой и не отдохнул сегодня. А в 13 часов аврал. Мы с Суворовым убираемся на палубе. Погода теплая, градусов 12, снега навалило порядком, работы до чертиков. На моей половине полно шлангов, кабелей, которые так мешают убирать снег. Целых два часа возился с палубой. С 15 часов свободное время. Обсуждаем новый приказ. Мы еще к 1 января ждали 700 г, а вот почти уже месяц кончился и просидели на трехстах.

За ужином занял очередь за вторым. Смотрю, как разливают бачки. Этот Гнездилов совсем не умеет. На первые бачки мяса ни кусочка, а в последние в каждой чумичке по восемь кусочков мяса. Наш бачок попал в число первых. Разлили у себя - так и есть. Хоть бы один маленький кусочек - ни одного. Если бы я не

видел, как разливали остальные бачки, то не был бы так возмущен. А сейчас мне не по себе. Пошел за добавкой. Уверен, что будет. Подошел к камбузу с бачком Бондаренко: "Почему одна вода? Гущи нет". Тьфу, балбес, будто суп с картошкой, когда дали 3 кг ячневой на ужин. Кок посмотрел его бачок - в нем там порядком мяса. Сейчас же прогнали его. Надо было нам со своим бачком сходить. Спросил добавки. Гнездилов ответил, что нет и еще не хватит, пожалуй. Но Григанчук отлил расход, человек на десять, хотя его всего семь, а остальные порций пять раздал нам на добавки.

Хоть раз видали ли мы положенные 75 г мяса? Разваривается? Согласен, в чужих желудках. В день получаем не больше 15 г. Сегодня должны были привести нам хлеб. Но его все нет. На эсминец привезли. Эсминец печет у нас сегодня хлеб. Печет "Жора". Ну и поест он сегодня хлеба, а то он уже проголодался без камбуза. Ему дали 10 суток строгой "губы" за отказ работать в БЧ-5, а главстаршине Кузьмину, его начальнику, выговор за него. 10 суток "строгача" получил также Зиновьев за украденную буханку. А вот Николаеву что-то ничего не дали, а стоило бы как следует наказать.

Приехал старший лейтенант Шаталов с приказом. Прибавка нам есть! Порядок! Но хлеба не привезли опять, поэтому к чаю дачи, вместо 200 г хлеба, по 120 г сухарей. Половину сухарей оставил на утро.

На справке прочитали приказ "О временном довольствии боевых кораблей, морских фортов и других частей".

Вот, что нам теперь положено и предыдущая норма:

Новая Старая
Хлеб 600 г 400 г
Крупы 125 г 60 г
Макароны 30 г 30 г
Мука ржаная 15 г 15 г
Картофель,
томаты, овощи 500 г 400 г
Соевая мука 15 г 15 г
Соль 30 г 30 г
Сахар 35 г 30 г
Жиры,
растит масло 40 г 40 г
Мясо 125 г 75 г

Ну и другие мелочи.

Овощи заменяются из расчета за 100 г - 10 г, крупы, мука и макароны заменяются крупой из расчета грамм за грамм. Выходит, что мы должны получать круп 235 г. Значит, и на ужин

должно быть второе.

В приказе еще сказано, чтобы особенно следить за тем, чтобы бойцы и командиры получали все, что положено, и чтобы пищу готовили как следует.

Ну, этому не бывать. То, что положено, мы никогда не получали и не будем получать. А из больших норм легче воровать.

Для комсостава добавили к жирам 40 г сливочного масла и 20 г печенья. Так что сейчас кают-компания получает 50 г масла утром и 40 г вечером. Пока нет жиров, мы будем получать 50 г масла, а когда будут жиры - прощай масло. А жиры пойдут в котел, и мы половины не увидим. Долго ли будем получать по этим нормам - неизвестно. Но если нас отнесут к вспомогательным кораблям, то снова на старые нормы. Но пока у нас флаг боевого корабля! Подвел итог моих накоплений на 29 января: хлеб - 500, масло - 200, сахар - 170 г.

Попробую подсчитать, сколько теперь должны давать продуктов на котел. Результаты получились такие: всего в день крупы - 27 кг, мяса - 16.875 кг, муки - 4 кг. На обед выходит: крупы - около 15 кг, мяса - около 8,5 кг, муки - ок. 2 кг. На ужин: крупы - 12 кг, мяса - ок. 8,3 кг, муки - 2 кг. Это из расчета на 135 чел.

В обед на первое: крупы и муки - 6 + 2 кг, мяса - 6-8 кг. На второе: крупы - 9 кг. На ужин первое: крупы, муки - 5 + 2 кг, мяса - 6-8 кг. На второе: крупы - 7 кг. В общем, можно сказать, что прибавили только второе на ужин и мясо, а в остальном порции будут те же. Мяса мы будем видеть столько же. Если бы мясо делили или на порции, или хотя бы на бачки, то совсем другое дело.

Вчера получил от Жени открытку от 11.12.41 г. Эта запоздала, я уже получил от него от 22.12. Пишет, что достает мне книги.

Я решил так: если с часами что не выйдет, пошлю деньги домой и ему. А пока, может быть, и письмецо свежее получу от них. Сегодня послал письмо Жене и домой. Завтра пошлю Андрею. Попросил его прислать программу испытаний за 9-й и 10-й классы.

30 января. Пятница.

Утром дали по 200 г хлеба, 50 г масла. Съел вчерашние 60 г сухарей, граммов 50 от позавчерашнего хлеба и 10 г вчерашнего масла. Боюсь, что к 1 февраля не накоплю того, что надо.

С 7 до 7.40 убирали на палубе снег, которого за ночь намело порядочно. Сегодня всего минус 10, работали от каждого орудия по человеку, так что убираться было легче.

До 9 часов занятия по установке прицела и целика, а до 11 должны были учить боевые инструкции и проверять знание их у орудий. Последнее делать не пошли, т.к. Попов и Фахрутдинов ушли в порт. Я свою инструкцию знаю назубок.

Сегодня на день дали 29 кг крупы. Это новая норма. Посмотрим, какие будут результаты. На обед дадут 120 г сухарей. Эта замена хлеба мешает мне его экономить. Обед получили на 4-х, как на 5 человек. Супу вышло по 3,5 чумички. Суп гороховый с мясом, довольно густой. Очевидно, дали муки побольше. Каша гречневая погуще и побольше. Второе теперь получают отдельно на бачок. Каши вышло по полной суповой чумичке и столовой ложке. Всего 7 столовых ложек. Это довольно порядочно, почти в два раза больше, чем давали раньше, и гуще. Удалось достать полторы чумички супу. Теперь живот что-то чувствует. Мяса давали отдельным куском граммов по 60. Это куда лучше. За обедом съел граммов 80 сухарей и 10-15 г вчерашнего масла. Остальные сухари оставил на вечерний чай. Масло оставил все.

До 13 часов немного отдохнули. С 13.30 убрались у орудий, а потом сидели в кубрике и занимались, кто чем хотел.

Оказалось, что крупы дали 35 кг, т.к. мы должны вообще получить разницу, не полученную нами с 25-го января.

На ужин мясной суп с ржаной лапшой и макаронами. Самой гущи 2 столовые ложки, но в суп добавили много муки. Так что вышло ничего. Мяса попался кусочек граммов на 20. На второе ячневая каша - 6 столовых ложек. Каши порядочно. Съел 100 г старого хлеба. Лег спать до чая и на справку не вышел.

31 января. Суббота.

Вчера я должен был заступить на вахту к трапу в третью смену. Погода довольно теплая - не ниже минус 12. Валенки достал хорошие, с калошами. Договорились стоять по три часа. Мне стоять с часу до 4-х ночи. В 11 вечера меня кто-то разбудил: "Хлеб пойдешь таскать?" Сейчас же вскочил, натянул брюки, ботинки, накинул шинель - готов! Все-таки привезли хлеб. Встал на носку хлеба весь кубрик - 5 человек, т.к. Суворов на вахте - в дозоре на стенке ходит вдоль нашего ковша. Вышли на стенку, глянь - Суворов уже около машины. Шофер машины его знакомый, так что ему хлеба иногда дают.

Мы все пятеро принялись таскать хлеб. Всего 12 ящиков по 15 буханок в ящике. Хлеб кирпичиками, теплый еще. Обламывать очень неудобно. Сняли мы по ящику, два сунули в кладовку, остальные ставили в коридоре под присмотром дежурного по низам Ширяева. Свет выключен. Я решил во что бы то ни стало спереть буханку. Условия подходящие. Во второй партии с ящиками я иду последний. В тамбуре быстро разламываю одну

буханку пополам, одну половину прячу под полу шинели, другую в нижний ряд и закрываю ее целой буханкой. Не придерешься. Вдруг подбегает Фахрутдинов и берет из моего ящика целую буханку. Я и сказать ему ничего не успел. Притащил ящик в коридор и начал перекладывать буханки, делая вид, что считаю их, а сам стараюсь взятую мною вторую половинку так же положить под низ. Положил и поставил свой ящик на самый верх, но он последний.

Дежурный по низам и рассыльный видели, конечно, что я копался в ящике, и принялись его осматривать, а я побежал к машине. Навстречу Жентычко, рот полный хлеба, тащит последний ящик. Я отщипнул у него угол буханки и пошел обратно. Кладовщик Шестаков и рассыльный Михайлов стоят у моего ящика. "У Трифонова в ящике полбуханки отломано". Я молчу, ничего не говорю, но вижу, что они еще не знают, что в другом конце ящика у меня еще половинка буханки и что всего не хватает целой буханки. Захожу в кубрик и говорю Фахрутдинову, что засыпались, и советую ему пойти в кладовку и подсунуть буханку обратно, а те половинки сложить. Сам ложусь на койку и слушаю, что говорят у кладовки. У Жентычко в ящике обломаны 4 буханки. Упоминается моя фамилия и мои полбуханки.

Дело дрянь. Пахнет 10-ю сутками ареста, как минимум. Время уже 12 ночи. Вскоре в коридоре началась ругань. Агент, сопровождавший машину с хлебом, ругается, что испорчено 7 буханок. Кроют Жентычко. Пришел Кожин - дежурный по кораблю и тоже ввязался в спор. Ширяев ругается, что хлеб теплый, а разницы на тепло нет. Агент говорит, что заберет хлеб обратно. Жентычко и Фахрутдинов указывают на Шестакова, который порядком тоже обломал буханок. Кожин грозит посадить и Жентычко, и Шестакова. Обо мне пока молчат. Половина первого ночи. Вышел политрук и велел прекратить ругань - команда спит.

Наконец агент ушел. Панов и Попов уже легли. Ругаются в койках, что теперь Шестаков не даст хлеба за работу. Они правы. Ни Фахрутдинову, ни Суворову хлеба не дали. Шестаков ходит злой. Это и понятно.

Я готовлюсь к вахте. Толкаю в темноте Фахрутдинова, как, мол, где буханка? Он меня толкает тоже. Значит, она у него. Я снимаю тулуп с вешалки. Рядом висит шинель Фахрутдинова, в кармане которой ясно чувствую буханку. Фахрутдинов усиленно толкает меня, берет мою руку и толкает ее к буханке. Я даю ему понять, что понял, узнал ее.

Стоя на вахте я все строил планы: делить ли буханку пополам или предложить Мишке, чтобы он ее оставил мне, а утром я отдал бы ему свою порцию. Потом пошли на ум подозрения: как бы без

меня они ее не разделили между собой вчетвером, ведь Жентычко уйдет в 3 часа на вахту.

Сменившись с вахты, пощупал шинель Фахрутдинрова - пусто. Хлеба нет. Куда он его дел? Может, разделил пополам и сунул мне куда-нибудь мою половину? Или вообще убрал в другое место? А, может быть, они ее уже съели? Так и не мог уснуть.

В половине пятого разбудили Панова идти в обход. Он ушел только в начале шестого. Я окликнул Фахрутдинова - молчок. Решил ждать утра и наконец уснул.

В 6 часов, после побудки, Фахрутдинов спрашивает меня: "Хлеб видел? Он у тебя в рундуке". Посмотрел в рундук. Есть, лежит кусочек граммов в 200. Оказывается, буханку по-братски разделили на 5 человек. Ну и то ладно. Весь кусок съел с чаем, намазав немного маслом.

С 8.30 занятия стрелковой роты на улице. Я не пошел, т.к. с 10 на вахту. Надеялся, что увижу рабочего, с которым договаривался. Но, увы. Не проходил он. Правда, есть надежда, что увижу, когда буду стоять с 17 до 19. Почти всю вахту разговаривал с дозорным с эсминца. Пожаловался, что уже два дня не получают мяса и не дают масла. Ну не все же время им в масле кататься. После недавнего благополучия с питанием им, конечно, сейчас хуже.

За расходом пошел с миской Жентычко, надеясь получить побольше супу. Коку ничего не говорил, и он добавил мне и супу, и каши, и подливки, сказав: "Кто не просит, всегда тому добавить охота". Суп гороховый, довольно густой, т.к. вообще остаток гуще. На второе ячневая каша жидкая - 6 полных столовых ложек с мясной подливкой - ложек 10-12 и куском мяса граммов на 60. Хлеба зато съел только 70 граммов.

Сегодня немец после довольно долгого перерыва снова напомнил о себе. Около 12 часов дал три выстрела с большим интервалом. Снаряды рванули где-то в районе порта. Сейчас же заговорила какая-то наша батарея и, похоже, "Максим". В 12 часов вдруг разрывы снарядов в нашем районе и чуть позже дошли звуки знакомых дальних выстрелов. Несколько снарядов перелетели через нас, штук 10-15 разорвались на Балтийском заводе, но главным образом, рвались в том от нас направлении, где стоит "Максим". Очевидно, специально щупали его. Наверное, опять подошел их бронепоезд. Залпы следовали довольно часто. Минут через 10-15 ухнула наша батарея, затем другая. Били они редко, очевидно, ожидая результатов корректировки, но через 5 минут немец смолк.

Антоненко сказал, что наш старпом скоро уходит куда-то

учиться. Очень рады. Скатертью дорога.

Ширяев сегодня сдает кладовку Емельянову, которого выдвинул старшина Кожин, хотя против были лейтенанты, старпом и еще кто-то. Старшина надеется, что Емельянов отучит их от кладовки. Посмотрим, что выйдет на деле. Очень возможно, что он окажется прав.

На ужин суп гороховый, довольно густой, но если бы дежурный разливал его в бачки, то мне попалось бы и мясо, а так мяса не видел. Зато пшенной каши дал больше - 7 столовых ложек. Положил в нее 10 граммов масла. К ужину выдали еще 350 г ...

Далее один лист из блокнота кем-то, когда-то вырван.

1 февраля. Воскресенье.

За чаем съел только 100 г хлеба, 10 г масла и граммов 10-15 песка. На обед решил взять старый хлеб - 200 г.

С 9 часов большая приборка. Я освободился с палубы в половине одиннадцатого и остальное время читал в кубрике.

Вместо папирос получили по 6 пачек саратовской махорки, по 50 г в пачке, по коробку спичек на двоих и три пачки бумаги. Иванов уже подходил ко мне. Даст за пачку махорки 10 руб. Я просил обождать. Через некоторое время он опять зашел в кубрик и сказал, что продает брюки комсоставские. Жентычко просил принести. Принес. Я померил - как раз, и на вид ничего. Спрашивает за них 350 рублей. Говорит, что дома есть суконка флотская. Прибавил за махорку. Теперь дает за 6 пачек 100 руб. Я просил подождать до завтра.

В обед мясной, довольно густой гороховый суп и жидкая ячневая каша - 5 стол, ложек. К каше дали мяса - граммов 70 и 4 столовых ложки подливки. Съел грамм 200 хлеба. Суп разливал я, но не выгадал себе ни капли, а кашу делил Суворов. Сегодня что-то маловато и супу, и каши, но все же живот чувствует.

После обеда вышел в коридор, смотрю: Ипполитов о чем-то говорит с рабочим. Я слышал, что он сменял с ним часы и теперь выплачивает хлеб. Я подхожу и спрашиваю у рабочего: "Часы, что ли меняете?" "Да, а что?" "Сколько дает?" "Полтора килограмма хлеба" "Мало, - говорю, - я бы дал больше." "Давай два кг." В это время выходит Ипполитов с пайкой хлеба. Рабочий говорит ему, что не хочет меняться и пусть ему вернет часы. Ипполитов не хочет, конечно, ему обидно, когда часы уже в руках, отдавать их обратно. Я говорю рабочему, что заплачу как следует, и оставляю его договариваться с Ипполитовым. Их разговор услышал Соболь и пригрозил, что сведет его к комиссару. Я ухожу в кубрик.

Через некоторое время я захожу в 7-ую каюту, в которой помещаются строители, и спрашиваю этого рабочего: как его дела

с Ипполитовым. Ответил, что часы не взял и меняться со мной не будет.

С 13 часов немец минут 20 бил по району нашего завода, а затем перенес огонь куда-то по городу.

Сегодня заступаю к трапу во вторую смену, Ипполитов - в первую. Решил подъехать к нему с другой стороны - не продаст ли он мне или не сменяется ли со мной подороже часами? Говорит, что часов у него сейчас нет. Они встали, и он отдал их в починку. Спросил, не знает ли он еще рабочих, которые меняют часы. Говорит, что часы меняют многие.

Есть хорошие, даже золотые. И берут за них столько, что для меня подходит. Я просил указать мне таких рабочих. Он обещал.

Сегодня в порт ездили Александров, Антоненко, Муждобаев, Кривенко. Привезли 92 кг муки, 30 кг песка, 15 кг масла, килограммов 80 пшеницы, 10 кг печенья в кают-компанию и 20 кг сухарей. Я помогал Емельянову вносить все это в кладовку. Стали взвешивать. Песка не хватает 2 кг, масла 900 г, печенья 200 г. В мешке из-под песка я собрал граммов 70 песка и ссыпал его в носовой платок. Дня на три хватит.

Александров заявил, что давал ребятам только по сухарю, а остальное принимал Антоненко. К вечеру выяснилось: печенье, масло, песок нашли у всех четверых, главным образом, у Антоненко.

Подсчитал свои запасы: хлеба - 1 кусок 600 г, 2-й - 500 г, 3-й - 350 г, 4-й - 350 г. Всего 1800 г. Масла - 280 г, сахара - 500 г. Сумею ли я их удержать?

На вахте, как обычно, стоял на борту, винтовка за плечом. Кузнецов, командир БЧ-2, опять пристал: "Сколько раз я говорил, чтобы не стояли на борту. И почему винтовка на ремне?" Я ответил, что дежурный командир инструктировал: "С наступлением темноты находиться на борту." И какое ему дело? Он не имеет права указывать вахтенному.

2 февраля. Понедельник.

Теперь чай не в 7, а в 8 часов. Целый час сидели и ничего не делали. Я читал астрономию. К чаю дали только 200 г хлеба и 40 г масла. На обед еще хлеб есть - по 200 г, а если к ужину не привезут, то получим сухари.

Моя утренняя вахта - с 9 до 11 удачная. В это время занятия "Стрелковая рота" на улице. Я видел, как армейский лейтенант полтора часа гонял ребят на льду ковша. Тема - стрелковый взвод в наступлении, так что им приходилось бегать и падать в снег, вскакивать и снова бежать и падать. Неужели эти занятия нам вскоре понадобятся? Под самый конец вахты ко мне подошел один рабочий, знакомый мне в лицо, т.к. работал у нас на

корабле, и спрашивает: "Ну что, сменялся часами с тем?", - и он назвал фамилию рабочего, у которого мне не удалось сменять часы. "Нет, говорю, он уже раньше сменялся с другим." "Я знаю одного парня, который меняет часы. Если хочешь, могу тебя с ним познакомить". Я, конечно, согласился. В это время мне как раз пришла смена, и я, не снимая тулупа, пошел с этим рабочим в 9-й цех, чтобы поговорить с его знакомым - сменщиком.

Проходим мимо одного стапеля. На нем в самой начальной стадии строительства будущий крейсер. Сейчас только набор киля. На другом таком же стапеле уже много яснее вырисовываются очертания крейсера. Еще, пожалуй, около годика, и он был бы на воде.

Сменщика в цеху не оказалось - взял увольнение на сегодня, а завтра у них выходной. Придется ждать еще два дня. Если не встречу Ларионова, буду гоняться за этим. Мой сопровождающий обещает свести меня с ним. На обратном пути рабочий спросил: нет ли у меня продажного хлеба. Я решаю, что граммов 200 можно продать рублей за 20. Он согласен. Знаю, что на рынке 100 граммов продают за 40 рублей, но я так не могу.

На корабль прошли удачно - в кают-компании политинформация, и в кубрике никого не было. Вытаскиваю порцию хлеба. В ней больше 300 гр. Ну, бог с ним. Выношу в коридор, быстро сую его рабочему, он мне 50 рублей. Обещает послезавтра встретиться со мной. Я обещаю, что если с часами все будет в порядке, то буду продавать ему немного хлеба, в котором он очень нуждается.

Фахрутдинов все предлагает мне свои часы за 450 рублей и 300 г хлеба. Идут они ничего, но нет секундной стрелки, и мне чувствуется, что он купил их в городе куда дешевле, хотя говорит, что за 350 рублей.

В обед опять гороховый суп, но пахнущий сегодня кильками. На второе жидкая ячменная каша 5,5 ложек с 5-ю кильками. И получили третье - 1,5 стакана компота с изрубленными ягодами. Съел 200 г хлеба. После обеда меня вызывают к трапу. Кто же это? Ага, вспомнил. Я обещал одному рабочему продать ему махорку. Так и есть. Сходил в кубрик и вынес 4 пачки махорки и две пачки бумаги. Взял дешево - 90 рублей. Теперь у меня 480 рублей порядочно. Может, сумею за два дня продать граммов 300 хлеба за 50 рублей. Сколько с меня запросит за часы рабочий? У меня в наличии 1450 г хлеба, граммов 300 масла и отдельно отложено 800 г сахара. Во время последней вахты Антоненко загнал махорку по 30 рублей за пачку. На ужин суп с гречихой и с кильками - 3 столовые ложки, а на второе густая пшеничная каша - 4,5 ложки. Хороша каша! Не успели мы сесть за эту кашу,

которую я не помню, чтобы когда-нибудь ел, а сейчас положил чумичку Панову, как заявился Емельянов и позвал носить хлеб. Вскочили все как один.

В коридоре уже агент с машины, дежурный по кораблю - командир БЧ-1 и другие. Нас строго предупреждают, чтобы ни одной испорченной буханки! Иначе возить нам хлеб больше не будут, и придется возить на салазках, как это было сегодня утром. Нам привезли 11 ящиков, по 18 буханок в ящике. Всего 302 кг. Выходит, что в буханке 1,052 кг. А в прошлый раз привезли 12 ящиков по 15 буханок в ящике, и вес, сказали, был 270 кг, т.е. в буханке 1,5 кг, потому что хлеб был теплый, но на него скидку не делали. Правда, по размеру сегодняшние буханки поменьше прошлых.

Новый командир БЧ-1 Борцов выгнал всех из кладовки, а сам через 5 минут вышел оттуда с полбуханкой хлеба. Нам Емельянов тоже дал: по размеру граммов - 120, а по весу - 200. Ну и хлеб! Тесто! Не лучше того, что пек нам Николаев, давая 50 % припеку. Я оставил этот хлеб на утро. Попов предлагает купить синюю голландку за 100 рублей. Думаю завтра купить.

Вечером доел остальные 75 г хлеба с кружкой чая. Написал и передал на почту с Ширяевым письма маме, Андрею и Жене. Получил открытку от Алика от 4.12.41 г - два месяца шла.

На справке огласили приказ но кораблю, которым закрепили винтовки, находящиеся на корабле, за краснофлотцами и старшинами БЧ-2. Таковых на 1 февраля оказалось, судя по числу винтовок, 29 человек.

3 февраля. Вторник.

Утром, как только встали, снова принятие противодизентерийных таблеток. Оказывается, что это из-за них у нас откладывается чай на полтора часа, и до 8 часов можно почитать, написать письмо.

К чаю дали 600 г новопривезенного хлеба. Ну и хлеб! По объему он занимает столько же, сколько 400 г, который мы получали раньше. Сырятина, к зубам липнет. Зубы так и вязнут в нем. Липнет к рукам, и, вдобавок, от боковых корок ужасно несет мылом.

В кают-компанию пошел хлеб, который у нас остался от предыдущего завоза. 200 г вчерашнего хлеба и небольшой добавок сегодняшнего съел с 10 г масла и песка. 150 г хлеба отдал Попову за голландку - она мне как раз. Жаль, что нет таких же брюк. Попов свои выбросил еще в ноябре в иллюминатор, а их подобрал старшина из БЧ-5 Байков и ходит сейчас в них.

Сегодня мне "повезло" - с 8.30 до 11.00 занятия стрелковой роты. Тема: "Взвод в обороне". Значит, придется полежать в снегу.

Вышли на стенку, построились в две шеренги. Команда: "Нале-во! Прямо шагом марш!" Пошли по стенке к Неве. Слева от нас стапели. Да, это заложили крейсер, но он в самом "зачаточном" состоянии. Еще не закончен набор киля. Под берегом стоят две подлодки, не закончены, замаскированы сверху под плоты.

Помаршировали мы с полчаса на стенке, произвели ряд перестроений и обратно. Не дошли немного до своего "Волынца" - неожиданно команда:

"Правое плечо вперед, прямо! Справа по одному по трапу на лед!"

Вывел нас лейтенант на Неву и повел напрямик по снегу. Лед торосистый, снегу почти по колено. Я иду шестым, так что приходится порядком вязнуть в снегу. Дошли до середины Невы, развернул нас лейтенант, дал каждому отделению ориентир и приказал занять оборону. Выбрал каждый себе приглянувшийся торос, разгребли снег, выкопав себе продольную яму, и улеглись в них. Пока лейтенант обходил взвод и оценивал правильность выбранного места и что видно около ориентира, прошло более получаса.

Лежать в снегу не особенно приятно. Особенно мерзнут ноги в ботинках, и, как только лейтенант отходил от бойца, он вскакивал и пускался в бешеный пляс.

Сегодня не только у нас такие занятия. На "Стойком" тоже учения. Его краснофлотцы прячутся за недостроенными подлодками, а с другого эсминца в белых халатах с пулеметами "атакуют" буксир, вмерзший в лед посередине Невы против "Максима".

Наконец, пошли обратно, мимо подлодок. На одной стоит на носу номер 547. Очевидно заводской. У ватерлинии на корме отметка 4.00, на носу 4.20. Это, пожалуй, "малютки". Интересно, как дают заводские номера? Для каждого типа корабля по отдельности или по порядку спуска, не взирая на тип?

Поднялись на стенку. Пробежали вдоль стенки до Невы и домой. Время половина одиннадцатого. Два часа прошли. Еще полчаса на разбор учения в средней столовой. Я дождался, когда меня выкликнули, и смылся стирать робу. До обеда успел выстирать, но не выжал брюки, голландку и гюйс. На обед жидкий гороховый суп с кильками, на второе жидкая ячменная каша - 5 столовых ложек и на третье компот - 1,5 стакана и 6 ягод. Компота сегодня наварили до черта. Разделили весь на три части: две части на обед нам на 100 человек, третью часть на обед и на ужин в кают-компанию на 24 человека. Так что им вышло в два раза больше, как раз по целой миске.

За обедом съел всего 150 г хлеба. Но что со мной стряслось? Не прошло и часу, как я не выдержал и рубанул остальные 300 г хлеба с 15 г масла и кружку чаю с сахаром. Часа через полтора так же поступили Попов и Панов. Фахрутдинов тоже съел весь хлеб после обеда, а обедал он сегодня как следует: три порции первого, две второго, две третьего и заявляет, что не наелся. Вот тип! Если я или Жентычко идем за добавкой, он смеется, а сам редко когда обедает или ужинает по одному разу. Свои часы он загнал Агафонову за 450 рублей, а купил их, как оказалось, за 250. Это, кажется, называется не иначе, как спекуляция.

Часы, как я узнал из разговора с Поповым, не особенно хорошие, а Фахрутдинов, зная, что у них анкерный ход, показывая их кому-нибудь не понимающему в них ничего говорил с апломбом: "Анкерные часы, что ты еще хочешь? Анкерский ход!" - и с таким видом и таким тоном, что получается впечатление, что часы какие-то сверхестественные.

С 15 до 17 в кают-компании проводил занятие лейтенант Кузнецов: "Тактика атаки пикировщика на наши корабли". Насколько я видел атаки пикировщиков, у меня имеются некоторые разногласия с Кузнецовым, но, в общем, все понятно.

На ужин борщ с кильками - 4 столовые ложки и жидкая пшеничная каша - 4 столовые ложки. В кают-компанию шпроты подавали отдельно, а на второе рисовая каша - целая тарелка. Не меньше трех наших порций.

Сегодня я иду дневальным по бане и гальюну. Ну, это еще ничего.

Еще после обеда у меня начал побаливать живот. Санитар спрашивал как раз, не болит ли у кого после таблеток живот и голова, но у меня было все в порядке. А после ужина невозможная резь в нижней части живота, кашлять больно. А кашель у меня уже дня четыре, с мокротой, понемногу усиливается. После развода пошел к доктору. Он сказал, что я уже десятый с такой же жалобой, что сейчас такие переболевают дизентерией и это пройдет. Велел мне идти и ложиться.

Я так и сделал. С 19 до 21 занятие стрелковой роты, а я, конечно, не пошел и до 9 поспал. Когда все ушли на справку выпил полкружки чаю с песком и снова лег, но уснуть долго не мог - мучил кашель.

Вечером на стенке разгрузили две машины угля для нас, за которым ездили ребята со "Стойкого". Они же перетаскали его к нам на борт. Вот это правильно. Ведь мы больше месяца даем им пар для отопления и электроэнергию для освещения и электрооборудования. А до сих пор за углем ездили только мы.

Наш старшина 1 старший Ширяев, командир арт. погреба,

скоро должен уехать в Махач-калу в школу боцманов. Поедет через Москву. Я решил, что есть смысл попросить его опустить в Москве мои письма маме, Андрею и Жене. Андрею и маме писал, что буду стараться добиваться о переводе меня в спецшколу. Для этого хочу написать директору школы и поговорить с Емельяновым. Просил Андрея разузнать все как следует в школе - об изменениях в администрации и т.д. Я рассчитываю попасть на весенние испытания и пересдать все за 9-ый класс. Только успею ли я это выполнить? Надо было действовать в начале декабря, тогда бы успел. Писем вот от Андрея долго нет. От мамы получил открытку от 5 января. Дома ничего серьезного нет. Бойцы еще живут у нас.

4 февраля. Среда.

Утром 600 г хлеба-теста и 40 г масла. Сегодня в последний раз принимаем противодизентерийные таблетки. До 8 часов позанимался по астрономии, выпил 3 старший чая, съел 150 г хлеба, 15 г масла и 15 г сахара. Живот мой успокоился.

На обед опять жиденький горох с кильками, а на второе пшенная каша - 6 столовых ложек. Рубанул 300 г хлеба и 10 г масла.

Сегодня я попросился в наряд к карцеру. Во-первых, из-за того, что сильный кашель, во-вторых, хотел попасть в расход, которому теперь хорошо достается, а потом решил, что смогу почитать на вахте.

После обеда встретился с рабочим и со сменщиком. Пошёл с ними под спардек, посмотрел часы. Одна беда - разбито стекло, а так, кажется, ничего. Договорились на 1 кг хлеба, 150 г масла, 400 г сахара и пачку махорки с условием, что часы будут в исправности. Обещал завтра сделать и встретиться или до обеда, пли после, когда я буду на вахте у карцера. Наконец-то я дождался!

На ужин суп с гречкой и кильками, на второе жидкая ячневая кашица, тоже с килькой - 5 столовых ложек, 150 г хлеба.

Вот беда - Понтуса (арестованного) освободили, и в карцере никого нет. Но я пока молчу. В 19 ч. пошел на вахту. Я должен был заступить во вторую смену, но Чуликов только что сменился с вахты, и пришлось ему уступить.

Часовой, которого я сменил, сказал, что ждут еще троих арестованных, но, кого и когда, не знает. Ну а мне один черт. Заперся на ключ и принялся писать дневник. Есть слух, что к чаю нам дадут шпроты, но в каком количестве, не знаю. Вчера я слышал, как Быков договаривался с Емельяновым, что нельзя ли шпроты дать в кают-компанию, а суп сделать с рыбой, добавив шпроты с нашего котла. Ну, ладно, если нам шпроты дадут,

оставлю на утро и съем с хлебом.

В 21 час, когда стали выдавать чай, я запер карцер и, забрав винтовку, пошел в кубрик. Улыбнулись наши шпроты. Дали по 200 г хлеба. Говорят из-за того, что хотят скорее сбыть этот сырой хлеб. Шпроты же - в кают-компанию.

Я выпил 2 кружки чаю, рубанул весь хлеб с 15 г масла и сахара. Зашел в кубрик Кожин: "Ну как, порубали? Как-никак прибавка". Спросили у него, почему не дали нам шпрот. Ответил, что шпрот было мало. Выходила банка на 6 человек, а в банке 17 шпротин. Ну и решили, что мы 17 на 6 разделить не сможем, поэтому лучше будет, если все отдать в кают-компанию, где проще - по банке на человека. Удобно и хорошо.

Как только погасили свет, в карцер пришел дежурный по кораблю и сказал мне, чтобы шел пока спать, а когда понадобимся, нас поставят на пост. Пошел спать.

5 февраля. Четверг.

Утром та же норма. Чай опять с 6.30 до 6.50. Выпил 2 кружки чаю, 150 г хлеба, 15 г масла и сахара.

Сегодня из нашей БЧ-2 многие уехали за углем на "Ермак". С 7.20 занятия в средней столовой по Корабельному уставу. Это мне по душе, а то я много занятий пропустил. Но еще не успели начаться занятия, как подошел дежурный по низам Сопин и велел мне убрать коридоры, т.к. все уборщики уехали за углем. Я спросил разрешения у руководителя занятиями лейтенанта Кузнецова уйти с занятий. Он ответил, чтобы я остался на занятиях. Через несколько минут Сопин пришел снова с приказанием старпома - мне убирать коридоры. Лейтенант Кузнецов пошел к нему сам. Результат - я остался на занятиях.

Тема занятий: "Типовая таблица организации большого корабля". Это ценно. С 9.00 опрос в кубрике по пройденному материалу - по 45-мм орудию. Все же мне пришлось идти с Чуликовым убирать коридоры, а потом быть на занятиях. Не мешало бы спросить у Кузнецова Корабельный устав и выписать оттуда кое-что полезное.

Обед сегодня хороший: суп густой из гороховых консервов, мясо будто выбрали, нет ни кусочка. Но супа 4 чумички. На второе густая гречневая каша - 6,5 ложек и котлета граммов 50. На третье компот, 1,5 стакана. Компот хороший, густой - 12 ягод. Рубанул 250 г хлеба. Живот чувствует тяжесть. Если бы каждый день такой обед! Ведь нет ничего невероятного. Из норм мы не вылезли.

После обеда занятия по химическому делу в кают-компании.

До ужина мой сменщик так и не пришел, а может быть, и был, но не дождался меня. К карцеру нас так и не ставили.

На ужин суп с пшенкой, в котором варилось мясо, на второе жидкая ячневая каша - 6 столовых ложек. Супа осталось много добавок, и я успел 2 раза сбегать за ней. Вышла целая миска. Употребил 100 г хлеба. Живот от добавки тоже стал чувствовать наполненность.

Сегодня я попросился в дозор в первую смену. На вечернее занятие "Стрелковая рота" не пошел, т.к. принимал принадлежности: винтовку, патроны, тулуп, валенки. На тулупе всего одна пуговица, валенки ничего. В 21.00 заступил. Мороз минус 15. Надел на шинель полушубок, тулуп подпоясал ремнем и пошел к Щ-311, что в конце ковша. Целый час разговаривал с вахтенным этой подлодки.

Жалуется, что всех кормили пшеничной кашей и все объелись. Ясно, у них запросто объешься, если кашу варят крутую, с маслом и сколько хочешь. Говорит, что в марте надеются выйти в море. А сейчас у них туго - через сутки на вахту. Их 28 человек, а в наряде 12. Чай пьют на базе, а обед и ужин им привозят в термосах на лодку. Свободные от вахты ночуют тоже на базе, но там и темно, и холодно, и воды нет. Гальюны не работают. В 22 часа этот вахтенный сменился, и я двинулся обратно. Побрел потихонечку вдоль стапеля. Дошел до половины и обратно к подлодке. С новым вахтенным разговор не особенно вязался, и я пошел к своему кораблю.

С 23.00 у трапа стоит Жентычко. Спросил у него, сколько времени. Говорит, что больше половины двенадцатого. Решил спуститься вниз и узнать. Время без четверти двенадцать. Пошел под бак, разделся у фонаря, отнес полушубок, потом разбудил Михайлова, сдал ему всю амуницию и пошел спать. В моем распоряжении 6 часов.

Сегодня на вечерний чай нам дали еще по 300 г хлеба. По-видимому, хотят поскорее сбыть нам этот проклятый сырой хлеб. Половину хлеба съел с маслом и сахаром. Одним словом "почайпил" перед вахтой как следует.

6 февраля. Пятница.

Да, вчера все ждали, что привезут хлеба, но его не привезли. Вчера вечером дали по 300 г, а сегодня и давать нечего. Утром дали вместо 200 г хлеба по 120 г сухарей. Кружку чаю, 150 г вчерашнего хлеба, 10 г масла и половину сухарей рубанул и порядок.

Сегодня опять поедут за углем. Вдруг приходит старшина 2 статьи Володин и говорит, чтобы я собирался в порт - приказание дежурного командира. За углем, оказывается, поедет группа со "Стойкого". Очень рад. В порт едем втроем: Володин, Гуликов и я. Взяли санки, мешки и пошли. Я раздобыл валенки, так что

чувствовал себя хорошо, хотя мороз около 20°. Едем за хлебом к обеду - 100 кг. Володин "инструктирует" Гуликова: "Когда будем вешать хлеб, надо пару буханок положить около весов, а одну буханку можно съесть."

Гуликов на счет последнего начал возражать, но Володин его скоро убедил, что буханки маленькие, по килограмму, и в 100 кг нехватка одного килограмма незаметна. Он привел ему массу примеров, и Гуликов умолк.

За пропусками в порт очередь не особенно большая - мы 28-ые. Прислушиваюсь к разговорам. Один говорит, что завтра едет на машине в Тихвин за продуктами, которых там горы. "И ничего не привезешь, - вступил другой. Я сам четыре дня назад оттуда. Поехал на машине за продуктами, а привез горючее: керосин и бензин. Под Тихвиным не продовольственные склады, а склады горючего. Я ездил туда 8 дней".

Дальше, из рассказов тех, кто побывал под Тихвиным, узнал, что в соседних с Тихвиным колхозах можно сменять продукты только на одежду и материю. Какой-то лейтенант сменял мешок из-под матраса на 35 кг муки. Ну, это понятно - население обобрано немцами до нитки, а продуктов в этот район для Ленинграда навезли до черта, только вот доставить их к нам через Ладогу очень трудно.

Около 9 часов пропуск в порт получили и пошли к начальнику выписывать хлеб. Выписывать начали в 9 часов. Хлеб без очереди. Володин хочет сделать так: получить хлеб и отправить его с нами на корабль, а сам встанет в очередь за остальными продуктами, выпишет их, получит, а мы тем временем пообедаем на корабле и вернемся.

Но из этого плана ничего не вышло. Сегодня 6 число - день, когда из частей нужно подавать отчет за расход продуктов на 5 дней, а Володин забыл и не спросил у начснаба. А начальник снабжения ни черта не заботится и сам вчера с вечера ушел в город. Как ни просил Володин выписать хлеб и обещал доставку отчета после обеда, хлеб нам так и не выписали. Пришлось возвращаться. Володин всю дорогу ругал начснаба. Клянется, что придет на корабль, сдаст дела и больше не пойдет ни за чем. Часам к 11 добрались до корабля. Вроде бы и расстояние от корабля до порта небольшое - километра полтора-два, а тащимся это расстояние более получаса. И добравшись до корабля - сразу хочется лечь. В Адмиралтейство вдвое дальше, но в январе, когда меня туда водила, не чувствовал такой усталости, хотя кормежка была много хуже, чем сейчас.

Маршрут в порт для меня был большей частью новый: от Калинкина моста по набережной канала Грибоедова до проспекта

Маклина - знакомый, а затем налево, по занесенным снегом трамвайным путям до улицы Декабристов, метров сто направо и затем налево по улице Писарева до моста через Мойку, где в нее впадает Крюков канал. На этом пути встретили только двух покойников, которых везли на саночках в сторону площади Труда к мосту Лейтенанта Шмидта. Через Крюков канал два моста ведут в порт, где склады Новой Голландии. Отсюда, с набережной Крюкова канала 2 июля 1941 года нас из Балтийского флотского полуэкипажа на грузовой машине отвезли в Ораниенбаум ("Ромбов"), 4-го - в Кронштадт, а с 5 июля началась моя служба на "Суур-Тылле". Вчера исполнилось 7 месяцев службы на корабле - вроде бы и не так уж и много, но сколько всего произошло и пережито!

Панов сегодня с утра в обходе в городе, Попов - на камбузе, Фахрутдинов в городе, Жентычко на вахте. На бачке только я и Суворов. Попов супа нам налил на троих. Не мог больше, будто бы мы не съели. Другие дежурные своим всегда и добавки дадут, и в расход запишут. Пользуются случаем и возможностью подкормить своих по кубрику ребят. И правильно делают. Хоть раз в полмесяца посытнее поесть. А у наших все по-дурацкому. Правда, иногда Попов с Пановым оставляют расход друг другу, но сейчас Попов не оставил.

Съели мы с Суворовым суп с манкой. Взял я на камбузе чумичку, чтобы разлить первое, но Суворов размешал суп ложкой и налил в миски из бачка через край. Сначала, конечно, мне, потом себе. Я ел не торопясь и поглядывал на Суворова: неужели он думает, что я не понимаю, кому из нас двоих при такой дележке достанется одна жижа, а кому гуща?

А он спешил скорее все съесть, и то ли от этой спешки или все-таки от стыда за свой нечестный поступок, на лбу у него выступили капельки пота, и нос зашмыгал. Скорее всего, он боялся, что я съем свою жижицу быстрее его и буду разливать остатки, что были еще в бачке. Я еще не съел и четверти порции, как он, облизав свою пустую миску, налил мне еще жижицы до половины миски, а себе половину миски одной гущи. Вообще, если у нас кто-то делит первое или второе, а особенно Суворов, стараются себя не обидеть и не забыть своих приятелей. Ну, а у меня близким приятелем был только один - Анатолий Ломко. Где он сейчас?

На второе гречневая каша, довольно густая - 6 столовых ложек и одна большая котлета - граммов на 60. То же самое - не мог Попов дать нам три порции. Котлету мы бы ему отложили, а кашу съели. Компота дал тоже только по одной порции - по стакану. Мне попались 10 ягод. Хлеба к обеду дали по 100

граммов и у меня оставалось 60 г сухарей. Вообще-то обед хороший.

После обеда Володин опять торопит меня скорее одеваться и идти в порт. Начснаб выдал ему отчет за 5 дней. Пошли вдвоем только за хлебом. По дороге разговорились. Он, оказывается, из Серпухова, учился в каком-то институте в Москве на Садовой. Услышав мою историю со спецшколой, сказал, что мне нужно написать в штаб флота, и меня могут послать доучиваться в свою школу. Буду это иметь в виду, но не знаю, как писать и в какой отдел.

Хлеб выписали довольно быстро. Пошли получать. Встретили агента, который возит на машине нам хлеб. Он сказал, что сейчас повезет нам хлеб. Ну, бог с ним. Надеемся, что хлеб будет хороший. На складе мы взвесили хлеба себе 95,4 кг. Добавлять не стали, все равно машина привезет 400 кг.

Хлеб ничего, плотный, сухой, небольшими буханками - граммов по 1200. Володин спрашивает, сумею ли я съесть половину буханки? А то нет! Разрезал он одну буханку так, что ему вышло 2/3, а мне одна треть. Совести-то не много. Будто бы я не смог съесть половину буханки. Он пошел выписывать пропуск, а я остался сторожить хлеб, понемногу расправляясь со своей долей. Минут через 15 показался Володин и позвал меня к себе. Оказывается, он выписал мясо и масло. Пришлось мне тащить санки в самый конец двора, туда, где раньше получали на "Суур-Тылл" хлеб, крупы, макароны, погружая это все в машину. Кое-как добрался. Володин как раз выносит мясо - две коровьи ляшки на 40 кг. Потом вынес масло - 15,6 кг. Один кусок целый белого цвета, другой, килограмма 4, желтого, неровно обрезан.

Володин отломил кусочек масла граммов 50. Опять 2/3 себе, остальное мне. Съели его с хлебом. Володин оставил граммов 200 хлеба себе к чаю, а мне и оставлять нечего. По дороге все съем. Вести даже вдвоем не особенно легко.

Едва переехали мост из порта через Крюков канал, как увидели сзади идущих Емельянова, Кузнецова, Чехлова и кого-то еще. Они поочередно нам помогали, и везти стало значительно легче. Только подъехали к своей "коробке", смотрим - подошла машина с хлебом. Мы все же успели снести с саней все привезенное. Наш хлеб Емельянов вешал в мешках, и получилось 98 кг. Все в порядке. С маслом и мясом тоже в порядке.

Весь наш кубрик, исключая Жентычко, который на вахте, уже ушел разгружать машину. Я - тоже. Носить 15 ящиков. Хлеб мягкий, буханки большие. Он был еще теплый, но агент подает ящики из-под крыши, где он уже остыл. Я снес 3 ящика, один снес Суворов, остальные по четыре. Агент два ящика не додал, сказав,

что не хватит эсминцу. Так что вышло не 400, а 360 кг.

Теперь нам хлеба хватит по 11 число включительно. И привезти его должны 11-го или 12-го, но тогда не выйдет утром по 600 г. Начснаб разрешил дать нам за перенос хлеба на пятерых буханку того хлеба, который мы привезли на санках (она в 1,5 раза меньше тех, что привезла машина).

Суворов пошел делить хлеб, а я остался у кладовки, надеясь получить еще за то, что ездил в порт. Точно, Емельянов дал граммов по 200 мне и Володину. Все же скуп он. Володин попросил еще масла. Ну, это, конечно, лишнее. Суворов разделил, конечно, хлеб так, что вышло мне граммов 150. Ну, ладно. Съел те кусочки, что привез из порта, кусочек, что дали за перенос хлеба, а остальной оставил к ужину.

Ужин сегодня ничего. Во-первых, к ужину дали по 300 г хлеба, привезенного на машине, мягкого. На первое суп с ячневой крупой. На второе пшенная каша - 6 столовых ложек с котлетой граммов на 50 с компотной подливой.

Что со мной случилось? Не лезет каша, да и только. Едва-едва доел. Котлету все-таки оставил. Ребята не верят. Съел только 200 г хлеба, который дали за носку с машины. Вечером тоже основательно подкрепился - две кружки чая, 100 г хлеба и 20 г масла. 300 г хлеба оставил нетронутым, а остальной разрезал и оставил на утро, намазав маслом.

Сегодня я получил 1350 г хлеба и съел граммов 950!

Получил письмо от Алика от 13.01.

Вечером зачитали большой приказ о перемещениях личного состава на корабле. Все не упомнил, но о знакомых лицах запишу. Оказывается, еще 1 февраля наш капитан-лейтенант Линич сдал дела командира БЧ-2 лейтенанту Кузнецову и уже 4 февраля убыл в распоряжение штаба КБФ. Не знаю, его ли была инициатива или командира корабля? С командиром они были в одном звании, но Мокасей-Шибинский из торгового флота, а Линич с 18-го по 37-й год служил на флоте. Командовал плутонговой артиллерией линкора "Парижская Коммуна", служил вахтенным начальником на "Марате", на эсминцах и др. кораблях. И фактически командовал "Суур-Тыллом" с июля по ноябрь. Поэтому быть командиром БЧ-2 в составе 4-х "сорокопяток" - не такая уж большая честь. Так что, может, он и сам попросил о переводе. Хотя с некоторыми его распоряжениями мы бывали не согласны, но по большому счету он был справедливым, не вредным, не злопамятным, всегда выдержанным и спокойным.

С 1 -го же февраля нашим непосредственным командиром - командиром батареи "сорокопяток" назначен лейтенант Быков Александр Васильевич, а Емельянова повысили - назначили

командиром отделения радистов. Несколько человек, в том числе Ратман Павел Иванович, переведены на должность старших котельных машинистов. Младший лейтенант-армеец Дьяконов Сергей Иванович с 25 января прикомандирован на корабль в качестве руководителя занятий стрелковой ротой корабля.

Из ЛФЭ в нашу БЧ прибыло пополнение: старшина 1 статьи Швед Григорий командиром отделения комендоров, старшина 2 статьи Шелепов Григории - тоже командиром отделения комендоров (наверное, командирами для будущих 76-мм орудий, которые никак не установят), и к/ф. Кошелев Иван - пулеметчик.

Кто-то убыл в госпиталь, кто-то на плавбазу "Аэгна", кого-то отстранили от должности и т.д.

7 февраля. Суббота.

Утром дали 600 г хлеба, но уже того, что мы привезли, а в кают-компанию свежего. Вчера вечером, по пожеланию старпома, было наоборот, но тот хлеб, очевидно, не особенно там понравился. Масла дали только по 30 г, а по 10 г удержали за то, что ушло на котлеты. Начинается. Нам положено по 43 г, а дают по 40. Значит, со всех каждый день остается 300 г. Куда они идут? Разве бы его не хватило на те же котлеты? Утром выпил 3 стакана чая, съел вчерашнюю котлету и весь оставшийся вчера хлеб - 400 г с 15 г масла.

Утром я спросил у Фахрутдинова, куда я назначен, таскать ли уголь или поеду за углем? Я бы хотел последнее. "А тебе не все равно? Или по углю соскучился? Работать захотел? Сиди и молчи!"

Я понял так, что меня не пошлют на уголь, и замолчал.

В 8.30 дудка: "Угольный аврал". На стенке свалено 20 тонн угля, который вчера привезли нам наши соседи. Я, как водится, в списке.

Суворов, как всегда, в стороне. Всего на уголь выделено 25 человек. Я попал в "подкидывальщики", - накидывать мешки с углем на спины тем, кто их переносит на корабль. Работали до 11 часов, перетаскали тонн 13. На полчаса - вынужденный перекур - обстрел района нашего завода и города.

На обед суп с ячневой крупой. Густой! На второе не особенно густая гречневая каша - 6,5 ложек и одна небольшая (граммов 45) котлетка. На третье стакан компота с 11-го ягодами и 200 г хлеба.

После обеда в 13 часов Шаталов (командир 76-мм батареи) велел идти к младшему лейтенанту Дьяконову. Оказывается, идем стрелять.

В первую очередь попали я, Жентычко и Головащенко. Прошли вдоль стапеля под корму заложенного корабля и там расположились. Рассмотрел я повнимательнее заложенный

корабль и решил, что это не крейсер, а что-то вроде броненосца береговой обороны или линкора. Киля совсем не заметно. У него отмечено пока что 450 шпангоутов, но корма еще не заложена. Расстояние между шпангоутами небольшое - сантиметров 35-40. Это что-то больше крейсера.

Пришли на приготовленную позицию, расстелили брезент, улеглись, получили по три патрона. Дистанция 300 метров. Огонь! Первый выстрел у меня вышел чуть позже, чем у Жентычко, и я сорвал его. Результаты у меня: 2, 6, 8. Итого 16. У Жентычко - 21, у Головащенко -16. Слабовато.

Только отошли от мишеней - разрывы снарядов южнее нас. Очевидно, опять подошел немецкий бронепоезд. "Сыпет" без перерыва по Нарвской заставе.

Я облазил где только мог под кораблем, слазил на самый верх, но там все завалено снегом и ничего не видно. Пришел Головащенко и сказал, что старпом торопит идти на погрузку угля. Но мы пошли в кубрик. Погрелись немного и снова на уголь - с 14 до 17. Привезли еще две машины угля. Теперь я уже таскал уголек. Сначала в корзине вдвоем с Жентычко, потом один в мешке.

К ужину, говорят, будут котлеты ... в кают-компании. Совершенно справедливо - мы 6 часов таскали уголь, а кают-компания будет на ужин кушать котлеты. На ужин борщ мясной. Мне попался кусок граммов в 15. На второе жидкая манная каша - 5 ложек с компотной подливой по полторы ложки. Съел 200 г хлеба. Сегодня загнал рабочему пачку махорки и граммов 150 хлеба за 50 рублей. Обещал продавать ему через день по 200 граммов хлеба за 40 рублей.

Сегодня стою вахту у арт. погреба в первую смену. В первую хорошо стоять, т.к. остается время поспать. Когда стоял с 12 до 15, пробовал задремать. Так быстрее идет время. Чай не пил.

8 февраля. Воскресенье.

Утром подал через Фахрутдннова рапорт лейтенанту Кузнецову с просьбой выйти в город после аврала для отправки денег домой. "Отказать, переслать с почтальоном". Что ж, ладно.

После завтрака - аврал. До 10 часов был на палубе, а потом читал в кубрике Герцена "Записка одного молодого человека". Этот том достал Суворов на погоревшей квартире командира корабля, куда они ходили вчера вместо угольного аврала. На обед суп с ячневой крупой без мяса - его нет совсем. Вчера мяса хватило только на кают-компанию. Та же история, что и со шпротами: на все 120 человек не хватило бы мяса на котлеты, так лучше будет, если кают-компания получит по две котлеты. Так и вышло. Утром дали дополнительно по пирожку ржаному граммов

в 100 с рисом и вычли 10 г масла ушло на пирожки. На второе средненькая гречневая каша - 6 ложек, с мясной подливой без мяса - 3,5 ложки и компот с четырьмя ягодами, 250 г хлеба, 15 г масла.

После обеда поспал, почитал. В бане полно народа - ни постирать, ни помыться. Время идет незаметно.

На ужин суп с манкой, ячневая каша - 5 ложек с мясной подливой - 2,5 ложки и 150 г хлеба. Кок добавил одну кружку супу, хотя и кричал, что добавки не будет, но раздал человек на 20. После ужина пошел стираться и мыться с расчетом успеть до отхода ко сну. Перестирал робу, тельник, два полотенца, теплую рубашку. Только хотел мыться, вызывают строиться - будет раздача боевых номеров. Мой боевой номер 2-22-4. Помылся как раз, когда дали предупреждение о выключении света. Чай не пил.

Получил сегодня три письма: от папы от 20.01, от Андрея от 17.01 и от Калачева Шурки из нашего класса с Клязьмы от 19.01.

Вчера учредили судовую доску почета. Кого на нее повесят?

И вчера же был зачитан приказ, по которому ком-ру отделения запаса Александрову наложено 10 суток строгого ареста, Антоненко и Муджавцову строгий выговор, а Кривенко - 4 наряда вне очереди. Оказывается, Емельянов обнаружил 1 февраля при доставке продуктов из порта этой группой недостачу продуктов: сахарного песка около 3 кг, сливочного масла 0,5 кг и еще чего-то. Емельянову за такую бдительность объявлена благодарность, а недостающие продукты приказано удержать с каждого виновного.

9 февраля. Понедельник.

Получил два письма от брата Жени от 22 и 25 января. Таких писем я от него еще не ....

На этом записи в блокноте, начатые 11 января 1942 г. обрываются. Торчат обрывки 8-ми страниц. Кто, когда и почему выдрал их - не знаю.

Но сохранился маленький эстонский блокнотик, в котором для записей за 7 дней недели отводится страничка 6 на 9 см. Поэтому в нем записи самых важных для меня событий: кому отправил и от кого получил письма, где нес вахту, где работал, какие были занятия и пр. Все эти записи позволили мне кратко, без бытовых деталей восстановить нашу жизнь до 26 марта.

С 8.30 до 9.30 занятие в средней столовой по химической подготовке устройство противогаза и правила пользования им. Эту науку я изучал еще в спецшколе. Но, конечно, кое-что подзабыл. С 9.40 до 11.00 занятия "Стрелковая рота в наступлении". Самое подходящее место для "наступления" конечно, занесенная снегом Нева. Развернувшись

цепью, короткими перебежками, падая и укрываясь за торосами, снова вскакивая, мы через 20-30 минут были уже без сил и костили младшего лейтенанта вслух. Снегу почти до колена, и заставлять бегать по нему в ботиночках все же дурь. Конечно ноги быстренько промокли от набившегося снега, рукавицы тоже промокли, так как падая в снег и поднимаясь, набираешь в рукавицы снег.

Выбравшись на стенку, к кораблю бежали трусцой, чтобы хоть как-то согреться. До обеда уже никуда не могли выходить, т.к. сушились.

С 15 до 17 батарейное учение на палубе. Опять стрельба по пикировщику. Из наших орудий только по ним и бить. А в это время, судя "по голосу", "Максим Горький" полчаса в хорошем темпе бил куда-то через нас по южному берегу.

Узнали, что на корабле создана комиссия по проверке состояния корпуса корабля после ремонта. От нашей БЧ - л-т Кузнецов.

10 февраля. Вторник.

Выдали по 300 г песка на 10 дней.

В средней столовой повесили Доску Почета. На ней фамилии 19 человек. От нашей БЧ Попов, Панов, Емельянов, Манышин.

11 февраля. Среда.

Вечером почему-то выдали дополнительно по 200 г хлеба. За вчерашний день написал, а сегодня отправил два письма папе, два Андрею и одно Калачёву Шуре, из нашего клязьминского класса.

Уголь грузить нам сегодня выделили рябят со "Стойкого".

Голод пережили! 12 февраля. Четверг.

Радость для всех нас - норма хлеба увеличена на 200 г. Теперь будем получать по 800 г, а рабочим и служащим прибавили только по 100 г. Первые будут получать по 500 г, а вторые по 400 г. Детям и иждивенцам прибавили, но 50 г, до 300 грамм всего. О прибавлении других продуктов ничего не слышно.

Все утро ребята со "Стойкого" продолжали грузить нам уголь. Их помощь нам очень кстати.

13-го стоял вахту у трапа. Температура днем - минус 12-16 °С.

14 февраля. Суббота.

Главстаршина Кузьмин с Яковлевым и Слепнером ездили на подводе за керосином и машинным маслом на склады горючесмазочных материалов, которые находятся у Смоленского кладбища. На обратном пути на Васильевском острове на повозку налетела грузовая машина. Кузьмин упал с повозки и колесом машины ему придавило ногу - перелом костей стопы. Удачно, что рядом была больница им. Отто, и его доставили туда.

Вечером началась поголовная стрижка всех рядовых и младших командиров наголо. Для профилактики и борьбы со вшивостью был издан приказ ком. флотом еще 10 февраля.

Получил письма от мамы и от Андрея от 20 января.

15 февраля. Воскресенье.

Занятия - стрельба из ручного пулемета Дегтярева. Там же, за стапелем, где стреляли из винтовок. Сегодня стрелять приятно - теплынь, около 0°. Расстояние до мишеней 300 м. Короткой очередью тремя патронами. У меня две в мишень, одна - мимо. Считается ничего. Вечером старшина позвал помыть кладовку, и я заработал 200 г хлеба.

Сегодня наш командир артпогреба старший 1 старший Ширяев отбыл в школу боцманов, а старший лейтенант Шаталов, ком-р несуществующей 76-мм батареи, отбыл на курсы усовершенствования начсостава. Фахрутдинова еще в начале месяца освободили от должности командира отделения комендоров и назначили временно исполнять обязанности старшины 76-мм батареи. Старшина 1 статьи Мелентьев, прибывший на корабль в начале января и вскоре направленный в психбольницу, списан в ЛФЭ, как не годный к строевой службе. Наш Николай Афанков пошел в гору - назначен старшим кладовщиком.

Командир "Стойкого" Левченко получил звание капитана 3 ранга, и сегодня к нему на корабль нагрянули гости - группа писателей из политуправления флота.

16 февраля. Понедельник.

Ночью привезли 500 кг хлеба. Таскали всем кубриком и получили от Емельянова по 300 г. А утром выдали хлеб - сырятина, одно тесто.

Вечером почувствовал сильные боли внизу живота, головную боль, общую слабость. Пошел к нашему доктору - молодому лекпому Кожемякину. Температура оказалась около 38 градусов, и мне велено лечь в лазарет. Возражать не стал, т.к. чувствовал себя погано.

17 февраля. Вторник.

Утром температура почти не снизилась, живот болит, но стула еще не было. На завтрак, как и всем, 120 г сухарей, 10 г масла и два стакана чая. До обеда написал и отправил одно письмо домой и одно директору нашей спецшколы с описанием моих перипетий и с просьбой принять обратно. На обед суп гороховый и каша пшенная - 8 ложек. В каше был кусочек мяса, но я что-то его не захотел и сменял с санитаром на 3 ложки каши. В компоте 7 ягод. К обеду дали 150 г сухарей и 50 г вчерашнего хлеба, 20 г масла.

После обеда, во время погрузки угля в машину в Угольной гавани, Топчий, старший 2 статьи, залез в подкоп в горе угля, где уголь был меньше промерзшим и легче откалывался. Внезапно свод подкопа рухнул, и его придавило, но более-менее удачно - оказались переломы только костей на кистях рук. Когда вернулись с углем к кораблю, его сразу отправили в ВМГ.

На ужин суп манный, густой. 5 столовых ложек. На второе густая манная каша, 7 ложек. Хлеба 150 г и 50 г сухарей.

Часов в 8 с полчаса сильный обстрел нашего района. С десяток снарядов разорвались в 40-100 м по корме и по носу в ковше и на стенке.

После ужина, часов в 9 вечера начались рези внизу живота, потянуло в гальюн - понос, да еще с кровью и болью. Сообщил об этой новости доктору. Сказал, что это дизентерия и завтра отправит меня в госпиталь.

18 февраля. Среда.

Дизентерия моя "расцветает" - за ночь и до обеда бегал в гальюн каждые два-три часа. Состояние неважное: болит голова, болит живот, температура около 38. Но есть все равно очень хочется. На завтрак дали по 190 г сухарей и выпил два стакана чая. Доктор оформляет направление и документы в госпиталь. Обещает отправить после обеда.

На обед суп гороховый жидкий, жидкая гречневая каша и стакан киселя. Хлеба нет, опять сухари - 150 г.

Часа в 2 пошли с доктором в Военно-морской госпиталь. Он рядом, за Старо-Калинкиным мостом через Фонтанку. Старинное трехэтажное здание из красного кирпича. Одно крыло от моста вдоль набережной Фонтанки, вверх по ее течению, другое - от моста почти на юг вдоль проспекта Юного Пролетария. У угла этого крыла проходная на территорию госпиталя.

Зашли сначала на первый этаж основного здания к дежурному в приемное отделение. Наш доктор рассказал о симптомах моей болезни, когда заболел, с какого корабля и пр. Дежурный врач написал направление в отделение кишечных инфекционных болезней. Это отделение не в основном здании, а на территории госпиталя, в его дворе, в одноэтажном здании. В нем всего три или четыре, но большие палаты, человек на 8-10 каждая.

Первым делом - в санпропускник, где я сдал всю корабельную одежду, вымылся под душем и получил б/у кальсоны, рубашку, халат и носки. Койка мне досталась у стены, примерно в середине палаты, так что из окна на меня не дуло. В палате все "дизентерики". Некоторые лежат уже по две и три недели. А двое больше месяца. Сказали, что за время их лечения двое умерли.

Вот тебе и дизентерийка! А я и не думал, что что уж очень серьезная болезнь. И в душе даже немного был рад, что отдохну в госпитале от корабельных хлопот.

Примерно в половине шестого вечера начался обстрел района завода. Разрывы снарядов и отсюда хорошо слышны. Бил около получаса. Зашедший в палату дежурный врач сказал, что где-то на территории завода видно пламя пожара.

На ужин здесь только одно второе блюдо - каша ячневая с маслом, очень вкусная, дали 400 г белого хлеба, которого не видел несколько месяцев, 30 г масла и 10 г песка, но чаю не дали. Только в обед дают. И вечернего чая нет. Подсчитал, что за этот день я всего выпил не более 6 стаканов жидкости. А на корабле обычно 12-15 стаканов.

19 февраля. Четверг.

День моего рождения. Сегодня мне исполнилось 17 лет. Конечно, никому в палате об этом не сказал. Ребята в палате все значительно старше меня - от 20 до 25 лет. Ну и я лет на 19-20 потяну.

Мне назначили 7-й стол и какие-то таблетки. Стол, как я понял и почувствовал, самый щадящий - на завтрак 4 столовых ложки манной каши, 1,5 стакана чая с 10 г песка, 100 г белого хлеба с 10 г сливочного масла. На обед - бульон (2,5 стакана), каша пшенная (5 ложек), кисель яблочный (1,5 стакана), белые сухари взамен 250 г хлеба и 10 г песка. На ужин манная каша (5 ложек), 10 г масла и 3 стакана чая с 20 г песка и 100 г белого хлеба. Чувствую себя погано: болит голова, живот, понос, температура. Часов в 20 объявили воздушную тревогу, которая длилась полчаса, но разрывов бомб не слышал. Дежурный по отделению только проверил с улицы, нет ли света из наших окон. А много ли света от одной коптилки?

20 февраля. Пятница

Перевели на 4-й стол. Это 600 г белого хлеба и 50 г масла (но в натуре дают только к завтраку 20 г). На завтрак манная каша, 2,5 стакана чая, 200 г хлеба с 20 г масла и 20 г песка на 2,5 стакана чая. На обед суп манный (2,5 ложки), каша пшенная (240 г - 5 ложек), котлета граммов на 65, 250 г хлеба и 20 г песка. На ужин - каша манная, 2 старший ложки, кисель яблочный, 1 стакан, 225 г хлеба и 10 г песка.

21 и 22 февраля питание такие же, только 22-го на завтрак выпил 5 стаканов чая, а в 18 часов стали выдавать вечерний чай - 50 г хлеба и 4 стакана чая. Постепенно вечером стал выпивать только 1-2 стакана чая.

23 февраля наш праздник - отмечен рядом изменений в питании: на завтрак, кроме обычной манной каши и чая, дали по

стакану какао с 200 г белого хлеба. Обед сделали в 11 часов: на первое суп рисовый на курином отваре, на второе - тертая рисовая каша, 3 столовых ложки и куриная котлета граммов на 80 и 10 г масла. В 16 часов - стакан клюквенного киселя и плитку шоколада граммов на 50. В 18 часов - вечерний чай: 3 стакана чая с 20 г песка и 50 г черных сухарей. В 21 час - ужин: манная каша и хороший сливовый компот.

В последующие дни питание становилось все более разнообразным: супы -куриный с манкой и с белыми сухарями, с картошкой и луком, гороховый с луком, перловый с луком, борщ с мясом. На второе - тертая пшенная каша с котлетой, рисовая каша со свиным гарниром, рисовая каша крутая с мясом, пшенная каша со свиным гарниром, перловая каша с гарниром.

26-го я переведен на 1-ый стол: 200 г белого хлеба, 400 г - черного и 44 г масла.

Заходил лекпом, принес 4 письма: от Андрея № 4 от 28 января, от мамы и Алика от 6 февраля и Вовки Финогенова от 17 февраля. Отправил письмо домой.

Лекпом сообщил, что к нам прибыл новый начснаб - техник-интендант 2-го ранга Баранов Александр Платонович. Нашего боцмана Малышева, по его просьбе, назначили командиром отделения вместо Ильина, а Ильина - боцманом. А сегодня лекпом привел в госпиталь Шестакова. Когда лекпом сопровождает кого-либо в госпиталь, то обязательно навещает тех наших, кто лежит здесь, и приносит им письма.

При следующем посещении нашего отделения 9 марта он принес мне 3 письма от Жени - от 13.02, 11.01 и 15.01, от Андрея № 5 от 6.02, №8 от 16.02, от Калачева Шурки от 25.02, от дедушки Ивана Сергеевича из Кипрева от 13.02 и Вовки Финогенова от 20.02. Теперь мне несколько дней работа - писать ответы всем. Лекпом рассказал, как на корабле борятся с вшивостью: 1 марта Шабшиевнчу, который все же не старпом, а ИО старпома, объявлен строгий выговор за то, что рабочие прошли на корабль без осмотра их лекпомом на вшивость. Дня через два строгий выговор получил наш командир БЧ Кузнецов за необеспечение необходимого санитарного состояния, ком. отделения Шведу, который только что назначен старшиной 76-мм батареи, вместо Фахрутдинова, за это же выговор, а Агафонову - 7 нарядов за личную вшивость и за грязное нательное белье.

К Шведу я отношусь очень уважительно. Он всегда спокойный, сдержанный, справедливый. Отслужил уже 5 лет, старшина 1 статьи.

17 марта неожиданно пришел Яковенко. Оказывается, его назначили в нашу БЧ комендором-палубным и отправили

навестить меня и передать мне кучу скопившихся писем - 23 письма!

Сообщил кучу новостей: к празднику 23 февраля был приказ с объявлением благодарности многим членам экипажа. По нашей БЧ благодарности объявлены старшинам батарей Фахрутдинову и Шведу, командирам орудий Попову, Панову и Соболю, наводчикам Семенову, Суворову и Вересову, установщику прицела и целика Рощину. Конечно, мои дневники и пререкания с Поповым не позволили мне получить благодарность. Гордеева с комендоров-палубных перевели в строевые не получился из него комендор. На его должность прибыл в начале марта из ЛВЭ старший к/ф из запаса Алексей Санин. Наш "кормилец" Александров числа 5-го лег в наш госпиталь, а чиста 9-го - Понтус. Гуликова из-за плохого зрения перевели из сигнальщиков в строевые в боцманскую команду. Наш доктор говорил, что у него "куриная слепота".

Еще новость - с начала марта, периодически по несколько человек направляют на Карельский перешеек в леса за сосновыми иголками, которые в мешках привозят на корабль, где делают из них настой и дают каждому ежедневно по стакану утром и вечером. Это для профилактики и лечения цинги, от которой многие страдают.

В феврале распространяли билеты денежно-вещевой лотереи. Не забыли и тех, кто находился в госпиталях. Мне выделено 3 билета по 10 рублей.

Больше часа пробыл Яковенко у меня и был, похоже, рад внимательному слушателю. Около 17 часов он собрался уходить, но начался сильный артобстрел морзавода, района нашего ковша, и он решил переждать. В этом месяце обстрелов, которые я слышал, было немного. У меня отмечены: 4-го - днем часа полтора обстрел города, 6-го - днем полчаса обстрел Торгового порта и Балт. завода, 8-го - ночью обстрел города, 10-го - обстрел торг, порта и города, 11-го сильный артобстрел города, дважды ночью и один раз днем, 12-го ночью обстрел южной части города, а вечером сильный обстрел района Балтийского завода, 14-го перед обедом сильный обстрел р-на Балтийского вокзала, а днем района Торгового порта, 15-го - после обеда и около 12-ти ночи обстрелы города, 16-го - ночью обстрел города, а перед обедом - по району завода Марта, 18-го - после обеда полчаса обстрел города, 21-го - с часу до 6 вечера трижды обстрел города, 23-го - после обеда обстрел р-на Балт. завода, перед ужином - завода Марти. Воздушных налетов, по-моему, вообще не было.

Читать и писать в палате можно было только в светлое время суток, т.к. света в городе не было, и у нас часов в восемь вечера

зажигали керосиновую лампу, одну на всю палату. При таком освещении вечерами только и можно было "травить" всякие флотские и гражданские байки и резаться в карты.

В карты мы играли в детстве, когда нам было лет 11-13. Летом на высоком берегу речки Клязьмы около Мурашек было хорошее место для купания - глубина речки "с головкой", на середине реки - метра два, течение тихое, дно чистое. На нашем берегу у воды десятка два ольховых деревьев и какой-то кустарник, а на высоком берегу чистая мелкая травка, на которой после, купания трое-пятеро усаживались и резались в подкидного дурака или еще во что-то элементарно простое и не азартное.

А в палате ребята резались в "очко" и только на деньги. Меня, конечно, приглашали принять участие, но я под всякими предлогами отказывался. Просто не умел и не хотел расставаться с теми полутора сотнями, которые у меня были с собой. Но все-таки к началу марта, посмотрев несколько вечеров на игру наших картежников, я "созрел". Показалось, что я понял смысл игры и как надо играть, чтобы игру выиграть. Результат такой самоуверенности выявился в первый же вечер - продул все свое полторы сотни, которые хотел отослать домой.

С тех пор я ни разу в жизни не садился играть в карты. Даже в дурака. Хотя знаю, что есть мастера картежники-профессионалы, и их уважаю. В семидесятых годах одна моя знакомая рассказывала, что к ее мужу-врачу приезжают, прослышав о его таланте профессионала, игроки из других городов, и с некоторыми он, сыграв пару партий, расстается. Не интересно играть.

Из флотских баек в палате запомнились байки про здешнего врача по кожным и венерическим болезням. Двое или трое из палаты еще до войны успели побывать у него в отделении стриппером и были или сами свидетелями забавных мини-сцен, или слышали от других товарищей по несчастью.

Приходит к нему на прием какой-то командир, ему предлагают показать - с чем пришел. Пациент расстегивает брюки и из трусов показывает что-то завернутое в газету. А врач этот очень сильно заикался. И вот он, заикаясь, зовет свою пожилую медсестру: "Мммария Иванова, скккольких лет я ррработаю, но чтттобы член гггазету ччитал, пппервый ррраз вижу!" Перед войной он (не припомню точно его фамилию) был в звании военврача второго ранга и на рукавах кителя имел 4 средние серебряные нашивки. Приходит к нему на прием старший командир. На рукавах кителя тоже 4 средние, но золотые нашивки. Чем-то оказался недоволен в беседе с врачом в белом халате и стал повышать голос. Доктор подошел к своему столу,

снял со спинки стула свой китель и, показывая его этому командиру, заикаясь, объяснил: "С кем вы разгговариваете! Вы думаете, что пппперед вами хххрен сссобачий? А у меня тттоже чччетыре сссреднпх!".

В июне-июле 1948 г. я, после окончания третьего курса Военно-морского медицинского училища, был в Питере на госпитальной практике в этом госпитале. Колено-венерическим отделением (а может быть, оно было уже чисто венерическое) заведовал полковник мед. службы Сорокин (если не ошибаюсь). По его заиканию я понял, что это о нем я слышал забавные, но всегда уважительные байки в холодную блокадную зиму 42 года. Сказать ему о таком заочном знакомстве я не решился - он полковник лет под пятьдесят, а я курсант.

Бросилось в глаза, что, проходя по палатам своего отделения, которое располагалось на первом этаже южного крыла главного корпуса, он всегда брался за ручки дверей не голой рукой, а наружной стороной полы своего халата.

В начале марта, когда я почувствовал, что дело идет на поправку, решил, что после выписки из госпиталя навещу дядю Павла, т.к. с корабля я к нему вряд ли попаду. Зная, что они с тетей Марусей, если еще живы, голодают, как и большинство ленинградцев, решил собирать для них понемногу белый хлеб. Сушил кусочки на батарее и складывал сухари в противогазную сумку, т.к. в тумбочку иногда заглядывали дежурные по отделению. Ребята в палате об этом знали, затею одобрили и не препятствовали.

В маленьком моем блокнотике отмечены такие события, как дни, когда белого хлеба не было и выдавали только черный, что 8, 11 и 14 марта не выдавали папирос. А меня они тогда интересовали лишь как предмет возможной продажи и компенсирования проигранных в карты денег. Отмечена и подчеркнута дата 15 марта: "Дали свет!" Значит, в городе заработала какая-то электростанция! Значит, смогут работать многие цеха и заводы и производить ту продукцию, которую сейчас с таким трудом доставляют через Ладогу. В палате общее ликование.

24 марта на врачебном обходе мне объявили, что завтра меня выписывают. Хотя я и чувствовал, что скоро должны выписать, но после объявления об этом что-то защемило в груди, ведь более пяти недель провел я в этих четырех стенах среди товарищей по несчастью. Правда, за эти недели шестеро выписались раньше меня, но я привык и к новеньким. Не могу вспомнить ни одного конфликта в палате. Правда, у меня не возникла дружба ни с кем, ни с кем не обменялся адресом. То ли сказывалась разница в

возрастах, то ли разные жизненные интересы.

25 марта. Четверг.

После завтрака получил все необходимые документы, распрощался с соседями по палате, с персоналом отделения и вышел на улицу. Я уже твердо решил, что пойду не на корабль, а к дяде на Кондратьевский, а вечером, если дойду и если там все живы, то передам свои сухари, чего-нибудь перекушу и обратно.

Маршрут наметил простой: от госпиталя по южной набережной Фонтанки, где в случае обстрела менее опасно, до проспекта 25 Октября, с него по Литейному до Финляндского вокзала, а от него по ул. Комсомола и по Кондратьевскому до 5-ти углов. День выдался пасмурный, тихий, теплый - примерно 2-3 градуса тепла. Налетов немцев не должно быть. А вот к обеденному артналету я как раз буду в центральной части города. Ну, да может, сегодня по центру бить не будут.

К моему удивлению, уже на первом километре почувствовал вялость и слабость в ногах. Впечатление, что ноги не мои, а чьи-то чужие и я должен их с усилием переставлять. Стало даже жарко, и я расстегнул верхние пуговицы на шинели. Пришлось каждые 5-6 минут останавливаться и отдыхать, облокотясь на парапет Фонтанки. Меня никто не обогнал, а встретилось только несколько человек. Я обратил внимание, что редкие прохожие идут примерно с такой же скоростью, как и я, периодически останавливаясь для отдыха. Справа возвышались корпуса каких-то заводов, а с противоположной набережной, на которой были жилые дома, в нескольких местах люди спускались на лед с ведрами, чайниками и набирали воду в полыньях. В начале пути я надеялся, что постепенно разойдусь. Просто месяц почти не ходил. Но прошло уже больше часа, а ноги мои могли только плестись.

Все же артобстрела избежать не удалось. Когда я подходил к Лермонтовскому проспекту, т.е. был на траверзе Балтийского и Варшавского вокзалов, в их районе начали рваться снаряды. Минут через 20 немецкую батарею наши заставили замолчать.

До проспекта 25 Октября доплелся только к часу дня. Три часа добирался!

К Литейному мосту полз еще час. Заметил, что с набережной у Литейного моста идет тропинка по заснеженной Неве на другой берег и выходит на противоположный берег значительно правее сквера перед Финляндским вокзалом. Это хорошо, т.к. срезается большой угол и путь мой сокращается метров на пятьсот.

К дому № 51 у 5-ти углов я добрался, когда уже начало смеркаться. Сел в парадной отдышаться перед подъемом на второй этаж и думаю: а если дядя и тетя умерли, что мне делать?

Обратно я сегодня не дойду. Впрочем, если они и живы, то все равно сегодня не дойду.

Нажимаю на кнопку звонка три раза. Молчок. Даю три длинных звонка. Молчание. Догадываюсь: в их районе, наверное, нет света и надо стучать. Стучу не очень сильно. Вдруг голос тети: "Кто там?" Вхожу. "Ты откуда? И почему так поздно? Павел, это Володя пришел!" В прихожую выходит дядя Павел: "Ну, раздевайся, рассказывай, что случилось?"

Разделся, выложил из противогазной сумки завернутые в газету белые и черные сухари, наверное, килограмма полтора, и граммов 150 сливочного масла - всё что сумел накопить за последние две недели.

Тетя Маруся поставила чайник на примус, а потом подогрела что-то темное, пахнущее картошкой. Это оказались картофельные очистки.

Она рассказала, что поздней осенью - в октябре и в начале ноября жители ближайших домов выкапывали картошку на огородах, которые я видел в середине июня между домами и на пустырях. Многие огороды к осени оказались без хозяев - они в большинстве были эвакуированы. В ноябре выкапывали уже замерзшую картошку, промытые очистки варили и жарили, а из остальной картофелины делали крахмал для блинчиков и оладьев.

"Красный Выборжец", на котором работали и дядя? и тетя, стоит, т.к. нет электроэнергии. Оба они в дружине и периодически дежурят на разных объектах на заводе, тушат "зажигалки" и пожары. В их дом пока не попала ни бомба, ни снаряд. Вообще, их район мало пострадал. Оба, конечно, сильно похудели. Часов в 9 уложили меня спать на кушетке, чтобы завтра мог пораньше выбраться на корабль.

26 марта. Четверг.

Проснулся сам, по привычке в 7 часов. Тетя Маруся напоила чаем из сушеной моркови, я съел свои припасенные 100 г хлеба, распрощался и в 7.30 вышел из дома. Хотелось сразу идти быстрым шагом, но, помятуя вчерашний марш, заставил себя идти "средним ходом". Пошел вчерашним маршрутом. Он, пожалуй, самый короткий. Впечатление такое, что идти было легче. Погода улучшилась - солнышко, с крыш капает.

В проходной завода я был в 12.30. Пропустили без лишних разговоров. В ковше все по-старому. Какое-то странное чувство испытываешь, когда подходишь к своему кораблю. Наверху особых изменений не видно, только под спардеком "сарай" сломали, а на крыльях спардека, рядом со шлюпками, установлены два ДШК. Кран работает, снимает с машины 76-мм

орудия. Это для нас.

Спускаюсь вниз и прямо в гальюн. Как-то кажется, что вся жилая палуба стала другой. Более новой, хотя никаких изменений и нет. Даже краска все та же - охра, но от нее я отвык, вот и кажется все по-чудному. Захожу в кубрик. Тоже как-то непривычно. Весь белый-белый. Покрасили. Здороваюсь с ребятами. Раздеваюсь. Спрашиваю - нет ли новых "жильцов" в кубрике. Нет, только Жентычко перебрался на мою койку.

Открываю рундучок - в основном все на месте. Нет только 9-ти пачек "Звездочки" - это минимум 600 рублей, эстонской пасты для чистки бляхи и кое-какой мелочи - ниток, иголок и пр.

Заглядываю в шкаф - большие изменения: в верхней части сделана полочка и на ней кружки, миски, ложки, хлеб. В общем, все наши принадлежности для еды. Шкаф запирается на ключ. Удобно-то удобно, но как мне теперь шинель вешать и другое барахло?

На двери кубрика висит перечень звонковых сигналов тревоги и их характер. Боевая тревога - один короткий и один длинный звонок в течение 30 секунд; учебная тревога - два коротких по 1 сек и один длинный; аварийная тревога - 25-30 коротких звонков; аврал - 15-20 раз поочередных звонков по 3 и 1 сек.

Отдал доктору лечебный листок, а остальное - прод. аттестат, денежный и вещевой - писарю. Писарь посмотрел - написано, что снят с довольствия 25-го, подписано тоже 25-го. Одним словом я выписался 25-го, а сегодня то 26-ое. Я должен был явиться на корабль до 12 ночи 25-го. Где я был 13 часов?

Я объяснил, что ночевал в госпитале. После долгих споров вынужден идти обратно в госпиталь, чтобы там заверили, что я выбыл 26-го.

А кто мне будет это заверять?

Вспомнил, что наш доктор спросил, взял ли я свою лечебную книжку. Узнав, что мне ее не давали, сказал, что сам зайдет при посещении наших в госпитале. Вот это для меня зацепка. Пришел в свой павильон и спросил старшую сестру. Она в 3-м павильоне. Я туда, а ее там нет, но сказали, что свою лечебную книжку я могу получить в медицинской канцелярии, куда отдана и моя история болезни. Нашел я эту канцелярию. Моей лечебной книжки у них нет. Опять в свой павильон. Наконец-то нашел старшую сестру. После долгих поисков лечебную книжку нашли. Попросил старшую сестру заверить, что я вышел от них 26-го. Но она, оказывается, не может. Начальник отделения - тоже. Дело дрянь. 13 часов не был в части - это дезертирство и под трибунал.

Пошел к дежурному врачу. Пока ждал его, прошло порядком времени. Примерно в половине третьего донеслись разрывы

снарядов в районе Балтийского завода. Обстрел длился не менее получаса. Корабли, которые там стоят, здорово досаждают немцам. За время ожидания и под гул разрывов пришла идея написать на справке внизу: "Выписан из госпиталя 26 марта". Врачу только свою "закорючку" поставить. Пришел дежурный врач и, не долго думая, поставил свою "закорючку" и сказал, что надо его подпись заверить печатью в администрации. После долгих поисков нашел администрацию. Там только писарь-краснофлотец. Узнав, что мне нужна печать, сразу же её поставил. Уфф!

Вернулся на корабль. Наш писарь посмотрел на приписку на справке, подумал немного ... "Ну ладно".

Время ужинать. Обращаюсь к дежурному командиру-интенданту. Это кто-то новый. Тот велел дежурному по камбузу Сумличко накормить меня. Кок сказал, что если к половине седьмого что останется, то накормит. А я голодный как волк. Набегался сегодня порядком, а утром выпил только 3 стакана чая со 100 г хлеба. Жду половины седьмого. Знаю, что на камбузе всегда должно остаться. Точно. Подхожу, кок раздает добавки, которых у него порядком. Мне налили полторы чумички. Суп с фасолью, горохом и луком. На второе три ложки пшеничной каши. Хлеба нет. Емельянов без начальника снабжения не дает даже взаймы. Вечером, однако, дал граммов 600, а сахара не дал - не охота возиться. Масла получил граммов 30.

Вечером половину хлеба рубанул с кофе(!). Спросил песка взаймы у ребят - молчат.

На корабле произошли большие изменения: присвоили звания всем "совторгфлотовцам". Командир корабля - капитан-лейтенант, старпом - старший лейтенант, механик - две с половиной нашивки, лекарь - полторы и т.д. Прибавились интендант и младший лейтенант. Кем они - никто не знает. Остановились, как в гостинице.

Сегодня выписан из госпиталя главстаршина Кузьмин. А я и не знал, что он лежал рядом. Командира отделения пулеметчиков Соболя перевели, по состоянию здоровья, в боцманскую команду. Получается, что у них служба легче, чем в нашей БЧ. Вместо него временно назначен Путилин.

Ремонт неизвестно когда и кончится. С питанием плохо. Круп нет, и варят все горох да фасоль. Хлеб теперь к нам на машине не возят. Отказались, т.к. воруют. Бондаренко за украденный ящик хлеба получил 10 лет, а Жентычко, Ипполитов, Готин и еще кто-то за соучастие (взяли каждый из этого ящика по буханке) получили по 10 суток "строгача" на гарнизонную гауптвахту.

Обнаружил, что матрас у меня сменили на какой-то горбатый, подушки вовсе нет. Поиски не увенчались успехом. В

рундучке лежит одно письмо от папы, пришедшее 24-го. Разбирал его почерк два дня. Он написал его 19 февраля (в мой день рождения), а отправил 27-го. Пишет тоже об учебе, советует поговорить с военкомом, чтобы откомандировали меня в клязьминскую среднюю школу. Примерно в то же время, в начале февраля, я уже говорил с военкомом, писал об этом в письме и папе, и директору спецшколы, но он об этом еще не знал, когда писал мне. Попов передал мне еще одно письмо от папы к военкому, которое они не могли разобрать, т.к. писал он его, наверное, левой рукой.

К 28-му я разобрал и это письмо. Он в нем тоже просит откомандировать меня в школу. Пошел с этим письмом к военкому. У него начфин Чахлов. Военком попросил прочитать письмо вслух(?) Читаю. Военком говорит, что это надо действовать через наркома, и по тому, как он говорит, я чувствую, что он не особенно интересуется письмом и мною, и что ему куда легче отказать мне, чем разговаривать с командованием. Но, услышав, что я с 25-го года, он советует мне подать рапорт об этом командиру. "Но, - говорит, - вряд ли что из этого выйдет. Если мы вас и отпустим, а вдруг вас школа не примет?"

В этом он прав. Как я могу знать, что думает обо мне директор спецшколы. Может, я ему и не нужен. Остается одно - ждать запроса из спецшколы. А когда он будет? И будет ли вообще?

Решаю немного подождать. Может из дома что будет? По расчёту на мои письма скоро должны быть ответы. О рапорте командиру тоже подумал. Буду проситься в клязьминскую школу. Дело тут такого рода - в военморспецшколу меня отпустили бы скорее, чем в клязьминскую, но я знаю, что в клязьминскую школу меня приняли бы скорее. Нужно выбирать что-то одно из двух, а то за двумя зайцами погонишься ... Идти в клязьминскую школу, это значит демобилизоваться. А можно это или нет? Если бы я был уверен, что в спецшколе у меня будет все в порядке, интерес там больший - в училище попаду обязательно. Но все же думаю быть в клязьминской школе, а оттуда как-нибудь и в спецшколу попаду. А если этим временем придет затребование из спецшколы, тогда туда. И мама и папа туда тоже писали.

Теперь на корабле ввели еще одну вахту - зенитную, и 29-ого я заступил на нее. Проводишь время на палубе и все, а толку от тебя очень мало. Примерно с 14 по 15-ти воздушная тревога. Бомбят город с большой высоты. Бьют береговые и корабельные зенитные орудия.

В это воскресенье постирать и помыться так и не удалось.

30 марта. Понедельник

Из круп остался один горох, гак что на второе сделали блины - по 3/4 блина. Удержали из них по 20 г масла. Неудачно я возвратился.

После обеда все командиры орудий и наводчики пошли на "Молотов" тренироваться на приборе Крылова. Наши ходят туда уже месяц. Но мне не повезло - прибор не работает. На "Молотове" стоят 2-76-мм, 2-45-мм орудия и пулеметы. Забрались в раздевалку кочегаров, уселись там и часа два продремали. Часам к пяти вернулись обратно. У меня сильно болят ступни. Едва волочил ноги. После 19-ти часов сильный обстрел центральной части города.

Фахрутдинов и Швед живут теперь в каюте, которую сделали в кают-компании, а на их месте Гагарин. Жентычко переехал в 9-ый кубрик, а вместо него Манышин. Подозреваю, что мои папиросы Жентычко спер. Послал с Суворовым домой 200 рублей. К маю, надеюсь, получат.

31 марта. Вторник.

Сегодня стою на вахте в дозоре в первой смене - с 9 до 12. Значит, ночь можно поспать. Часа в 2 ночи разбудили разрывы снарядов где-то в городе, но наши батареи быстро заткнули немцев. Ноги в дозоре все же чуть-чуть замерзли, хотя все время ходил. Мороз был все же около 10°.

В обед и ужин суп был очень хороший - из самодельных галушек, с морковью и картошкой. На второе горох и фасоль, конечно, очень мало. Попов фасоль не может есть. Значит, не голодный.

1 апреля. Среда.

С утра выгрузка боезапаса из погреба на стенку, к цеху, где боцманская команда сделала стеллажи. Я на носке от погреба к стеллажам. Таскаем по два человека ящик. Всего 5 пар. Я таскаю с Ипполитовым, Кошель с Журавченко (новый дальномерщик). С Кошелем таскать ничего, а с остальными хуже. Дело в том, что они маленького роста, и поэтому больший вес приходится на меня.

Кто-то предложил таскать каждому по одному ящику, так, мол, быстрее. Я тоже попробовал. Стал взваливать ящик себе на плечо, а он открылся, и все снаряды высыпались. Младший лейтенант Дьяконов, руководящий выгрузкой, страшно ругался. Мы его недолюбливаем. "Оморячился". Приходит однажды в кубрик. Увидел открытый иллюминатор: "Задрайте люк!" Слышал звон, да не знает, где он. Сам "задрай люк".

Теперь уборка утром длится с 7.10 до 8.00, и мы с палубы приходим быстрее. А Дьяконов, когда дежурил по кораблю, возмущался: "Почему в кубрике?" Попов обыкновенно отвечал ему

резко: "Спокойно! Тише надо. Ваше дело маленькое". И он быстро уходил.

Только перенесли весь боезапас и вдруг стеллажи обрушились. Проклятые "боцмана" не могли и это сделать как следует! Пришлось снова снимать ящики, а затем снова складывать. Только кончили с боезапасом, пришла машина с дальномером и всеми его "ЗИПами", довольно тяжелыми. Перетащили и это на борт, только сам станок да еще кранцы для 76-мм снарядов будут переброшены после обеда краном.

Собрались спускаться вниз, боцман позвал помочь снять трапы, т.к. кран на стенке переходит на другое место. Пошли пятеро. Отдали концы одного трапа от лееров, боцман послал двоих на стенку помогать, а остальные должны были тащить трап на палубу. Вниз пошли Панов и Кравцов, но почему-то по тому трапу, который уже был отдан, и конец его находился в руках у боцмана. Дошли они только до половины, как трап скатился, но Кравцов, шедший впереди, успел схватиться за леер другого трапа, повис на нем, а затем и вылез на него. А Панов грохнулся с трапом вниз на лед с высоты 6-7 метров. Упал он на ноги, но тотчас повалился на правый бок и громко застонал. На секунду мы все растерялись, но голос Шведа быстро вывел из оцепенения. Я бросился на стенку. Упавший трап одним концом был на стенке, другим уперся в лед. Меня опередил какой-то рабочий. Он, а затем и я спустились на лед. Затем и Швед.

Панов тихо стонет, не может пошевелиться, из носа идет кровь. Кричим, чтобы позвали санитара с носилками, расстегиваем на Панове шинель. Спустили носилки, мы осторожно положили на них Панова, привязали и понесли. Еще неизвестно, в какой степени он обломал себя.

2 апреля. Четверг.

Сегодня вечером получил письмо от мамы от 14 марта. Первое мое письмо из госпиталя они получили. Конечно, беспокойство, нравоучения. Мама пишет, что от Андрея узнала, что у них в спецшколе нет "немки", и что она готова даже туда переехать и что уже написала письмо директору. Пишет, что туда писала и она, и папа обо мне, что она написала письмо командиру корабля и послала справку из клязьминской школы. Содержания этого письма я не знаю. Клиймович говорит, что отдал его уже командиру. Какие, интересно, будут результаты?

Панов лежит у себя на койке. Мы помогаем ему приподняться и сесть. Ходить, конечно, не может. Переломов нет, только сильно болят суставы запястья, колен, таза и правое плечо, а старпом смеется: "Через два дня будет работать".

С половины восьмого до восьми немец бил по городу, но от

нас далеко к северо-востоку.

3 апреля. Пятница.

Стою вахту у трапа в первую смену. Морозец слабенький - минус 3-4°. Трап перенесли к первой трубе. В этом месте палуба на одном уровне со стенкой. Теперь вахтенному новые обязанности: тех рабочих, которые идут к нам на работу, задерживать, собирать человек 5-6 и вызывать рассыльного, который отбирает у них пропуска и ведет в лазарет на саносмотр. А на пропуске ставят число, что означает - к работе допущен. У кого найдут насекомых, удаляют с корабля. У нас каждое утро 15 минут отведено на саносмотр - смотрят тельняшки. Моемся обыкновенно полуголыми. В час дня обстрел города.

Уничтожить флот в Ленинграде до вскрытия Невы

4 апреля. Суббота.

На ужин щи с луком. После ужина пошел постираться. Выстирал голландку, кончаю стирать кальсоны, слышу стрельбу. Вначале не понял: ни то обстрел, ни то зенитки бьют? Нет, зенитки. Совсем рядом. Слышны "разговоры" автоматов. Это, пожалуй, на "Стойком". Стрельба все усиливается. Похоже, что и наши бьют. Но почему нет сигнала "Воздушная тревога"? Иду в кубрик и спрашиваю у Панова: "Тревога была?" "Не слышал". Быстро одеваюсь и выскакиваю на палубу. Стрельба ужасная! Трехдюймовки "Стойкого" совсем оглушают. Спустил и завязал уши у шапки. Небо все в пятнах разрывов.

Вот вижу идут 4 "юнкерса". Высота около 4000 м. Огонь усиливается. Приходится держать рот открытым.

Попов бьет из 1-го орудия. Расслабились болты крепления станины. Хочет перейти на свое орудие, но мешает стрелять кран. Переходит на 2-ое орудие. Суворов наводчик. Кошель подносчик. Команд нет никаких. Чехлов стоит с таблицей в руках и не знает, что делать. Военком, командир БЧ-2 и старпом на мостике. Смотрят то на небо, то на стреляющее орудие.

Мой прицел на 1-ом орудии. Иду и переставляю его на свое орудие, около которого нет никого. Попов бьет фугасными. Кончились, стал бить бронебойными. Наконец организовали доставку снарядов со стенки, со стеллажей... опять фугасных. Около орудия кучи гильз.

Смотрю на установку прицела - 1-30. Какой черт его поставил? Ставлю 2-30. Уверен, что от нашей стрельбы нет ни капельки толку. Бьем в божий свет, как в копеечку. Самолеты идут эшелонами по 3-4 машины с разных направлений и уходят к центру города. Там на Неве около Зимнего стоят "Киров" и какие-то эсминцы. Вдруг замечаю, что с противоположной стороны, с кормы на нас пикируют несколько самолетов. Указываю на них

Попову. Бьем теперь по пикировщикам. Ощущение не особенное... Ну, прямо на тебя пикирует один за одним. Ревущий свист самолетов, свист и грохот бомб... Вот справа по борту на цех врезались три бомбы. Взлетают бревна, снег, дым. Летят бомбы на эсминцы у Балтийского завода.

Вот от одного "пикировщика" отрывается одна здоровая "чурка", со свистом проносится над нами и уходит по направлению к "Максиму Горькому". Самолеты все идут и идут. Проходят над нами и оттуда пикируют на невидимые для нас цели и на небольшой высоте уходят из зоны обстрела. Грохот не прекращается ни на минуту. Вот один из "пикировщиков" осветился разрывом снаряд попал в "пузо", но он продолжает лететь. Вот в левый мотор другого попадает снаряд из автомата со "Стойкого". Он кренится и скрывается за домами. На "Стойком" аплодисменты комендорам. Вскоре стрельба затихает. Небо будто загажено мухами. Такой налет и такую стрельбу я вижу первый раз. 2-ое орудие сильно накалилось, так что краска на стволе запузырилась и облупилась. Из него выпустили 75 снарядов.

Уже в конце налета я все же уговорил Манышина перейти ко мне. Спросил разрешения у Быкова открыть огонь, но он не разрешил, т.к. налет подходил к концу. "Пикировщики" с кормы больше не появлялись, а по ним из моего орудия очень удобно было бы бить. С левого борта с носу шли последние два самолета. Успел дать по ним один выстрел, и они вышли из моей зоны обстрела - мешает кран, который электрики не развернули вдоль борта. Наши ДШК тоже пробовали вступить в действие, но, выпустив каждый по десятку патрон, выбыли из строя - патроны перекосились и стали ломаться.

На "Стойком" прозвучал сигнал большого сбора, и команда собралась на юте. Командир эсминца расцеловал расчет автомата, который сбил самолет, прогремело "Ура", и снова все были на своих боевых постах. Да, шуму сегодня было порядком, но результаты не ахти какие. От немцев тоже было больше шуму. Если считать, что на нас пикировало машин 25, то бомбили только машин 8, да и то по одной-две бомбы, а остальные пикировали, я думаю, только для морального воздействия или же для того, чтобы, выйдя из пике на небольшой высоте, скорее выйти из зоны сумасшедшего нашего огня. А всего в налете участвовало не менее сотни самолетов. После стрельбы смазали орудия щелочью и пошли вниз. Панов уже наполовину оделся и приготовился, в случае чего, выбираться наверх. Действительно, не особенно приятно сидеть одному в кубрике и слушать адскую пальбу, грохот разрывов бомб и не знать, кого бомбят? Смотрю на часы - 20 часов, а мне почему-то казалось, что ужина еще и не

было.

Этот налет показал, какая у нас организация: большинство команды забралось под спардек, будто он их защитит от бомбы. Теперь всех интересует вопрос - прилетят немцы ночью или нет? Часто будут налеты ли нет? Всем хорошо памятны осенние налеты. Сегодня немцы нас, так сказать, "поздравили" с наступающей пасхой. Вечером я заступил на зенитную вахту. Всей батарее приказано спать не раздеваясь.

5 апреля. Воскресенье.

Я стоял во вторую смену - с 21 до 23-х часов. Ничего не случилось. В час ночи вдруг тревога! Выскакиваем все наверх. Гулко бьют береговые зенитки, по небу медленно ползают лучи прожекторов, слышен гул самолета. Вот с левого борта на небе вспыхивают 4 огня - осветительные ракеты с самолета. Они медленно опускаются, оставляя за собой хорошо заметный белый след. От ракет тянутся вниз светящиеся нити - наверное, капает расплавившийся состав ракет. Проходит минута и ... нарастающий свист. Бомба, пролетев где-то над нами, рвется по правому борту. Инстинктивно большинство находившихся на палубе пригибаются. Вот еще 4 осветительные ракеты. Под их белым светом как-то неуютно. Впечатление, что тебя видят, как на ладони и выбирают, во что бы тебя стукнуть? Через минуту опять свист бомбы. Корабль вздрагивает. Очевидно, бомба упала в начале ковша в воду, и взрывная волна ударила по подводной части корабля.

Замечаю, что на "Стойком" тревоги не объявляли - орудия у них зачехлены. Совершенно правильно сделали. Ночью их огонь бесполезен, а наш и подавно. Вдруг луч одного прожектора поймал "юнкерс". Вот его уже цепко держат более десятка лучей. "Юнкерс" поспешно удирает в сторону залива, подальше от прожекторов. Но почему затихла стрельба? Казалось бы нужно наоборот бить по обнаруженной цели, а тут все орудия стихли. Опять слышен свист, а затем разрыв сброшенной бомбы - это "юнкерс", удирая, сбросил, наверное, последнюю бомбу. Но вот прожектора его отпустили. Все равно без толку держать, если свои по нему не бьют. С правого борта слышен вновь гул подлетел другой "юнкерс". Снова осветительные ракеты, и через минуту бомба...

Наконец нас догадались отпустить вниз, но приказали быть наготове, притом дали отбой. А мне все равно скоро заступать. Лежим и слушаем: зенитки еще бьют, корабль иногда сильно вздрагивает. Очевидно, бомбы рвутся недалеко. Ну и черт с ними! Все равно от нее никуда не убежишь. Она достанет везде: и на палубе, и под спардеком, и в кубрике. В 3 часа вышел на вахту.

Самолетов уже не было. Когда мы были на палубе, я насчитал 32 ракеты. Это 8 раз по 4 штуки.

Сегодня решил во что бы то ни стало отдать рапорт командиру. Прошу ходатайствовать перед командованием, чтобы отпустили в клязьминскую школу. Отдал рапорт Попову, тот Кузнецову. Нужно узнать, передал он его командиру или нет? Наш Понтус вернулся из госпиталя. Хорошо, что наши достали в порту сушеную картошку, теперь на второе будет жареная или тушеная картошка. Давно ее не видели.

Сегодня из экипажа прибыло пополнение в нашу БЧ: дальномерщик Костя Журавлев, молодой краснофлотец, Борис Вознесенский - старшина 2 статьи, командир отделения пулеметчиков и Василий Мироненко - сержант запаса, комендором палубным.

6 апреля. Понедельник.

Капуста кончилась. Теперь для супа горох и горох, а на второе все картошка, но она никогда не надоест, да мы ее и не много видели.

В 12 часов немцы открыли артогонь по городу. Минут через 15 "заговорили" 2 или 3 наши батареи. Но немцы не унимались еще минут тридцать. Наши за их "непослушание" продолжали бить по ним еще минут 10-15 после того, как они замолчали. Надолго ли?

На "Стойком" собрали всю команду на верхнюю палубу, и она кричала: "Ура!", их известили, что "Стойкий" стал гвардейским эсминцем, и теперь к ним зачастили высокое флотское начальство, артисты и писатели.

После обеда угольная погрузка. Первый час я подкидывал мешки и здорово измазал рабочие брюки. А я их только вчера выстирал с большим трудом, т.к. мыла совсем нет и приходится "стрелять". Во второй час решил, что лучше таскать.

После ужина нас хотели использовать на выгрузку шлака, но я пошел мыться, т.к. не был в бане с тех пор, как пришел из госпиталя.

Панова сегодня отправили в госпиталь. У него сильно опухла грудь и правое плечо. В ужин его порцию разделили. Пока он лежал в кубрике, у него был плохой аппетит, но зато у Суворова он разгорелся - он брал его обед, даже если его Панов отдавал Попову.

Вообще я заметил, что Суворов кое в чем изменился - стал скупой до неузнаваемости и совесть малость потерял. Меняет свой табак на масло, а потом "стреляет" у Попова и Манышина, которые не умеют отказать. Панов же его осек: "Ты свой табак меняешь на масло, а теперь просишь его у меня?! А масло ты мне

дашь, если я попрошу?" Панов вообще им не доволен. Рассказал мне, что Суворов продал ему масло за 25 рублей, которое сам купил за 10 рублей. Кому-нибудь еще он бы и простил, но Суворову, с которым они живут вместе уже 9 месяцев, это не простительно.

Раньше у нас бачковал Попов и никого не обделял. Потом эту миссию взял на себя Суворов, и теперь он себя "не обижает". Правда, все это мелочи, о которых стыдно писать, но мелочи и создают впечатление о человеке. У Суворова тактика верная: помешав в бачке чумичкой и заметив, что в бачке есть мясо, он мешает с таким расчетом, чтобы побольше кусочков поймать и вылить себе. В последнюю очередь он наливает мне и, если случайно окажется в чумичке кусочка два мяса, он осторожно сольет мне жижу, чтобы второй кусочек и часть остальной гущи остались в чумичке. Если он наливает мне первому, то проводит чумичкой по поверхности, а остальным и, в особенности себе, даже наклоняет бачок, что бы вся гуща в одном углу оказалась, и он ее вычерпывает. Когда оказывалось, что в бачке только три куска мяса на четверых, то Суворов разливает так, что я остаюсь без мяса. Думаю, что в ужин он это учтет и как-то компенсирует, но черта с два - это не по-"суворовски". Когда суп с мясом и с костями, у меня оказываются одни кости. Когда на второе мясо порциями, то у меня ребра, которые побольше, но на которых поменьше мяса. Выбирая мясо или котлеты из каши, он старается себе в миску захватить "попутно" и каши побольше. Когда была тушеная картошка с мясом, он все мясо выбирал себе в миску, захватив и картошки, а потом начинал делить мясо. Мешая второе, старается побольше размазать по стенкам бачка, чтобы потом все снять куском хлеба. Утром за хлебом он ходит всегда сам, и когда я раз как-то пошел вместо него, т.к. он где-то задержался, так он прибежал мне "на помощь". Больше я и не ходил за него.

Я бываю очень рад, когда он в расходе - тогда бачкует Манышин, который хотя и старается подражать Суворову, но все же уступает ему. Манышина "подкармливает" Гагарин из остатков стола в кают-компании. Нальет ему Гагарин миску супа, тот придет в кубрик, встанет в угол спиной ко мне и, чуть не захлебываясь, кроет через край. Первый раз я подумал, что он принес воду, и спросил, холодная она или горячая. "Холодная." Но потом заметил купустину у него на носу - "щи!" Спрашиваю: "На камбузе добавили?" "Ага." Через некоторое время, увидев, в каких он отношениях с Гагариным, я понял все. Однажды я ему все же сказал: "Да не захлебывайся ты, сядь за стол по-человечески, съешь спокойно. Или стесняешься меня? Зря." Сел.

Что я еще заметил - у него вечно дрожат руки, когда, например, режет хлеб, обедает, мажет хлеб маслом. И это здорово заметно. Как будто "кур воровал". А когда мажет хлеб маслом и ест, всегда краснеет, будто чего-то стыдится. На обед у него редко остается хлеб. После чая сидит и по ломтику отрезает и ест. Когда я заговорил с ним на эту тему, ответил, что тремястами граммов хлеба утром он не наедается. А мы разве наедаемся? Разве Суворов пли я не в силах съесть утром все 800 граммов хлеба? За милую душу! Даже две пайки!

Гагарин мне совсем не нравится. Ведет себя слишком самоуверенно и разговаривает свысока. Чувствую, что придется с ним столкнуться. Это начинается уже сейчас. Попов по-прежнему спокоен, хорошо поправился, дежуря на камбузе, и фасоль уже не ест - "Не люблю". Зато ее любит Суворов. Замечаю, что в расход всегда получают первого в 1,5-2 раза больше, больше и второго, но меня, как специально, Фахрутдинов не ставит в третью смену. Хотя мало времени для сна, но зато обед и ужин хорошие.

Суворов и Манышин почти через день в расходе. Это хорошо, т.к. мы с Николаем Пановым спокойно обедаем. Плохо только, что, когда Суворов в расходе, Манышин с нами или наоборот. Лучше бы оба были в расходе. Они-то от этого тоже не теряют, особенно Суворов, у которого блат с коком и Гнездиловым.

Ну, всех расписал. Хватит!

7 апреля. Вторник.

Сегодня ночью, когда стоял на зенитной вахте, было северное сияние, довольно ясное. Небо было чистое, легкий морозец - минус 5-6°.

Во время батарейного учения лейтенант Кузнецов сказал, что назначает меня командиром орудия. Рощин остался установщиком прицела и целика, наводчик - Санин с 76-мм орудия (глядя на него, думаю: где тот Санин, с которым мы были в конце июня 41 года?), а подносчиком - Жентычко. По боевому расписанию подносчиком у нас Вавилов, котельный машинист, но он ни разу не вышел на занятия. Рощин болен и редко выходит, Санин и Жентычко расписаны на 76-мм, и поэтому вся ответственность за материальную часть падает на меня. Постараюсь не подвести, но особенного внимания на слова лейтенанта обращать не следует. Он даже не сказал об этом командиру отделения Попову и Фахрутдинову. Ну, да ладно.

Примерно в 19.30 сильный обстрел района нашего завода, но основные их цели немного западнее нас. А в двенадцатом часу ночи - сильный обстрел города. Ответили наши батареи, и взаимные "выяснения отношений" продолжались до полуночи. В это же время четко была слышна интенсивная арт. перестрелка на

южном берегу.

Вечером получил открытку от Андрея от 12 марта и письма № 9 и 10 за 24 февраля. Долго они шли. Есть над чем подумать. Обещал, что программы вышлет мне его тетушка из Москвы, которой он написал. На счет школы обещал все разузнать сам. Пишет, что шансов для поступления много, т.к. у них мало народу вообще и что одного артиллериста, который защищал Москву и приехал к ним, приняли беспрекословно. Мне трудно оставаться спокойным, читая эти письма, а между тем у меня дела не подвигаются, а до мая 20 дней.

Лейтенант сказал, что мой рапорт отдал командиру. Но почему он меня не вызывает?

9 апреля. Четверг.

Вечером снова вахта зенитная. Проводишь лишь время на мостике. Днем занятия и зачинил чехол у орудия, который сильно был изорван, сшил чехол для ящика с прицелом. Брезент, которым мы дополнительно накрывали орудие, куда-то исчез.

Сегодня написал письмо № 18 и отправил его Андрею. Командир все не вызывает меня. Что он не читал письма от мамаши и не читал мой рапорт, что ли? Или считает его мелочью, которой не стоит заниматься? Не могу найти удобный момент, чтобы обратиться к нему, да и это надо с разрешения командира БЧ.

10 апреля. Пятница

Получил письмо от мамы. Прямо обидно стало. Как думал, так и вышло. Она повидалась с преподавателями спецшколы, которые остались в Москве. И они ей сказали, что все зависит от директора школы Да я это и без них знаю. Я просил мамашу поговорить с директором клязьминской школы, чтобы они написали командиру затребование, а она... Эх! Ждут к маю и т.д. Ждите. Приеду черта с два. Надеялся на вас, а теперь ясно, что помощи от них ждать нечего. Выпутывайся сам. Надежды рушатся. Трудно оставаться спокойным.

11 апреля. Суббота.

Утром после проворачивания механизмов спустился в кубрик. Приходит дежурный по низам Фахрутдинов и, узнав, что я не на вахте, велит взять винтовку и встать у каюты арестованного командира БЧ-1 младшего лейтенанта Борцова. За что же его арестовали? Я об этом кое-что уже слышал.

Помню, когда он прибыл к нам в начале февраля, я стоял на вахте у трапа. Он был старпомом на "Молотове". К нам попал по следующей причине (как мне рассказал К.): в ноябре или в начале декабря, когда мы стояли подорвавшиеся, а "Ермак" и "Молотов" ходили за караваном на Гогланд, было, как мы все знаем, тяжелое

время - 300 граммов хлеба и горох. На "Молотове" имелись в запасе кое-какие продукты, которые не выдавались на котел, хотя команде очень доставалось, особенно кочегарам. Военком тоже не разрешал выдавать продукты, говоря, что это НЗ. Борцов же, будучи старпомом, видя, в каком положении команда, распорядился выдать продукты, поспорив с комиссаром. Этим он завоевал себе авторитет у всей команды и, наоборот, потерял авторитет у военкома и командира корабля.

В Кронштадте военком хотел завести "дело" за перерасход продуктов и обратился в порт и в штаб. Но там якобы ответили: "Задание свое корабль и команда выполнили? Выполнили. Ну и все!"

Авторитет комиссара падал, и в Ленинграде снова завязали дело уже в политотделе. Мотивировка - подрыв авторитета комиссара и командира. Они взяли верх, и Борцов получил взыскание по партийной линии. Ну, а если так, то обязательно на человека посыпятся все шишки, и Борцова необходимо стало снизить и по строевой линии. И вот он переведен к нам командиром БЧ-1.

Команда БЧ-1 о нем очень хорошо отзывается. Он зря людей не гоняет, обращается дружески. Но наше командование его не любит. Особенно старпом Шабшиевич. Он - прямая противоположность им. И поэтому ясно, что прощается одним, то ему никогда.

Спросил потом у Владимирова, командира отделения сигнальщиков, он объяснил, что все это случилось из-за него - он во время вахты в 2 часа ночи спустился в умывальник и заснул. Там его нашел дежурный по низам. За это его из командиров отделения перевели в сигнальщики. Борцов же, как командир, несет за это ответственность - малая требовательность.

Формально они правы, но почему до сих пор никакие командиры БЧ-2 не несли ответственности за подобные случаи? А случаев ухода с поста и сна на посту и в нашей БЧ хватало. Виновники получали наряды, "губу", строгий арест и т.д., а командиры никаких взысканий не получали. Вот Бондаренко дали 10 лет, а командиру - ничего. Почему же Борцову арест? То, что его весь комсостав не любит, это факт. Но, пожалуй, этого мало. Может, тут еще что-нибудь? Узнаю.

Вот к нему входят старпом и, явно нехотя, дежурный по кораблю и требуют сдачи оружия. Но он и не думает его сдавать и скоро их выпроваживает. Молодец! Я ему очень даже сочувствую. Прошу Фахрутдинова записать меня в расход на обед. Говорит, что и так расход большой, а мне на бачке оставят. Вредным типом стал этот Фахрутдинов. Спокойно редко разговаривает. Больше кричит и ругается.Примерно в половине двенадцатого к Борцову вошел военком. О чем, интересно, будет говорить? Стараюсь подойти поближе к двери и послушать. Военком говорит тихо, почти ничего не слышно, но Борцова слышно довольно ясно. О чем начался разговор - не знаю. Начал понимать с того момента, когда Борцов обижался, почему ему писарь не дал пустого бланка командировочной, а послал его к командиру корабля, к которому он все равно должен был пойти за подписью.

Борцов тогда приказал писарю выдать ему бланк, но писарь, конечно, не дал. Борцов считал это не верным, т.к. он старше по званию, а приказ старшего по званию должен быть выполнен. Военком, конечно, с этим не согласен и объяснил ему, что у писаря особые полномочия, что он не подчиняется всем, кто старше его по званию.

Я с военкомом тоже согласен. Борцов в этом не прав.

Затем разговор зашел о том, почему Борцова на партсобрании осмеяли, издевались над ним, подрывали его авторитет и т.д. Я это плохо слышал и ничего не понял.

Потом Борцов стал просить военкома списать его с этого корабля куда-нибудь, хоть на катера, но на другой корабль, на фронт, но лишь бы уйти с "Волынца". Он говорил, что не может здесь работать, что здесь все основано на клеветничестве, подхалимстве, обмане, предательстве и лжи. Что в этой атмосфере он не может находиться, а военком может посодействовать, чтобы его списали. Военком ответил, что все эти его доводы не основательны, что он не может этого сделать, т.к. какой же он будет военком, если не сумел воспитать командира. Борцов ответил, что его в том духе, который на корабле, не воспитаешь. Он возмущался, как допустили, чтобы Шабшиевич - краснофлотец, стал старпомом, хотя он не имеет на это никакого права. Диплома об окончании штурманского училища у него не было.

Конечно, обидно Борцову это. Он сам штурман дальнего плаванья, а им командует какой-то самозванец. Военком сказал, что это не их дело, что диплом тот получил после и т.д. Затем Борцов стал указывать на массу глупостей, которые имеются на корабле, на все беспорядки. Во всем этом я его поддерживаю. Он прав. Это не военный корабль, а "пароход". В кают-компании уже обедают 12 человек.

Вдруг, жуя, из кают-компании выходит с красным лицом лекпом и спрашивает, указывая на каюту Борцова, откуда слышны громкие голоса: "Вы слышите? Чтобы никому ни слова. Поняли?! С этим не шутят!" Я махнул рукой. Ладно, мол, знаю и так, можете не беспокоиться. Скоро меня должны подменить. Я уже знаю, что супу мне будет половина миски. Суворов никогда не теряется. За время дежурства обнаружил в шкафу рядом с каютой "Вахтенный журнал" "Волынца" за 1915 г. Вот это, считаю, ценная вещь. Взял его в кубрик почитать - интересно чем занимался "Волынец" во время Первой мировой войны.

Я прав, супу чуть больше половины миски. На сколько Суворов обделил меня во втором и в мясе - судить не мог.

После обеда с трех часов Фахрутдинов снова предлагает мне

постоять часика два. Я стою уже до 19 часов. К моему несчастью, на камбуз заступил Фахрутдинов, а он не лучше Суворова. Клеймович оставил ему на 15 чел. 25 порций расхода, а он боится, что ему самому ничего не останется. Налил, не мешая бачок одной воды. Суворов тоже был в расходе, так что Попов и Манышин получили 4 порции от Клеймовича. Клеймович с Поповым большие друзья. Он часто бывает у нас в кубрике. Не знаю, как Попов, но он Попова частенько приглашает на камбуз "попробовать" мисочку жареной картошки. Продал Кравцову 50 г табаку за 50 руб. С табаком очень плохо. С песком тоже.

12 апреля. Воскресенье.

Сегодня опять стою зенитную вахту. В 11.30 обстрел нашего завода, но снаряды рвутся от нас далековато - даже осколки не долетают. В 3 часа дня на большой высоте появился один "юнкерс" и ушел, провожаемый стрельбой береговых зениток.

Поскольку наш сосед "Стойкий" стал гвардейским кораблем, сегодня у них будет праздник. Вчера им привезли водки...

Я стою в третью смену и поэтому в расходе. На камбузе Клеймович получаю две порции первого, третьего и порядком второго, но в ужин не повезло - заступил Шиковец, а от этого ожидать хорошего было нечего.

На "Стойкий" прибыл вице-адмирал Дрозд. Вручил ордена и медали. На ужин им дали по 125 г водки, а после ужина на юте собрался джаз-оркестр и самодеятельность. Обстрел города к ужину прекратился, и ничто не мешало и нам слушать концерт. Ох, и достается теперь им - "драят" их почем зря! Ну и они свою "коробку" драят.

У нас, после завершения сегодня большой приборки, командир корабля лично осмотрел несколько кубриков (их всего-то 14), гальюн, баню, и др. помещения. Нашел массу непорядков: грязь, угольную пыль. Обратил внимание, что младшие командиры не умеют ему докладывать и прочее.

Ни дядюшка, ни тетушка не пришли и сегодня, хотя обещали прийти в воскресенье в начале апреля.

Сегодня с нашего орудия в ВМГ положили Рощина.

13 апреля. Понедельник.

Утром политические и санитарные занятия. На политзанятии меня Кузнецов спросил о роли Сталина в гражданской войне. Санитарные занятия - о действии иприта. На "Стойком" сейчас все в противогазах, где бы ни находились. Разговоры о химической войне не прекращаются. Нам всем выдали противоипритные накидки. В 15 часов артобстрел города. Днем уже дня три плюсовая температура.

14 апреля. Вторник.

Стою зенитную вахту во вторую смену. Написал новый рапорт командиру корабля, прося вернуть в спецшколу. Передал рапорт Попову, тот Быкову, а Быков вернул обратно, сказав, чтобы я написал рапорт на его имя. Ну, это завтра. Старпом Шабшиевич уходит на какие-то курсы. Вместо него Кузнецов, оставаясь и командиром БЧ-2.

Часов в 15 немцы беглым огнем минут 10 били по Васильевскому острову.

15 апреля. Среда.

Передал опять рапорт Попову, тот Фахрутдинову, а тот Быкову. Быков Кузнецову. Вечером получил рапорт обратно с резолюциями: от Быкова: "Считаю, что к-ф Трифонов необходим в настоящее время на службе на л.к. "Волынец". От Кузнецова: "В настоящее время не могу Вас отпустить".

Я-то надеялся, что Быков пойдет к командиру, а он дальше Кузнецова не пошел. Надо с ним поговорить. Вечером столкнулся с Кузнецовым, входящим в каюту. Говорит, что сейчас не хватает людей. Вот если они будут, тогда другое дело. Говорит, чтобы я послужил, а потом они направят меня в училище. Я отвечаю, что толку от меня все равно мало, специальности у меня нет, а без среднего образования в училище не попасть, а потом будет уже поздно. Отвечает, что у меня большая практика, что я командир (?) орудия, что меня скоро переведут в комендоры, что я могу заниматься на корабле, что у меня масса свободного времени... На этом разговор оборвался.

Необходимо поговорить с ним как следует. Время не ждет.

На бачке я был один и пообедал и поужинал на славу. На обед суп чечевичный - 4 стол, ложки, каша пшенная - 5 ложек с кусочком мяса граммов в 30 и два стакана компоту с 20 ягодами. Съел 250 г хлеба. Попов в ужин дал две порции: суп чечевичный - 9 столовых ложек, мяса граммов 30, на второе горох, 8,5 ложек и 100 г хлеба. На вечерний чай 50 г хлеба со стаканом чая. Горох и чечевица у нас уже недели две. Я ем с удовольствием.

Сегодня артиллеристы разошлись: в 8.30 немцы открыли огонь по кораблям в р-не Балтийского завода. Наши ответили и били до 9 часов. Минут через 15-20 снова обстрел р-на Балтийского завода, который с короткими перерывами длился часа два. Наши батареи несколько раз вступали в перестрелку. В конце дня, около 23-х часов, снова обстрел р-на Балтийского завода и ответный огонь наших батарей.

16 апреля. Четверг.

На зенитной вахте сегодня в первую смену. На "Стойкий" опять прибыл Дрозд, а какой-то бригадный комиссар бывает почти каждый день.

Днем меня переставили на вторую смену к карцеру - с 11 до 15 часов. Стоять всего 4 часа, а я надеялся отдохнуть и выспаться сегодня, и постираться. В карцере сидит Гатин за сон на посту ночью. И я около него теперь поспал.

17 апреля. Пятница.

Пока стоял на вахте до 11, вел этот дневник и почитал. После обеда докончил ремонтировать бескозырку. Кажется, ничего получилось.

Узнал, что на камбуз заступает Клеймович, и решил, что нужно обождать, пока он примет дежурство от Фахрутдинова. А ровно в 19 лекпом поймал меня и сделал укол против тифа. Говорит, что он поболит.

Гатина отвел к лейтенанту, и тот его освободил.

На ужин рассчитал точно: Клеймович накормил меня как следует - суп чечевичный - 6 ложек и 7 ложек гороху.

Сегодня зачитали приказ командира корабля о результатах его осмотра корабля после прошлой большой приборки с перечнем выявленных недостатков. Но никому "втыков" не было.

Днем немцы были по Балтийскому заводу, и оттуда кто-то дал несколько ответных залпов.

18 апреля. Суббота.

Весь день рассчитывал поговорить с Кузнецовым. Манышина взяли в кают-компанию рабочим, т.к. Смирнов заболел.

Вечером у нас с Суворовым произошел разговор. Суворов, уткнувшись в газету и покраснев, спросил у меня, почему я не делюсь табаком, а продаю его. Из остальных его полунамеков я понял, что он грозит мне, что, если, например, Сашке Панову на камбузе дадут лишнюю порцию, то её отольют отдельно и разделят между собой без меня.

Я разозлился и чуть здорово не разругался, но Суворов вовремя прекратил спор.

Сегодня Манышин был в расходе, но Клеймович, по знакомству, налил на четверых. Но Суворов, будто не зная этого, вслух объявил, что, вероятно, он налил и на Манышина и что нужно ему отлить и позже узнать. Он разделил обед на 4 порции и одну убрал в шкаф. Затем пошел и получил добавочек - миску супу. Минут через 15 открывает шкафчик и, стоя ко мне спиной, опустошает миску супа, которую он оставил якобы Манышину, а второе и половину котлеты сует Попову в рундук. Попова в это время не было в кубрике. Когда Попов пришел, Суворов спокойно ему заявил, что второе с котлетой в его рундуке, а первое он съел. Попов покраснел, но второе и котлету съел.

Сегодня будут раздавать посылки-подарки. Их всего 60 штук. На нашу БЧ выделили 10 штук. Высчитываю шансы получить -

практически никаких. Легко насчитал 10 человек, которые заслуженно должны получить.

Комсостав получает посылки так: идут с Емельяновым в кладовку, там роются довольно долго и выходят с большим мешком. Неожиданно в четвертом часу появился Панов - вернулся го госпиталя. Вышел раньше времени, еще продолжает хромать. Мы все вчера будто знали это, когда противились против вселения на его место Смирнова. Придется ему выселяться. Я прочитал уже его книгу "Элита" Толстого и читаю "Морские рассказы" Станюковича.

Отмечаю совсем другое отношение к возвращению Панова. Не то, когда я вернулся. Для него и ужин - пожалуйста, и хлеб, и сахар, хотя он на сегодняшний день на довольствие еще не встал. Клеймович дал ему полный ужин, а после ужина Манышин принес миску супа из кают-компании, от которой он отказался, и мы разделили ее с Суворовым, который слил мне одну жижицу.

В нашем кубрике посылки не получили я и Суворов, остальные получили. Ребята говорят, что по сравнению с посылками, полученными первый раз, эти посылки очень скромные. У Попова еще ничего - три пачки махорки, кусок туалетного мыла, штук 10 пряников, несколько белых сухарей и с полкило черных. Все мелкие белые и черные сухари он высыпал на стол нам с Суворовым, который быстро забрал все белые, а черные разделил почти поровну. К чаю Попов угостил еще пряником.

У Панова посылка совсем скромная - пачка махорки и с килограмм черных сухарей. Вероятно, её отправители больше ничего не смогли собрать. У Румянцева в посылке оказалось граммов 750 вареного мяса, немного заплесневевшего. Суворов взял граммов 200 "попробовать", все время внушая, что это мясо нужно выкинуть. А когда Румянцев ушел, преспокойно съел это мясо.

Нам ясно, что посылки прошли через многие руки и подверглись "сортировке". У Фахрутдинова, например, в описи содержимого посылки указано, что имеется 1,5 кг печенья, 200 г водки, а вместо них одни сухари и крошки печенья.

Зашел в кубрик Быков и тоже пожаловался, что у него посылка - слезы, а нам с Суворовым сказал, что мы "на очереди" к майским посылкам, что нам обязательно дадут.

19 апреля. Воскресенье.

Нёс зенитную вахту в 3-ю смену. Написал письмо домой. Получил от Андрея Айдарова письмо № 12 от 14 марта.

Уже две недели в обед и ужин на первое суп чечевичный, а на второе горох или чечевица. Правда, иногда вместо гороха бывала

пшенная каша. Порции стали значительно больше, чем были в декабре-марте, и хлеба получаем 800 г, но все же досыта я не наедаюсь.

Днем на "Стойкий" со стенки переносили снаряды и заряды к "стотридцаткам", которые были сложены у цеха завода, недалеко от наших стеллажей. Значит, собираются скоро вести огонь из этих орудий. После ужина около получаса немцы обстреливали центральные районы города.

20 апреля. Понедельник.

Утром, в 5.40 подняли боевой тревогой. Смотрим, на "Стойком" тоже все стоят по боевой тревоге. Орудия главного калибра тоже стоят на "товсь". Оказывается, тревога была объявлена по всему флоту. Ждали, очевидно, большого налета, но его не было.

В 10.00 - политучеба. Занятие 5-е. "Текущий момент Отечественной войны".

1. Успехи вооруженных сил СССР за 4 месяца наступательных действий. Сейчас инициатива в наших руках, Мы наносим много ударов. За 4 месяца освобождено около 11 000 населенных пунктов. Полностью освобождены Московская и Тульская области, большая часть Смоленской и Калининской областей. Отступая, немцы уничтожают все, что возможно. Население и армия восстанавливают разрушенное, т.к. уверены, что немцы больше сюда не вернутся. В противоположность - финны на Карельском перешейке ничего не восстанавливают, т.к. не уверены в продолжительном своем пребывании там. В Каунасе немцы взрывают старые форты.

Ряд крупных немецких гарнизонов окружены (Орел, Вязьма, Ржев, Старая Русса). В Старой Руссе за месяц из 96 000 немцев осталось не более 45 000. Сюда немцы подбрасывают по воздуху большие подкрепления с Итальянско-Ливийского участка фронта на 450-ти транспортных самолетах. За это время уничтожено более 300 самолетов. За 4 месяца потери немцев 750-800 000 убитых (без замерзших). Немцам не удалось отдохнуть зимой и отсидеться в укрепленных пунктах. Из 40 дивизий свежих подкреплений половина разбита. За 4 месяца наступления наших войск нами захвачены: 8000 орудий, 5000 минометов, 11 000 пулеметов, 4100 танков, 5000 автомашин. В германской верхушке начались разногласия. Гитлер заявил, что он "победы в 1942 году не обещает".

Немцы надеются на свое весеннее наступление. Наши военные отмечают, что немцы не плохо строят свои укрепленные линии - на каждые 200 метров обороны - до 30 пулеметов, 3 орудия; на 1 км - до 60-70-ти дотов и дзотов.

2. О весеннем наступлении немецких оккупантов.

Цели:

- отвлечь внимание немецкого народа от истинного положения дел;

- давление на вассальные государства;

- напугать союзников (Турцию, Швецию).

Планы:

- захват Донбасса, кавказской нефти;

- захват Ирана и его нефти;

- перерезать коммуникации с союзниками на севере;

- соединиться с японскими войсками в Индии через Кавказ и Иран;

- подорвать британскую мощь захватом Индии.

Направления ударов. Главные удары будут нанесены по нам:

- наступление на Мурманск и Архангельск;

- наступление на Ленинград;

- наступление на Донбасс и Кавказ (очень нужна нефть);

- укрепиться на Крымском полуострове, чтобы повлиять на Турцию.

Подготовка:

- идеологическая (психическая обработка населения);

- военная подготовка (увеличить армию с 10 до 13 млн. чел., сформировать 80 дивизий за счет вассалов, призыва стариков и молодежи. Румыны должны поставить 15 дивизий, Венгрия - 15, Италия - 10, Норвегия и Словакия - по 5 дивизий, Болгария - 200 000 чел.); дипломатическая (нажим на Турцию, Швецию, Болгарию и Францию);

Слабые стороны:

- армия пестрая по национальному составу и по политическим убеждениям;

- снижение боевых качеств армии;

- зависимость от вассалов, рост противоречий между ними;

- нет момента внезапности;

- усиление антигитлеровской коалиции, угроза 2-го фронта.

В 19 часов заступил на вахту к трапу. Только заступил, вдалеке послышался выстрел, затем разрыв, где-то в порту. Обстрел! Вызываю рассыльного, но он что-то долго не идет.

Орудийные выстрелы гремят один за другим, снаряды свистят где-то над нами и рвутся метрах в 50-100 по носу, по корме в конце ковша и на Неве. Ощущение не из приятных. Видно, как по корме от взрывов вверх летит лед, какие-то бревна, снаряды воют уже низко над нами. Из каюты вышел командир корабля. Спросил у него разрешения спуститься с палубы на стенку и встать у стены цеха напротив сходни. Он разрешил.

Быстро перешел под защиту цеха. Правда, там на стеллажах сложен наш боезапас, около которого на посту стоит Суворов. Но все равно, вдвоем спокойнее.

Отсюда хорошо видно, как рвутся снаряды и в ковше, и на Неве. Временами за цехами взлетают вверх какие-то доски, бревна.

Обстрел прекратился в начале девятого.

На противоположной стороне ковша на стенке зимовали несколько торпедных катеров, и до сих пор в них не попадали ни один снаряд и ни одна бомба, а сейчас, похоже, досталось.

21 апреля. Вторник.

Стоял вахту у трапа в 1-ю смену. Пасмурно, низкая облачность. Налетов не было. Обстрел города ночью и днем, после обеда. Днем поднимался на мостик. С него хорошо видно, что за ковшом - чистая вода. Значит, Нева очистилась ото льда. А у нас в ковше лед без помощи ледокола или мощного буксира не скоро уйдёт.

Похоже, что вчера доели наконец-то чечевицу. На обед был суп лапша с картошкой, а на второе лапша с мясом (3,5 ложки лапши и кусочек граммов на 20 мяса). И на ужин на второе картошка! 5,5 ложек!

Получил письмо от Андрея от 10.02. без номера.

22 апреля. Среда.

После завтрака до обеда уход за материальной частью и тренировка на боевых постах. После обеда работал на заделке пробоины на правом борту крепили заклёпками громадную "заплату" дюймовой толщины. Новые шпангоуты, взамен снесенных взрывом, наконец-то установлены, и в них высверлены отверстия, совпадающие с отверстиями в "заплате" обшивки. Наверное, не меньше сотни. И все их надо заклепать. А компрессоры часто не дают воздух. Думаю, что до мая не закончим эту работу.

На обед суп лапша с картошкой, на второе картошка (4,5 ложки), на третье компот (15 ягод). На ужин суп овсянка, второе - картошка (5 ложек). Днем, часов в 12, кто-то немного бомбил город. Вечером два коротких, минут по 10, артналета по городу, часов в 18 и в 21.

23 апреля. Четверг.

Весь день работал по заделке пробоины на правом борту. Вроде бы и не очень большая физическая нагрузка, но устаёшь к концу дня здорово. Болят плечи, которым достаётся от отбойного молотка.

Сегодня вместо сахара выдали по 250 г варенья. Кормежка стала значительно разнообразнее: на обед суп овсянка, на

второе - лапша (5 ложек) с мясом, на ужин суп гороховый и каша овсянка (7 ложек). Выдали по 15 г табаку.

24 апреля. Пятница.

После завтрака перевели на работу на левый борт. Там установку "заплаты" только начали. И работы там больше, чем на правом борту.

После обеда, только собрались начать работу - сильный обстрел нашего района и солидный налет. Бросились к орудиям, которые уже заскучали по снарядам. Самолеты идут немного восточнее нас, но бить по ним удобно. На нас, почему-то, не обращают внимания и пикируют на какие-то цели в районе центра города. Там оба крейсера, эсминцы и другие крупные корабли. Бомбежка и артобстрел продолжались часов до 10. После отбоя взялись за работу. На улице температура уже около 5 тепла.

В обед суп гороховый с мукой, лапша (4,5 ложки) с мясом (три кусочка граммов на 80) и компоту два стакана. На ужин суп гороховый и каша овсянка (6 ложек).

25 апреля. Суббота.

После завтрака работал на левом борту. С 12 до 13 сильный артобстрел устья Невы и прибрежных заводов. Почти одновременно начался налет, который растянулся почти на час. Снова бомбили районы центра города. Весь обеденный перерыв были на боевых постах. Команд командиров БЧ и батареи об открытии огня не было, и командиры орудий сами выбирали цели поближе и которые не загораживают наши краны и надстройки, и успевали дать по ним по 2-3 выстрела.

После обеда сразу же на работу. Сегодня выдали по 30 г табаку.

26 апреля. Воскресенье.

До обеда шел снег. Выпал слоем сантиметров пять.

Вернулся после учебы старший лейтенант Шабшиевич. К нашей радости, его назначили не старпомом, а помощником командира корабля. Старпомом стал наш командир БЧ лейтенант Кузнецов, который остался по совместительству на этой же должности.

Вечером дежурный по кораблю засек к каюте Кожина пьяных - хозяина каюты и нашего начальника службы снабжения главстаршину Сидорчука. Интересно, сойдет ли им эта пьянка?

Немцы продолжают охотиться за нашими крейсерами, которые очень им досаждают своим главным калибром. Таких крупных налетов, как 4 апреля, пока больше не было, но по 10-20 "юнкерсов" периодически прорываются. Говорят, что во время позавчерашнего налета в "Киров", который стоял около Эрмитажа,

одна бомба, килограммов в сто, попала в район 1-ой башни. Около сотни убитых и раненых.

Сегодня работал в носовой кладовой, в которой переборки и палуба были здорово покорежены при подрыве. То, что возможно, пытаемся выправить кувалдами. Помещение небольшое, и грохот стоит!

Третий день снова перешли на гороховые супы, хотя мы по ним еще не соскучились.

27 апреля. Понедельник.

Весь день с двумя ребятами из боцманской команды ремонтировали барабан правого брашпиля, который после подрыва основательно заклинило.

Сразу после ужина сильный обстрел р-на Балтийского завода и города и крупный налет все на тот же район. Длился минут сорок-сорок пять. Решили открывать огонь только в случае пикирования непосредственно на нас или на наших соседей, или если проходить будут прямо над нами. Со "Стойкого" трехдюймовки все же били по ближайшим самолетам.

Получил письмо № 13 от 6 марта от Андрея.

28 апреля. Вторник.

Все же Кожину и Сидорчуку досталось: первому 10 суток "строгача", второму 10 суток простого ареста. Крепко!

Вчера выписаны из госпиталя наш Сергей Рощин и двое из БЧ-5, а старший 1 старший Топчий, из нашей БЧ, говорят, из госпиталя эвакуирован в тыл по серьезному заболеванию, а Николаев из БЧ-5 дня три назад госпитализирован.

После обеда к борту подошли две грузовые автомашины и двумя какими-то новыми зенитными орудиями-автоматами. С помощью наших кранов их передали на борт "Стойкого".

После ужина дошел до начала ковша - там лед подтаял. Полчаса лазил по стапелю. Теперь тут все хорошо видно, не то, что зимой под снегом. Да, пожалуй, я был прав, когда в декабре полагал, что это был заложен крейсер. Только успели заложить киль и донную часть корпуса. Будут ли продолжать строить этот проект после снятия блокады или разберут и заложат что-нибудь новое? Часов с 10 до 11 вечера немцы били по центральному району города. В обед и в ужин суп чечевичный, на второе в обед пшеничная каша с рыбой и компот, в ужин горох (6 ложек).

Написал письма Андрею (№ 19), домой и Жене.

29 апреля. Среда.

С утра уход за мат. частью, проворачивание механизмов, занятие по огневой подготовке. Команды командира или старшины батареи для стрельбы по таблицам слышим и выполняем только на учебных занятиях. А как налет - ни одной

команды от них, кроме: "Открывайте огонь самостоятельно".

После обеда работа на левом борту.

Отправил письма, которые написал вчера. Сегодня подходил ко мне Николаев, который уже выписался из госпиталя. Спрашивал, есть ли у меня табак. Предложил в обмен дать кусок мыла. Я согласился. Мыло у меня кончилось.

30 апреля. Четверг.

Весь день работал в цехе завода - заготавливали детали для установки в носовых помещениях взамен изуродованных. Примерно из 30 рабочих, которые начинали с нами работать в конце ноября, осталось человек 12. Остальные умерли от голода. Но за это время наши ребята научились многому. Умеют обращаться и с заводским оборудованием, которое еще может работать, прессы, точила, листорезное оборудование и пр. Освоили сварку, клепку и другие корпусные работы. После работы я нашёл подходящую стальную полосу и выточил себе лезвие, наподобие кинжала. А вот рукоять к нему сделать будет труднее.

На первое в обед и на ужин суп гороховый, на второе в обед горох (6,5 ложек), на ужин овсянка (5 ложек).

Недавно "Кирова" перетащили к набережной ниже моста Лейтенанта Шмидта, где мы обычно отдыхали днем в ноябре после переходов в Кронштадт. А на другой день в хорошую погоду днем на большой высоте над городом вертелся разведчик и, наверное, обнаружил "Киров", который не успели замаскировать под какой-нибудь причал. Но наши догадались перетащить "Киров" на другое место, а на его место поставили большое учебное судно "Свирь".

На следующий день очередной налет на корабли и в "Свирь", говорят, попали две бомбы, но оно не затонуло.

Вахтенные говорят, что ночью и рано утром немцы били по городу шрапнелью - они видели разрывы снарядов в воздухе. Что-то не верится. Ночью шрапнель малоэффективна. Днем налет на город, били береговые зенитки.

1 мая. Пятница.

Утром в честь праздника выпил 8 стаканов чая. На завтрак дали 100 г масла. На сколько дней их надо растянуть?

После завтрака торжественное построение на палубе. Командир корабля и военком поздравили всех нас с праздником. Дежурный по кораблю зачитал поздравительный приказ командира, в котором была объявлена благодарность за отличные показатели в ремонте и боевой подготовке большому числу краснофлотцев и старшин. Из нашей БЧ больше всего - человек 15, в том числе Попову, Суворову, Манышину, Кошелю,

Агафонову и, на мое удивление, мне. Из БЧ-1 всего двоим, из службы снабжения одному Афанкову.

На праздничный обед суп гороховый с картошкой, лапша с мясом (5 ложек), граммов 100 селедки и полтора стакана компота.

После обеда и короткого отдыха - за работу. Я сегодня на установке дальномера. Дальномер с базой 1,5 метра. Устанавливали на крыше штурманской и рулевой рубки, которую еще в июле или в августе в Таллине обшивали досками и 10-мм стальными листами с боков и сверху.

Днем немцы все же "поздравили" нас с праздником - около 14 часов минут 5 постреляли по городу.

На ужин суп лапша с картошкой, 50 г селедки и пшенная каша (7 ложек). В вечерний чай выпил 4 стакана. Всего за день, оказывается, выпил 20 стаканов жидкости. Это очень много.

Вечером постирал брюки, поговорил с Емельяновым, как с нашим комсоргом, о возможности моего увольнения для продолжения учебы. Советует подавать рапорты по команде. Ну что еще он может посоветовать?

2 мая. Суббота.

Весь день работал в сильно разрушенной носовой кладовке. Что возможно выправляем кувалдами, что нельзя выправить - в цехе завода готовим замену.

В обед опять суп гороховый с картошкой и пшенная каша с мясом. На ужин суп-лапша с картошкой и каша-овсянка (7 ложек). Сегодня утром и вечером выпил по 3 стакана чая и получилось 13 стаканов за день жидкости. Ну, это ещё терпимо.

Около 17-ти часов - непродолжительный обстрел города.

Получил письмо № 15 от 12 апреля от Андрея.

На вечерней поверке объявили строгий выговор Емельянову: в начале недели пришел на корабль из города хорошо выпивши. Был в какой-то командировке. Если бы он не был комсоргом, то посадили бы на "губу" суток на 5-10. А я еще удивился, почему его в первомайском приказе не отметили.

3 мая. Воскресенье.

Сегодня отдыхаем от работы. Помылись в своей бане, постирал кое-что из белья. После обеда вызвали к проходной. Оказывается, пришли дядя Павел и тетя Маруся. Говорят, что приходили уже два раза, но меня якобы не могли найти на корабле. Затерялся. Выглядят получше, чем в марте, когда я ночевал у них после госпиталя. Рассказали, как почти весь апрель все, кто мог передвигаться, убирали город от снега, от завалов, от накопившейся за зиму грязи. Ведь и канализация почти нигде не работала. Боялись эпидемии брюшного тифа и дизентерии. Но

пока в этом отношении в городе более-менее спокойно. Сходил на корабль и передал им купленные за эти месяцы и прочитанные книги. Если бы я знал, что они придут сегодня, подкопил бы им немного хлеба и еще чего-нибудь.

Обстрел и бомбежка спозаранку, с 6 часов - обстрел города, через 20-30 минут - бомбежка соседних мор. заводов. В девятом часу снова воздушная тревога и пальба.

Погода снова прохладная - днем всего плюс 5-7 градусов.

Вечером "Стойкий" снялся с нашего "довольствия", отдал швартовы и своим ходом передвинулся ближе к выходу из ковша, встав у нашей стенки перед подлодкой К-53.

Получил письмо № 11 от 8 марта от Андрея. Шло почти 2 месяца.

Письмо от мамы от 6 апреля. Вечером написал письмо Андрею. Похоже, что рассчитывать на его помощь с вызовом в спецшколу бесполезно.

4 мая. Понедельник.

С утра холодный северо-западный ветер, температура ниже ноля, временами дождь. Значит, налетов не будет. Работал весь день на левом борту на поддержке заклепок.

Вечером снова поговорил с Емельяновым, прося его поддержать мои неоднократные просьбы об увольнении или направлении на учебу в спецшколу или в обычную школу. Мой же возраст еще не призывной. Но чувствую, что Емельянову совсем не хочется обращаться с таким ходатайством к военкому, особенно после только что полученного выговора. Начал "просвещать" меня объяснениями о международной обстановке, о затянувшемся ремонте корабля, о нехватке на корабле специалистов, а на фронте бойцов. Вот и сегодня в госпиталь направили Казачикова...

Получил открытку № 3 от 24 марта от Андрея, послал Андрею письмо № 20 и письмо домой.

5 мая. Вторник.

В нашем ковше со стороны Невы лед растаял уже метров на 100, и сегодня буксир подтащил туда небольшой плавучий кран, который снял со стенки на воду 8 зимовавших там торпедных катеров.

Холодный ветер сегодня усилился, стал, пожалуй, с NNW, и утром был чувствительный мороз, минус 7. Весь день работал на поддержке заклепок на левом борту. В течение дня снова были вынужденные перерывы из-за отсутствия подачи воздуха. Вечером написал письмо Юре Кабановскому, который в 10-м классе в нашей спецшколе.

6 мая. Среда.

Кроме мороза ветер принес и снег. Вот это май! Но любоваться снежным майским пейзажем некогда - весь день работал на левом борту. Вчера из нашей БЧ госпитализировали Головащенко, а сегодня Голубенкова из БЧ-5.

Недели две на первое готовят чечевичный или гороховый суп, но на второе обычно пшенку или овсянку. Компот только в обед и только через день. Масло почти каждое утро выдают по 40 г. И хлеба черного по 800 г, а часа через два после еды снова хочется есть. Когда же мы наедимся?

В течение дней 3 или 4 воздушные тревоги. Береговые зенитки били, но по каким целям - я не видел. Днем был непродолжительный обстрел города.

7 мая. Четверг.

Мороз за три дня заморозил воду вдоль бортов кораблей. Хотя молодой ледок толщиной 3-5 см и, по моему разумению, не представляет опасности для обшивки нашего корабля, но команда: "Обколоть борта и очистить воду вдоль бортов от льда". Пятерых выделили на эту работу, в том числе и меня. После обеда, когда лед весь ломиками и пешнями обкололи и стали сачками вылавливать и выбрасывать его из воды, я поскользнулся на скате с горки льда, которая выросла за зиму от выбрасываемого льда вдоль всего борта, и соскользнул в ледяную воду. Успел развернуться спиной к борту и расставленными локтями упереться о кромку старого льды. Подбежали ребята, за руки и за шиворот вытащили на лед.

С палубы, оказывается, все что видел боцман и закричал мне: "Бегом на корабль!" Стуча зубами от холода, я затрусил к сходне, по которой мы спустились на лед. В отяжелевшей от воды одежде быстро не побежишь. Перед сходней на корабль боцман велел снять набухшие от воды ватник и бушлат, выжать их и вылить воду из валенок, чтобы не заливать палубу.

Спустился в баню, снял и выжал как следует всю одежду и в одних трусах, все еще стуча зубами, пошлепал в кубрик. Растерся полотенцем, переоделся и забрался под одеяло. Кто-то посоветовал выпить стаканчик водки, но таковой не оказалось, а санчасть закрыта.

Вечером температура под 39°, доктор дал таблетку аспирина, велел хорошо укутаться и завтра не выходить не работу.

Утром вместо масла выдали по 150 г сыра. Не помню, когда я его ел. За день выпил 20 стаканов жидкости. Наверное, это от селедки, по 150 г которой выдали в обед.

8 мая. Пятница.

Весь день болел и отдыхал и слезал с постели только для еды.

Передал для отправки письма Жене, Алику и Андрею № 21.

Ребята сказали, что сегодня в ковш пришел буксир, покрошил молодой ледок и увел на буксире куда-то торпедные катера. А вчера, при работе в цехе завода на прессе, Журавченков (из БЧ-5) раздробил на левой руке несколько пальцев. Направлен в госпиталь.

Вчера вечером немец бил по Торговому порту, наши быстро ответили, и немцы замолкли. А сегодня после 10 вечера минут 10 били по р-ну Балтийского вокзала - там где-то наша батарея, которая часто беспокоит немцев.

Вместо сахара выдали по 150 г конфет.

10 мая. Воскресенье.

Сегодня хорошая солнечная погода. Ждали немцев, но сегодня не было. Только два "мессершмидта" на большой высоте недолго покрутились над городом.

Ходили на стапели в поисках каких-нибудь досок для растопки котлов. Моё купание, кажется, обошлось без осложнений.

Дошел до нас слух, что был приказ по кораблю о санитарном состоянии и состоянии дисциплины в БЧ-5, но доведен он только до командного состава. Будто бы была обнаружена завшивленность у нескольких человек, и об этом сразу же не было доложено командиру корабля. За это командиру БЧ-5 Мусти и политруку БЧ Хлесткину был объявлен строгий выговор, а помощнику командира корабля Шабшиевичу выговор.

Наверное, вшей приносят из города. Там ведь ни воды, ни света, ни тепла.

11 мая. Понедельник.

Участвовал в уборке в отсеке № 1.

В 13 часов воздушная тревога - налет. Одиночные самолеты, что прорвались к городу, бомбят, по-моему, беспорядочно разные районы города. В 17.00 еще налет, такой же беспорядочный.

Прибыли сегодня 9 курсантов и один лейтенант с какого-то училища или курсов усовершенствования.

Пригодились кипы хлопка, которые лежали в Торговом порту и не все сгорели в сентябре прошлого года. Вечером видел, как их с какого-то буксира затаскивали на палубу "Стойкого" и укладывали вокруг арт. установок. Думаю, что будет хорошая защита от осколков снарядов.

Вечером постирал бушлат, брюки и еще кое-что.

Конфеты кончились, сахару нет. Четвертый день не выдают масла и нет никаких ему замен.

12 мая. Вторник.

После завтрака уход за материальной частью, затем развод на

ремонтные работы. Я и еще двое назначены на уборку носового трюма от всего, что там образовалось и скопилось за зиму ремонта. Пытался найти свой рюкзак с некоторыми летними вещами, которые приказали снести в трюм при очередном "шмоне" в кубрике ещё осенью, но так и не нашел его. Наверняка, кто-то из "запасников", чьи семьи живут в городе, прихватил рюкзак домой. Там была почти вся форма, которую в спецшколе выдавали.

Вчера и сегодня на обед и ужин суп гороховый, но с добавлением сушеного лука и моркови. После 15-ти часов минут 20 немец бил по городу. Вечером комсомольское собрание. Задачи комсомольской организации в скорейшем завершении ремонта. Емельянов, как обычно, призывал: "Ускорить!", "Улучшить!", "Напрячь все силы на скорейший разгром врага!". Примерно так же наш бывший военком Зуев выступал на собраниях и митингах. Хоть бы одного-двоих привели в пример. И почему не работают по ремонту наши комсомольцы-командиры орудий? По званию тоже краснофлотцы или старшины 2 статьи. Это радистам тяжелый физический труд противопоказан. Трясущимися руками морзянку трудно выдавать. А командиру орудия какая на физической работе грозит профессиональная опасность?

13 мая. Среда.

После завтрака во всех помещениях корабля проводили дезинфекцию, поэтому обедали на верхней палубе. Удобнее всего было на вентиляционных решетках вокруг труб там потеплее, хотя температура сегодня и так плюс 10-12. Отдохнуть после обеда не удалось: во-первых, запашок во всех помещениях на жилой палубе, а во-вторых, в 13 часов воздушная тревога и почти час стояли около орудий. Более десятка "юнкерсов" бомбили разные районы города, наш район почему-то игнорировали.

Часа три поработали, снова тревога до 18 часов. Снова какая-то неорганизованная бомбежка. Не поймешь, какие цели немцы выбирают? Такое впечатление - абы куда-нибудь сбросить бомбовый груз и скорее уйти. На смену отбомбившим прорываются новые 3-5 самолетов и поодиночке бомбят непонятно где и кого. При таких налетах зенитчикам приходится вести огонь в разных направлениях, и это снижает плотность огня. Вечером привезли машину хлеба, но теперь желающих носить его на корабль не так-то легко найти.

15 мая. Пятница.

Утром вахтенные сказали, что по Неве ночью пошел лед с Ладоги. Не знаю - это обычное время для ледохода или в этом году ледоход запоздал на несколько суток?

С 7 до 8 стояли у орудий - налет на город, но от нас долековато.

Вчера были два налета - в 12 и в 13 часов, а в 14 часов - арт. обстрел.

В 10.00 6-е политзанятие.

27 апреля тов. Молотов обратился ко всему прогрессивному человечеству с сообщением о всех зверствах, творимых немцами при отступлении на временно оккупированных территориях и об ответственности их за это. В обращении приведены следующие факты:

1. В приказах немецкого командования призывается ограбление населения, вывоз в Германию личного, колхозного, заводского имущества.

2. Захват земли и передача её в руки немецких баронов.

3. Полное уничтожение городов, сел, деревень при отступлении германской армии.

4. Рабско-крепостнический труд на немецких оккупантов.

5. Насильственный увод советского населения в Германию как "военнопленных" (миллионы людей уже уведены).

6. Ликвидация русской и национальной культуры, насильственное онемечивание населения (уничтожение памятников искусства, разрушение школ, больниц и т.д.).

7. Физическое уничтожение советского народа путем кровавого насилия над военнопленными, партизанами, мирным населением.

От вестовых узнали, что Борцову (ком-р БЧ-1) объявлен выговор за недостойное командира поведение. Оказывается, он зашёл в каюту командира корабля в не полностью застегнутом кителе. Командир сделал ему замечание, на что Борцов ответил, что нельзя делать другому командиру замечания в присутствии штатских лиц (в каюте были ещё старпом и представитель завода) и вышел из каюты без разрешения. Хотя мы все очень уважаем Борцова, но то, что он не всегда соблюдает военную дисциплину и этикет, это, конечно, неправильно, и за него как-то неудобно. Все же сказывается отсутствие у него военного образования и поенной подготовки.

Вечером активизировалась артиллерия: примерно в 17.30 арт.обстрел города и кораблей на Неве и в ковше. Минут через 5 наша батарея от Балтийского вокзала открыла ответный огонь. К ней вскоре присоединились еще 3 или 4 наши батареи и немцы притихли. Но наши разошлись и били по ним еще минут 15.

Вчера получил кучу писем: два от Андрея, № 16 и без номера, три от мамы (от 29, 22 и 14 апреля) и от Алика от 29.04. Написал и отправил письмо № 22 Андрею, одно письмо домой.

Вчера и сегодня буксир понемногу добивает лед в ковше. Наверное, готовит чистую воду для эсминца. Нам-то выходить еще рано.

16 мая. Суббота.

Стою вахту у трапа во вторую смену. Давно не нес никакой вахты.

Почти всю ночь с перерывами обстрел города и артиллерийская дуэль. В 9 утра арт. обстрел устья Невы и района нашего завода. Наверное, немцы чаще всего бьют по нашему району потому, что видят со своей "колбасы" нужные им цели и где ложатся снаряды. А по городу стрельба это стрельба по случайным живым целям и по жилью. В кого-нибудь из жителей города или во что-нибудь да попадет снаряд.

Арт. обстрел обычно длится недолго - минут 20-25. Вступают в дело форты или какие-нибудь береговые батареи, или подавляют немецкую батарею, или вызывают огонь немцев на себя, и начинается контрбатарейная пальба.

В 11 часов налет на город. Простояли почти час у орудий, но выстрелить не пришлось ни разу.

17 мая. Воскресенье.

Сегодня никто не работает. Настоящий выходной. Каждый занят своими делами: стирка, штопка, утюжка формы.

После обеда боцман спросил, есть ли желающие походить на отремонтированной шлюпке. Желающих немного. Очевидно, умеющих хорошо грести у нас мало. Я, конечно, согласен. Спустили "шестерку" с левого борта (льда в ковше почти не осталось) и пошли в сторону Невы. Боцман на руле. Сначала у двоих из боцманской команды гребля не ладилась. Боцман довольно быстро заметил мою приличную греблю, пересадил меня на загребную банку и сказал остальным, чтобы равнялись на мое весло.

Походили в устье Невы и обратно. Шлюпка сухая, банки не скрепят, уключины не стучат и не болтаются.

В 17.30 обстрел нашего района. Снарядов 5-6 разорвалось в воде метрах в 10-50 от левого борта. Несколько осколков продырявили борт, но никого не задело. "Заговорили" наши батареи, немцы на полчаса притихли и снова ожили. Опять наши батареи вступились за нас...

Недели две кормят в обед и в ужин гороховыми супами и горохом на второе. Сегодня дали по 20 г масла. С 4-го мая его не было. А 15-го выдали 545 г сахарного песку - норма до 1 июня.

18 мая. Понедельник.

В 10.00 7-е политзанятие. Тема: "Первомайский приказ тов. Сталина и конкретные задачи по его выполнению личным

составом влк "Волынец". Немцы называют себя "националистами", потому что стараются восстановить Германию, германскую нацию, оберегают её от других стран. На самом деле они империалисты, захватчики. Пока они собирали области старой Германии, они были националистами, но теперь они захватили почти всю Европу.

Называют себя "социалистами", защищающими интересы рабочих и крестьян. На самом деле они - банкиры, реакционеры-крепостники, они ввели рабский, 14-16-часовой рабочий день. За неповиновение - расстрел. Немцы кричат, что они носители высокой культуры. Мы убедились, какую "культуру" они нам принесли. Их армия - армия средневекового мракобесия.

Но сейчас весь мир признает, что германская армия не та, что была 10 месяцев назад. Тыл её тоже ослаб. Война принесла немецкому народу большое разочарование, большие потери, голод. Людские резервы на исходе, нефть на исходе, окончания войны не видно, растет пораженческое настроение.

На захваченных немцами территориях ширится борьба за независимость, усилился саботаж на военных заводах. Югославские партизаны - грозная сила. Растет саботаж в Греции, Польше, в Чехословакии.

Немецкая армия хотя еще упорно сопротивляется, но она стала значительно слабее.

Наша страна стала сильнее, чем была 10 месяцев назад, объединилась в один военный лагерь под руководством товарища Сталина.

Стою вахту у боезапаса во вторую смену. В 16 часов воздушная тревога. Налет средненький, какой-то ленивый. И пальба по самолетам тоже ленивая.

В ужин короткий обстрел города. Вступилась наша батарея и била почти полчаса.

20 мая. Среда.

Вахта у трапа в 3-ю смену. Днем отдал рапорт старпому Кузнецову с просьбой отпустить для окончания школы.

С 16.40 немец полчаса бил по городу, а вчера чуть позже был только короткий, минут 10, арт. налет.

21 мая. Четверг.

Работал по укладке балласта в носовом отсеке. Готовили цементный раствор и заливали им днище в носовом отсеке.

После обеда сильный арт. обстрел города и кораблей на Неве. Нас не задело. С сегодняшнего дня утром стали выдавать по 30 г сливочного масла.

А погода так и не теплеет - недели две всё около 10 градусов.

22 мая. Пятница.

Работал в носовом отсеке. Около 12-ти начался обстрел р-на Кировского завода. Ну, это далеко от нас. В начале первого часа только собрались на обед - обстрел нашего района. Куда бежать, куда прятаться? Не бросать же еду. А потом рассчитываем: снаряды летят с юга, т.е. со стороны левого борта, а наш кубрик на правом борту. С южной стороны нас загораживает труба и мостик. Так что, вероятность попадания снаряда в палубу над нашим кубиком небольшая. Слышим, что часть снарядов рвется в ковше - гидравлические удары по обшивке бортов гулко передаются по всему кораблю, часть где-то на стенке или в цехах завода. Это мы уже научились распознавать. И на каком, примерно, расстоянии. Только расправились с гороховым супом, грохот взрыва где-то на корабле, в средней части по левому борту. Дружно подпрыгнули все миски и бачки на столе. Выскакиваем в коридор - запах тротила и чего-то горелого. Почти напротив камбуза в каюте по левому борту вырвана и разрушена дверь, разрушена переборка между каютой и коридором. Дежурный по низам просит не подходить никому к этой каюте. Вышел на палубу. Теперь все ясно: снаряд пробил палубу метрах в двух от начала сходни с борта на стенку, метрах в трех за вторым орудием и примерно в метре от левого борта. Разорвался, наверное, сразу под палубой в каюте и разрушил все, что было в ней. Хорошо, что вахтенный у трапа отошел к стене цеха, а в каюте никого не было хозяева каюты обедали в кают-компании.

Пошли доедать обед, хотя обстрел еще продолжался.

После работы перед ужином прошел по палубе посмотреть - нет ли еще каких повреждений. Оказалось, что почти над нашим кубриком сворочен планширный брус и погнуты немного под ним леерные стойки. Впечатление снаряд на излете ударился боковой головной частью о планширь и куда-то ушел рикошетом. Если бы снаряд шёл сантиметров на 5 ниже, то в планширь врезался бы взрывателем и разорвался бы рядом с бортом у нашего кубрика. Но, бог нас еще раз, как говорится, миловал.

Вскоре боцман, осматривая свое хозяйство на спардеке, обнаружил разорванный брезент на спасательной шлюпке на правом борту. Заглянул в дырку в брезенте - на дне шлюпки лежит шестидюймовый снаряд. Наверное, это он рикошетом от планширя залетел сюда. Боцман вдвоем с кем-то вытащили снаряд, спустились на палубу и бросили снаряд за борт. На трубах, на ограждениях мостика, в правом борту прибавилось дырок от осколков.

23 мая. Суббота.

Стою в 3-ю смену зенитную вахту. Ночью и утром прохладно - не выше 5 градусов, ветер северо-западный. Днем буксиры

привели и поставили почти напротив нас к противоположной стенке две подводные лодки, а вечером пришла своим ходом еще одна "щука" и встала впереди нас у левой стенки.

С 18 до 19-ти немец не спеша бил по Торговому порту, а в самом конце дня, почти до полуночи, обстреливал город, несмотря на огонь наших батарей.

Уже месяц, как в обед и в ужин гороховый суп, а на второе, большей частью, пшенка (ложек 5-7) с маслом и котлетой. Утром стал пить чаще всего по 2-3 стакана чая, а не 5-6, как раньше.

24 мая. Воскресенье.

После часу ночи немец начал бить по городу. Мы на эти обстрелы почти не реагируем. Первые разрывы разбудят, прислушаешься - разрывы далеко. Перевернешься на другой бок и снова уснул.

Вчера кто-то из ребят, из БЧ-5, которые ездили на Смоленку за горюче-смазочными материалами, сообщили, что на мостах через Неву и на её набережных полно народу, который разнообразными самодельными сачками ловит рыбу - корюшку. Оказывается, в это время, весной, она идёт то ли с Ладоги в залив, то ли с залива в Ладогу, я не понял.

Решили и мы попробовать, но чем? Я предложил наволочками с подушек. Вспомнил, что так мы в пионерском лагере в ручье ловили каких-то мелких рыбешек и в банках с водой приносили их в лагерь. Но, к сожалению, они почему-то не долго жили.

До обеда работал в цехе на заготовке разных деталей для пострадавших внутренних переборок при последнем попадании снаряда.

После обеда вчетвером. Кошель, Манышин, Жентычко и я, собрались на "рыбалку", каждый со своей наволочкой и захватив в бане ведро для будущего улова. Пошли в конец ковша к Неве. Там были места, где можно было спуститься к самой воде. Но ловля наволочкой с берега не получалась. Пришлось раздеваться до трусов и по пояс заходить в воду, отходя от берега, на сколько позволяла глубина. Там течение воды наполняло наволочку, и вместе с водой в неё попадала колюшка - мелкая рыбешка, размером с мизинец, иногда со средний палец. Покрупнее была умнее и обычно выскальзывала из наволочки. Как только в наволочке наберется штук 10-15 рыбешек, поднимаешь её горловиной вверх, вода выцеживается сквозь материю, а рыбешек высыпаешь в ведро, с которым поочередно подходит Кошель, не принимающий непосредственно участия в ловле.

Минут через 15 мы поняли, что долго в воде нельзя находиться. Температуре её, наверное, градусов 10-12. Пришлось

посылать Жентычко на корабль за нашими полотенцами и вторым ведром. В самом начале ловли Кошель, подходя с ведром, которое почти на четверть уже было с рыбешкой, к Манышину, поскользнулся и чуть не вывернул содержимое ведра. Мы, конечно, на него заорали и решили, что нужно второе ведро, в которое пересыпать собранную порцию рыбы. В дальнейшем вылезали каждые 15 минут, насухо вытирались, подогревались на солнышке и снова в воду.

Примерно через час нашей ловли противный вой снарядов и близкие разрывы в цехах завода за ковшом. Быстро выскочили из воды, т.к. близкий разрыв снаряда в воде больно бьёт по телу. Схватили свою одежду, ведро с уловом и бегом к ближайшему стапелю. Это сооружение довольно массивное, и от осколков-то укрыться можно. Залезли в какие-то проемы под килем, но не кучей, а поодиночке, на расстоянии метров 10-15 друг от друга. Мало ли, что может быть. Жентычко хотел лечь рядом с Кошелем, но мы с Манышиным на него заорали, и он отполз.

Налёт, как обычно, длился минут 20-30. Чувствуется, что снаряды рвались и в ковше, и на его стенках, и в цехах завода. Около нас только раза два рвануло, но не ближе метров пятидесяти, запутавшись в стапелях. Были ли попадания в корабли, стоявшие в ковше - не знаю. После налёта снова пошли рыбачить. По Неве и из ковша медленно течением выносит довольно крупную оглушенную рыбу, но нам её не достать. Плыть за ней что-то не хочется. Вот если бы какая-нибудь лодка была...

Ещё час ловли и, ведро почти полное. Из ведра обалденный запах свежих огурчиков. Первый раз ощущаю такой запах от рыбы. Пошли на корабль. На палубе встречные засыпают вопросами: "Где достали? Чем ловили? Долго ли ловили?" Гордые вниманием и успехом, прямым ходом на камбуз с просьбой сварить нам уху. И кок, и дежурный по камбузу не возражают, т.к. и сами не прочь отведать свежей ушицы. До ужина еще час, и мы, в ожидании ухи и глотая слюнку, рассказываем об успешной ловле.

Через полчаса нас позвали на камбуз забирать свою уху - два полных бачка густой ухи. Чувствуется, что кок готовил её, как для себя, и перчик чувствуется, и лавровый лист. По две полные миски всем шестерым досталось.

После сытного ужина надо было бы полчасика полежать, но наша очередь стирки в 19 часов, и пришлось заниматься и этим необходимым делом.

Около 20-ти часов, снова обстрел нашего района и устья Невы. Но нас никто не беспокоил.

Получил письмо от мамы от 10-го мая.

Слух - наш Отряд вооруженных ледоколов КБФ стал Группой вооруженных ледоколов Отряда вооруженных транспортов КБФ. Командир Группы - кап. 1 ранга Юрковский. А что мы с этого будем иметь? Так говорят, кажется, в Одессе.

25 мая. Понедельник.

В 10.00 8-е политзанятие. Тема: "Действительное лицо немецких фашистов и их армия".

1. Немецкие фашисты не националисты, а империалисты.

2. Немецкие фашисты не социалисты, а реакционеры-крепостники.

3. Фашисты - враги культуры, носители варварства и мракобесия.

4. Немецкая фашистская армия - орудие в руках немецкого империализма.

На этом политзанятии ничего не стал записывать, т.к. повторение предыдущего занятия, только вместо "немцы", называют "фашисты".

Во время политинформации налет на город. Бьют зенитки, но нас к орудиям не вызывают. На палубе все еще прохладно. Вечером одна из "щук" ушла из ковша.

27 мая. Среда.

Прошедшие два дня и сегодня работал в цехе. На улице можно ходить и без бушлатов, но в цехе только в бушлатах или даже в ватниках.

Холодно. Все рамы без стекол, в крыше и в стенах полно пробоин от снарядов, сквозняки гуляют вовсю. После арт. налетов нередко нет света где-то перебиты электрокабели или провода. Вынужденный простой. Конец мая, а мы еще не закончили ремонт. Вот тебе и выполнение приказа - закончить ремонт к концу декабря. Кто же знал, что будет такая блокадная зима?

Утром не обнаружили "Стойкий". Значит, ночью ушел своим ходом. А может, увели буксиры на новое место. 5 месяцев с ним "соседили".

Вчера вызывал старпом по поводу моего рапорта. Уточнял кое-что из моей довоенной биографии, а затем посоветовал переписать мой рапорт с учетом его поправок.

Кажется, заканчивается у нас горох. Целый месяц его хлебали и в обед и в ужин. А со вчерашнего дня только в ужин. Вчера в обед суп с макаронами, а сегодня рыбный с макаронами.

Вчера послал письмо Жене и домой. Женя где-то под Тулой в военном училище. Осенью должен его закончить.

28 мая. Четверг.

В час ночи воздушная тревога. Налет и бомбежка, с перерывами почти до 2-х ночи, в основном, района Кировского

завода. Прожектора рыщут по небу, сплошной гул зенитных орудий. От завода до передовой несколько километров. Очевидно, заметили, что он оживает после зимней вынужденной спячки. Простояли всю тревогу около орудий в касках, т.к. осколки зенитных снарядов часто хлюпают в воду около бортов и врезаются в палубный настил.

Днем опять работа в цехе. А на улице тепло, солнечно, наверное, около 20 градусов.

В 20 часов опять налет - десятка два "юнкерсов" даже пикировали на район Кировского завода.

Вечером вызвал к себе Быков. Наверное, с подачи старпома стал внушать мне, что сейчас не время уходить со службы. Трудно со специалистами в стране и на корабле. Наводчиков на корабле только четверо, а должны поставить еще два орудия, и потребуется еще четыре наводчика, а откуда их взять. Я же имею военный опыт с начала войны, орудие знаю лучше всех, политически грамотен и т.д. В общем, сиди и не рыпайся. А рапорт надо было подавать сначала ему, как командиру батареи.

29 мая. Пятница.

Весь день работал на 139 шпангоуте. Он был деформирован взрывом, и долго решали, что с ним делать - то ли вырезать деформированный кусок, сделать и вставить новый, или попытаться выправить на месте. Вот по последнему варианту мы и работали с помощью кувалд. А на улице 30°.

В 15.30, когда я был на работе, командир делал обход помещений корабля и, говорят, дал разгон дежурному по кораблю мл. лейтенанту Дьякову, который так и осел на корабле. Вечером в городе воздушная тревога, но налета не было.

Сегодня списали в экипаж Фахрутдинова. С ноября был командиром арт. погреба и до конца марта старшиной несуществующей батареи. Почти полгода бездельничал и отъедал ряшку.

30 мая. Суббота.

Около часа ночи - воздушная тревога. Ночь ясная, небо чистое. Где-то в районе Новой деревни сильная пальба зениток. Многие орудия бьют трассирующими снарядами. Но по каким целям - не ясно.

Оказывается, во время вчерашнего обхода командир нашел спящими 7 человек, в том числе дежурного по низам старший 2 старший Шелепова. За это Дьякову строгий выговор, Шелепову - 10 суток строгого ареста с содержанием на гауптвахте, остальным - по 5 нарядов.

Написал снова рапорт и подал его Быкову с просьбой ходатайствовать перед командованием корабля и Отряда.

Сегодня Кожин, Емельянов и Антоненко ушли за чем-то в экипаж.

Получил от Андрея два письма - от 30 апреля и 12 мая.

31 мая. Воскресенье.

Оказывается, что Кожина, Емельянова и Антоненко списали с корабля куда-то по распоряжению нач. штаба нашего Отряда. Первые двое - радисты, последний - сигнальщик. Наверное, на корабли, которые уже плавают.

Сегодня боцманская команда укорачивала почти наполовину обе мачты. Какой-то кургузый стал вид. То ли это для уменьшения дальности нашей видимости, то ли для возможности прохода под Ленинградскими мостами без их разведения, хотя и в таком виде мы вряд ли под ними пролезем.

После обеда часик повалялся на спардеке, позагорал, но начался арт. обстрел. Снаряды воют над нами и рвутся в устье Невы и районе Балтийского завода, но все же пришлось спускаться в кубрик. Не дают даже в выходной позагорать, гады.

Выдали по 350 г песку. Появился новый продукт - пшеница, го которой варят кашу на обед, а на ужин - пшено.

После ужина стирка белья. Получил письмо от мамы от 18 мая и написал ей ответ: пока никаких радостных событий, кроме того, что еще жив и здоров, сообщить ей не мог.

Летние хлопоты

2 июня. Вторник.

Работал у боцмана на ремонте мостика, на котором была выбита почти вся обшивка, поломаны или погнуты леерные стойки, выбиты стекла в боковых будочках и в рулевой рубке.

Кожин и Емельянов вернулись на корабль. Отделались легким испугом, уйдя с теплых мест. Вчера прибыли новый нач. службы снабжения - техник-интендант 2 ранга Сидоренков и кок Субботин с "Ермака".

Вечером написал письма Алику и Жене.

3 июня. Среда.

С утра работа на мостике, после обеда - покрас пушек в шаровый цвет. Погода хорошая, быстро высохнут.

Перед ужином минут 20 обстрел р-на Балтийского завода. Похоже, что ковш завода Марта немцев больше не интересует.

Письмо Андрею послан через Женю Преображенскую. Она-то уж знает точный его адрес.

4 июня. Четверг.

До обеда красили орудия. После обеда вызвал командир корабля (первый раз попал к нему в каюту), у которого был и старпом Кузнецов. Разговор о моем рапорте был недолгим: учитывая обстановку в стране, на фронтах, на нашем флоте, в

Ленинграде и на корабле, командование корабля не может удовлетворить мою просьбу. Вот и сегодня с корабля забирают 40 человек.

Около 15-ти часов очередной обстрел р-на Балтийского завода. Бил минут 20.

Получил письмо от Алика от 24 мая и написал ему ответ, сообщив решение командования кораблем.

5 июня. Пятница.

Основная новость - прибыл новый старпом из штаба нашего Отряда, который переименован в Группу вооруженных ледоколов (ГВЛ). Командир запаса Гнуздев, а Кузнецов теперь будет только командиром БЧ-2.

Около 19-ти часов сильный обстрел р-на Балтийского завода, а заодно и по нам минут 10 напоминал, что мы не забыты. Но нам достались только осколки.

6 июня. Суббота.

Стою вахту у трапа во 2-ю смену. Ночью два раза поднимали по воздушным тревогам. Почти по часу торчали около орудий, посматривая на темное небо и рыскающие по нему голубоватые лучи прожекторов. Летали над городом одиночные самолеты, на большой высоте и изредка сбрасывали бомбы далеко от нас. Снова подал Быкову рапорт уже только об увольнении, указав, что мой возраст еще не призывной и присяге я не подлежал, что на флот попал добровольцем-"дикарем". Кузнецову объявлена благодарность за хорошую службу одновременно на двух ответственных должностях и снято взыскание, наложенное на него еще 3 марта.

7 июня. Воскресенье.

Снова стал известен конфликт с Борцовым (ком-р БЧ-1 и 4), который получил самое низкое командирское звание - младший лейтенант. В субботу ему отказали в увольнении домой к жене, и он кому-то нагрубил. За это его отстранили от должностей, которые передали помощнику командира старшему (!) лейтенанту Шабшиевичу.

Днем в городе воздушная тревога почти на час, а после ужина - небольшой обстрел Васильевского острова.

Вечером у нас крутили кинофильм "Большой вальс" Красота!

Получил письмо № 21 от 27 мая от Андрея.

8 июня. Понедельник.

С 0 часов заступил на вахту у боезапаса, который сложен напротив у стены цеха. Примерно через час воздушная тревога. Небо ясное, звездное. Гудят на большой высоте 2-3 самолета, их ищут десятка полтора лучей прожекторов, лениво бьют несколько зенитных батарей. С интервалом 10-15 минут в разных местах

города рвется бомба. При ночных налетах такого типа нашу батарею к орудиям не вызывают, поэтому и меня на посту не подменяют.

Наверное, часа в 3 дали отбой ВТ. Все с верхней палубы ушли спать. Подошел я к вахтенному у трапа, немного с ним поговорил и вернулся на свой пост. Ходил я, ходил вдоль штабелей, скоро смена. Присел на ящик в темном уголке и незаметно уснул. Разбудил громкий голос: "Часовой! Ко мне!" Это дежурный по кораблю привел мне смену, а меня не видел. "Ты что, спал?" "Никак нет. Сел и задумался". "Три наряда вне очереди, чтобы меньше задумывался".

И черт меня дернул сесть. Ведь был уже со мной такой случай.

Только сменился в 16 часов - обстрел нашего района. Бил минут 15. В цех, что рядом с нами, попали два снаряда. А всего за зиму в этот цех попало снарядов 20.

10 июня. Среда.

Стою вахту у трапа. Днем стоим в суконках, но ночью все же в бушлатах. На корабле занятия с мат. частью, учения расчетов. Днем в ковш пришел своим ходом бронекатер. Поврежден бак и рубка. Очевидно, прямые попадания небольших снарядов. Ночью непродолжительный обстрел нашего завода и Балтийского. Утром несколько бомб было сброшено на корабли у Балтийского завода и у Адмиралтейства. Вчера получил письмо № 20 от 23 мая от Андрея.

11 июня. Четверг.

С утра ездил с боцманом в порт за краской. В основном кузбас-лак и шаровая. Пора перекрашивать корабль в летний вид под боевой корабль. После обеда покраска всех палубных надстроек и труб в шаровый (стальной) цвет.

12 июня. Пятница.

Вахта зенитная в 1-ю смену. В цехах завода на нашей стороне ковша и у стапелей варят корпуса танков, а потом куда-то увозят для дальнейшего оснащения и вооружения. Вот и сгодилась корабельная броневая сталь, что предназначалась для заложенных крейсеров. В ковш пришел еще один поврежденный бронекатер. Скорее всего, эти катера участвовали в боях под Невской Дубровкой - работали на переправе подкреплений на левый берег.

Бывший пулеметчик Соболь, старший 2 старший, назначен командиром отделения в боцманской команде. Двоих, в том числе Николаева из БЧ-5, отправили в госпиталь.

После ужина короткий, но интенсивный обстрел р-на Балтийского завода.

Послал письмо Жене Преображенской на Клязьму.

13 июня. Суббота.

Вахта у трапа во 2-ю смену. После обеда получил увольнительную в город на 4 часа. Взял несколько прочитанных книг и поехал на Кондратьевский к тете Марусе, но дома её не застал. Дядю Павла все же призвали в армию, но где он и в какой должности - еще не известно.

Быков передал ответ от командира Отряда на мой рапорт. Все же направили его в Отряд. Ответ, конечно, отрицательный: "Учитывая... и т.д., в настоящее время уволить из рядов ВМФ не представляется возможным".

Ну вот, больше нечего и рыпаться.

В этом месяце уже несколько раз замечал, как поздно вечером, примерно в километре от нас, над заливом, с Карельского перешейка в сторону южного берега уходят по 6-9 наших бомбардировщиков, и где-то отбомбившись, минут через 20 возвращаются.

14 июня. Воскресенье.

На вахте у злополучного боезапаса в 3-ю смену.

С часу ночи до половины третьего ВТ и налет. Сегодня немцы придумали что-то новенькое: в свете прожекторов с двух самолетов сбросили что-то на парашютах. Это "что-то" упало или в Неву, или где-то поблизости на Васильевский остров и взорвалось.

Перед обедом команда: "Боевому взводу сбор!" Давно нас не собирали. Быстренько похватали свои винтовки, гранаты, противогазы и выстроились на палубе. Мл. лейтенант Дьяков подравнял, подсчитал и пошел докладывать командиру, что боевой взвод выстроен и готов к выполнению боевой задачи. Но какой? Командир даже не вышел. Наверное, был удовлетворен докладом и нашим боевым видом из иллюминатора каюты. Вышел Дьяков и дал команду: "Разойдись!"

Вечером написал и отправил письмо домой. Сообщил о решении командира Отряда. Так что все надежды дома на мою помощь рухнули.

15 июня. Понедельник.

В 10.00 11-ое политзанятие. Тема: "Офицерские кадры Красной Армии и ВМФ в период войны закалились в боях, и их генералы и адмиралы стали опытнее и прозорливее.

1. Блестящие итоги выполнения сталинского стратегического плана разгрома немецких оккупантов на первом этапе Отечественной войны.

2. Ликвидация временного преимущества германской армии в ходе войны как результат просчетов немецкого командования в

планировании войны.

3. Растущие успехи Красной Армии и ВМФ во 2-ом этапе Отечественной войны.

4. Тов. Сталин об условиях окончательной победы Красной Армии и ВМФ в Великой Отечественной войне.

5. См. название темы.

Наш народ всегда выдвигал из своей среды талантливых полководцев, чьи подвиги сочетались с доблестью бойцов. Таковы были наши предки: А. Невский, Кутузов, Суворов, Д. Донской и др., флотоводцы: Нахимов, Лазарев, Ушаков, Макаров и др. Советский народ тоже выдвинул своих полководцев: Щорс, Чапаев, Фрунзе, Пархоменко и др.

В советских академиях выросли новые полководцы, воспитанные на трудах Ленина, Сталина, преданные делу народа. Наиболее талантливый полководец нашей эпохи тов. Сталин, который лично руководил, направлял наши части в наступлении под Москвой. Тов. Сталин разработал новый метод взаимодействия артиллерии с пехотой, что явилось ценным вкладом в военную науку. Тов. Сталин заботится и о подготовке кадров в тылу и на фронте, и о положении армий на фронте. Во главе с таким руководителем Красная Армия героически сражается и идет в атаку с именем тов. Сталина.

Под руководством тов. Сталина проведено стратегическое отступление с изматыванием врага, что дало возможность эвакуировать промышленность в тыл, создать необходимые резервы. По предложению тов.

Сталина в Красной Армии введено присвоение званий "гвардеец".

Вахта зенитная в 3 смену. Днем несколько человек послали добывать растопку для котлов. Лазили, лазили по стапелям, но всю мелочь, что могла гореть, собрали и сожгли еще зимой. Лежат под килем здоровенные балки, но пускать их на растопку жалко. Да и тяжелы больно. Доложили дежурному по кораблю. Велел взять у боцмана пеньковый трос и тащить волоком. Впятером едва приволокли и спустили по угольной шахте в котельную.

Стало известно, что Борцов получил 3-е суток ареста за то, что пришел в кают-компанию не по форме и на замечания старпома стал грубить и пререкаться. Похоже, что он специально идет на конфликты, чтобы списали с корабля. Сегодня сообщили о присвоении старшинских званий большой группе наших краснофлотцев, занимающих младшие командирские должности. Старшину 1 статьи присвоили Сашке Попову, он - старшина нашей батареи, командиру орудия Пономаренко, он был ком-р

отделения запаса, кладовщику Шибаеву и еще кому-то.

Старшин 2 статьи присвоили из наших: Николаю Панову, командиру моего орудия, Вересову Евгению, тоже командиру орудия, радисту Емельянову Николаю, рулевому из запаса Игнатьеву, кладовщику Николаю Афанкову (он служит уже 5-ый год) и другим.

Днем короткий обстрел р-на Ленвоенпорта, а вечером бил по Торговому порту.

16 июня. Вторник.

Вахта у боезапаса в 3-ю смену.

Сегодня ровно год моему побегу из дома.

После войны отец рассказывал, что в тот вечер я как-то по-особенному прошел по всем комнатам, оглядывая ах, будто прощаясь, но не придал этому значения.

Получил письмо от Алика от 5 июня. Пишет, где и что посадили на огороде, что он вскопал под картошку целину за оградой сада, что спускается к нижней дороге вдоль болота, и какая там твердая почва. Это я представляю.

После обеда минут 20 обстрел р-на Балтийского завода и Васильевского острова.

17 июня. Среда.

Вахта зенитная во 2-ю смену. Еще одна годовщина в моей жизни - год назад приехал в Ленинград начинать новую самостоятельную мирную жизнь. Начал...

Написал одно письмо домой с кратким подведением итогов за год...

И письмо № 25 Андрею примерно с той же тематикой.

Получил письмо от Жени и от тети Мани от 7 июня. Она сообщила, что Женя после возвращения из Средней Азии из своей художественной школы все рвался на фронт, но его год был еще не призывной. Но феврале военкомат все же направил его на годичную учебу в какое-то училище по подготовке командиров пулеметно-минометных взводов. Пишет домой, что кормят более-менее, но очень много занимаются и в классах, и на улице, в поле. Сильно устают. Прислал одну свою фотокарточку - в шинели, без знаков различия.

18 июня. Четверг.

Вахта у трапа в 1-ю смену. Перед обедом обстрел минут 20. Больше по цехам завода. В ковш ни один снаряд не упал. Второй бронекатер после ремонта сняли со стенки, и он ушел.

После обеда на большой высоте появился над городом самолет, прошел на северо-восток и обратно, и после его ухода в воздухе завертелись белые листовки. Несколько штук упало на стенку недалеко от нас. Кто-то подобрал и отнес их замполиту. Я

текста точно не знаю, говорят, что предлагают переходить на их сторону и обещают хорошее питание и свободу. Дурачьё!

Написал и послал письмо Жене.

19 июня. Пятница.

Вахта у боезапаса в 3-ю смену. Весь день и ночь шел дождь. Зато без налетов. Плаща мне не досталось, и я мок в бушлате. Немного продрог. Ночью артобстрел р-на Васильевского острова, а вечером, около 10 часов, обстрел р-на торгового порта.

20 июня. Суббота.

Вахта у трапа во 2-ю смену. Дождь все моросит. Днем привезли Вавилова, котельного машиниста, который расписан к нам подносчиком снарядов. Был в городе, и что-то его там скрутило, не мог дойти до корабля. А вечером и меня скрутило: головная боль, жар, кашель. Положили в лазарет. Похоже, простудился позавчера на вахте.

Вечером из города доносился гул разрывов снарядов.

Получил письмо от мамы от 10 июня.

23 июня. Вторник.

21 и 22-го лежал в лазарете. Три раза доктор поставил хорошие банки на спину и грудь. Таблетки от кашля и от температуры (аспирин). На второй день здорово пропотел.

22-го, в годовщину начала войны, немцы отметили свой юбилей сильным обстрелом из нескольких батарей разных районов города, поэтому, наверное, на нашу долю выпало значительно меньше снарядов, чем обычно.

Сегодня после обеда выписался из лазарета. А Вавилова еще 21-го направили в ЛВМГ. Сообщили, что в госпитале умер от туберкулеза легких Гордеев. А на корабле жизнь идет своим чередом: главного старшину Сидорчука, бывшего нач. снабжения, назначили старшиной 76,2-мм батареи. Это вместо Фахрутдинова. Федосеев, ком. отделения машинистов, получил 10 суток за пререкания с дежурным по низам Шелеповым. Получил бандероль от мамы с тетрадями.

24 июня. Среда.

Отдыхаю от вахт. Послал письмо № 26 Андрею и т. Похвалле, командиру нашей роты в спецшколе, с просьбой о возможности вызова в школу. Получил письмо от Жени Преображенской с Клязьмы. Она закончила школу и собирается поступать в медицинский. А сейчас почти все наши девчонки работают сестрами в госпитале, что разместился в нашей школе.

Голубков, из БЧ-5, направлен в тыловой госпиталь. Значит, что-то серьезное надо лечить и продолжительное время.

25 июня. Четверг.

Вахта у боезапаса в 1 смену. Ушел из ковша "Окунь" и МО 310

и 311.

26 июня. Пятница.

Вахта у трапа в 3-ю смену. Увели "Катю", пришел в ковш "Нептун".

Когда же мы тронемся. А хотя куда? Привезли сахарный песок и масло.

Написал письмо домой.

29 июня. Понедельник.

В 10 утра 13-е политзанятие. Тема занятия: "Доклад т. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 18 июня 1942 г."

Разделы:

1. Победа мудрой внешней Сталинской политики.

2. Англо-Советский договор - смертельный приговор гитлеризму.

3. Под предводительством Советского Союза враг будет разгромлен в 1942 г.

Основные сообщения по разделам:

1). Гитлер рассчитывал изолировать нас от других демократических стран и, разбив нас, приняться за них. Но Черчилль, еще в первые дни нападения Гитлера на нас, заявил, что Англия окажет всяческую помощь нам. Кредит Англии нам увеличился с 1 млрд. в прошлом году до 3 млрд. в этом.

Наши успехи во внешней политике объясняются и победами нашей армии, и ВМФ на фронтах. Наши победы показали, что имеем все силы для разгрома врага в 1942 году.

2). Англо-Советский договор договор не только об окончательном разгроме гитлеризма в 1942 г., но и о сотрудничестве и взаимопомощи наших стран после войны. Цель демократических стран - не завоевывать новые территории, а освободить порабощенные народы и предоставить им полную свободу и невмешательство в их внутренние дела.

3). Достигнуто соглашение об открытии в Европе второго фронта против Германии в 1942 году, а этого Гитлер боится, как черт ладана и держит на западе 2 млн. войск.

2 июля. Четверг.

В воскресенье 28 июня почти все руководство БЧ-5 вернулось с увольнения на корабль, хорошо набравшись. Отмечали у кого-то день рождения. В результате Мусти (он теперь военинженер 3 ранга) и политрук Хлесткин арестованы на 2 суток при кают, а Саломатин получил строгий выговор. Бехтерев, ком. отделения машинистов, с дистрофией направлен в госпиталь мед. Академии, а наш наводчик Голова щенков - в тыловой госпиталь.

3 июля. Пятница.

Днем занятие командира БЧ-2 с командирами орудий и

наводчиками. Сообщил и приказал запомнить внешние отличительные особенности некоторых типов самолетов наших союзников. "Бостон-3" - двухмоторный моноплан с верхним расположением крыла, фюзеляж выпуклый книзу, моторы расположены под крылом, выступая вперед. "Б-25" двухмоторный моноплан со средним расположением крыла. Пулеметные башни за крылом сверху и снизу. Двухкилевое хвостовое оперение.

Ну, этих-то трудно спутать с теми, что мы видим ежедневно.

6 июля. Понедельник.

В 10.00 14-е политзанятие. Тема: "Всегда и всюду быть готовым к химической защите".

1. Немецко-фашистские захватчики - враг злобный, коварный, готовый пойти на любые мерзости.

2. Планы гитлеровского командования применения отравляющих веществ на Советско-Германском фронте.

3. Организация химической защиты на корабле. Наши средства защиты. Задачи личного состава корабля по ПХО.

Применение первого ОВ 22.04.15 г. В 1-ю мировую войну Германия из всех выпускаемых снарядов 15% выпускала химических. Теперь немцы не побрезгуют для ведения химической войны любыми средствами, и мы должны быть к этому готовы. Мы и так готовы - расстаемся с противогазами только во время сна и приема пищи.

8 июля. Среда.

Утром приняли какие-то таблетки. Ждем 8 часов, чтобы завтракать. Вдруг прибегает дежурный по низам Пономаренко и объявляет: "Пять человек быстро позавтракать и к 8 часам быть в военном порту" Из нашей БЧ идут Суворов, я, Ипполитов, Чиков, Кизеев и 5 человек из БЧ-5. Старшим - Суворов.

На камбузе нам ничего не дают, т.к. селедку и масло выдают на бачок, а мы с разных бачков. Я "срубал" старую селедку и старый хлеб, потом получил на весь бачок. Все разделили, хлеб, масло и селедку взяли с собой. Как-то все пошло комом.

Без 20 минут девять пришли в порт. "Молотовцы" уже в порту сидят в машине, но она испортилась. Вскоре они пересели на другую машину и уехали. Для нас машины нет. Мы с Чиковым пошли в соседний сквер и улеглись на траве. Как она здорово пахнет!

Машина пришла через полтора часа. Трое из БЧ-5 едут на "Красный нефтянник". А мы на Колашниковскую набережную.

На Невском разбомбленный дом заделан фанерой, покрашен под цвет соседних домов. Нарисованы окна. Это хорошо. Не так хоть в глаза бросается. У Московского вокзала полно народу с багажом. Здесь его сдают для эвакуации.

Приехали на место быстро. Это напротив Охты. На Неве стоит много хорошо замаскированных транспортов, подводных лодок, буксиров. "Молотовцы" уже работают - разгружают три пятидесятитонных вагона. Зовут нас разбиться по 2 человека к каждому их вагону. Мы отказались и ждем неначатых вагонов.

Через полчаса подали два полных вагона. Когда открыли запорные скобы у нижних бортов, часть угля высыпалась на рельсы. Ну, да потом выберем. Погода солнечная, разделись до пояса, остались только в брюках. Работали да 15.40. Разгрузили все. Поработали на славу, потом мыться. Николаев, Казель и Чикин сожгли свои спины. У меня все нормально. Обратно пешком. Дошли до "семерки" и доехали на ней до Садовой, а там и до дома пешком недалеко. Выпили по пути по литровой кружке воды, а есть все равно хочется. На корабль пришли в 17.40. Получили и обед, и ужин. Обед съел, а ужин не мог доесть. Оставил и первое, и второе на завтра. После развода сразу лег спать, т.к. заступать в 3 часа на зенитную вахту.

За несколько прошедших дней произошли некоторые штатные передвижки: Александров, командир отделения водолазов, отказался от какой-то приборки, нагрубил боцману и был снят с должности. Вместо него назначили Водяна. За нарушение внутреннего распорядка (сон в неположенное время) на 10 суток гауптвахты арестован старшина 1 статьи Саввин.

В штурманской рубке из компасов кто-то вылил весь спирт, а старший лейтенант Шабшиевич не проверил его наличие при приеме дежурства и получил выговор.

9 июля. Четверг.

Позавтракал что надо - порцию селедки, граммов 350 хлеба, 20 г масла и порцию каши. А вот Чикин вчера съел все и объелся. Даже от вахты освободили.

С 8.30 до 9.30. занятия на боевых постах. Занимаемся одними установками прицела и целика. Надоело. У Панова даже язык заболел.

Вчера вечером здорово били наши береговые батареи.

Сегодня стоял зенитную вахту на мостике. В первом часу ночи смотрю выскакивает какой-то эсминец, вероятно, "Стойкий", и на полном ходу промчался вдоль левого берега к воротам канала. А слева от выхода из ковша остался на воде у берега большой досчатый помост-маскировка подводной лодки. И эсминец врезался в этот помост. Доски полетели в разные стороны, что-то скрипело и стонало так, что даже дежурный по кораблю выскочил ко мне на мостик. Через некоторое время эсминец медленно вернулся назад. А я думал, что он так в Кронштадт спешил.

После обеда пошел на мостик и поспал до 4-х, а в 17 снова на вахту. Вчера старший лейтенант Шабшиевич куда-то списан. Говорят, что откомандирован в распоряжение нашего командира отряда. Скатертью дорога. Теперь ВРИО помощника командира стал Кузнецов, а старпом Гнуздев будет руководить и БЧ-1, и БЧ-4.

10 июля. Пятница.

В 6.15. выходит дежурный по низам и говорит, что сейчас меня подменят на вахте, а мне готовиться идти на работу. А, мать их...

В 6.25. велят построиться на палубе. Ну, черта с два. Я спешить не буду. Переоделся, переобулся, съел хлеб, выпил чая, захватил с собой кружку и вышел на палубу. Нас опять 10 человек. За старшего - Розанов. Пошли не торопясь на "Молотов". Пришли на него в 7.30. На нем еще и не собирались. Через полчаса пришли "ермаковцы", Школа боцманов, группа с "Комсомольц". Через час пришли 3 машины, мы все погрузились и поехали на Калашниковскую набережную.

Народу собралось много: с обоих крейсеров, со "Страшного", "Славного". Уголь нужно возить со стенки на пристань, а потом на баржу - мартышкин труд. Баржа стоит почти рядом, но ее некому подвинуть к стенке с углем. Сначала работали ребята с крейсеров и эсминцев, а с 10 до 11 мы. Я возил тачки с углем. Не очень легко. В начале 12-го собрались, отошли в сторону посмотреть, что будут делать остальные. Остальные собираются обедать. Ну, и мы пошли. В 13 часов были дома. После обеда только лег поспать, разбудил Панов - учебная тревога! Продолжалась до 15 часов. Нам снова идти работать.

Поехали прямо на место. Присели недалеко от места работы, а Розанова послали "в разведку" - узнать, как идет работа. Просидели больше часа. Я и Суворов сходили на почту за конвертами и просидели там, а другие расположились на улице. Приехал начальник тыла и сказал, чтобы баржу сегодня догрузили, т.к. ночью ее уведут в Кронштадт. К 17 часам баржу загрузили полностью, ну, и мы поехали домой, просачковав больше часа. Понтус в трамвае уснул и проехал нашу остановку - не смог вовремя выйти. Зашли в парикмахерскую - закрыта.

К 19 пришли на корабль. Поужинали как следует, и я лег спать.

С корабля ушло несколько человек: политрук Хлесткин списан комиссаром в отряд транспортов, Шабшиевнч, оказывается, на Ладогу, Клеймович - учиться на курсы младших лейтенантов флота, Дедион - тоже учиться на "Комсомолец".

11 июля. Суббота.

До обеда с Пановым делали большую приборку в кубрике. Я вымыл половики, надраил медяшку. После обеда должна была прийти машина, и мы с Пановым должны были поехать на Кировские острова за боезапасом. Попов выписал 900 трассирующих снарядов. Но машина не пришла. Собрались ехать на "Молотов" за вооружением. Вдруг дудка дежурного: "Таким-то быстро пообедать и собраться". Пообедали. Оделся в черное, но ехать за боезапасом, а не за углем. Сел дописывать на завтра рапорт на увольнение. Влетает в кубик Шелепов: "Быстро строиться!" Вышел, смотрю из БЧ-2 я один, остальные из БЧ-5 и из боцманской команды. Значит - за углем.

Побежал в кубрик за "робой", по дороге разругался с Шелеповым. Вот бардак - посылают, а куда, сами не знают. За старшего Краснов, все спешит. Пришли на "Молотов" минут 15 второго. Через полчаса пришла машина. Погрузилось человек 30, со всех ледоколов. Едем на Балтийский вокзал. Туда вчера немец сильно бил и разбил склад с мукой и конфетами. Мы едем выгружать муку, т.к. конфеты выгрузили вчера. Приехали, а зав. складом машет руками: "Я вас не звал, и без вас управлюсь. Можете идти куда хотите".

Ну, что за бардак! Никакой договоренности нет.

"Ермаковцы" с "молотовцами" договорились, что раньше 18 на корабли не являться и направились в кино. Стали и мы решать, куда пойти. Игнатьев и еще один из боцманской команды ноют: "На корабль!" Некоторые хотят "пошататься", другие - "посидеть в садочке", я не прочь пойти в кино.

Вдруг далекие орудийные выстрелы, несколько секунд тишина. Затем знакомый свист и разрывы где-то по соседству. Все, кто был на площади перед вокзалом, тиканули кто куда. Мы тоже бросились в соседний подъезд. Снаряды рвались рядом с вокзалом, на площади, на набережных Обводного канала. Минут через 10 обстрел прекратился. Двинулись потихоньку к кораблю, лениво ругаясь друг с другом о впустую потерянном времени. Набрели на какой-то садик, посидели там с час и пошли на корабль. Некоторые хотели зайти на проспект Огородникова в парикмахерскую, но Краснов уперся: "Нет!" В 15.30 пришли на корабль.

В 17 часов команда: "БЧ-2 на верхнюю палубу чистить привезенное вооружение". Привезли несколько старых однозарядных противотанковых ружей, ручных пулеметов, 8 ППШ, 14 винтовок. Винтовки и ППШ выпуска 42-го года. Обработка грубая, стволы и другие металлические части не вороненые, магазины к пулеметам едва подходят. ППШ - очень простого устройства. Похоже, что это оружие привезли нам на

случай прорыва немцев в город в район завода. Не верится, что это может случиться.

После ужина закончили чистку оружия и пошли смотреть кинофильм "Зори Парижа".

Заступил на вахту к боезапасу в 3-ю смену.

12 июля. Воскресенье.

В двенадцатом часу ночи к морскому каналу прошли 3 эсминца. Через некоторое время открыли огонь наши береговые батареи, похоже, что из трех-четырех мест. Как только они прекратили огонь, немцы открыли огонь по эсминцам. Наши батареи снова открыли огонь. Результаты мне с поста не были видны. Кузнецов и Сидорчук лазили на большой кран, но что они видели - не знаю. Я слышал только, как дежурящий на крыше Кораблестроительного института докладывал: "На заливе прожектор. На заливе две осветительные ракеты. Еще две осветительные ракеты с самолета". Делаю вывод: немцы старались не пропустить эсминцы в Кронштадт.

Утром попили чайку, сходили к орудиям, и я лег поспать после ночной пахты. Проспал до 11.55. После обеда снова спал до 16.30. Хотя после обеда привезли боезапас, Панов меня будить не стал, и боезапас перетащили без моей помощи. Зато после вахты мне пришлось перетирать боезапас, переданный нашему орудию. В одном ящике 3 снаряда выпуска 1941 года вертелись в гильзах, а у Агафонова один снаряд даже вынимается из гильзы.

Завтра на вахте не стою, значит, буду таскать боезапас. 10 человек завтра пойдут с боцманом работать на Канонерский завод. Как это я не попал в эту команду?

Послал письма Андрею и Алику.

13 июля. Понедельник.

С утра дождь. В 10.00 политзанятие. Тема: "Болтовня о непобедимости немецких войск - сказка, сочиненная немецкими пропагандистами".

1. Разгром псов-рыцарей в 1242 году на льду Чудского озера.

2. Поражение Фридриха 2-го в Семилетней войне.

3. Поражение немцев под Нарвой, Псковом, на Украине в 1918-19 гг. Эти события в истории нашей родины мне достаточно знакомы, и я их не записывал. Итог занятия фашистскую армию считали непобедимой потому, что она до сих пор не встречала серьезного сопротивления на континенте" (Сталин, доклад 3.07.41 г).

После политзанятий тренировка на боевых постах, осмотр противогазов и обед. Кузнецов теперь помощник командира корабля, так что на камбузе дежурит Панов. Получили 4 порции на троих. Котлету - Попову. Санин до 20 часов отпущен в город.

Сулико и Климович сегодня направлены на курсы младших лейтенантов. Хлеборезом теперь Агафонов.

С 14 часов перетаскивали боезапас. На мои плечи досталось 12 ящиков снарядов. Сделали стеллаж рядом с первым стеллажом у цеха завода. На вахту у трапа и у боезапаса ставят теперь и из боцманской команды, и из БЧ-5. Давно пора их пускать в дело. До ужина просидел на мостике с дежурившим там Манышиным, почитал.

Заступаю на зенитную вахту во 2-ую смену, но, так как Мироненко в городе, заступил вместо него в 1-ю.

Послал письмо домой, получил письмо № 24 от 30 июня от Андрея. На мостике написал две страницы письма Андрею.

На камбуз одним рабочим назначен Рогозин. Удивительно!

14 июля. Вторник.

Ночь и утро прошли спокойно. С 8.30 до 9.30 общекорабельное боевое учение. За установщика прицела и целика - я, за наводчика - Панов, т.к. Ракитин стоит на вахте у боезапаса, а Рощин - на камбузе. После учения вымыл банкет, привел в порядок пушку и в кубрик.

Далее по расписанию - осмотр обмундирования. У меня нашли непорядок книги под подушкой. Велели убрать в рундук, а у меня там и так черт ноги сломит. Так и оставил на койке. После обеда дописал письмо Андрею и отправил его с Гагариным на почту. Всю вахту дочитывал "Трое" Горького.

Ровно в 15.00 послышались знакомые выстрелы. Прислушиваюсь. Вроде совсем низковато, но не свист, а какое-то шипение. Значит, снаряд уже идет "на посадку" и совсем близко. Быстро скатываюсь с мостика в жилую палубу. Снаряды рвутся за 17-тым цехом. Сразу же открыли огонь наши батареи. Через 15 минут я вышел на палубу - тихо. Сдал вахту на мостике и в кубрик.

После вахты дочитал Горького. Сегодня Дедион принес несколько связок книг. Среди них заметил полное собрание сочинений Горького. Гагарин принес открытку из дома от 5.07 и письмо от Жени Преображенской от 3.07. Мама опять пишет о Военкомате и о школе, но более подробно - что делать и что говорить. На политинформацию не пошел. Вечером передвигали на другое место наш большой кранец.

В 12-ом часу ночи вскочил от какого-то шума. Думал, что уже побудка. Но в иллюминаторе темно. Оказалось, что кое-кого списывают.

15 июля. Среда.

Без четверти час ночи разбудили идти на зенитную вахту вместо Румянцева. Пришлось идти. На сей раз разговоры

оправдались - списывают 12 человек, из них 11 из нашей БЧ, а из БЧ-5 только один, Федосеев. От нас уходят: Шелепов, Румянцев, Путилин, Ипполитов, Рощин, Кравцов, Кривенко, Агафонов, Понтус, Смирнов и Чиков. Первых четверых ничуть не жалко. Понтус вчера нашел у Шелепова в кармане деньги и узнал их, т.к. они были наколоты им булавкой. Сообщил об этом командиру БЧ, тот - военкому. Жаль, что поздно Понтус это открыл. Надо бы Шелепову годков 5 за воровство дать. Пришлось ему расставаться с машиной.

Военком говорит, что их направят на Ладогу. Этому ребята рады. Военком так и пожелал им заслужить блестящую штучку на грудь. У всех, смотрю, совсем небольшие вещмешки, а мой - не дотащить из-за большого количества книг. Надо их когда-нибудь сплавить к тете.

Послал длинное письмо домой. Оказывается, есть еще один шанс в случае неудачи с директором спецшколы. Написал письмо командиру роты Похвалле.

Оба письма послал сегодня.

После вахты спал в рулевой рубке, чтобы не гоняли на зарядку. Утром дали по 15 г селедки. Здоровые они, жирные. И масла по 20 г. Селедку в завтрак доесть не успел и докончил после вахты. Сменившись с вахты, уснул на мостике и проспал до 12 ч. и прямо с мостика на обед. На вахте читал "Лже-Дмитрия" Мордовцева.

Прибыли к нам трое радистов. Двое выехали из Махач-Калы 20 июня, третий - из Горьковской области, мобилизован в апреле.

16 июля. Четверг.

Утром селедки не дали, будет, значит, рыбный суп. После завтрака отрабатывали новую инструкцию стрельбы по пикировщику и стрельбу при самообороне. Вот по пикировщику новую стрельбу я одобряю. В таком случае корректировать огонь должен не командир орудия, а установщик прицела и целика, наблюдая за трассой наших снарядов.

После обеда привели в порядок носовой погреб, он почти готов.

В половине шестого Попов сказал мне, что я могу пойти в театр, но мне на вахту во вторую смену, и я должен найти себе подмену. Потом переставили меня в третью смену, а это очень плохо, т.к. на камбузе будет Панов, а рабочим у него Семенов. Ну этот нанесет убыток камбузу. Начал переутюживать брюки Панова, а то вчера неправильно их нагладил. Вчера я не мог пойти в театр, т.к. двоих с одного орудия не пускали. Ходил Панов.

Сегодня пошли в театр 13 человек. Из нашей БЧ четверо:

Санин, я, Кизеев, Кошель. Пришли в Училище им. Фрунзе в зал Революции. Постановка "Парень из нашего города". Начало постановки в 19.30. Пришли на полчаса раньше, зато всю дорогу бежали. Народу было немного. Было примерно 30 девушек в краснофлотской форме. Прибыли из тыла. Учатся на каких-то курсах.

Постановка понравилась. Время действия - 1932-42 гг. Я слышал ее по радио еще дома. Теперь ее немного переделали. В первой редакции последние события развертывались в 193940гг. во время Финской войны, теперь перенесены на настоящую войну. Вернулись домой в половине двенадцатого.

17 июля. Пятница.

Вахту стоял с одним из новеньких - радистом-горьковчаниным. Их поставили на сигнальную вахту, т.к. наши сигнальщики все списаны. Если они не будут себя отстаивать - заклюют, будут посылать на все виды работ. Он рассказывал, как живут в тылу. С рук хлеб продают по 35-40 рублей за буханку. Когда они были в Москве, то обедали на Ярославском и других вокзалах по ценам мирного времен. Обед стоит 2 руб. 40 коп. Дают первое и второе мясное, порции хорошие, и 300 г хлеба. Можно взять и две порции, тогда хлеба дают 600 г. Но пускают в буфет только по проездным билетам. Значит, чти обеды только для пассажиров. В дороге тоже кормили хорошо. На Ладоге, говорит, огромные продовольственные склады, но переправлять продовольствие через Ладогу очень трудно. Бомбят немцы, нередко штормит.

До обеда поспать не пришлось - корабельная учебная тревога. Козеев согласился стоять на вахте до 13 часов, а я - с 15 до 19. После обеда поспал как раз до 15 часов.

Сегодня опять одна группа пошла в театр. Семенов сегодня сказал, что наконец-то он сыт. Спер с камбуза воблу. Панов даже удивился - когда он успел? Завтра на камбуз идет рабочим Суворов. Этот не отстанет от Семенова. Попову он уже надоел своими просьбами назначить его на камбуз.

Вчера прибыли из штаба ГВЛ три радиста: один, Тихонов, из запаса, а двое (Чумаков и Шебуняев) призыва этого года. Вчера же в госпиталь отправили пулеметчика Кошелева и из БЧ-5 Иванова.

18 июля. Суббота.

Проснулись все в 6.30, а в 7.00 большая приборка. Едва-едва успели позавтракать. Дали на завтрак гнилую рыбу. Перед уборкой - развод. Мне повезло - мы с Пановым опять убираем свой кубрик, а кое-кому досталось по 2-3 кубрика убирать одному. Убрались что надо! На обед сегодня на второе рассыпчатая гречка, которую давно не видели. Супу на пятерых -

полный бачок. Рыбу мне Попов отдал, и я ее съел, а он обещал её и Панову. В ужин вышла накладка - после 15 часов поехали помогать нашим грузить уголь, а нас не записали в расход и почти весь ужин раздали. Хорошо, что Попов сумел наскрести для нас половину бачка.

Сегодня я заступаю на зенитную вахту в первую смену. Договорились с Кошелем стоять по 4 часа. Мне это на руку.

Ровно в 20 часов сильный обстрел нашего района. Снаряды с визгом низко пролетают над головой и рвутся в цехах завода, на стенках, в воде. Осколки снарядов повизгивают совсем рядом, дырявят трубы, надстройки, правый борт. До 24-х часов на сигнальной вахте стоит радист из Махач-Калы. Он впервые слышит эту "музыку". По его разговору понял, что служит первый год. "Пароход", "поедем", "капитан" и др. слова выдают гражданского человека. В Махач-Кале жили нормально. Оттуда по Волге доставили в Ярославль, а далее по железной дороге. Выехали 21 июня, прибыли в Ленинград 12 июля. В Ярославле получили сухой паёк - 1100 г хлеба и 600 г сухарей на сутки. Ничего. На 7 дней дали по мешку сухарей - 14 кг. Выходит, что на Большой земле жить еще можно.

19 июля. Воскресенье.

Утром разбудили в 6.45. Успел получить хлеб и селедку. Масла нет. Быстро разделили на порции, но есть некогда, время 7.50. Съел половину хлеба, проглотил кружку чая и на зенитную вахту. Стою до 11.00. С 8 до 12 сигнальную вахту стоит Владимиров. Смотрю - он завтракает на мостике. Сходил и я в кубрик за хлебом и селедкой и принялся доедать завтрак тоже на мостике. Случайно селедочная голова упала вниз на палубу, где в это время делали уборку Чумаков и Соболь. Начал ругаться сначала первый, а за ним и второй. Несколько раз они меня окликнули, но я не ответил.

Вдруг Соболь поднимается на мостик и заявляет мне: "Идем к старшему помощнику". "Ты чего ерепенишься?" - спрашиваю я, но он твердит свое: "Идем", - да и только. "Черта с два, - говорю, - я на вахте". "Ну, я сейчас пойду и доложу", - говорит. "Иди", - отвечаю. Не знаю, ходил он к старпому или нет, но меня никто никуда не вызывал.

После обеда поспал до трех часов, постирал кое-что. Проиграл партию в шахматы Блюмбергу и Игнатьеву, но выиграл у Седова и Краснова.

В город не пустили и сегодня. Обещали завтра, но, чувствую, что и завтра не пойду. Сегодня шла картина "Большая Жизнь", но я не пошел. На вечерней поверке объявили о назначении двух заместителей военкома: главстаршины Чахлова и воентехника 2

ранга Соломатина.

Сегодня заступаю уборщиком столовой. В 21.00 опять обстрел нашего района. Сыграли аварийную тревогу, но мы с Саниным задраили иллюминатор, погасили свет и улеглись.

20 июля. Понедельник.

В 10.00. политзанятие. Тема: "Беззаветный героизм севастопольцев зовет нас на новые подвиги".

По приказу Верховного командующего наши войска 3 июля оставили г. Севастополь, осада которого длилась 8 месяцев. За этот период немцы потеряли убитыми и ранеными более 300 000 чел. Только за последние 25 суток штурма было уничтожено 250 танков, 300 самолетов, 150 000 человек, из них не менее 60 000 убитыми. Эти цифры говорят о мужестве севастопольцев, в условиях многократного преимущества в силе у немцев.

Севастополь не мог нормально снабжаться боеприпасами, вооружением, продовольствием, горючим. Севастополь - военно-морская база, которая не имела оборонительных сооружений с суши. Но за короткое время воины базы и население города провели огромную работу по укреплению города: береговая артиллерия была развернута на 180°, сооружены десятки ДОТов и ДЗОТов, десятки километров окопов и траншей, противотанковых надолб.

Большую роль в защите города сыграла корабельная артиллерия. Во время штурмов города в октябре и декабре 41 года она сорвала планы гитлеровцев по захвату города. В июне-июле 42 года было сложнее - прикрывать корабли от немецкой авиации было практически нечем. Бои в районе Севастополя показали, какое большое значение имеет правильное взаимодействие авиации, танков, пехоты и морской артиллерии. Немцы бросили на город 20, 22, 30, 70, 72. 130 и 132-ю немецкие дивизии, 1-ю 18-ю румынские, 18-ю бронетанковую группу и 8-ой воздушный корпус. За последний месяц штурма на город было сделано 250 000 самолето-вылетов, сброшено 125 000 бомб весом от 100 кг и больше.

Количество сброшенных зажигательных бомб не поддается счету. Немцы подтянули осадную артиллерию - 24" (615 мм). По городу было выпущено несколько сотен тысяч снарядов. Только 2-3 июля выпущено 35 000 снарядов.

К 15 июня немцы потеряли половину своих дивизий, но все равно их сил было в 5 раз больше, чем у нас.

Во время политзанятий позвонили из штаба базы. Приказано выделить 10 чел. для работ в доке № 2. Кроме этого, от нас с обеда уходит боевой взвод (35 чел.) на работу в городе, 5 чел. на огороды и в совхоз. Итого - 50 чел. А у нас всего осталось личного

состава 79 чел. Из них ежедневно на вахту требуется 21 чел. Т.е. стоять вахту через сутки нужно 42 чел., а у нас остается только 29. Позвали командира корабля, дежурный доложил ему о звонке из штаба, тот позвонил в штаб, объяснил обстановку, и приказ отменили.

На работу пойдет только боевой взвод - строить бойницы в домах у Литейного моста.

Сегодня весь день стоит непрерывный гул артиллерийской канонады на Карельском перешейке. То ли немцы наступают, то ли наши.

Дедион объявил, что я заступаю рабочим по камбузу, а он - дежурным. На какой камбуз он меня поставил? Я только что выстирал робу и не в чем выходить на развод. Но развода не было. Я заступил на большой камбуз, Петров - на главный. Ну, черт с ним.

В 19.00 вместо проверки времени по радио - воздушная тревога. И длилась она до 20.45. Все расчеты были у орудий. После отбоя бегом на камбуз кипятить чай. Работы еще до черта, боевой взвод еще не ужинал. Ни один лагун не вымыт.

Выдали по 380 г конфет вместо сахара до 1 августа. Конфеты витаминные и ириски. Афанков ни одной не дал попробовать. Пришлось порядком кипятить воды - конфеты есть, будут пить много чая. От ужина мне немного осталось супа и каши. Журавлев так наелся, что свою кашу даже доесть не мог. Провозился на камбузе до 0.30, а вставать надо в 4.30, т.к. боевой взвод уходит в 7 часов.

21 июля. Вторник.

Подняли в 4.40. Вскипятил 4 л воды, стали вешать хлеб. Комсоставу по 300 г белого, нам - чернушку. Афанков и Ширяев взяли белого и себе. Розанов, рассыльный, выклянчил 300 г белого себе. Меня угостил куском белого с маслом Дедион.

На обед будут котлеты с гречкой, вместо хлеба. Пришлось мне вертеть здоровую мясорубку. Тяжеловато. Потом принесли уже сваренную гречку. Петров пробует, я - за ним. Кок торопит провернуть это все снова скорее. Провернули. Петров уговаривает взять шпика, фаршу и поджарить в духовке самим. Берем. Затем я выскреб то, что осталось в мясорубке. На котлету хватит. В общем, в обед досталась большая миска супа и миска каши. Теперь это чувствительно. Петров за двоих поел. Этот или выклянчит, или сопрет. Розанов тоже все время вертится у камбуза за добавкой. Вот не думал о нем такого.

Вчера получил письмо от Андрея № 25 от 11 июля. Моих писем он еще не получал. В августе они переходят на подготовительный курс Училища им. Фрунзе.

В 15 часов стали вешать компот. Начснаб и Дедион пошли в кладовку, а Гмызин тут как тут.

"Чего же не попробуешь компоту." Пришлось дать ему и взять немного себе. Сваренного компота тоже не попробовал. Сходил в буфет, взял там котелок из-под супа. Супа набралась миска, густого. Миску налил Петров. Гущу отделил, а воду выпил. Поджарили пару котлет. В ужин есть не хотелось. Суп съел, а две каши оставил. Потом одну порцию все же через силу доел.

Петрова кок с того камбуза прогнал. Все клянчит. Меня меняет Егоров, а Петрова - Суворов, т.к. на камбуз дежурным заступил Панов. Суворов сунул мне миску каши. Значит, в него самого она уже не лезет. С Егоровым разругался не принимает камбуз. Пришлось снова все мыть, а он сам же все завозит, т.к. взвод еще не приходил.

Одну порцию супа и каши оставил в кубрике на завтра, а другую отдал Манышину. Сам почти не ел. Когда вешали продукты Николаеву, уходящему в совхоз, я обнаружил на весах червей. Сказал об этом дежурному по камбузу, тот - доктору. Оказалось, что они обитают в щелях стола - так и кишат там. Доктор начал меня ругать: куда я смотрел, когда принимал дежурство. А куда смотрели, спрашивается, другие рабочие по камбузу до меня. А я обнаружил и меня же ругать!

Дедион говорит, что нам скоро будут утром давать по 400 г белого хлеба, а остальные 400 - черным. Хорошо бы ... Только лег в 9 часов, пришел в кубрик Быков сыграть в шахматы. Играл с ним до 10.15. Проиграл, т.к. много "зевал". А он и не так-то сильно играет. Его цель - не стремиться скорее мат поставить, а сначала побольше снять фигур.

22 июля. Среда.

Без 10 минут 7 меня разбудил дежурный по низам Фирсов, сказав, что я выделен делать уборку в гальюне, т.к. Суворов заболел. Оказывается, что вчера в обед он съел три миски супу и три каши. Я за весь день столько не съел. А убирать пришлось мне. В завтрак я рубанул вчерашний суп и чувствовал себя хорошо.

В обед суп был очень жиденький, т.к. дали на первое всего 4 кг пшена. А гречи на второе 12 кг. Зато мясо было порциями. В ужин суп - опять вода из пшена, но каши дали хорошо - в 1,5-2 раза больше, чем раньше.

Отослал письмо Андрею, написал открытку домой, а вечером получил из дома две открытки от 11 и 13.07. Папа слабеет, Алик рвется домой. Мама пишет, что в спецшколу нужно направление наркомата, а какого - догадайся сам. Дело дрянь.

В местной газете пишут, что под Ленинградом нашими

войсками 20 июля занят укрепленный пункт П. А какой - Петергоф? Павловск? Пушкин? Пулково?

Выиграл вечером партию шахмат у Борцова.

На вечерней справке зачитали новый приказ о продовольственных нормах. Нас переводят на 4-ю категорию довольствия: хлеба ржаного - 800 г, круп 170 г, овощей - 500 г, муки - 15+15 г, мясо - 150 г, сахара - 35 г и другие мелочи. Компоту нет, тот, что у нас остался, приказано сдать. Вот тебе и 500 г белого хлеба! Начснаб говорит, что вместо 1 кг овощей будут давать 200 г круп. И всего получается круп: 170+100+30 = опять 300 г.

На праздники дополнительно будут выдавать 75 г белой муки, 10 г комбижира и 100 г мяса. А масла нам опять 20 г растительного и 30 г жиров.

Заступил в 1-ю смену на зенитную вахту.

23 июля. Четверг.

Вчера в ужин успел поджарить немного фарша на тарелке - буза. Рассыпается и горчит. Сковорода пригорела. Сегодня надо дожарить, а то протухнет. Ночью теперь у нас нет ни дежурного по низам, ни рассыльного, поэтому будить смену некому. Удачно, что я сам встал в час ночи. Ночи теперь темные, рассветает только в 3 часа.

На заводе изготовили 30 бронебашен под орудия 130 мм. Очевидно, для установки на суше или вкопают в землю для ДОТов. Много изготовлено небольших броневых башен-колпаков для пулеметных расчетов и расчетов ПТР для передовых линий обороны.

Вчера на справке Попов, от имени командира БЧ, объявил мне благодарность за хорошую работу на камбузе. В полголоса ответил: "Служу рабочим по камбузу!"

К обеду поджарил с Манышиным остатки фарша. Первая котлета из него развалилась, другие три вышли ничего. В обед всем по котлете, а себе рассыпанную. Сегодня привезли горох и из него с пшенкой опять суп одна вода, т.к. дали на суп всего 5 кг. Каша с фаршем получилась ничего, но "взводники" ругаются вовсю! Интересно, будет ли теперь Манышин делиться со мной тем, что подкидывает ему Гагарин?

С часу дня зачитался и забыл закрыть пушку от дождя. Быков сделал замечание. По делу.

Написал письмо домой, а деньги пошлю завтра.

У Балтийского завода встал "Сильный". Опять корабельные орудия бьют весь день по направлению Лигово. Говорят, что Лигово и Стрельна взяты нашими. Говорят, что и кур доят!

25 июля. Суббота.

Посмотрел список нового наряда и заметил, что Попов назначил меня рабочим на камбуз, а Журавлева - по столовой. Но кто-то переставил наши фамилии. По-моему, это работа Журавлева. Попов в городе, поэтому сказать об этом некогда. Я высчитываю, как мне выгоднее, идти на камбуз или в столовую? Пожалуй, лучше на камбуз. Завтра будет большая приборка, а народу мало, так что всем на уборке достанется. После развода сказал об этом Попову и после горячего спора заступил на главный камбуз.

Халаты Журавлев уже выстирал, принес 4 ведра угля, на зато мне ничего подрубать не оставил. Сходил и я за углем и свободен.

На другом камбузе рабочим Леушев, а дежурным Соболь.

Вечером получил три письма - от мамы, Андрея и Лебедева из Астрахани. Пришло письмо и командиру корабля из школы. В училище числа с 14-го августа начнутся экзамены. Андрей советует спешить, т.к. они скоро куда-то переезжают.

Дома дела не очень хорошие. Боюсь за отца.

26 июля. Воскресенье.

Утром затопил плиту и пошли получать продукты. Афанков выдал 8 кг картошки, а крупы остается совсем немного. Кок ругается, что ничего не выйдет, т.к. картошка очень невыгодна. За 20 г крупы дают 7,5 г картошки. Раньше мы получали картошку, как овощи, за 20 г крупы - 100 г картошки. Мяса нет, но есть мясные консервы. Их дали 25 банок по 800 г. Жира нет. Так что о добавке нечего и думать. Поскольку консервы жирные, с каждой банки вычитали по 110 г жиров. Так что натурой мы получали жиров меньше, чем в обыкновенные дни.

Принес с кладовки 2 мешка щавеля с травой, который надо разбирать, немного редиски. Салата тоже порядком. Сначала нас хотели заставить провертывать салат на мясорубке, но это, оказалось, нелегким делом и закончили бы мы с обедом только к ужину. Со щавелем пришлось повозиться травы в два раза больше, чем щавеля.

Кок что-то злой и на мне отыгрывается: то уголь не так кидаю, то возмущается, что одна плита плохо горит и т.д. Велел мне идти помогать Соболю взвешивать хлеб, а Леушева позвал к себе резать редис. Я так и остался на том камбузе. На обед был хороший жирный суп с картошкой, щавелем, салатом и пшеном, а на второе греча рассыпчатая с мясом. На третье компот густой. Последний раз выдали его. Компот, очевидно, остался, т.к. Соболь налил мне кружку, а затем еще миску. После обеда докончил разбирать щавель. Ужин тоже ничего: суп со щавелем, картошкой, горохом и пшенкой. В кают-компании сделали что

надо! Тушёная жирная картошка с мясом, а в супу на поверхности толстый слой жира.

После ужина лег спать и проспал до 7 утра.

27 июля. Понедельник.

Дежурил по столовой, поэтому на политзанятиях не был. А тема была интересная: "Военно-морской флот в Отечественной войне".

Ходит слух, что в воскресенье, когда командир корабля был в городе дома, кто-то залез к нему в каюту и что-то упер. Кто и что - пока неизвестно.

28 июля. Вторник.

Занятие по материальной части на боевых постах. В перерыв спросил у Кузнецова разрешения обратиться к командиру корабля о возможности отправления меня на учебу. Ответил, что спросит сам, но после окончания занятий разрешил обратиться мне самому. Постучал к командиру в каюту, ответил, что он занят. Когда можно к нему обратиться - не сказал.

После обеда получасовое батарейное учение, затем химическое учение. Смотрим, из каюты командира выходят: наш дальномерщик Журавлев, дежуривший на зенитной вахте, помощник командира, военком и командир. Все пошли на левый борт. После занятий и мы туда. Командир объясняет, что кто-то залез через иллюминатор в его каюту, спер бутылку кефира, но потерял свою бескозырку. Наверное, это был Журавлев. Наконец командир вспомнил обо мне и пригласил зайти в каюту. Сказал, что письмо из спецшколы он отдал писарю, а тот передал его командиру БЧ, который сообщит мне подробное его содержание. А вкратце ответ таков: принять меня не могут, т.к. 10-х классов нет. (Куда они делись? Досрочно направили в училища или, может быть, на фронт?). Вопрос экстерна подлежит рассмотрению Наркомпроса. Советуют обратиться непосредственно в училище им. Фрунзе с просьбой допустить к приемным испытаниям совместно с текущим набором. Дело дрянь.

Послал сегодня письмо Андрею № 33, домой и Лебедеву. Остается теперь узнать, куда пошел Клеймович?

Вечером успел выкрасить свою пушку, а потом на юте сел играть в шахматы с военкомом. Сделали только ходов по пять, далекие орудийные выстрелы. Звук этот мне хорошо знаком. Я быстро встаю и говорю: ".Это к нам". Приближающийся вой - доказательство моих слов. Но этот залп пошел через нас. Спешим вниз. Еще залпа 3-4 уложили свои снаряды где-то поблизости, и немцы замолкли. Слышны залпы только наших батарей. Пошли доигрывать партию. Ее я военкому проиграл. Пошел на риск, но не рассчитал.

Поговорил с Дедионом о Клеймовиче. Он, оказывается, на курсах младших лейтенантов при училище им. Фрунзе. Сейчас туда будто бы недобор. Нужно, главное, получить разрешение командира корабля, потом - направление штаба, получить характеристику, послужной список, выписку из журнала взысканий и поощрений и все.

Я уверен, что меня отпустят. В школу-то отпускают. Написал рапорт командиру корабля и перед справкой отдал его командиру БЧ. Вечером опять рабочим на камбуз. Дежурным - Соболь, второй рабочий - Калачев.

29 июля. Среда.

В 7 утра развесили личному составу хлеб и масло. Когда оставалось развесить масло 12 порций, Соболь увидел, что масла не хватает. Схватился за голову: "Надо было взвешивать по 20 г, а мы взвешивали по 25 г. Перевесили и оказалось, что 300 г оказались лишними. Соболь удивляется: "Откуда это?" Дал мне граммов 80, остальные запер в шкаф. Но хлеба зато у него не хватает граммов 500.

Взвешивая хлеб комсоставу на завтрак и на ужин, не довешивал по 5-10 г. Пообедал я в 10.30 и к 14 часам проголодался. Хорошо, что Соболь догадался дать миску супа. Зато хлеба съел граммов 450. В ужин в 17.30 дали миску каши - съел. Потом еще порцию супа и каши. После мытья посуды суп съел, а кашу оставил на утро.

Санин вернул рапорт. Отказ, ввиду нехватки личного состава. Совсем дрянь. Написал письмо в училище им. Фрунзе - последняя надежда. Ведь там, надеюсь, испытания не по всем предметам. Завтра отправлю. На вечерней справке зачитали новое закрепление винтовок, а то многие бывшие "хозяева" винтовок ушли с корабля. В списке все наше БЧ и еще человек 20. Всего 48 человек.

30 июля. Четверг.

Убирал столовую. Утром батарейное учение. После обеда работал в арт. складе в кормовом трюме. Вечером заступаю на зенитную вахту во вторую смену. Сегодня Панов и Гагарин получили кандидатские карточки приняты кандидатами в члены ВКП(б). Попросил Панова показать. Показал обложку и в развороте, но в своих руках. Чувствую легкую зависть.

Сегодня прибыли моторист и электрик - Дмитриенко, служит года 2-3 и Богомолов, который уже отслужил 5 лет.

А вот и "потери": Лесных убыл на курсы младших лейтенантов (а для меня - нехватка личного состава), а Драганчук - в отряд (ГВЛ).

Обеспечим выполнение приказа "Ни шагу назад!"

31 июля. Пятница.

Надеялся поспать до 8 часов, но разбудили в 6. В 6.30 всех собрали в верхней столовой. Зачитали приказ товарища Сталина № 228, в котором говорилось о тяжелом положении наших войск на фронтах, особенно на Южном, и, в заключение, говорилось, что хватит отступать, что теперь без разрешения высшего командования назад - ни шагу. Ну, и еще кое о чем, для прекращения отступления. Считаю, что давно пора было издать такой приказ.

Журавлеву дали 20 суток ареста на гарнизонной гауптвахте. Это все же он ночью во время вахты забрался в каюту командира.

Вечером дали по 525 г конфет и постного сахара на 15 дней. Хватило бы на 5 и то хорошо.

Вознесенского Кузнецов застал на вахте с книгой и снял с вахты. Я простоял с 6 до 7 вечера, в 11 сменился. Попов говорит, что и меня снимают. За что? Меня никто не видел с книжкой. Оказывается, Кузнецов видел до справки, но не сказал мне. Огрёб 3 наряда вне очереди. Жаль.

1 августа. Суббота.

Разбудили без четверти семь. Только начал жарить хлеб - дудка на общее построение. Явился Кузнецов, и пришлось выкатываться на палубу. Я, Кизеев и Пономаренко убираем бак. Убрали быстро. С 10 часов я убираю коридор начсостава правого борта. Как раз к 12-ти закончил. Обедают все по расходу. Мы получили только в половине первого. Сегодня есть котлеты, а 30 и 31 были вегетарианские дни. Теперь они будут один раз в неделю.

Днем с мостика было видно, как на южном берегу "юнкерсы" пикируют и бомбят наши передовые позиции. Гул артиллерийской стрельбы, пулеметные и автоматные очереди, которые то затихали и смолкали, то разгорались с новой яростью, мы слышим уже несколько дней. То ли немцы рвутся в город, то ли наши пытаются отбросить немцев от города. Вечером налет на город, а в районе южного берега сильная артиллерийская пальба, схватки авиации над берегом и над заливом.

Прошла уже неделя, как пришел ответ из школы. Как быстро летит время!

На этой дате, на этой строке заканчивается, вернее, обрывается мой дневник, который я вел на "Суур-Тылле" - "Волынце" почти 13 месяцев. На следующей страничке блокнота стоит дата "1 декабря 1942 г.", но это служба и участие в боевых действиях в других условиях.

А в последние 4 дня пребывания на корабле случилось то, о чем мы разговаривали в кубриках, обсуждая дела на фронтах и

зимнюю нашу подготовку на заснеженных торосах Невы. Вспоминали внезапный уход в октябре наших товарищей, которые были брошены на левый берег Невы под Невской Дубровкой, чтобы не дать немцам форсировать Неву и соединиться в финнами, что означало бы полную блокаду и гибель Ленинграда. Поползли слухи, что Балтийский флот должен сформировать двадцать или тридцать заградительных батальонов для помощи войскам, обороняющимся на подступах к Сталинграду.

И вот в воскресенье 2 августа было объявлено, что поскольку приказ о списании значительной части личного состава на берег может поступить в любой день, а сколько человек и кто останется на корабле - неизвестно, то рекомендуется всем, у кого есть ненужные личные вещи, книги, инструменты и прочее, отнести их родственникам или знакомым в город. Тем, кому это было нужно, давали увольнительную на 5 часов после обеда.

Поскольку лишние личные вещи из обмундирования у меня уперли вместе с рюкзаком из трюма еще осенью, то оставались только художественная литература, что я покупал в городе, учебники и дневники. Все это связал в увесистую связку и отправился на Кондратьевский к тете Марусе. За два часа дошел сравнительно легко, не то, что в марте из госпиталя. Дядя Павел уже на фронте, где-то на Карельском перешейке. Он 1905 г. рождения и еще ни на одной войне не успел побывать. Я просил тетю Марусю сохранить в первую очередь мои дневники. Может быть, я за ними после войны вернусь, если уцелею.

Оставил у нее и часы, которые все же выменял на сэкономленные блокадные порции хлеба, масла и сахара у еще более голодного рабочего. Ведь часы на руке в предвоенное и военное время у рядовых и младших командиров была чрезвычайная редкость. А семнадцатилетнему мальчишке очень хотелось их иметь. А часы - наши, на циферблате марка: "1 ГЧЗ им. Кирова". Их так и называли: "кировские". Часы ручные, диаметр корпуса 50 мм. Такого размера карманные часы на цепочке или на ремешке более удобны, чем такие громоздкие на тощей ребячьей руке. Я их стеснялся носить и без сожаления с ними расстался.

Но этим часам пришлось быть свидетелем двух трагедий. В 1944 г., когда началось успешное продвижение наших фронтов на Запад, дядя Павел успел забежать домой, пока их часть перебиралась с Финляндского на Варшавский вокзал. И тетя Маруся дала ему мои часы. Весной 1945 дядя погиб под Данцигом. Его личные вещи переслали тете Марусе, в том числе и часы.

В июле 1945 г., направляясь через Ленинград в Одессу, я

забежал к тете Марусе. Взял у нее свои дневники, которые были не в связке, а россыпью. Но тетя сказала, что все здесь. Отдала она и мои часы. В Москве я задержался дня на три. Зашел на Скатертный 10, где в квартире № 6 жил мой двоюродный брат Женя Зверев. Его мать, тетя Маня, встретила меня слезами и возгласом: "А Женю убили!" Об этом я давно уже знал. Лейтенант Зверев, 1924 г. рождения, погиб 5 июня 1944 г. в Румынии под Яссами.

О гибели другого моего двоюродного брата - Юрия Потоцкоо, моего ровесника, курсанта воздушно-десантного училища, я уже знал. Их училище летом 1944 г. бросили на Карельский фронт, где Юра подорвался на мине.

Дня три пробыл дома в селе Звягино, откуда убежал из дома 4 года назад. Все. дневники оставил дома, а часы взял с собой в Одессу.

В 1948 г., после окончания училища, в октябре во Владивостоке встретились человек 10, получивших назначение для прохождения службы на кораблях и в береговых частях на Сахалине, на Курилах, на Камчатке и Чукотке. Месяц ждали "оказии" на Камчатку. Среди наших выпускников был лейтенант Саша Фесина, получивший назначение на базу подводных лодок в Таръе, слева за входом в Авачинскую бухту.

Во Владивостоке я купил недорогие ручные часы-штамповку и свои громоздкие "кировские" больше не носил. Саша, который был моложе меня года на 3-4, в училище был в моем отделении, коренастый, физически очень сильный, в стойке на руках мог подниматься по лестнице на второй этаж, и на его ручище "кировские" часы выглядели вполне прилично. И он попросил их поносить, до приобретения своих. А весной 1949 г. случилось несчастье: Саша застрелился у себя в каюте. В оставленной им записке была просьба - вернуть "кировские" часы их владельцу, и были указаны мои координаты. Наш 11-ый отряд МО базировался в заливе Изменный, справа за входом в Авачу.

В понедельник 3-го августа последний раз общались со своей материальной частью, вычистили орудия, погуще смазали и зачехлили. В ближайшее время из них, по-видимому, стрелять будет некому. Винтовки тоже приказано было хорошо вычистить и передать для хранения в кормовой арт. погреб. Еще и еще раз пересматриваем свои вещевые мешки - что бы еще оставить, без чего можно обойтись на фронте и облегчить свой вещмешок.

4-го августа после обеда объявили на общем построении фамилии тех, кто завтра списывается с корабля в Ленинградский флотский полуэкипаж. Я считал называемые фамилии. Получилось что-то около 70 человек, в том числе 7 командный

состав. Уходят наш командир батареи и командир БЧ, штурман, трое из БЧ-5, нач. снабжения. Наша БЧ, по-моему, в полном составе.

Весь вечер в кубрике только и разговоров: куда теперь нас направят и в качестве кого? Если в заградительный батальон, то, по нашим понятиям, кроме автоматов, пулеметов и гранат никакого другого оружия там не надо. Это-то мы освоили. Волновал всех и вопрос - оставят ли личный состав корабля в одном подразделении или разбросают по разным. Хотелось бы, конечно, быть всем вместе. Так хотя бы, знаем "плюсы" и "минусы" каждого.

И 2-го, и 3-го, и 4-го на южном берегу гул сильных боев. Береговые батареи с окраин города, от Балтийского завода, с Крестовского острова, с Фортов и днем, и ночью часами бьют по южному берегу, по району Урицка, Стрельны, Петергофа. Может быть, нас направят на поддержку на этом участке Лениградского фронта?

5 августа. Среда.

Последний завтрак на корабле. Построение на верхней палубе тех, кто покидает корабль. Прощальное обращение командира корабля и напутствие военкома. Основное не позорить звание балтийца, сражаться до полной победы над фашизмом.

На стенке снова построились в колонну по четыре, командиры впереди, колонной командует старший лейтенант Кузнецов. Вид у колонны не очень боевой: оружия нет, шинели только у единиц в скатках и привязаны к вещмешкам, а у большинства перекинуты через руку.

За проходной завода снова построились и двинулись, почему-то, не налево, по набережной канала Грибоедова, по которой всегда ходили в порт, что рядом с Полуэкипажем, а направо через Старый Калинкин мост, мимо ВМГ, по левой набережной Фонтанки. Дойдя до начала Лермонтовского проспекта, свернули на улицу Москвиной, затем по 1-ой Красноармейской вышли к площади у Технологического института и зашагали по Загородному проспекту к Витебскому вокзалу. Но с этого вокзала, я-то знал, сейчас никуда не уедешь. Вдруг, перед самым вокзалом, свернули направо в узкую улицу Рузовская. Между ней и Витебским вокзалом неширокий Введенский канал, что соединяет Обводный канал с Фонтанкой. По левой стороне улицы несколько старинных казарм. В ворота одной из них мы и заходим. Похоже, что Кузнецов этим маршрутом уже проходил, т.к. вел нас без проводников.

В гот же день мы узнали, что находимся в 3-ей Рузовской казарме и зачислены в 5-ый заградительный батальон.

Оказалось, что здесь уже ребята с "Ермака" и "Молотова". С каждого более чем по 120 человек. Говорят, что ОВТ (Отряд военных транспортов, в который входила и наша группа ледоколов) расформирован. Ледоколы переданы в подчинение Ленинградской военно-морской базе. Но для нас служба на ледоколах закончилась.

Начался новый этап военной службы.

Эпилог

В своей хронике-трилогии "Трагедия на Балтике. Август 1941 г." И. Л. Бунич в эпилоге сообщил очень интересные, правда, не всегда радостные факты о дальнейшей судьбе уцелевших в Таллинском переходе кораблей и многих их командиров. О судьбе "Суур-Тылла" -"Волынца" и его капитана он не сообщил ничего. Не гарантируя точность дат, воспользовавшись своим домашним архивом, поделюсь общими сведениями, которыми я располагал к завершению своей повести.

В конце июля или в августе 1966, а может быть, 1967 г. я приехал к своей матери в поселок Клязьма. Только вошел в дом, как мать позвала меня: "Смотри, передача из Таллина, и о вашем "Суур-Тылле" рассказывают." Телевизор у матери был какой-то допотопный, на экране почти ничего не видно, но голос, рассказывающий о "Суур-Тылле", я узнал сразу (у меня хорошая слуховая память) - это был голос капитана "Суур-Тылла" Германа Яковлевича Тыниссоо! 25 лет я ни его, ни о нем ничего не слышал.

В тот же день написал письмо на Таллинскую телестудию. Представился и попросил сообщить "координаты" Германа Яковлевича. Ответа не было больше полугода. Затем пришло письмо с извинением в задержке ответа. Оказывается, корреспондент, которому было поручено мне ответить, был несколько месяцев в море. Сообщили мне адрес: улица Пресси, дом 4, кв. 1.

Написал Герману Яковлевичу письмо. Что-то долго не было ответа. А в начале мая 1968 г. от НИИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи, в котором я тогда работал, в Таллин отправилась туристическая группа, в которой, конечно, был и я. Пребывание в Таллине всего три дня, 8-10 мая, программа очень насыщена от экскурсий по городу и ближайшим окрестностям (монастырь ордена святой Бригитты, лесное кладбище) до вечерних представлений стриптиза, о чем в Москве мы только могли слышать. Попутно ищу улицу Пресси. К моему удивлению, даже экскурсоводы не знают. На картах, вернее, на схемах города, которые у меня были, такой улицы нет.

Наша группа была размещена в гостинице в районе Копли,

точнее, Пельгуранна. Название ее не запомнил. Спросил утром на второй день у швейцара гостиницы. Тот, во-первых, сразу же поправил мое произношение названия улицы - не "Пресси", а "Преезн", что в переводе "Пряжка" или "Брошь". А во-вторых, эта улица совсем недалеко от гостиницы, на ней, действительно, живут многие старые капитаны, и он объяснил, как до нее доехать от гостиницы: автобусом 26 или 31 по улице Сыле до остановки у перекрестка с Колде пуэстее, а там каждый покажет.

Вечером, после экскурсий, отправился на поиски улицы и дома капитана. Улица Преези параллельная ул. Сыле, между улицами Колде пуэстее и Харьяпеа. Очень коротенькая - метров 300-350. Почти вся улица застроена однотипными деревянными домами с мансардами. Вокруг каждого дома небольшой зеленый участок. Дом № 4 оказался около пересечения улицы с Харьяпеа. Хотя было уже около 9 вечера, но достаточно светло, и я сфотографировал этот дом на остававшиеся в фотоаппарате два кадра. Но когда я постучал в дверь, никто мне не открыл и не ответил - дома, похоже, никого не было. Потоптался еще немного около дома и вернулся в гостиницу.

Следующий день - последний день нашего пребывания в Таллине. Возвращаясь в гостиницу, передал ненужный уже фотоаппарат с заснятой пленкой жене, а сам, для экономии времени, сошел на нужной мне остановке и знакомым путем к дому № 4. В доме опять никого. Пошел обратно к остановке автобуса. Около одного дома копается в саду пожилой мужчина. Спросил у него: не знает ли он, где жители дома № 4. "А кто вам нужен?" "Герман Яковлевич Тыниссоо". "Херман Яковлевич, - поправляет мое русское произношение мужчина, - живет в доме № 41". Вот те на! Это на другой стороне и в другом конце улицы. Дом, по-видимому, разделен вдоль на две половины, т.к. две входные двери рядом. Звоню в правую. Слышу приближающиеся шаги. Открывается дверь, и я чувствую, как моя бородатая физиономия расплывается в радостной улыбке. Он почти не изменился за прошедшие 27 лет. Я бы сразу узнал его при случайной встрече на улице. "Тэрэ, Херман Яковлевич!". "Тэрэ, а вы кто?" Он, конечно, не может узнать в бородатом сорокалетнем мужике 16-летнего мальчишку. Представляюсь: "Бывший сигнальщик с "Суур-Тылла". "Так это вы мне письмо прислали, на которое я еще не ответил? И адрес на нем был неправильный. Заходите, будете гостем."

Я поднимаюсь за хозяином в мансарду. Здесь у него в комнате, площадью метров 15-18, мастерская. У меня перехватило дух, глаза разбегаются: сколько тут интересного, сколько разнообразного инструмента! Спустя 32 года после

встречи со своим капитаном (осмелюсь так называть его) я, конечно, не мог бы вспомнить все детали его мастерской. Но, вернувшись в гостиницу, я записал в блокнот более-менее подробно и обстановку мастерской и рассказ капитана о годах, проведенных в России до окончания войны.

У окна мастерской стол-верстак. На небольших столах против двери незавершенная модель корвета XV века и несколько парусников. На стене несколько рисунков парусников, десяток грамот за участие в выставках моделей парусных судов с 1922 до 1948 год (более поздним места не хватило). Над дверью в общей раме десятка два открыток цветных и черно-белых, с изображением парусников и кораблей. А рядом, в такой же большой раме, три различных женских фото. Просто чьи-то женские лица, фигуры. На стене справа от двери и в шкафу - сотни различных инструментов. Почти в центре комнаты, на столике миниатюрный токарный станочек для сверления отверстий, диаметром до 4 мм. А рядом электрическая дрель, приспособленная для сверления в горизонтальном положении.

Моделирует он с 20 лет. Создал 40 моделей. Многие модели заслуживали призы в Москве - самоходные парусники. Модели, главным образом, находятся в разных музеях, но больше всего в музее рядом с башней "Толстая Маргарита", что на улице Пикк. Модель "Суур-Тылла", которая стоит в башне на втором этаже, Герман Яковлевич изготовил еще в 1922 году, не зная и не ведая, что через 17 лет станет его капитаном. А капитаном он стал в 16 лет, командуя небольшим парусником, доставляя с о-ва Сааремаа строительный камень в г. Пярну. Затем лет 15 водил гидрографическое судно.

Меня очень заинтересовали его маленькие модели парусников, находящиеся внутри бутылок. Один парусник был в молочной бутылке, другой - в узкогорлой водочной. Как он их туда поместил? Ведь ширина их корпусов и высота мачт соответствуют внутреннему диаметру бутылок. Герман Яковлевич хитро улыбнулся такой знакомой улыбкой и пояснил, что для модели в молочной бутылке - очень просто. Модель собирается на столе. Весь ее рангоут и такелаж изготавливается так, что может складываться на палубе вдоль судна. От концов мачт, рей, бушприта и другого рангоута, нитки через систему блочков выходят пучком к носовой части судна. Через горлышко бутылки модель вводится внутрь со сложенным такелажем. Затем, потягивая в определенной последовательности за кончики ниток, выступающих из горлышка бутылки, поднимают мачты, разворачивают реи, придают нужное положение всему такелажу и снастям и фиксируют их в этом положении. Помещение модели в

водочную бутылку, у которой горлышко значительно уже, чем у молочной бутылки, задача более сложная: корпус судно приходится распиливать вдоль, чтобы половинки его с необходимым такелажем могли пролезть в горлышко по очереди. И уже в бутылке они стыкуются и склеиваются.

Я поинтересовался, где он достает все миниатюрные детали разной величины, которые установлены на моделях, - кнехты, шпили, брашпили, ванты, якорь-цепи и многое другое. Ни в Москве, ни в Ленинграде, да и в Таллине я не видел в продаже таких вещиц. Оказывается, его младший брат, кажется, в начале второй мировой войны, уехал в Швецию, живет там и присылает оттуда, часто оказией, всю эту "мелочовку" для моделей. Там ее давно выпускают и для внутренних нужд своим моделестроителям, и на экспорт. Мы, конечно, такую "ерунду" закупать не будем. Наша "голь" на выдумки хитра, сами что надо из чего-нибудь изготовим. На изготовление, в среднем, одной модели уходит год, но на некоторые - 3-5 лет. Последняя модель, над которой он сейчас работает, корвет XV века, считает последней своей моделью. Последние годы он работает в мастерской ежедневно по 10 часов. Устают и глаза, и руки, которые стали не такими послушными, как в былые годы.

Закончив осмотр и разговор о моделях, я попросил Германа Яковлевича рассказать о его житье-бытье после ухода с корабля 25 октября 1941 года. Вот краткое изложение его повествования, которое я записал, вернувшись в гостиницу: "В начале ноября нас попытались перебросить через Ладогу, но корабли уже не ходили - Ладога замерзла. 19 ноября меня и еще несколько человек на самолете перевезли в Ярославль, а оттуда через ряд этапов - в Челябинскую область, где назначили командиром взвода в 166 стройбат, который строил дороги. Когда в стране стали создавать национальные корпуса для фронта, меня вызвали в Свердловск. Но там выяснилось, что у меня нет военного образования, и я был уволен в запас.

После долгих поисков пункта, где бы осесть, жить и работать, добрался до старинного богатого эстонского села за Волгой. Работа там была, но вот хлебом обеспечить не могли. Окончательно осел примерно в 28 км от Ульяновска. Работал столяром. Стал выписывать эстонскую газету, которая издавалась в Москве. Во второй половине 1944 года получил письмо из Министерства морского флота Эстонии из Москвы с просьбой сообщить - я ли капитан Тыниссоо. Оказывается, мою фамилию нашли, просматривая список подписчиков на эстонские газеты. Затем министр морского флота Эстонии вызвал меня в Москву. Очень долгие и трудные хлопоты по получению пропуска в

Москву, который на всем пути в Москву и в самой Москве так никто и не потребовал.

В Москве дали 3000 рублей, выдали хороший костюм, реглан и все прочее. Назначили капитаном Таллинского порта, и вскоре после освобождения города я прибыл в Таллин. Работал на этой должности года три и одновременно преподавал в мореходном училище. Затем совсем перешел на работу в училище, т.к. мой непосредственный начальник очень мешал моей работе - придирки, нервотрепки, по мелочным вопросам вызывал ночью из дома.

В 1955 году, после смерти жены, я ушел на пенсию. Со мной живут дочь и внучка. При оформлении пенсии преградой явился мой орден, полученный еще от буржуазного правительства за добросовестную службу родине. Только специальное постановление Совета Министров республики прекратило эту возню." Дом, в котором он живет, построен в 1933 г. по городскому проекту, как и остальные дома на их улице. Площадь его 68 кв. метра.

3 часа пролетели незаметно. Как я жалел, что не было со мной фотоаппарата и что не купил, идя в гости, бутылочку коньяка. Правда, шел без стопроцентной уверенности, что застану капитана дома, а когда его увидел, то уже и не вспомнил об этом до самого расставания.

Из статьи "Стальной герой", опубликованной в газете "Советская Эстония" от 23 ноября 1974 года, я узнал, что Герман Яковлевич недавно умер. Было ему 83 года.

Ну, а какова судьба самого "Суур-Тылла"- "Волынца"?

Примерно до 1948 г. корабль оставался в составе дважды Краснознаменного Балтийского флота, а затем передан Балтийскому морскому пароходству. Работал в районах Ленинграда, Кронштадта, Таллина. В начале 50-х годов его переоборудовали на мазутное топливо, вместо угольного. В 1989 г. корабль передан Государственному морскому музею ЭССР. В 90-х годах в очередном длительном ремонте кораблю постарались вернуть его первоначальный вид, который за прошедшие 80 лет претерпел определенные изменения. В настоящее время "Суур-Тылл" является филиалом морского музея Эстонии и находится на вечной стоянке в Таллине, что подтверждает цветной снимок, который прислал мне мой младший брат.

Мой брат, Алексей Иванович, капитан 1 ранга в отставке, по моим следам в 1944 году поступил в Военно-морскую спецшколу, но дальше пошел тем путем, которым не удалось пройти мне. Окончил Высшее военно-морское училище им. Фрунзе и большую

часть своей флотской службы прослужил на Балтике на тральщиках. Почти 20 лет эти героические маленькие корабли очищали Финский залив и Балтийское море от немецких и наших мин. Последние годы брат был командиром 94-й Краснознаменной бригады траления и, уйдя в отставку, остался жить в Таллине и не порывает связей с флотом: является членом правления "Клуба ветеранов флота", возглавляет ветеранскую организацию бригады траления. Благодаря его хлопотам, больше 20 человек, служивших в его бригаде, получили боевой знак "За боевое траление". Награжденные этим знаком по льготам приравнены к участникам Великой отечественной войны. В "Клуб ветеранов флота", кстати, принят и теперешний капитан "Суур-Тылла" Олаф Ваармаа. Через брата он тоже просил меня прислать некоторую информацию о корабле. В частности, места установок орудий и пулеметов и прочее.

Брат все статьи и заметки о "Суур-Тылле" в местной печати пересылает мне. В 1989 г. в газете "Советская Эстония" из заметки "Отзовитесь, моряки с "Суур-Тылла", узнал, что комитетом ветеранов этого корабля приглашаются на встречу бывшие моряки "Суур-Тылла". Позже организаторы встреч опубликовали списки разыскиваемых бывших членов команды. Членов так называемой комендантской команды, которая служила на корабле с 1 июля 41 по 5 августа 42 года в этом списке, естественно, не было. Поэтому я и не подавал о себе никаких вестей.

Директором филиала морского музея на "Суур-Тылле" оказался сослуживец моего брата по бригаде траления. Он, оказывается, собирает материал для книги об истории "Суур-Тылла" и, узнав от брата, что я служил какое-то время на этом корабле, прислал через брата мне письмо в конце 96 - начале 97 года (даты на письме не было, а письмо брата затерялось). Вопросы, поставленные в письме, довольно любопытны своим нехорошим "душком". Думаю, что они стоят того, чтобы привести их полностью вместе с коротким письмом.

"Уважаемый Владимир Иванович. Говоря откровенно, я счастлив, что удалось найти Вас - одного из первых военных моряков 1941 г. на нашем ледоколе. Прошу принять низкий поклон моряка и историка.

Забудьте на время, что вы солидный офицер-медик, вернитесь воспоминаниями в свою флотскую молодость, станьте на время краснофлотцем-комендором и попытайтесь как можно детальнее уточнить:

- Все, что связано с появлением комендантской команды на ледоколе, откуда поступило орудие и якобы всего 100 снарядов.

- Что помните по Таллинскому переходу 28-29.08.41 г. О капитане Х. Тыниссоо, старпоме О. Равдмаа, военкоме Линиче (якобы последний, паникуя, хватал штурвал, мешая маневрам судна. Известно, что впоследствии он был снят за бездеятельность и даже за что-то посажен).

- Как была снята 25.10.41 г. эстонская команда и как потом "надежный" советский экипаж сорвал 2-5.11.41 г. переход на Ханко, т.к. не умели держать пар в котлах, едва дошли до Гогланда и обратно.

- Любая информация о размещении пулеметов и орудий (первоначально).

Нужны только конкретные факты безо всяких пояснений военной и политической обстановки. Если бы мы могли встретиться - показал бы Вам весь материал, что удалось найти о ледоколе в архивах. С глубоким уважением В. Копельманн, историк мореходства Эстонии." Особенно меня удивили и возмутили второй и третий вопросы. Можно было, конечно, ответить телеграфным стилем: "Получили снарядов не 100, а 564. Военком Линич за штурвал не хватался и снят был не за бездеятельность. По плану ходили не на Ханко, а на Гогланд". Были ли такие ответы убедительны? Конечно, стал искать свои дневники, рыться в них, хотелось максимально объективно и подробно ответить на эти вопросы.

И вдруг - выход "Таллинского перехода" Бунича, встреча и беседа с ним, о чем подробно изложено на первых страницах данной повести. Подумал что, если мне удастся что-то написать, то в этой повести будут даны ответы на все вопросы, поставленные мне директором филиала морского музея.

Мне бы очень хотелось посмотреть вахтенные журналы "Суур-Тылла" за первый год войны, но, наверное, до 25 октября 41 г. он велся на эстонском языке, а если есть более поздние на русском, то директор филиала музея не дает их даже нынешнему капитану "Суур-Тылла" Олафу Ваармаа.

О военкоме капитан-лейтенанте Владимире Яковлевиче Линиче в моей повести написано достаточно много и подробно. И мое отношение к нему не "теперешное", а высказано в дневниках тех лет. Насколько мне удалось вспомнить старые вести-слухи и узнать кое-что в более поздние годы, после ухода с корабля служба и жизнь В. Я. Линича были сложные. До конца 1942 г. еж командовал какой-то артиллерийской батареей под Ленинградом, в конце 42 или в начале 43 года что-то случилось, и его разжаловали в рядовые и направили на фронт в штрафную роту на 3 месяца. Через 3 месяца его восстановили в воинском звании и в середине 1943 г. назначили командиром БЧ-2 на ледокол

"Молотов". В 1944-45 гг. он служит в различных отделах тыла Балтийского флота. В 1944 г. получил звание капитана 3 ранга. В 1948 г. увешен в запас по возрасту - 50 лет.